ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ
СОВРЕМЕННОГО КАЗАХСТАНА

Владимир Дунаев
Валентина Курганская

СОЦИОИНЖЕНЕРНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В УПРАВЛЕНИИ ТРАНСФОРМАЦИЯМИ КАЗАХСТАНСКОГО СОЦИУМА

Алматы
2013

УДК 316
ББК 60.5
Д 83

Рекомендовано к печати Ученым Советом
Института философии, политологии и религиоведения КН МОН РК

Под общей редакцией
члена-корреспондента НАН РК, доктора социологических наук,
профессора **З.К. Шаукеновой**

Рецензенты:
доктор философских наук, профессор **Р.К. Кадыржанов**
доктор политических наук, профессор **Ю.О. Булуктаев**
доктор философских наук, профессор **М.З. Изотов**

Д 83 Дунаев В.Ю, Курганская В.Д.
Социоинженерные технологии в управлении трансформациями казахстанского социума: монография / Под общ. ред. З.К. Шаукеновой. – Алматы: ИФПР КН МОН РК, 2013. – 354 с.

ISBN – 978-601-7082-97-0

В монографии анализируются концептуально-методологические основания социальной инженерии, очерчивается предметная область и формулируются принципы социоинженерного подхода к анализу, проектированию, моделированию и управлению социально-политическими процессами. Раскрываются перспективы применения социоинженерных методов и технологий к совершенствованию системы административно-политического управления Республики Казахстан. Проводится анализ ряда приоритетных для современного Казахстана направлений социоинженерной деятельности, в том числе социальная инженерия конфликтов, социальная инженерия политических рисков, социальная инженерия Public Relations, социальная инженерия виртуальных уровней социально-политической реальности.

Центральное место в философско-мировоззренческом и концептуально-методологическом плане отведено анализу лексико-идеологических кодов социальной инженерии, выявлению их конструктивно-технологических возможностей и этико-онтологические ограничений. Выдвигается и обосновывается положение о том, что трансформационная матрица политических технологий конструирования социальной реальности является концентрированным выражением и реализацией наиболее глубоких онтологических интуиций, определяющих мегатренды современной цивилизации.

Работа адресуется широкому кругу читателей, интересующихся философскими и социально-политическими проблемами современного общественного развития.

УДК 316
ББК 60.5

ISBN – 978-601-7082-97-0

© Институт философии, политологии
и религиоведения КН МОН РК, 2013
© Дунаев В.Ю., Курганская В.Д., 2013

СОДЕРЖАНИЕ

Введение 5

1 Концептуально-методологические основы социальной инженерии 11
1.1 Предметная область, основные принципы и специфика социоинженерной деятельности 11
1.2 Становление и институционализация социальной инженерии 24
1.3 Методы социальной инженерии 28
1.4 Возможности и границы применения социальной инженерии 32
1.5 Концепция социальной инженерии в доктрине «открытого общества» К. Поппера . . . 34

2 Социоинженерное обеспечение управленческих решений во внутриполитической сфере 47
2.1 Модели концептуализации сферы политического управления 47
2.2 Принципы подготовки, принятия и выполнения политического решения 56
2.3 Технологические функции политического управления 57
2.4 Комплексный алгоритм социоинженерного обеспечения политико-управленческих решений 59
2.5 Уровни, этапы, правила проведения политического анализа 67
2.6 Концептуальные основы политического анализа 74

3 Применение социальной инженерии к совершенствованию институтов и механизмов политического управления 82
3.1 Оптимизация управления взаимодействием государства и гражданского общества 82
3.2 Диагностика причин и пути преодоления бюрократизации системы управления . . . 89
3.3 Принципы и критерии реформирования административной власти 98

4 Информационно-коммуникативные технологии социальной инженерии 101
4.1 Функциональное определение ряда основных понятий 101
4.2 Особенности современного этапа эволюции технологий власти и социального управления 107
4.3 Манипуляция массовым сознанием как технология осуществления политической власти 110
4.4 Особенности управленческих воздействий на основные формы массового сознания 113
4.5 Технологии информационного управления массовым сознанием посредством СМИ 120

5 Социальная инженерия конфликтов 133
5.1 Понятие социально-политического конфликта 133
5.2 Структурная модель конфликта 136
5.3 Вероятностная модель конфликта и социальная инженерия «нового мирового порядка» 142
5.4 Динамическая модель конфликта 156
5.5 Теоретико-игровая модель конфликта 159
5.6 Теоретико-драматическая модель конфликта 162
5.7 Структурно-игровая модель конфликта 164

6 Социальная инженерия политических рисков 168
6.1 Политический риск-менеджмент как приоритетное направление государственного управления 168
6.2 Задачи и сфера применения технологий социальной инженерии в политическом риск-менеджменте 177
6.3 Принципы организации системы мониторинга и управления политическими рисками 182

7 Социальная инженерия Public Relations 193
7.1 PR-технологии в практике современного информационного менеджмента 193
7.2 Технологии политического имиджмейкинга в условиях медиатизации политического пространства 205
7.3 Особенности применения технологий политического имиджмейкинга в современном Казахстане 211
7.4 Моделирование информационно-коммуникативных структур политического диалога 230

8 Социальная инженерия виртуальных уровней социально-политической реальности 235
8.1 Политизация киберпространства и виртуализация политики 235
8.2 Технологии форматирования виртуального пространства 239
8.3 Виртуальная стратификация трансформирующегося социума 241

9 Универсальный лексико-идеологический код социальной инженерии: конструктивно-технологические возможности и этико-онтологические ограничения 246
9.1 Феномен идеологии и понятие идеологического кода 246
9.2 Имманентная аксиоматика и конструктивные принципы лексико-идеологического кода 253
9.3 Использование идеологической матрицы в управлении электоральным поведением 262
9.4 Идеологическая матрица типологии социальных систем 271
9.5 Идеологическое кодирование идейно-политических диспозиций 278
9.6 Социальная инженерия постмодернизма: технологии симуляции исчезающей реальности 282
9.7 Даосско-конфуцианская альтернатива социальной инженерии Запада 289

Заключение 302

Приложение. Лексико-идеологическая матрица социальной инженерии в семантике универсалий культуры 306

Список цитированной литературы 339

Қазақстан Республикасы Білім және ғылым министрлігі Ғылым комитеті Философия, саясаттану және дінтану институты туралы мәлімет 349

Информация об Институте философии, политологии и религиоведения Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан 351

Information about the Institute for Philosophy, Political Science and Religion Studies of Science Committee of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan 353

ВВЕДЕНИЕ

Политическая сфера современного Казахстана характеризуется смешением различных принципов своей организации, начал структурирования, форм институционализации и т.д. Традиционные представления о власти и ее субъектах-персонификациях интерферируют с новыми, экзогенными моделями формирования политического истеблишмента. Этим обстоятельством обусловлены как особенности политической культуры, так и применяемые формы, методы, технологии, модели отправления политической и административной власти.

Опыт проведения социально-экономических реформ в нашей стране и за рубежом демонстрирует нежелание (или неумение) отдельных реформаторов руководствоваться в своей деятельности принципами научного управления социальными процессами. Сказывается недостаточная компетентность субъектов проведения реформ, – прежде всего аппаратных работников органов государственного и регионального (местного) управления – в области современных методов политического управления, в том числе методов социальной инженерии. На нынешнем этапе развития Казахстана сохранение привычных командно-административных методов отправления власти становится недопустимым. Реализация задач по инновационному развитию страны и комплексной модернизации казахстанского социума, поставленных в стратегии «Казахстан-2050», будет попросту невозможна без освоения и грамотного применения на всех уровнях государственно-политической системы управления современных социальных и политических технологий.

До сих пор принято считать, что социоинженерная деятельность предназначена для обслуживания конкретных организаций, оптимизации социальных параметров их деятельности (повышения производительности труда, улучшения социально-психологического климата и т.д.). Идеи применения социоинженерных методов для проектирования институтов и систем на социетальном уровне пока не находят должного отражения ни в реальной политике официальных властей, ни в концептуально-методологических разработках политических теоретиков, аналитиков и консультантов. Между тем весь ход модернизационных реформ и связанных с ними непредвиденных и нежелательных социальных последствий подтверждает жизненную необходимость развития макросоциальной инженерии.

Провозглашение государственного суверенитета, переход к рыночной экономике, утверждение тенденций демократизации социально-политической сферы в Казахстане не привели к демонтажу тех функциональных структур, на основе которых практически всю полноту субъектных параметров социальной организации и ее инновационных изменений аккумулиру-

ет в себе административно-управленческий аппарат политической власти. Современный казахстанский социум развивается по модели асимметричного субъектно-объектного взаимодействия политической системы и неполитической сферы – институтов и структур гражданского общества. В Казахстане, как и на всем постсоветском пространстве, основным субъектом проектирования и управления процессами социальных преобразований остается государство, т.е. на деле – административно-бюрократический аппарат, который в своем нынешнем виде вовсе не заинтересован в существовании независимой от него сферы гражданской самодеятельности.

Социокультурный контекст демократии, или демократическая культура отношений между обществом и государством так и не потеснили традиционалистских и авторитарных форм легитимации этих отношений, а были ими ассимилированы. Либерально-демократические ценности, принципы и механизмы политического управления в этих условиях воспринимаются в той мере и в тех пре делах, в которых они укладываются, с одной стороны, в стремление самоотчужденной от гражданского общества финансово-политической элиты к неограниченному и бесконтрольному росту своей власти, а с другой стороны – в стремление индивидов к реализации их утилитарно-прагматических интересов.

Система политического управления Казахстана и других стран СНГ структурно и функционально ориентирована на политические методы и механизмы институционализации дозированных, фрагментированных зон (элементов, сегментов) гражданского общества. Между тем мировой опыт свидетельствует о том, что процессы реформирования социального бытия протекают успешно в случае, если реализуются принципы полисубъектности и полицентричности общества как самоорганизующейся системы. В практическом утверждении этих принципов как организационных начал системы политического управления могут и должны сыграть важную роль методы социальной инженерии, адекватные процессам самоорганизации гражданского общества, спонтанного становления «жизненного мира» и вместе с тем рационально организованному распределению властных полномочий и ответственности по управленческой вертикали.

Отечественная социально-политическая теория практически не обращается к исследованию методов социоинженерной деятельности и возможностям их применения к решению задач оптимизации управления политическими процессами в нашей стране. Да и в целом, по признанию ведущих специалистов в области политической философии и теории управления, для политико-управленческих дисциплин на современном этапе характерна методологическая эклектичность. Они пребывают в состоянии «диффузности», «аморфности», или даже «полной фрагментированности» [1, с. 120]. Данным обстоятельством объясняется то, что многие идеи и положения, формулируемые в монографии, имеют предварительный, проблемно-поисковый, постановочный характер.

Книга, предлагаемая вниманию читателя, посвящена обсуждению социально-политических технологий, и вместе с выполнена как исследование

в области политической философии. На первый взгляд, обращение академической философии к приземленной тематике политических технологий является сугубо конъюнктурным стремлением легитимировать свою роль в жизни современного общества ценой известной депрофессионализации. Или, говоря словами Р. Рорти, узаконить определенную долю безразличия к вопросу о том, ставят ли философы фундаментальные мировоззренческие и концептуально-методологические проблемы общественного развития, или же выполняют социальный заказ. Но это не совсем так, или совсем не так. На взгляд авторов, политические технологии являются концентрированным выражением и реализацией наиболее глубоких онтологических интуиций, определяющих мегатренды современной цивилизации.

Исходя из этих соображений, авторы сочли целесообразным поместить в Приложении к монографии материалы проведенных ими исследований, ракрывающие внутреннюю, сущностную связь политических технологий (их матриц, кодов, алгоритмов) социального конструирования реальности с логико-семантической структурой онтологических метапарадигм и универсалий метафизики, поэтики, культуры. По убеждению авторов, именно на траекториях углубленного философского анализа модальных онтологий и их конструктивных принципов расположены точки роста теоретических исследованиий и прикладных разработок технологий социального конструирования реальности.

Интеграция политической и философско-онтологической модальностей дискурса тем более насущны, что политика в современном мире вынуждена самоопределяться в своих задачах и возможностях в условиях универсализации не только *превращенных форм,* но и превращенных, онтологически деградировавших *оснований* повседневной реальности. Соответственно, политические технологии выступают инструментом не столько конструирования, сколько тотальной мистификации («симуляции», выражаясь языком постмодернистского дискурса) социально-политического пространства.

В этой связи философское осмысление политических технологий во многом сродни программам конверсии. В успехе или провале проекта преобразования технологий, созданных для подчинения и тотального контроля политического пространства, в технологии борьбы с навязанной нормативностью, на кон ставится не то или иное политическое решение, не тот или иной политический курс, но само существование «онтологически доброкачественной» социально-политической реальности.

В условиях распространения на политическую сферу рыночных отношений и растущего отчуждения этой сферы от рядового гражданина политические технологии становятся все более значимыми – структурно и функционально – блоками конструирования социальной реальности. В последние годы услуги специалистов в области политического консалтинга, PR-услуг и имиджмейкинга стали частью повседневного политического процесса. Несколько гиперболизируя ситуацию, можно сказать, что в современном мире на смену борьбе политических идей и лидеров пришла борьба политических технологий и имиджей.

Признавая ведущие позиции политтехнолога в системе современного социально-политического управления и отдавая должное его компетенции, следует избавиться от технократической парадигмы социоинженерной деятельности. Согласно этой парадигме социальная инженерия вооружает бюрократическую элиту научно обоснованными методами регламентации и контроля человеческого поведения, эффективными средствами манипуляции социальными нормами, ценностями и институтами. Применением политических технологий запускается процесс целенаправленной трансформации мировоззренческо-идеологических, социально-психологических, онтологически-смысловых, аксиологических (ценностно-нормативных) координат политической картины мира населения. На практике это означает легализацию права силового воздействия политической элиты на социум. Кроме того, или, точнее, в силу этого, сугубо технологический, инструментальный, утилитарно-прагматический подход к политическим технологиям объективно ведет к утрате целостного восприятия социальной реальности и деградации стратегического мышления в сфере политики. Оборотной стороной тактического эффекта от применения политтехнологий появляется снижение политического иммунитета общества, что делает его беззащитным перед комплексом экстремистских и деструктивных идей.

Применение политических технологий является разновидностью венчурной деятельности. Однако сами политтехнологи и заказчики их услуг крайне редко отдают себе отчет в том, сколь глубоко расположены те уровни реальности, которые ставятся под угрозу технологическим вмешательством в политическую сферу жизнедеятельности социального организма. В книге подробно рассматривается постулат даосско-конфуцианской политической философии, разделяемый и развиваемый современными теориями нелинейной динамики, согласно которому вмешательство в механизмы самоорганизации сложных систем, противоречащее логике развертывания их внутреннего потенциала, может инициировать процессы их стагнации, деградации и даже разрушения. В теориях самоорганизации, динамического хаоса и т.д. развиваются представления о том, что при определенных условиях резко возрастает чувствительность сложных систем даже к самым малым воздействиям (так называемый «эффект бабочки»). Те же события «Арабской весны» продемонстрировали со всей очевидностью, что применение хайтековских технологий экспорта демократии, в том числе технологий форматирования виртуального политического пространства через популярные социальные сети (организация политическими менеджерами так называемых «twitter-революций», политических флэшмобов или политмобов т.д.), лежит за гранью допустимого в трезвой, ответственной политике риска.

Более того. Могущество современного политического hi-tech и масштабы принципиально непредсказуемых эффектов его применения становятся основанием для того, чтобы вообще отказаться от его использования при решении ряда проблем. «В процессе модернизации все больше и больше высвобождаются такие *деструктивные* силы, которые просто недоступны человеческому воображению» [2, с. 23]. Тандем политика и политтехнолога,

вершащий судьбами людей и народов в современном мире, должен усвоить ту истину, что существуют, в том числе и неведомые нам, онтологические запреты и ограничения на социоинженерную трансформацию реального и виртуального политического пространства. Некоторые задачи нужно оставлять без решения, пусть даже мы и располагаем для этого самой совершенной технологией.

Политические технологии – один из инструментов демонтажа глухой стены взаимонепонимания между интеллектуалами и властью. Непременными ингредиентами политического hi-tech являются как философско-мировоззренческие принципы, так и требования политической эффективности. Но при этом наиболее глубокие основания и безусловные критерии применения тех или иных политических технологий лежат в области этики, нравственности.

Сугубо технологический, утилитарно-прагматический подход к политическим технологиям ведет не только к социальным дисфункциям, но и к деградации «способности политического суждения», к глубоким профессиональным и личностным фрустрациям. С функциональной точки зрения *настоящий профессионал в политике* – это тот, кто не имеет незыблемых взглядов, убеждений, принципов. Или, во всяком случае, не руководствуется ими при принятии политических решений. Первооткрывателем политических технологий может по праву считаться Никколо Макиавелли. Существует то ли факт, то ли апокриф, что на склоне лет великий флорентинец признался: «Я никогда не говорил того, во что я верю, и никогда не верил в то, что я говорю». Согласимся, что это – не самый лучший итог прожитой жизни. Так что и в области разработки и применения политтехнологий следует использовать весь арсенал выработанных современной социально-политической теорией сверхсложных и предельно изощренных методологических подходов, но при этом непреклонно следовать старому доброму правилу: «Честность – вот лучшая политика».

Культура демократии – это культура реального включения граждан в процесс выработки и реализации государственной политики. Поэтому в современном мире государственное и административное силовое принуждение уступает свою роль основного способа реализации политической власти информационному воздействию на массовое сознание. Управление и контроль над массовым сознанием с помощью информационных и иных технологий становится основным типом осуществления властных функций в демократических обществах в отличие от насилия, подавления, императивного повеления и других форм физического принуждения, на которых основана власть тоталитарных, деспотических режимов. Вместе с тем переход к манипулятивным технологиям, когда человек становится соавтором, соучастником программирования своего сознания и поведения, лишает индивида свободы в гораздо большей степени, чем прямое насилие. Ведь объект успешно проведенной манипуляции полностью лишается возможности рационального выбора, т.е. той формы свободы, которая определена в качестве принципиальной основы политических систем западной цивилизации.

Возникает парадоксальная ситуация: развитие информационно-коммуникативных технологий управления массовым сознанием, посредством которых функционирует демократическая политическая система, подрывает ее собственную основу. Загнав себя в эту, созданную ими же самими ловушку, политические системы стран Запада впали в ступор. Небесполезно поразмыслить вот над каким парадоксом: современный мир – это мир революционных преобразований, непрерывных изменений, потрясающих по своей масштабности и скорости нарастания. В этом мире изменениям открыто все – кроме «открытого общества». Политические системы открытых обществ, то есть западных «консолидированных демократий» – застыли в неподвижности, как каменные истуканы. Это дало повод известному американскому политическому философу даже провозгласить «конец истории». Но если современная демократия неспособна к самопреобразованию, в том числе и с помощью выработанных ею же социально-инженерных политических технологий, то о чем это свидетельствует? О ее непревзойденном совершенстве или о тупике, о перерождении демократии в новый тип высокотехнологического тоталитаризма?

В этой связи Казахстан, как бы это ни показалось странным, находится в более выигрышной ситуации в плане разработки проектов «политтехнологий с человеческим лицом». По праву сильного Запад может довольствоваться привычными, стереотипными и тривиальными путями развития своей цивилизации, без оглядки на социальные и моральные условия гегемонии своей политической системы и обслуживающих ее социально-инженерных технологий. Мы такой прерогативы лишены. Поэтому стратегия инновационного развития Казахстана может быть реализована только в опоре на инновационные же социально-политические технологии социальной инженерии, на создание с их помощью принципиально новых, говоря словами К. Маркса, «форм политического общения».

* * *

В монографии использованы некоторые материалы более ранних публикаций авторов. Ряд этих изданий недоступен массовому читателю из-за мизерных тиражей. Некоторые материалы, имеющие непосредственное отношение к теме монографии, опубликованы в статьях и книгах, посвященных иным темам и проблемам. Поэтому авторы сочли целесообразным включить в книгу заново просмотренные и переработанные тексты своих прежних работ, не утративших к настоящему времени актуальности и теоретической значимости для философски-политологической экспликации социально-инженерной методологии анализа и проектирования трансформаций современного казахстанского социума.

1 КОНЦЕПТУАЛЬНО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СОЦИАЛЬНОЙ ИНЖЕНЕРИИ

1.1 Предметная область, основные принципы и специфика социоинженерной деятельности

В отечественной и западной практике управления уже не одно десятилетие развивается такое научно-практическое направление, как социальная инженерия. Согласно наиболее распространенному определению, восходящему к концепции К. Поппера, *социальная инженерия – это совокупность подходов прикладных социальных наук к изучению и целенаправленному изменению организационных структур и институтов, определяющих человеческое поведение и обеспечивающих контроль над ним.* В Новой философской энциклопедии социальная инженерия (автор статьи – В.М. Быченков) определяется как «деятельность по проектированию, конструированию, созданию и изменению организационных структур и социальных институтов; комплекс прикладных методов социологии и других социальных дисциплин, составляющих инструментарий такой деятельности» [3].

Вместе с тем существует и другой, более широкий взгляд, согласно которому *социальная инженерия – это особое междисциплинарное направление науки и практики (включающее философский уровень, общенаучный уровень и уровень специальных социально-инженерных теорий), направленное на обеспечение функционирования и развития социальных систем, на управление и преобразование общества.* Суть этого подхода можно свести к краткой формуле, предложенной А.Г. Здравомысловым: *социальная инженерия – это рефлексивная политика* [4, с. 179].

В монографии не рассматривается широко распространенная с недавних пор интерпретация социальной инженерии как социального хакерства, основанного на доскональном знании компьютерных технологий. Социальное хакерство заключается в атаке на человека, который является частью компьютерной системы. Соответственно определяются и области применения социальной инженерии:

1. общая дестабилизация работы организации с целью снижения её влияния и возможности последующего полного разрушения организации;
2. финансовые махинации в организациях;
3. фишинг и другие способы кражи паролей с целью доступа к персональным банковским данным частных лиц;
4. воровство клиентских баз данных;
5. конкурентная разведка;

6. общая информация об организации, о её сильных и слабых сторонах, с целью последующего уничтожения данной организации тем или иным способом (часто применяется для рейдерских атак);

7. информация о наиболее перспективных сотрудниках с целью их дальнейшего «переманивания» в свою организацию.

Автор цитируемой статьи делает вполне логичный вывод: «Несмотря на то, что Социальная инженерия – относительно молодая наука, она наносит большой ущерб процессам, которые происходят в обществе» [5]. Эта, с позволения сказать, «наука» следует основному правилу хакеров: «Все, что создал человек, можно взломать».

Социальная инженерия претендует на совокупность тех специфических знаний, которые направляют, упорядочивают и оптимизируют процесс создания, модернизации и воспроизведения новых («искусственных») социальных реальностей.

На спецификации объекта социальной инженерии как искусственного особо настаивает Ю.М. Резник. По его мнению, инженер имеет дело только с искусственными системами и объектами. Однако как тогда быть, например, с генной инженерией? Ю.М. Резник, определяя социальную инженерию как область знаний и практических действий, ориентированных на создание социальных систем искусственного типа, уточняет свое понимание искусственного: «Термин «искусственный» обозначает, как известно, все то, что специально создается людьми для решения вполне ограниченного круга задач. Искусственные объекты в отличие от естественных объектов, существующих и развивающихся спонтанно, являются результатом целенаправленного воздействия людей» [6]. Однако, как будет показано нами ниже, большая часть социальных институтов (а именно социальные институты, согласно Ю.М. Резнику, «составляют наиболее высокий уровень применения социоинженерной деятельности» [6]), не являясь «естественными» системами, в то же время не являются и результатом специально направленной на их создание целерациональной деятельности.

На то обстоятельство, что такие социальные институты, как право, язык, рынок, собственность возникают в процессе социально-культурной эволюции и существуют во многом как саморазвивающиеся структуры, указывал один из критиков социального конструктивизма, в том числе и попперовской концепции социальной инженерии, Ф.А. фон Хайек.

Социальная инженерия определенным образом «достраивает» социологическую науку, завершает ее на фазе преобразования научных знаний в модели, проекты и конструкции социальных институтов, ценностей, норм, алгоритмов деятельности, отношений, поведения и т.п. «В функциональном смысле она [социальная инженерия – *авт.*] представляет собой разноплановую деятельность, направленную на сохранение и воспроизводство целостности социальных систем, исходя из знания внутренней логики их развития» [7, с. 127]. Кроме того, одна из задач социально-инженерной конструкторской деятельности заключается в создании качественно новых или изменении существующих социальных объектов и систем. Иными словами, социальная инженерия является технологией проектирования и конструирования социальной реальности (как общества в целом, так и его отдельных подсистем) на основе разработки правил, методов, приемов, средств направленного воздействия на социальные процессы. Можно сказать, что конструирование социальной реальности и социальная инженерия – это, по сути дела, синонимы.

Современная цивилизация вступила в полосу постиндустриального развития. Основоположник теории постиндустриального общества Д. Белл в качестве осевого принципа социальной организации постиндустриального общества определил центральное место научно-теоретических знаний, вокруг которых организуются новые технологии, экономический рост и социальная стратификация: «В капиталистическом обществе осевым институтом была частная собственность, в постиндустриальном им является центральная роль теоретических знаний» [8, с. 155]. Теоретические знания становятся источником нововведений и формулирования политики. Происходит превращение университетов, исследовательских организаций и интеллектуальных институтов в осевые структуры нарождающегося общества: «Постиндустриальное общество, заинтересованное в контроле за нововведениями и эскалации перемен, складывается вокруг знаний, что, в свою очередь, порождает новые общественные отношения и новые структуры, которые должны управляться политическими методами» [8, с. 25]. В области принятия решений постиндустриальное общество характеризуется созданием новой «интеллектуальной технологии» системного анализа и принятия социальных, экономических, технических и т.д. решений. Главными интеллектуальными и социологическими проблемами постиндустриального общества становятся проблемы «организованной сложности» – технологии управления крупномасштабными системами с огромным числом взаимодействующих переменных.

Как отмечает Д. Белл, постиндустриальная концептуальная схема соответствует *социально-технологическому* аспекту общества. Постиндустриальное общество – это новый принцип социально-технологической организации и новый образ жизни Постиндустриальная трансформация осуществляется посредством интеграции технологий high-tech и high-Hume – технологий, направленных на изменение природы и технологий, направленных на преобразование человеческого сознания. Г.К. Овчинников на этом основании формулирует такое утверждение: «Социальная инженерия (или социальная технология) становится сегодня основной (доминирующей) социально-преобразующей силой общества, что является едва ли не самой важной отличительной приметой постиндустриального или информационного общества» [9, с. 3].

Принципиально важным для понимания имманентной, сущностной связи социальной инженерии с новым типом общества, а также для понимания возможностей и рисков, связанных с социоинженерным конструированием реальности, является следующее рассуждение Д. Белла:

> «На протяжении большей части человеческой истории *реальностью была природа:* и в поэзии, и в воображении люди пытались соотнести свое «я» с окружающим миром. Затем *реальностью стала техника,* инструменты и предметы, сделанные человеком, однако получившие независимое существование вне его «я», в овеществленном мире. В настоящее время *реальность является в первую очередь социальным миром* – не природным, не вещественным, а исключительно человеческим – воспринимаемым через отражение своего «я» в других людях. Общество само становится сетью сознания, формой воображения, которая должна быть реализована как социальная конструкция. Поэтому неизбежно, что постиндустриальное общество ведет к появлению нового утопизма, как инженерного, так и психологического. Человек может быть переделан или освобожден, его поведение – запрограммировано, а сознание – изменено» [8, с. 663].

Чтобы стратегия продвижения казахстанского общества к постиндустриальным параметрам качества жизни не превратилась в очередной утопической проект утопической социальной инженерии (по универсальной формуле В.С. Черномырдина: «Хотели как лучше, а получилось как всегда»), или в технократическую антиутопию тотально программируемого общества, она должна опираться на эффективные, научно обоснованные и вместе с тем этико-гуманистически ориентированные социальные технологии.

Социальная инженерия занимается социальными проблемами на производстве или в сфере взаимодействия институтов государства и гражданского общества, применяя данные социологии, социальной психологии, физиологии, психологии, экономики и др. Наиболее часто применяются такие методы, как лабораторные и полевые исследования, наблюдение и моделирование (включая использование макетов и тренажеров), исследование критических (экстремальных) ситуаций, эксперимент, теория игр, линейное программирование, теория информации, тестирование и т.д.

Социальная инженерия сосредотачивает внимание на типических, повторяющихся и рутинных процедурах и операциях, которые в большей степени, чем другие процессы, поддаются технологизации. Применение социоинженерных технологий предполагает владение методологией аналитико-синтетического мышления и формализованных процедур (технологий) конструкторско-изобретательской деятельности, прежде всего – операциями сложной комбинаторики, которые непосредственно касаются реформаторской социально-политической деятельности и имеют дело с системными преобразованиями. Как подчеркивает ряд авторов, в силу своей специфики социальная инженерия имеет строго ограниченную сферу применения – системный, мир социальных институтов и организаций с атрибутивными для них признаками целесообразности, нормативности и эффективности.

Сказанное, однако, не означает, что «жизненный мир» (Lebenswelt) как важнейшая сфера социально-культурной реальности выводится за границы компетентности социально-инженерной деятельности. Дело в том, что, с одной стороны, строгое разграничение системного мира социальных институтов и жизненного мира (или, как это представлено в концепциях Ю. Хабермаса и Э. Гидденса, дифференциация *системного мира* – прежде всего, институтов рыночной экономики и национального государства, *жизненного мира* – сферы непосредственных межличностных коммуникаций, и *гражданского общества* – совокупности социальных институтов, организаций и движений) методологически оправдано и необходимо*. Ю.М. Резник отмечает: «Главное противоречие современной эпохи состоит в противоборстве системного и жизненного миров социума. Гражданское общество выступает в роли посредника и естественной перегородки, сдерживающей или расширяющей взаимодействие этих миров» [10, с. 342]. С другой сто-

* Это разграничение фиксируется и в дисциплинарной градации социогуманитарного знания. «Жизненный мир» выступает предметной областью социокультурной антропологии, а научные интересы теоретической социологии лежат по преимуществу в сфере изучения «системного мира».

роны, само понятие социального института, как это убедительно показано «социологией знания» в генетических и структурно-феноменологических анализах процесса *производства – распределения – обмена – потребления* социальных определений реальности не должно фиксироваться только лишь в своей абстрактной противопоставленности жизненному миру.

Истоки любого институционального социального порядка и его нормативно-ценностных структур находятся в типизации совершаемых действий. По определению П. Бергера и Т. Лукмана, *любая взаимная типизация опривыченных действий и есть социальный институт* [11, с. 92]. Таким образом, в социальных институтах закрепляется и приобретает статус *социальной нормы, правила, предписания* и т.д. спонтанно возникающий, а затем становящийся привычным, само собой разумеющимся, рутинным для определенной социальной группы или общества в целом способ взаимной типизации индивидуальных действий. Очевидно, что подавляющее большинство социальных институтов являются не целенаправленно созданными, но спонтанно и непреднамеренно возникшими в процессе развития и самоорганизации социальных систем.

Социальные институты закрепляются и постепенно воспринимаются как имеющие свою собственную реальность. Индивид уже может не понимать цели и смысла институционального порядка, утверждающего свою власть над ним. Институциональный мир воспринимается в качестве объективной реальности, фактичности. Институты осуществляют социальный контроль и выполняют регулятивные функции даже независимо от того, созданы ли механизмы санкций. «Общество ждет от людей поведения определенного типа, предлагает социальные роли и конкретные, санкционированные способы их выполнения» [12, с. 13]. Но при том, что институт приобретает онтологический статус, ему требуется легитимация, то есть объяснение и оправдание, социальное признание данного института, отличное от ссылки на первоначальный смысл института и реконструкцию специфики конкретных процессов, в контексте которых он возник.

Легитимация как смысловая объективация второго порядка оправдывает институциональный порядок, придавая когнитивную обоснованность и нормативный характер его практическим императивам. Первоначально легитимация институциональных порядков происходит на дотеоретическом уровне. Создается массив знания, поддерживающего соответствующие данному институту предсказуемые и контролируемые правила поведения и роли в сфере институционализированного порядка. Это институционализированное знание объективировано как совокупность общепринятых, само собой разумеющихся истин относительно реальности. Легитимация институтов производится также на уровне экспертного знания, и, наконец, высший уровень легитимации институционального порядка и социального опыта в его целостности образуют *символические универсумы.* Основными операциями конструирования повседневности являются *типизация – институционализация – легитимация – символизация.* Соответственно концептуальная машинерия поддержки социального порядка заключается в

применении социальной инженерией концептуальных механизмов интеграции индивидов и групп в рамки типизированных и институционализированных определений реальности.

На этой стороне проблемы мы далее не будем задерживаться. В контексте темы нашего исследования достаточно указания на то, что социология знания раскрывает генезис и имманентную логику институционализации нормативно-ценностных порядков социального мира, их имманентность структурам опыта повседневности и идентификационным стратегиям индивидов и социальных групп. Поэтому технологии социальной инженерии, непосредственно направленные на трансформацию институциональных порядков социума, вместе с тем становятся способом разрешения фундаментальных дилемм и стратегических конфликтов общества, связанным с изменением его системной рациональности, перестройкой интегральной внутренней динамики его развития.

Социальная инженерия выступает одной из форм социального управления, представляя собой комплекс практически ориентированных знаний в области управления социальными структурами и процессами. Социоинженерная деятельность сопряжена с реализацией всех традиционных функций социального управления – планированием, проектированием, программированием, организацией, координацией и контролем. Социальная инженерия как составная часть управленческой деятельности включает в себя:

- строительство социальных институтов, например, государственное строительство, реорганизация системы высшего образования и т.д. (социетальный блок);
- региональное строительство (региональный блок);
- формирование местных сообществ (муниципальный блок);
- строительство организаций или «организационная инженерия» (организационный блок);
- формирование целевых групп и команд («групповая» инженерия).

Избирательные технологии и другие способы продвижения лидеров или их команд являются составной частью всех блоков социоинженерной деятельности.

В образовательной практике идеи социальной инженерии реализуются путем применения современных образовательных технологий и активных методов обучения, а также посредством «насыщения» учебного процесса дисциплинами социоинженерного и организационного цикла, в том числе:

- ✓ теория и методы социальной инженерии;
- ✓ диагностика организаций;
- ✓ прогнозирование и моделирование развития организаций;
- ✓ организационное проектирование и программирование;
- ✓ социальное планирование;
- ✓ внедрение социальных новшеств в организации;
- ✓ практикум по социальным технологиям;
- ✓ методы разрешения конфликтов.

Сегодня социальной инженерией занимаются в основном частные фирмы по «управленческому консультированию». Его предметом являются факторы стимулирования и повышения трудовой мотивации, удовлетворенность условиями и организацией труда, а также стиль руководства. Социоинженерный подход используются также в сфере Public Relations, когда необходимо определить технологию коррекции социальных установок, выявить механизмы формирования общественного мнения. Полученные в ходе исследований результаты оформляются в виде процентных распределений, эмпирических закономерностей и обобщаются в систему практических рекомендаций. Научные выводы консультант обязательно обсуждает с менеджерами и руководством предприятия, формулируя это на языке, доступном для их понимания.

Под термином «социальная инженерия» объединяется весьма значительное количество различных взглядов и подходов к проблеме социального управления, часто остро полемизирующих между собой, использующих разные исходные представления, теоретические модели, базовые методологические схемы, принципы, логику, методику.

Различия во взглядах на предмет и специфику социоинженерной деятельности варьируются от концепций, декларирующих практически неограниченные возможности изменения социальных систем на основе рациональных проектов до подходов, вводящих жесткие ограничения на масштаб таких изменений. Так, например, один из ведущих российских специалистов в сфере социальной инженерии – Ю.М. Резник – заявляет: социальная инженерия не применима к сфере гражданского общества, к проблемам личности и неформальных коллективов, где не уместны и даже вредны точные расчеты и методики оптимизации сложной сети межчеловеческих коммуникаций. «Социальная инженерия не нужна нашему правительству, нашему парламенту и всем другим субъектам государственной власти. В политике действуют свои законы. Понятие эффективности и результативности там имеет несколько иные значения, чем в реальной управленческой практике. Оно помножено на огромное количество и хитросплетения разнообразных интересов и групп, каждая из которых претендует на монополию власти. Остается одно. Применять социальную инженерию в управлении организациями» [13, с. 230–231].

Представляется, что в приведенных суждениях Ю.М. Резник излишне категоричен. В самом широком смысле слова, безотносительно к полемике социальных теоретиков относительно сферы применения социальной инженерии, ее можно определить как методологию рационализации управленческих решений. Непонятно, почему политическое управление и органы политической власти расцениваются как такой тип управленческой практики и такие организации, которые не нуждаются в рационализации своих структур, функций, механизмов.

Следует указать на существенные различия методологических подходов, используемых в разных типах социальной инженерии, к построению основных блоков, составляющих структуру управленческой деятельности.

Любая управленческая деятельность может быть представлена в виде трех стандартных блоков:

1. Блок описания реального состояния объекта

2. Блок задания должного состояния объекта

3. Блок соотнесения реального и должного состояния объекта

Первое принципиальное различие связано с построением первого блока, и это различие определено полярно противоположными установками «предметного» и «проблемного» подходов к предмету социоинженерной деятельности (отметим, что данная маркировка этих подходов неудачна, хотя и является общепринятой в литературе).

Предметный (объективистский, естественнонаучный, сциентистский) подход исходит из понимания социальной реальности как объективно детерминированной в своих структурах. Это позволяет социальной инженерии обращаться к естественнонаучным схемам как парадигмам предсказуемых социальных изменений. Для этого подхода характерно стремление к использованию жестких технологий диагностики, точной профессиональной терминологии, к разработке системы адекватных показателей и индикаторов, стремление к формализации и точности измерения, выбор таких критериев позитивности преобразований, как эффективность и функциональность.

Проблемный (субъективистский) подход рассматривает социальные организации как гибкие системы взаимодействия, постоянно и сознательно переконструируемые самими субъектами. Отличительными чертами социальных феноменов при этом подходе считаются их активность, свобода, способность делать выбор, ставить цели, разрабатывать и реализовывать проекты самоизменения. Таким образом, социальная система находится в постоянном самоопределении и изменении, поэтому субъектно-объектная логика признается нерелевантной для организации управленческой деятельности. Для проблемного подхода характерен принципиальный отказ от точного измерения, использование обыденного языка, акцент на качественные, а не количественные характеристики, применение таких критериев позитивности преобразований, как взаимопонимание, согласие, консолидация, жизненные интересы индивидов.

Теоретическими основаниями объективистского подхода являются структуралистские и структурно-функциональные концепции, бихевиористские, позитивистские, натуралистические модели социальности. Теоретическими основаниями субъективистского подхода являются концепция социального действия, «понимающая социология», экзистенциально-феноменологические и интеракционистские концепции социальности.

О сравнительных характеристиках объективистской и субъективистской модальностей социальной инженерии можно судить по таблице 1 [14, с. 292]:

Таблица 1. **Объективистский и субъективистский подходы в социальной инженерии**

Объективистский подход	Субъективистский подход
Все типы социальных объектов рассматриваются как объективно существующая реальность.	• Все типы социальных объектов рассматриваются, как вторичные по отношению к индивиду образования или эпифеномены.
Постулируется, что социальный объект обладает специфической природой. Он самоидентичен, обладает достаточно устойчивыми качествами и свойствами.	• Отрицается наличие какой-либо природы социального объекта. Главное отличие социального объекта от физического состоит в его способности изменять свои свойства.
Постулируется, что социальный объект имеет естественную природу. Он развивается и функционирует по своим законам.	• Отрицается наличие любых законов функционирования и развития социальной реальности. Социальный объект – это объект, конструируемый сознательными усилиями людей.
Постулируется принципиальная (хотя и ограниченная) возможность воссоздания природы и моделирования поведения социальных объектов в теоретических и эмпирических моделях и концептуальных схемах.	• Отрицается принципиальная возможность адекватного моделирования природы или поведения социальных объектов в теоретических схемах.
При изучении поведения социального объекта основной акцент делается на выявление черт самого объекта.	• Акцент делается на содержании деятельности, в которую включен социальный объект, и на проблемы, возникающие у него в контексте деятельности.
Постулируется возможность непосредственного воздействия социального субъекта на социальную реальность.	• Отрицается, что социальный субъект находится в непосредственном взаимодействии с социальной реальностью. Он имеет дело, скорее, с коллективным представлением о ней.
Поведение социального объекта описывается как детерминированное.	• Заданность и детерминированность поведения принципиально отрицаются. Поведение социального субъекта описывается в терминах свободы и выбора.
Логика развития социального объекта описывается в терминах «прошлое определяет будущее».	• Логика развития описывается в терминах «будущее (цель, сформулированный идеал) определяет настоящее состояние».
Постулируется принципиальное сходство принципов познания природы физических и социальных объектов.	• Отрицается сходство принципов познания физического и социального мира.
Естественные науки по принципу своего построения рассматриваются как образец для развития социальных наук.	• Принципы традиционной науки рассматриваются как не применимые к социальной реальности.
При познании и диагностике социального объекта используется «субъектно-объектная» логика.	• При познании и диагностике социального объекта используется «субъектно-субъектная» логика.
При познании и диагностике социального объекта используется принцип «ценностной нейтральности».	• При диагностике объекта используется принцип социальной ангажированности.

В основе логики преобразований в социальной сфере лежат принципы «знание о природе объекта предшествует его изменению», «наука первична по отношению к преобразующей практике».	• Оба принципа отрицаются, т.к. отрицается существование природы социального объекта.
Стремление к объективному и адекватному воссозданию природы и поведения социального объекта	• Термин «объективное отражение реальности» становится бессмысленным по отношению к постоянно переконструируемому объекту. Он заменяется термином «объективация»
Стремление к воссозданию природы объекта в концептуальных, эмпирических и математических моделях.	• Отрицается возможность воссоздания свойств социального объекта в моделях такого типа.
Стремление к введению объективных критериев, позволяющих проверить надежность используемых моделей, средств и методов.	• Отрицается возможность введения таких критериев.
Внимание к проблеме точности и строгости измерения. Ориентация на формализацию, широкое использование математических методов получения и анализа информации.	• Декларируется бессмысленность строгости и точности измерения. Ориентация на качественные методы получения и анализа информации.
Ориентация на создание специализированных, точных, жестких и тиражируемых технологий.	• Ориентация на создание мягких, авторских, слабо тиражируемых технологий широкого спектра действия.
Акцент в выборе задач на проблеме социальных последствий выбора, сделанного социальным объектом.	• Акцент на проблеме социальных изменений, обоснований делаемого выбора, проблеме конвенциональных согласований целей и жизненных стратегий.

На наш взгляд, полемика между этими подходами обусловлена их методологической односторонностью. На деле социальная реальность обладает как атрибутами спонтанности, реляционности, свободы выбора, целеполагания (экзистенциальный «жизненный мир», сфера частных интересов и межличностных отношений), так и качествами упорядоченности, организованности, системности, детерминизма, предсказуемости (безличный «системный мир», сфера институтов и организаций). Основной вопрос и состоит, с одной стороны, в разграничении двух этих сфер, каждая из которых требует специфических методов управленческих воздействий (системная сфера общества складывается на основе вертикальных, иерархически организованных и нормативно регулируемых управленческих отношений; в мире межличностных коммуникаций управленческие отношения формируются на основе горизонтальных связей), с другой стороны – в синтезе рационально-технократической и гуманистической установок социальной инженерии. «Общее требование таково: использование социальной инженерии в управлении общественными процессами оправдано в том случае, если оно способствует эффективной деятельности социальных систем, реализации их основных (базисных) функций и не разрушает естественно сложившийся социальный (нормативный) порядок, а также культурную ментальность людей» [15, с. 32–33].

Второе важное для нас различие в сфере методологии социоинженерной деятельности связано с различием в способе задания желательного состояния изменяемого социального объекта. Здесь выделяются *ценностно-нормативный* и *ситуационный* подходы.

Ценностно-нормативный подход основан на том, что задается некое идеальное состояние социального объекта, которое выступает императивом управленческой деятельности в любой ситуации, при любом типе решаемых задач. *Ситуационный* подход основан на том, что желательное состояние объекта определяется, исходя из ситуации, типа решаемых задач, а не некоего универсального набора принципов. Понятно, что эти подходы предполагают важные, в том числе и принципиальные различия в способе постановки и решения социоинженерных задач, в используемых методах управления.

В нашу непосредственную задачу не входит сопоставительно-критический анализ различных версий и концепций социальной инженерии. Каждая из них имеет свои достоинства и недостатки, свою сферу применения, оказывается адекватной и эффективной при решении управленчески-организационных задач различного характера. Общим же правилом применения различных социоинженерных методик можно считать стремление совместить их достоинства и нейтрализовать недостатки.

Социальная инженерия является, прежде всего, инструментом социального управления, чем и определена специфика ее предметной области. Интегральным объектом социальной инженерии выступает общество как сфера управления, предметной областью – социально-управленческая практика. Социоинженерному обеспечению подлежат все функции социального управления – планирование, проектирование, программирование, организация, координация, контроль – и все стадии управленческого цикла, для каждой из которых разрабатывается соответствующая технология:

– На стадии *подготовки* управленческого решения социальным инженером проводится диагностика проблемной ситуации, разрабатывается социальный проект и программа его реализации.

– На стадии *принятия* управленческого решения дается комплексное обоснование и экспертная оценка принимаемого проекта.

– На стадии *реализации* управленческого решения и организации управленческой деятельности вырабатываются практические рекомендации по эффективному внедрению проекта.

– На стадии *контроля* проводится оценка оптимальности хода реализации управленческого решения и его постоянное ситуативное уточнение.

Для эффективного применения методов социальной инженерии в управлении институциональными изменениями в обществе требуется знание исходных принципов социоинженерной деятельности.

1. Прежде всего, следует назвать *принцип единства социальных, культурных и личностных изменений,* не тождественных друг другу. Социальная инженерия в силу своей специфики сосредотачивает внимание на типиче-

ских, повторяющихся и рутинных процедурах и операциях, которые в большей степени, чем другие процессы, поддаются технологизации.

Анализ процессов и противоречий, связанных с ходом реформ в нашей стране, показывает, что основной упор в действиях субъектов управления делается на проведение социальных изменений и нововведений. Культурные изменения не поспевают за развитием событий в социальной сфере – созданием новых организационных форм, систем управления и т.д. Еще в большей мере отстают от социальных инноваций личностные изменения, что влечет за собой усиление напряженности и конфликтности в обществе.

2. Вторым принципом социоинженерного подхода является *принцип опережающего развития культуры* (культурной подсистемы) по отношению к социальной организации. Он гласит: новые социальные системы и институты могут создаваться лишь при условии созревания культурных предпосылок и путем отбора наиболее жизнеспособных культурных образцов. При этом исключается прямое копирование и перенесение на национальную почву образцов иной культуры без их предварительной адаптации и ассимиляции в рамках уже существующих институтов.

Социальная инженерия не может эффективно развиваться на основе такого методологического допущения, как универсализм, рассматривающий развитие всех стран как происходящее по направлению к единому унифицированному образцу, имеющее одни и те же стадии и закономерности, обусловленные технологическим детерминизмом. Демократизация социальной, экономической и политической систем по западному образцу и стандартам до сих пор многими теоретиками и политиками воспринимается как аутентичный способ рационализации политического управления. Однако в современной социальной теории, в том числе и основанной на идеях либерализма, подобная позиция уже становится анахронизмом.

В настоящее время пробивают себе дорогу более взвешенные трактовки, основанные на признании самобытных ценностей незападного типа политического, социального и экономического развития, их роли в становлении политической культуры, основанной на этических принципах и вместе с тем дающей простор для развития современных управленческих технологий. Стало очевидно, что эффективность применения политико-управленческих технологий во многом, если не в решающей степени, определяются особенностями традиционного стиля жизни, ценностями культуры, мировоззренческими принципами, духовно-нравственными нормами. Демократия – это не только социально-политическая форма, в рамках которой происходит культурное развитие, но и культурная форма, определяющая ход социальных, политических и экономических преобразований. В этой обоюдности заключается основание взаимообусловленности демократии и культуры. При этом гуманистические ценности культуры выступают как интегрированная система, или метасистема по отношению к либеральным, консервативным, социал-реформистским, модернистским, традиционным и т.д. ценностям.

3. Следующим принципом социальной инженерии, устанавливающим адекватное соотношение между различными типами институциональных

изменений, является *пропорциональное и сбалансированное развитие личностной и социальной сфер гражданского общества* и его институтов. Он предполагает в качестве одного из условий успешной социоинженерной деятельности учет менталитета людей, вовлекаемых в преобразовательные процессы и изменяющегося гораздо медленнее, чем сами социальные институты. Игнорирование этого принципа в практике социальных преобразований служит, как правило, одной их главных причин торможения и сопротивления переменам и нововведениям.

Схема последовательности институциональных изменений: *«социальные изменения – культурные изменения – личностные изменения»*, сложившаяся во многом стихийно в ходе реформ, должна, с точки зрения принципов социоинженерного подхода, уступить место другой схеме: *«культура – личность – социальная организация».*

4. Целенаправленные изменения институциональной сферы гражданского общества должны иметь постепенный, локальный и субсидированный характер. Данное положение вытекает из сформулированного К. Поппером *принципа постепенности (поэтапности) и локального характера* изменений, противостоящего утопическому подходу в социальной инженерии. Этот принцип отрицает возможность широкомасштабных и радикальных изменений социальных систем как на макро-, так и на микроуровне. Подобные действия могут привести к деструктивным последствиям, преодолеть которые будет крайне трудно.

5. *Принцип технологизации* социального управления означает рациональное расчленение управленческой деятельности на процедуры и операции с их последующей координацией и синхронизацией. Результатом данного процесса выступают социальные технологии и методологические средства их обеспечения. Главным требованием социальной технологии является *алгоритмизация* управленческой деятельности.

6. Согласно *принципу субсидиарности* решение проблем управления, в том числе проблем, связанных с построением новых институтов и организаций, принимается на максимально низком уровне. В этом ключ к успеху рыночных и демократических реформ.

С точки зрения принципов социальной инженерии изменяется содержание существующей модели институциональных систем общества (экономической, политической, правовой и т.д.). Она должна быть скорректирована в направлении большей социальной ориентации экономики, повышения легитимности решений, принимаемых на различных уровнях государственного управления, расширения государственной социальной помощи населению, сохранения лучших традиций национальной культуры. Институты современного общества являются достаточно гибкими, сложно организованными системами, к которым практически неприменимы «жесткие» методы административного диктата.

1.2 Становление и институционализация социальной инженерии

Социоинженерное направление зародилось и получило наиболее широкое развитие в США. Сам термин «социальная инженерия» возник в этой стране в 20-е гг. XX в. В послевоенный период методы социальной инженерии стали широко применяться в авиационной и оборонной промышленности Америки, а также в прикладных научных областях: индустриальной социологии, военной социологии, исследованиях пропаганды и коммуникаций, групповой динамики. Если до 1949 г. в стране действовала лишь одна научная группа по «человеческой» и социальной инженерии, то к середине 60-х гг. их насчитывалось уже более 130, и в их составе трудилось более 1,5 тыс. специалистов. Большинству из них финансовую поддержку оказывало правительство. В настоящее время часть специалистов по социальной инженерии работают в сфере частного бизнеса.

С середине 1960-х гг. при университетах и колледжах США функционируют многочисленные курсы подготовки по социальной инженерии. «В 70-е годы прошлого века социальная инженерия окончательно оформляется как учебная дисциплина, развивающаяся на стыке прикладной социологии, социальной психологии и теории управления» [7, с. 125].

На становление социальной инженерии определенное влияние оказали психология, а также прикладная антропология, которая имеет дело с описанием изменений в сфере человеческих отношений и разработкой принципов организационной культуры. В 50-е гг. было особенно распространено применение прикладной антропологии в промышленности, которая рассматривалась как своего рода социальная технология (Е. Чэппл, Г. Телен, Кребер и др.). По мнению Т. Парсонса, социальная инженерия особенно успешно развивается не в те периоды, когда наблюдается непосредственное приложение теоретических принципов чистой, или академической, науки в сфере социальной практики, а, напротив, когда прикладная область развивается за счет собственных теоретико-методологических инноваций. С установлением работающих правил, отчетливых принципов экономических и политических отношений потребность в специалистах с социоинженерной подготовкой возрастает. В работах К. Поппера, Т. Парсонса, А. Гоулднера артикулируется специфика социально-инженерной деятельности, ее предмета, задач, методов и технологий.

В настоящее время существует три режима социоинженерной деятельности в сфере управления, в том числе управления социально-политическими процессами:

- *внутреннее управленческое консультирование;*
- *внешнее управленческое консультирование;*
- *менеджмент в сфере управления человеческими ресурсами.*

Эти формы представляют собой разные типы и различные уровни развития социальной инженерии.

Социальная инженерия в режиме *внутреннего управленческого консультирования* характеризуется тем, что социолог, являющийся членом

обслуживающейся им организации, осуществляет свою деятельность по заказу администрации для решения той или иной конкретной задачи. Для этого создается специфический инструментарий «разового пользования», который не может применяться в качестве стандартных технологий социоинженерного решения типовых управленческих задач.

Социальная инженерия в режиме *деятельности менеджера* предполагает полноценное включение социолога в структуру и процесс управления в оперативном режиме. Социальная инженерия этого типа ориентирована на решение стандартных, повторяющихся задач и опирается на жестко алгоритмизированные социальные технологии.

Наконец, социальная инженерия в режиме *внешнего управленческого консультирования* «осуществляется социологами-профессионалами высокой квалификации, работающими за пределами обслуживаемой ими организации. По роду своей деятельности это либо ученые, работающие в академических институтах и вузах, либо социологи, специализирующиеся на решении определенного типа задач» [14, с. 288]. Создаваемые ими социоинженерные технологии слабо алгоритмизированы, фиксируют лишь примерные контуры решения управленческих задач.

В настоящее время ряд политико-управленческих дисциплин, включающих в себя социоинженерные подходы к политическому менеджменту, включены в программы большинства факультетов политических наук, изучаются в школах государственного администрирования. В 1972 г. создана Организация политико-управленческих исследований (Policy Studies Organization), в 1979 г. – Ассоциация политического анализа и менеджмента (Association for Public Policy Analysis and Management).

В России и Казахстане социальная инженерия долгое время находилась в тени идеологических стереотипов. *Социальное прогнозное проектирование, стратегическое планирование, социальная инноватика, игровое моделирование* – некоторые из названий, за которыми зачастую скрывалось содержание социоинженерной деятельности. Основы социоинженерного подхода были заложены в 1960-е годы. В 1980-е годы социальная инженерия пережила период полноценного раскрытия – на предприятиях формировались исследовательские группы, организовывались масштабные исследовательские проекты. Этот период можно охарактеризовать как период рационалистического романтизма, когда создавались стройные и строгие социоинженерные концепции. К началу 1990-х в результате коренных преобразований в структуре и содержании производственной системы данное начинание сошло на нет. В наши дни интерес к социальной инженерии в ее *методологическом* аспекте (как методологии исследования) и *социологическом* аспекте (как технологии планирования, проектирования и конструирования социальных систем и процессов) усиливается. В некоторых российских университетах введены курсы по «государственной политике и управлению», «политическому анализу и прогнозированию» и т.п. политико-управленческим дисциплинам. В МГУ имени М.В. Ломоносова социальная инженерия выделена в специальную дисциплину. Многие кафедры

общественных наук преобразуются в кафедры социоинженерных технологий. Первое профессиональное сообщество социальных инженеров в РФ – Социоинженерная ассоциация «Деловое содействие» – было создано в середине 1990-х гг.

Среди российских, украинских и казахстанских исследований по проблемам социальной инженерии наибольший интерес представляют работы таких ученых, как Н.А. Аитов, Г.А. Антонюк, Н.С. Бозов, В.И. Герчиков, А.А. Дегтярев, В.С. Дудченко, А.И. Кравченко, Ю.Д. Красовский, Н.И. Лапин, В.В. Лобанов, В.Г. Подмарков, И.Н. Попова, А.И. Пригожин, Ю.М. Резник, Ж.Т. Тощенко, О.А. Уржа, Г.П. Щедровицкий, В.В. Щербина.

В Российской Федерации развитием и применением социоинженерного подхода к социально-политической сфере жизни российского общества в настоящее время занимается ряд государственных и общественных организаций. Среди них наиболее известными и авторитетными являются следующие:

1) Кафедра политологии и политического управления Российской Академии государственной службы при Президенте Российской Федерации.

2) Институт социальной инженерии на базе Московского государственного университета дизайна и технологии.

Институт социальной инженерии является частью универсального научно-образовательного, исследовательского и издательского комплекса «Личность. Культура. Общество». Объединяющей идеей этого комплекса является реализация на практике идеалов и возможностей гражданского общества при помощи интегрированного социоинженерного подхода. На всех этапах деятельности приоритетными для комплекса являются: права и свобода личности, преемственность и развитие культуры, совершенствование общественного строя*.

Учебно-научная деятельность ИСИ призвана сформировать высокий уровень общей и профессиональной культуры учащихся в ходе их самостоятельной научной и практической работы.

Научно-исследовательская деятельность ИСИ ориентирована главным образом на комплексное изучение процессов управления. Она включает в себя следующие важнейшие направления:

* разработка фундаментальных проблем социальной науки;
* разработка прикладных аспектов теории социального управления (социальная инженерия и социальная технология и пр.);
* развитие методологии социокультурного управления и социальной инженерии;
* разработка частных концепций и проблем управления организациями и регионами (концепции управления персоналом, связей с общественностью и др.);
* проведение эмпирических исследований по проблемам организационного и регионального развития;

* Первоначально Институт социальной инженерии базировался при Московской государственной академии легкой промышленности, затем – при Московском государственном университете дизайна и технологии.

* организация и проведение теоретико-методологических конференций и семинаров по проблемам научного обеспечения управления.

Научно-исследовательская деятельность ИСИ реализуется в консультационно-управленческих и организационно-технологических разработках:

✓ разработка стратегии развития организации или региона (проект, программа, план действий и пр.);

✓ создание комплексной технологии или технологической системы эффективного социокультурного управления организацией или регионом;

✓ сбор и анализ данных по реализации той или иной технологии управления организацией, регионом (например, технологии выборов или аттестации руководителей);

✓ выбор оптимальной модели деятельности основных участников проекта, социального или управленческого нововведения;

✓ информационное и консультационно-практическое сопровождение реализации данной технологии или технологического комплекса.

3) Независимый институт гражданского общества (НИГО). Руководитель – Ю.М. Резник.

Миссия НИГО заключается в развитии, укреплении, а также информационной и аналитической поддержке институтов гражданского общества, в содействии становлению рабочих конструктивных отношений между некоммерческими общественными организациями и официальными властными структурами.

Главной целью НИГО является всестороннее обеспечение процессов развития системы местного самоуправления как основы гражданского общества в России.

Приоритетные задачи НИГО:

– развитие теории гражданского общества и местного самоуправления;

– проведение научно-исследовательских работ в области государственного муниципального управления;

– повышение квалификации и переподготовка руководителей и специалистов муниципальных образований (в соответствии с полученной лицензией на ведение образовательной деятельности);

– установление систематических контактов с представителями органов местного самоуправления США и Западной Европой с целью изучения опыта функционирования муниципальных систем гражданских обществ, сложившихся в западной цивилизации.

– осуществление издательской деятельности, обеспечивающей гражданское образование и просвещение;

– консультационное сопровождение избирательных кампаний, проектов развития различных организационных и территориальных структур.

Консультационно-исследовательский профиль НИГО предполагает систематическое проведение прикладных социально-политических исследований на основе анализа и обобщения фактов политической практики и управленческой деятельности в муниципальной сфере.

Консультационно-практическая составляющая деятельности НИГО представляет собой организацию и проведение профессионального управленческого консультирования как участников учебного процесса, так и субъектов государственного и муниципального управления на местах.

Цели НИГО заключаются в подготовке активного, сильного и компетентного слоя политиков и управленческих работников, способных развивать, проводить и отстаивать идеи и принципы гражданского общества, в частности, идею местного самоуправления.

Кроме вышеназванных организаций, различными аспектами социоинженерной теории и практики активно занимаются специалисты в таких академических подразделениях, как:

4) Институт социально-политических исследований РАН.
5) Институт социологии РАН.
6) Институт Человека РАН.

Можно также отметить, что при Институте социологии НАН Украины создана Высшая школа социологии. В этой школе слушателям предлагается *«Мастер-класс» по использованию социоинженерных знаний* или основных правил и процедур изобретательской деятельности для создания и моделирования новых социальных реальностей.

В Казахстане институционализация и организационное оформление социальной инженерии до сих пор не начаты.

1.3 Методы социальной инженерии

Подходы, методы, принципы и критерии социальной инженерии пронизывают собой современную управленческую практику. Их научно обоснованное применение является условием оптимизации и повышения эффективности управления внутриполитическими процессами.

Методология социоинженерной деятельности – система принципов, методов и средств, используемых для изучения и конструирования социальных объектов в процессе управленческой деятельности.

По характеру воздействия на социальный объект в социальной инженерии сложилось три основных методологических установки:

1. Рационалистический подход. Согласно этой концепции, социальные системы и институты возникают в результате рационального выбора. Поэтому социальный инженер свободен в выборе методов и средств, приводящих к наиболее эффективной реализации его целей.

2. Институциональный подход. Сторонники институционализма полагают, что социальные институты являются продуктом естественноисторического развития, а не результатом рационального выбора людей. Кроме того, социальное развитие лишь отчасти направляется рациональным целеполаганием. В значительно большей степени оно формируется *нерациональными* факторами (традициями, обычаями, нормами) и *иррациональными* причинами (чувствами, настроениями и т. д.).

3. Неоинституциональный (постинституциональный) подход, главенствующий в современной социальной теории, является синтезом рационалистической и институциональной парадигм.

По способу применения методологических средств различают *системный* и *дифференциальный* подходы в социальной инженерии.

1. Системный подход ориентирован на познание целостности социальных объектов как открытых динамических систем, на выявление полноты их внутренних и внешних связей.

2. Дифференциальный подход исходит из представлений о дискретности и разнонаправленности социальных изменений, из понимания социальных объектов как продуктов интерпретирующей деятельности. Задача социальной инженерии, тем самым, состоит в конструировании процедур интерпретации, рефлексивного анализа.

Методы социальной инженерии – совокупность способов и средств организации взаимодействия субъектов управления, направленного на поддержание стабильности и преобразование социальных объектов, в том числе на содействие выработке управленческих решений и регулирование конфликтных ситуаций. В зависимости от типа создаваемых или преобразуемых социальных объектов требуется применение тех или иных методов социоинженерной деятельности.

Социальная инженерия как междисциплинарное направление социального знания использует методы из самых различных областей науки. Например, в книге. *Ю.М. Резника и В.В. Щербины* [16] перечисляется ряд социоинженерных методов с указанием результатов, которые они дают возможность получать:

Мыслетехнические средства ориентированы на организацию содержательной работы – выработку новых идей, создание проектов, концепций, порождение замыслов. Они разделяются на две группы: эвристические, опирающиеся в основном на интуицию *(метод мозговой атаки, синектика),* и системные *(морфологический анализ, алгоритмы поиска решений изобретательских и организационных задач).*

Социотехнические средства направлены на создание новых форм организации деятельности, формирование социальных групп. К ним относятся *метод групповой работы, организационный и социоинженерный тренинги, техники ведения переговоров, разрешения конфликтов* и др.

Психотехнические средства оказывают помощь в самоактуализации человека. К ним *относятся тренинг сенситивности, системы контроля функциональных состояний человека, аутотренинг, нейролингвистическое программирование (НЛП), эмпаурмент, психосинтез, гештальт-анализ.*

Средства смыслообразования и работы с человеческими ценностями предназначены для содействия профессиональному и личностному самоопределению, выработке жизненных стратегий. К ним относятся *технология планирования карьеры, аксикреация, скриптоанализ* как метод выявления и коррекции подсознательных жизненных сценариев, методика *мифологической символизации*.

Мыследеятельностные средства. К ним относятся *техника рефлексии, проблематизации, критики, понимания, схематизации, позиционный анализ, организационно-деятельностные и инновационные игры.*

Мыследеятельностная методология восходит к границам рационального мышления и с трудом поддается формализации

Художественные средства служат активизации образного мышления в процессе социального проектирования.

Средства психофизической саморегуляции, в том числе *парапсихологические, экстрасенсорные методы* позволяют поддерживать высокий энергетический тонус.

Как видно из приведенного перечня, методологическая база социальной инженерии в представлении наиболее авторитетных российских специалистов в этой области представляет собой просто невероятную эклектическую смесь естественнонаучных и гуманитарных методик с вненаучными (паранаучными, псевдонаучными, антинаучными) способами воздействия на социально-личностное бытие: «Практикующий социальный инженер, работая с конкретным заказчиком, применяет иногда средства и системного анализа, и психологические тесты, и нейролингвистическое программирование, и тренинг, заимствованный из актерской практики, и техники трансцендентальной медитации, и идеи религиозной этики» [16, с. 72].

Признавая возможность и даже продуктивность применения столь экзотических методик в сфере политического управления, для их изучения все же следует обратиться к специальной литературе. В рамках же настоящей монографии имеет смысл уделить внимание тем методам социальной инженерии, которые ведут к разработке рациональных алгоритмов и технологий решения организационно-управленческих проблем.

Существует и практически используется достаточно большое количество алгоритмов социоинженерной рационализации (формализации) и решения управленческих задач. Например, венгерский специалист *Я. Шушански* описывает свыше десятка таких алгоритмов [17].

Хорошо зарекомендовавшую себя технологию решения управленческих проблем разработал *В.С. Дудченко* [18]. Он предлагает следующую последовательность этапов или процедур группового решения управленческих задач:

1. Диагностика задачи **–** выявление источников и причин возникновения задачи, степени ее разрешимости, новизны и меры понимания всеми участниками работы.

2. Анализ ситуации **–** выявление субъективных представлений о ситуации, описание ее компонентов, временных и организационных границ, сравнение реальной ситуации с желательной, определение своего места в ситуации.

3. Формулирование проблем, в первую очередь – перспективных, т.е. связанных не столько с преодолением недостатков, сколько с реализацией благоприятных возможностей.

4. Определение целей как образа результатов, которые необходимо достичь для решения задачи.

5. Выработка решений как способов достижения целей и разрешения проблем.

6. Разработка проекта, включающего в себя систему взаимосвязанных решений.

7. Формирование программы реализации проекта, определение последовательности скоординированных практических действий и «пусковых механизмов» программы.

8. Реализация программы, включающая ее постоянное ситуативное уточнение.

Словацкий социальный инженер *И. Перлаки* предлагает алгоритм решения организационных проблем, включающий *два этапа:* формулирование проблемы и решение проблемы. Последний разделяется на *три стадии,* каждая из которых содержит ряд *процедур,* предполагающих поиск ответов на типовые вопросы (рисунок 1) [19].

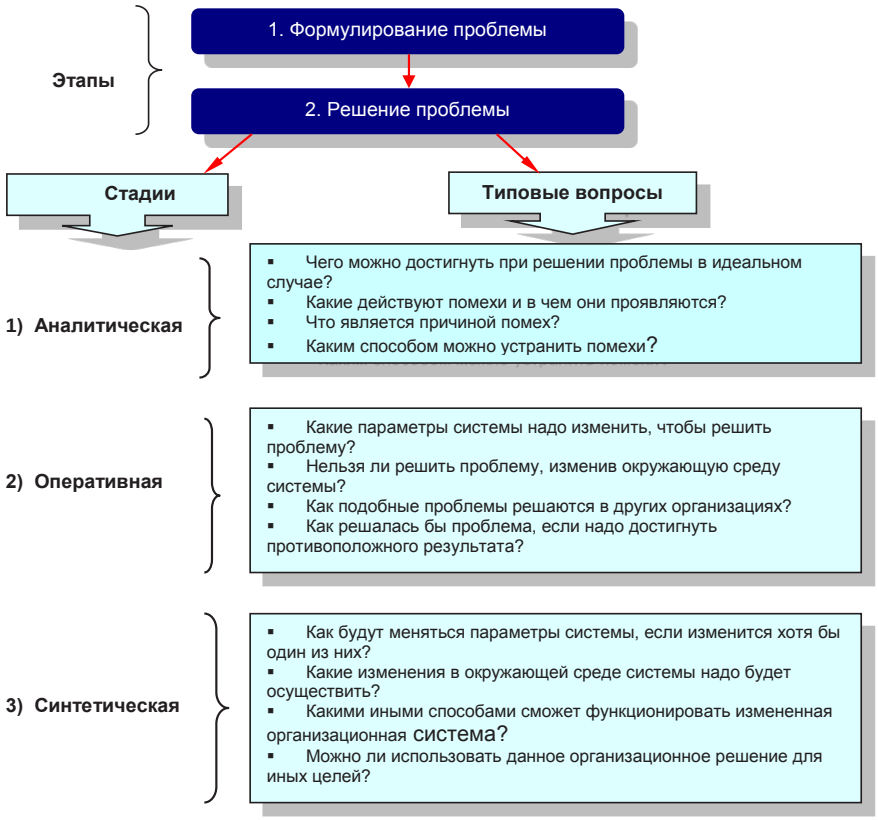


Рисунок 1. **Алгоритм решения организационно-управленческих проблем**

В последующих разделах настоящей монографии будет предложен и детализирован комплексный социоинженерный алгоритм (модель, практическая схема, формализованная система) решения задач по управлению внутриполитическими процессами.

1.4. Возможности и границы применения социальной инженерии

Традиционное представление о предметной области социальной инженерии, восходит к концепции К. Поппера и проводимому им противопоставлению «утопической» или «романтической» социальной инженерии, с одной стороны, «поэтапной» или «частичной» социальной инженерии (piecemeal engineering), с другой стороны. Согласно этой концепции, социальная инженерия в ее рационально-конструктивной форме представляет собой арсенал методов и технологий постепенного реформирования и преобразования общественных институтов. Данным определением предметной области социальной инженерии вместе с тем очерчиваются как ее возможности, так и границы применимости.

Другой контекст определения границ и возможностей социальной инженерии связан с тенденцией социоинженерной деятельности к формализации своих процедур и технологий. Ч.Р. Миллс с этой тенденцией связал стремление социальной инженерии к своему превращению в научно обоснованную технологию манипуляции властвующей элитой человеческим сознанием и поведением.

Нельзя не согласиться с тем, что приведенные суждения относительно возможностей и ограничений социальной инженерии вполне резонны и находят свое подтверждение в реальной практике социоинженерной деятельности. Однако ими не принимается в расчет перспектива создания и применения инновационных социальных технологий, что коренным образом изменило бы статус, социальные функции и сферу компетенции социальной инженерии. Инновационные социальные технологии направлены не на увековечивание status quo социальной системы, позволяя ей лишь незначительные флуктуации в рамках дозволенных частичной социальной инженерий стратегий отладки существующих механизмов функционирования системы, но на выявление и рациональное использование скрытых потенциалов ее преобразования. Поэтому применение методов социальной инженерии к управлению, проектированию и конструированию социально-политических процессов и институтов в Казахстане должно быть, на наш взгляд, опосредствовано критическим преодолением ряда ее собственных основоположений и предпосылок.

Прежде всего, следует избавиться от технократической парадигмы социоинженерной деятельности, согласно которой социальная инженерия вооружает бюрократическую элиту научно обоснованными методами регламентации и контроля человеческого поведения, эффективными средствами манипуляции социальными нормами и институтами. Для адептов технокра-

тического подхода идея рационального переустройства общества неразрывно связана с представлением о социальном бытии как объекте воли и сознания, объекте возможных преобразований на основе конструктивно-созидательной активности субъекта. На практике это означает легализацию права силового воздействия политической элиты как субъекта на социум.

К тем же результатам приводит и противоположная крайность. Принцип невмешательства государства в нравственные основы развития гражданского общества является великим достижением социально-политической мысли Просвещения и основой конституционного права всех демократических государств. Но абсолютизация этого принципа порождает декларативность, абстрактность политической демократии, ее превращение в институционализацию эксклюзивного права властной элиты на политическую самодеятельность.

Можно согласиться с автором статьи в философском блоге «Коммуника» в том, что выбор между технократическими проектами рационального устроения общества и невмешательством в процессы его стихийной самоорганизации равносилен выбору, предложенному героине сказки Л. Кэрролла «Алиса в Стране чудес»: «Вон *там* живет Шляпочник, а *там* живет Мартовский Заяц. Можешь сходить к любому из них, они оба сумасшедшие» [20].

Социальная инженерия в равной мере должна использоваться как административно-бюрократическими органами центрального и регионального управления, так и институтами гражданского общества: независимыми общественными организациями и самодеятельными группами населения, СМИ, институтами общественного самоуправления и т.д.

Таким образом, можно сформулировать следующие **ограничения** на применение социоинженерных методов к сфере управления социально-политическими процессами:

Во-первых, преобразования социально-политической сферы должны иметь локальный характер. Любые программы широкомасштабных и радикальных преобразований с точки зрения социальной инженерии должны a priori расцениваться как имеющие социально деструктивный характер.

Во-вторых, проектирование и изменение социальных систем не может распространяться на долгий срок, но возможно «лишь на один шаг от настоящего» (В.В. Щербина).

В-третьих, как вытекает из предыдущего пункта, применение методов социальной инженерии предполагает эволюционное, поэтапное движение системы от одного состояния к другому и *исключается* при переходе системы к прямо противоположному типу или модели развития.

В-четвертых, новые социально-политические институты могут создаваться лишь при условии созревания культурных предпосылок и с учетом специфических характеристик массового сознания, прежде всего – особенностей политически-правовых представлений.

1.5 Концепция социальной инженерии в доктрине «открытого общества» К. Поппера

Подходы, методы, принципы и критерии социальной инженерии должны органично войти в современную управленческую практику. Их научно обоснованное применение является условием оптимизации и повышения эффективности управления внутриполитическими процессами. В то же время теоретические положения и методы организационно-управленческой деятельности, разработанные в рамках социоинженерного подхода, должны быть скорректированы с учетом специфических особенностей экономической, социальной, политической, культурной сфер жизни Казахстана.

Одним из основных направлений такой коррекции является пересмотр философски-мировоззренческих, концептуальных оснований классической парадигмы социальной инженерии, представленной в теории К. Поппера.

Идеологема «открытого общества», сформулированная А. Бергсоном и получившая детальную разработку в книге К. Поппера «Открытое общество и его враги», стала одной из основных в современном социально-политическом лексиконе. Построение открытого общества объявлено как цель демократических реформ и в нашей стране. Однако, прежде чем целостно или селективно применять модель открытого общества как базовую для разработки стратегии устойчивого развития Казахстана, необходимо, во-первых, разобраться в существе самой концепции открытого общества, и, во-вторых, в возможности и целесообразности ее реализации в условиях культурно-цивилизационной специфики нашей страны. Поступая методологически грамотно, следует решать эти задачи не только последовательно, но и одновременно, объединив экспликацию теоретических положений и проблему их перевода в плоскость практически-политических решений отношением взаимоперехода, взаимораскрытия, взаимокоррекции. Но здесь-то и возникает чрезвычайно странная и запутанная ситуация «ложной современности» (П. Штомпка) как замкнутого пространства продуцирования и реализации проектов транзита в открытое общество. В процессе модернизации по западному образцу «каким-то образом эти общества умудрились сконцентрировать в себе все худшие, кошмарные черты современности, не обретя при этом ни одной из лучших» [21, с. 180].

При ближайшем рассмотрении выясняется, что доминантой макроэкономических трансформаций и создания новых политических институтов транзитного общества является тот самый тип социальной организации, из неприятия и критики которого возникла концепция открытого общества, и, одновременно, усиление авторитарных режимов модернизирующихся социумов стало следствием реализации собственных принципов этой доктрины.

В литературе существует ряд объяснений провала усилий по социально-экономической модернизации «новых независимых государств», которые предпринимаются под лозунгом либеральной демократии и рыночной

экономики. Причины кризисно-катастрофического развития реформы, как правило, усматриваются:

- в подмене либеральных преобразований их имитацией собственниками «бюрократического капитала» (П. Бурдьё), для которых концепция открытого общества, задрапированная в тогу националистической риторики, имеет единственный смысл – идеологии обоснования претензий на легитимность и механизма обеспечения устойчивости режима их собственной власти;
- в сопротивлении традиционных институтов, жизненных укладов и стереотипов этнокультурной ментальности вытеснению их абстрактно-безличными структурами социальных взаимодействий (сотканные информационными технологиями глобальные сети «составляют новую социальную морфологию наших обществ» [22, с. 494], а «безродная» сетевая логика и имманентная аксиоматика контуров и цепей информационных потоков, свободных от дополнительных социокультурных кодировок, становятся парадигмой онтологических трансформаций социальной реальности);
- в попытках найти собственный, отличный от западной модели, путь в современность, на который бы можно было вступить с багажом исторических традиций и этнокультурных ценностей**.** Это – путь полусознательного самообмана, поскольку глобальная сеть рыночных отношений не совместима с какой-либо региональной спецификой. Она метасоциальна и акультурна, если под культурой по старинке понимать не сводимую ни на что уникальность творчества и переживания высших ценностей и смыслов бытия.

В настоящее время обозначились иные концептуальные подходы к процессам реформирования постсоветских социумов. Стало очевидно, что все негативные последствия социально-экономических и политических преобразований концентрируются в *кризисе личностной, гражданской и цивилизационно-культурной идентичности*.

Любое общество как система с онтологически встроенной в нее структурой саморефлексии должно очертить свою коллективную идентичность. Степень и модальность общенационального согласия в отношении целей, ценностей, приоритетов и перспектив развития являются, по меньшей мере, столь же значимыми факторами решения политических и социальных проблем, сколь и форсированная мобилизация рыночных механизмов. Г. Тард отмечает, что средневековое христианское общество скреплялось четырьмя основными родами привязанности: чувством братства между верующими, чувством корпоративного сотоварищества между членами одной и той же профессии, чувством супружеской верности и чувством феодальной верноподданности [23, с. 348]. Распространение цивилизации привело к тому, что на смену этим социальным скрепам пришли новые непрочные группы, формирующиеся свободно и по воле случая и связанные легковесными, скоротечными, эфемерными отношениями. Соответственно возникают и два типа «социальной логики чувств». Но и при господстве абстрактных посред-

ствующих систем необходимо их согласование на социально-психологическом уровне. Прогресс социальной жизни заключается, отмечает Г. Тард, в возрастающей интенсивности некоторых желаний и идей, разделяемых всеми, общественным выражением чего являются, например, празднества. Между тем в ходе социально-экономической модернизации прежние возможности индивидуальной и коллективной идентификации были разрушены. Социально-психологические трудности адаптации к новой реальности, разорвавшей традиционную связь социальных институтов и индивидуальных мотиваций, стали источником глубоких личностных фрустраций, социальной дезинтеграции, аномии, роста девиантного поведения и неуправляемого, взрывоопасного характера проявления общественных конфликтов.

Тип политической системы теряет свое прежнее значение основы топологии социального пространства повседневной жизни. Контексты идентификации сдвигаются в такие не формализуемые сферы, как стиль жизни, ценности самобытной культуры, национальные образы мира, духовно-нравственные нормы и критерии человечески достойного вне опосредствования этих контекстов превращенными формами государственно-политической идентичности. Теоретически содержательный смысл в этой ситуации приобретает ясность осознания экзистенциальной подлинности или ложности способов интегрированности человека в социумные структуры ролей и статусов. Какое же место в задаче обретения новой идентичности занимает концепция «открытого общества»?

Суть проблемы мы формулируем следующим образом: доктрина открытого общества во всех своих элементах тотально замкнута на тот уникальный конкретно-исторический тип общества, аутентичной саморефлексией которого она выступает. Эта доктрина относится к особому типу концептуальных моделей, построенных аналогично описанным в математике ситуациям «райского сада»: конфигураций, внутренне непротиворечивых, но которые невозможно получить последовательными видоизменениями других конфигураций с помощью любых доступных способов преобразования. Это означает, что концепция открытого общества логически непротиворечиво и рационально описывает само это общество и методы его совершенствования, но ее же собственные постулаты категорически запрещают возможность существования рациональных способов и программ трансформации «закрытых» обществ в «открытые».

Эта особенность доктрины открытого общества может быть продемонстрирована анализом ее основополагающих принципов: 1) отрицание историцизма; 2) метод частичной социальной инженерии; 3) индивидуализм как начало социальной онтологии и эпистемологии.

К. Поппер главным идейно-теоретическим врагом открытого общества объявляет *историцизм.* Историцизм в его понимании есть социально-философская концепция, утверждающая объективную реальность исторической необходимости: законов и тенденций, смысла и логики, ритмов и моделей,

субстанции и структур, детерминаций и телеологий исторического развития и, соответственно, возможность их гипотетико-дедуктивной или эмпирической верификации. Поэтому совершенно последовательно к числу врагов такого общества К. Поппером относится любой человек, который «пытается понять смысл пьесы, разыгрываемой на сцене истории, и осмыслить законы исторического развития» [24, с. 38]. Конфуз ситуации в том, что к числу историцистов приходится причислить и самого Карла Поппера, чей фундаментальный труд «Открытое общество и его враги» является не чем иным, как систематически развернутым обоснованием открытого им абсолютного закона исторического развития цивилизации – перехода от закрытого общества к открытому.

Антиисторицизм, т.е. отрицание законов, смысла и целей истории, утвержден К. Поппером на фундаменте абсолютной телеологии истории, приведшей к открытому обществу как к своей истине, цели и смыслу. «Открытые общества, в которых мы живем сегодня, – самые лучшие, свободные и справедливые, наиболее самокритичные и восприимчивые к реформам из всех, когда-либо существовавших» [25, с. 15], – так аттестует их К. Поппер в письме русским читателям своей книги «Открытое общество и его враги». Для автора нет сомнения, что открытое общество – *закономерный* результат и итог развития западной цивилизации, а также та форма социальности, к которой должен прийти остальной мир. «Мы можем вернуться в животное состояние. Однако, если мы хотим остаться людьми, то перед нами только один путь – путь в открытое общество» [24, с. 248].

Этот путь, разъясняет далее автор, пролагают люди, освобождающие себя и свой разум от власти предрассудков, живущие по стандартам свободы, гуманности и рационального критицизма. Индивид здесь поступает только от своего лица, на свой страх и риск, опираясь на критические способности своего разума и принимая на себя все последствия своего поступка. К. Поппер развивает следующую аналогию: традиционные коллективистские общества совершенно справедливо сравнивались с организмом. Члены закрытого общества объединены родством, общей жизнью, участием в общих делах, общими удовольствиями и бедами. В таком обществе нет конкуренции за статус среди его членов, как и в организме нельзя обнаружить ничего похожего на конкуренцию и классовую борьбу между его клетками и частями тела. Теряя органический характер, развивая разделение труда и обмен товаров, общество постепенно превращается в «полностью абстрактное или безличное общество». Здесь уже не органическая солидарность и не ее зеркально-симметричное отражение – классовая борьба – но именно свободная конкуренция индивидов в жестких рамках юридических структур определяет социальную динамику. Поскольку такого рода конкуренция не является формой социально-политического конфликта, то «мы должны понять, что все политические проблемы в конце концов носят институционный характер», и социальный прогресс в обществе этого типа достигается «юридическим оформлением политических проблем» [26, с. 189].

К. Поппер предлагает такую модель открытого общества: вообразите себе общество, в котором люди практически не встречаются лицом к лицу друг с другом и все дела совершаются индивидуумами в полной изоляции. «Новая индивидуальность» как автономная в своем поведении и ценностных ориентациях личность, за спиной у которой нет никаких априорных ценностно-смысловых структур, мнимых сущностей и трансцендентных абсолютов – эта новая индивидуальность и есть подлинная социально-онтологическая реальность. В открытом обществе есть личности, но нет коллективов. В результате возникает «новый индивидуализм» и «личные отношения нового рода», в которых все большую роль начинают играть духовные связи (как замечает М. Кастельс, этот мир «подчиняется структурам «рациональных ожиданий», за исключением тех случаев, когда подобный «рациональный индивидуум» внезапно может пристрелить своего соседа, изнасиловать маленькую девочку или распылить в метро нервнопаралитический газ» [27, с. 298]). В то же время с развитием абстрактных систем, от надежности которых зависит абсолютно вся повседневная жизнь, вера в безличностные принципы, равно как и в чужую анонимность, становится неотделимой от социального существования.

Таким образом, открытое общество становится той моделью социальности, которая в наибольшей степени реализует индивидуализм как принцип безусловной суверенности рационального индивида в абстрактных структурах социальных интеракций. Но тогда неизбежно встает вопрос о философских, концептуально-мировоззренческих основаниях, с помощью которых доказывается релевантность открытого общества задачам и условиям самореализации человека западного мира, то есть, по К. Попперу, человека как такового.

К. Поппер подчеркивает, что в стремлении представить историцизм как хорошо продуманную и упорядоченную философию, по-настоящему заслуживающую критики, он, не колеблясь, пытался усовершенствовать историцистскую концепцию, придать ей последовательность и аргументированность, отсутствующую у самих историцистов. Это обстоятельство, несомненно, доказывает безупречную верность сэра Карла Поппера рыцарскому кодексу: настоящий рыцарь довооружает противника, чтобы борьба была равной, а слава победы безупречной. Но этот метод выстраивания позиции оппонента в отношении к философской рефлексии таит опасность, что и противник, и сражение, и блестящая победа переместятся в виртуальную реальность. Причем по схеме, зеркально противоположной той, что была реализована в бессмертном творении Сервантеса.

Дон-Кихот разгонял стадо баранов, видя в нем, согласно усвоенной им модели бытия, могущественных волшебников. Анализ К. Поппером философских учений «врагов открытого общества» вызывает аллюзии не с действиями рыцаря печального образа, а с приемом, классически использованным другим литературным персонажем – Цирцеей. Цирцея, чтобы отделить Одиссея от его спутников, превратила их в стадо свиней. Если мы воспринимаем философов от Платона до Гегеля в образе *лжепророков и оракулов* (по названию

второго тома книги К. Поппера), то наше культурное сознание в своих одиссеях по духовным мирам и культурно-историческим эпохам так же утрачивает способность узнавать себя в «усовершенствованных» К. Поппером текстах философов, как и Одиссей лишен возможности узнать своих друзей в результате «усовершенствований», внесенных в их облик Цирцеей*.

Логико-методологическим основанием доказательства «нищеты историцизма» является принцип индетерминизма. Аргументация К. Поппера резюмируется в пяти утверждениях [28, с. 50], которые мы для наглядности представим в форме следующего силлогизма:

Major: ход истории в значительной степени зависит от роста человеческого знания.

Minor: невозможно предсказать будущие научные открытия с помощью рациональных научных методов.

Conclusio: ergo, *во-первых*, невозможно предсказать ход истории в той мере, в какой она зависит от нашего знания; *во-вторых*, невозможна научная теория исторического развития.

С точки зрения формальной логики, *«во-вторых»* данного силлогизма никуда не годится. Если историческое развитие в значительной степени зависит от развития науки, то из этого никоим образом не следует невозможность научного определения исторических тенденций. История есть нечто неизмеримо большее и даже принципиально иное, чем рост рациональности знания, но от этого она не становится герметически непроницаемой для научного познания.

Концепция отрытого общества на самом деле вводит социальное знание в апории кантовского типа, имея под собой глубоко парадоксальное, антиномичное основание. Теория и рационально-критически продуманные проекты социальных изменений обязаны очиститься от объективных сущностей и смыслов истории как понятий с пустым объемом. Но те же самые высшие цели, ценности и смыслы истории как целого должны присутство-

* Чтобы наша аналогия не казалась чересчур грубой и несправедливой, приведем из книги К. Поппера некоторые оценки Гегеля и его философии, дающие представление об уровне понимания автором того, что такое философия и о чем вообще идет речь в философских текстах: своим «напыщенным и мистифицирующим жаргоном», «тарабарщиной» Гегель «нагло пытался обмануть и запутать других»; философия Гегеля есть «не что иное, как напыщенный и истерический платонизм»; «я даже не думаю, что он – талантливый философ»; содержание его работ «превосходно только выдающимся отсутствием оригинальности», а все заимствованные им мысли он «подчинил одной: борьбе против открытого общества и служению своему работодателю – Фридриху Вильгельму III Прусскому»; «В случае с Гегелем наглядно видно, как легко клоун может стать «творцом истории»; философия Гегеля – «лабиринт, в котором заблудились отзвуки и тени прошлых философских систем и в котором они справляют нечто вроде шабаша ведьм… все эти призраки прошлого населяют мозг Великого диктатора, пока он исполняет танец со своим мыльным пузырем, со своими дутыми и фиктивными проблемами»; «полет мысли» Гегеля «без сомнения, имеет патологическую природу… является одним из симптомов истерии»; философию Гегеля «я могу воспринимать только со смесью презрения и ужаса» [26, с. 37, 41, 42, 51, 55, 332, 471].

вать как то, что ни при каких обстоятельствах недопустимо ставить под угрозу в гедонистически-потребительских рецептах применения социальной инженерии.

К. Поппер определяет открытое общество как «общество, в котором индивидуумы вынуждены принимать *личные решения*». Для того чтобы новые индивидуалисты могли беспрепятственно устанавливать между собой личные отношения и духовные связи в рациональном мире открытого общества, необходима и соответствующая методология социального действия. В качестве теоретико-методологической основы технологий социального конструирования, отвечающей сущности открытого общества, К. Поппер и предлагает концепцию социальной инженерии. К. Поппер противопоставляет историцистской парадигме зависимости разумных политических действий от понимания хода и смысла истории, теорию *постепенной, поэтапной, или частичной* социальной инженерии (piecemeal engineering). Сторонник социальной инженерии не задает вопросов об объективных исторических тенденциях или о предназначении человека. Любые социальные институты рассматриваются им с точки зрения того, насколько хорошо они организованы и приспособлены для осуществления наших целей и желаний, оцениваются исключительно с точки зрения целесообразности, эффективности, простоты. Социально-инженерный подход сугубо функционален и инструментален, он направлен на исследование, методом проб и ошибок, путей повышения эффективности инструментов, служащих достижению тех или иных целей. Частичная социальная инженерия действует осторожно и самокритично, с помощью мелких поправок и постепенных улучшений, «починки», а не сложных и обширных реформ.

Концепция частичной социальной инженерии привлекательна и конструктивна в плане предотвращения широкомасштабных утопических экспериментов, затеваемых над обществом с целью осуществления идеала совершенного социального устройства. К. Поппер предлагает стремиться не к достижению конечного блага, а к тому, чтобы, сколько возможно, бороться с наиболее тяжелыми социальными бедами, улучшая положение дел наиболее простыми демократическими методами. «Политику следует ограничиться борьбой со злом, вместо того, чтобы бороться за «позитивные» и «высшие ценности» [26, с. 318]. Не священные принципы и ценности, а достижение частичных компромиссов должно лечь в основу реформаторских усилий, что снижает накал страстей и повышает операциональность решений. Методы и технологии социальной инженерии применяются исходя не из принципа служения благу, а из задачи обеспечения эффективного функционирования плюралистического мира равновеликих субъектов. Проекты социальной инженерии, если и не дают ощутимого эффекта, то содержат меньший риск. Метод частных социальных решений дозволяет все новые реорганизации.

Социально-политические проекты, соответствующие *«холистской»* или *утопической* социальной инженерии, требуют сильной авторитарной централизованной власти и чаще всего ведут к диктатуре. Но главным недо-

статком холистских проектов является то, что они объективно невозможны, ведь на самом-то деле объективных исторических законов, как и рациональных способов определения конечной цели, на которые опираются историцисты, не существует. Кроме того, общество как социальное целое не может быть объектом научного исследования. Всякое знание есть знание отдельных сторон, но описание конкретности невозможно, оно логически неизбежно ведет к бесконечному регрессу.

Тем самым мы подошли к кульминации проблемы. Из всего сказанного следует, что любая попытка трансформации закрытого общества в открытое должна оцениваться, согласно доктринальным основам учения К. Поппера, как утопическая социальная инженерия со всеми вытекающими из этого следствиями. В то же время частичные, поэтапные улучшения закрытого общества на основе предназначенных для этого методов социальной инженерии в рамках его собственных структур не смогут привести к его коренному качественному преобразованию в открытое общество. Теоретический вывод К. Поппера о невозможности преобразования закрытого (традиционного) общества в открытое (либерально-демократическое) получает у ряда современных авторов, пишущих о проблемах глобализации, интерпретацию, логически непротиворечиво вытекающую из существа концепции К. Поппера, но, по всей вероятности, возмутившую бы его самого.

> В.Л. Иноземцев и Е.С. Кузнецова констатируют, что устоями гражданского общества являются принципы индивидуализма, автономии индивида, его приоритета по отношению к любым группам и сообществам, и вытекающие из этих принципов универсальные ценности и тип мировоззрения. Эти принципы и мировоззренческие парадигмы не могут утвердиться в странах незападной цивилизации, поскольку те в свое время не сформировали у себя традиции, благоприятствующей восприятию универсалистских ценностей либеральной демократии. Попытки модернизировать традиционные общества, имплантировать в них западные ценности и воспроизвести социокультурные, экономические, политические институты Запада привели лишь к имитации внешних признаков открытого общества.
>
> Мощные волны миграции, с которыми миллионы эмигрантов из стран третьего мира прибывают в европейские страны и США, Канаду, создали особые проблемы для принимающих стран. «Эмигранты не разделяют принципов гражданского общества, в каком-то смысле они не являются даже индивидами, ибо не мыслят себя в качестве отдельного от своего сообщества субъекта» [29, с. 137]. Естественно, что эти «в каком-то смысле не индивиды», по отношению к которым принцип равенства «выглядит просто чудовищным», создают свои собственные замкнутые сообщества, не стремятся интегрироваться с ценностями и нормами коренных жителей принимающих стран. Из этих и ряда других положений авторы выводят откровенно расистское заключение: «Исторический опыт показывает, что традиционные общества мало восприимчивы к внешнему влиянию. Их легче уничтожить, нежели преобразовать» [29, с. 138].

Повторим еще раз: пусть нравственное чувство К. Поппера и других теоретиков открытого общества и было бы возмущено подобного рода ин-

терпретацией их концепции, но она вполне укладывается в ее логико-эпистемологические схемы и онтологические основания.

В любом современном обществе действенны как рыночная саморегуляция, возникающая на основе подчинения поведения всех субъектов рыночных отношений формально-правовым нормам, законодательно устанавливаемых государством, так и национально-культурные традиции, выражающие ценностно-смысловую структуру массового сознания. «Рынок» и «традиция» являются идеально-типическими схемами социальной консолидации индивидов и их общностей, общецивилизационным инвариантом достижения социальной стабильности и устойчивого развития. Не только эффективная модернизация обществ транзитного типа, но и устойчивость и динамизм западных демократий основаны на интеграции традиционных базовых ценностей национально-самобытных культур с функциональностью анонимно-безличных сил рыночной самоорганизации. В этом плане мы можем говорить не об альтернативности моделей традиционных, модернизирующихся и западных типов общества, а о различии типов взаимодействия традиции и инновации.

Для традиционных восточных (ближневосточных, исламских, конфуцианских, буддийских) культур характерна постоянная мобилизованность нравственно-религиозных критериев, требующая сохранения традиции и ставящая под сомнение самонадеянность рационального проективизма и социального экспериментаторства. Презумпция доверия к истории, столь радикально противостоящая либеральной критике историцизма, означает, что «народ приспосабливается к современности и отвечает на ее вызовы не путем самоотказа и подражания чужим образцам, а на основании выявления скрытых альтернатив собственной культуры, развертывания ее потенциала в пространстве и во времени» [30, с. 209]. Таким образом, ценности развития и инноваций не отрицаются, но встраиваются в консервативные и охранительные начала культурной традиции.

В свою очередь, либерально-демократическая модель развития общества обладает способностью интегрировать с собой содержание традиции. Правда, на основе *селективного* включения традиционных типов социализации и подчинения их целерациональности рыночных структур. Оптимизация способов реализации солидарных общенациональных интересов через теоретически альтернативные схемы макросоциальной интеграции достигается тем, что на практике утверждается окончательный отказ от решения системных противоречий на основе какого-либо содержательного унифицирующего принципа.

В рамках модели «открытого общества» личность вынуждена самостоятельно, вне опоры на прогрессистские утопии и корпоративные идеологии, вырабатывать свою *индивидуализированную многомерность.* Но эта проблема совершенно трансцендентна по отношению к методам *piecemeal engineering.* Нельзя, конечно же, согласиться с тем, что «Ни при каких обстоятельствах индивидуальность не может быть такой формой бытия, которая способна онтологически обосновать социальность» [31, с. 122]. Но столь

же неприемлема и противоположная крайность, при которой социологи методологически принуждаются к тому, чтобы избавиться «от догматической веры в то, что общество следует анализировать в терминах реальных социальных групп» [24, с. 220] и ограничиться анализом систем абстрактных отношений.

Рациональный смысл проблемы индивидуализма состоит в том, выступает ли он ферментом и живым событием в опыте становления личностного самосознания, «окнами в абсолютное» духовного плана человеческого бытия, или же становится удобным способом вписать свою собственную элементарность, распавшуюся на тупо-наличные фрагменты, короткие перспективы и случайные функции, в столь же элементарные контексты целерациональности существования. Абсолютизация функциональности межиндивидуальных связей и вытеснение надындивидуальных коллективных ценностей, смыслов и целей не уничтожает основ тоталитаризма, а лишь видоизменяет его проявления. Причем таким образом, что тоталитарное сознание встраивается в структуру либерального мировоззрения. Отнюдь не является парадоксом то обстоятельство, что исследования, направленные на критику тоталитарных систем и их теоретических оснований, разделяют с критикуемыми ими учениями парадигматику тоталитарного мышления. А.М. Пятигорский считает, что в результате процесса *интериоризации* тоталитарных структур тоталитаризм перестал быть только феноменом социальной действительности или фактом политической идеологии. «Почти невидимым образом, незаметно для тех, кто его скрывает, равно как и для тех, кто его разоблачает, он превратился в факт человеческого мышления, в феномен разума… Это именно и произошло с сэром Карлом Поппером, который обрушился на концепцию историцизма, не сознавая при этом, что его собственная схема философии науки – безнадежно тоталитарна» [32, с. 155].

Безоговорочному принятию антиисторицистской парадигмы социальной инженерии как воплощения рецептурно-инструментального экспертного знания препятствует ряд обстоятельств как практически-политического, так и логико-эпистемологического плана.

Во-первых, современные общества представляют собой не гомеостатические, но сильно неравновесные системы, по отношению к которым *любые* воздействия могут давать непропорционально сильные эффекты. Поэтому метод проб и ошибок недопустим с точки зрения алармистской методологии.

Во-вторых, совершенно очевидно, что в основе программного отрицания К. Поппером общественного идеала лежит та догматическая предпосылка, что на самом-то деле этот идеал существует, и им является открытое общество. Сторонник социальной инженерии не задает вопросов об исторических тенденциях или о предназначении человека, о смысле истории и ценностях потому, что он для себя их уже решил окончательно и бесповоротно. Открытое общество – это состояние, которое можно бесконечно и рационально улучшать, совершенствовать, но любая попытка его структурного преобразования немедленно приведет к регрессу в тоталитарное за-

крытое общество. А.С. Панарин замечает: «Вопреки всяким разглагольствованиям о толерантности, плюрализме, диалоге и прочих реликтах старого либерального сознания, новое либеральное сознание абсолютно монологично, абсолютно закрыто для апелляций извне, для свидетельств другой позиции и другого опыта» [33, с. 22].

В-третьих, тезисы о том, что в истории нет смысла, но он может быть придан ей нами самими, что история не имеет цели, но наш собственный прогресс зависит от ясности наших концепций относительно наших целей и т.д. – все эти положения уничтожают сами себя. К. Поппер считает, что научно-рациональное постижение истории невозможно, ибо нельзя найти закон, объективную тенденцию или сформулировать гипотезу, если мы ограничены наблюдением одного уникального процесса. Действительно, по отношению к уникальному факту невозможны обобщения. Но ничто не является более уникальным, чем индивид, человеческая личность. Человек, в соответствии с собственными же эпистемологическими предпосылками и принципом методологического индивидуализма К. Поппера, непостижим для самого себя как целое и потому не способен рационально строить свои собственные отношения. Тем самым вся доктрина К. Поппера, утверждающая, что открытое общество является наиболее разумной и рациональной формой бытия человека – это, говоря его же словами, ненаучная метафизика, «холистское недоразумение». В результате К. Поппер вынужден постулировать две взаимоисключающие методологические модели социального познания.

С одной стороны, К. Поппер предлагает в социальных науках применять названный им «нулевым методом» (zero method) метод построения концептуальных моделей при допущении полной рациональности и исчерпывающей информированности всех индивидов, имеющих отношение к моделируемой ситуации [28, с. 47]. Эта модель является теоретической идеализацией открытого общества как наиболее рационального, самокритичного и проч. С другой стороны, К. Поппер разделяет методологический императив постклассического естествознания, который четко сформулировал И. Пригожин: «Неустранимая множественность точек зрения на одну и ту же реальность означает невозможность существования божественной точки зрения, с которой открывается вид на всю реальность» [34, с. 97].

В картине стохастической вселенной господствуют случайность, необратимость, уникальность, нелинейность, непредсказуемость. В отношении к социально-историческому процессу это «означает, что нам не надо беспокоиться о всех тех фактах и аспектах, которые не имеют отношения к нашей точке зрения». Точки зрения нельзя ни подтвердить, ни опровергнуть, они одинаково произвольны. Поэтому следует, уяснив себе необходимость принять какую-то точку зрения, *«писать такую историю, которая нам интересна»* [28, с. 52]. Тем самым рациональность решений превращается в импровизацию и интуитивный выбор на основе субъективных предпочтений как единственного способа самоопределения в стохастической вселенной: «Мы можем интерпретировать историю политической власти с точки зрения нашей борьбы за открытое общество, за власть разума, за справедливость, свободу,

равенство и за предотвращение международных преступлений... Хотя история не имеет цели, мы можем навязать ей свои цели» [26, с. 320].

Концепция открытого общества и философское осмысление социальных проблем находятся на различных онтологических уровнях. Философский анализ, по определению, не может абстрагироваться от поиска смысла и законов социально-исторического бытия. Антиисторицизм К. Поппера, на наш взгляд, основан на одной догматической предпосылке, при которой любая философия истории становится бессмысленной. А именно, для К. Поппера человек есть равное себе самому и самодостаточное бытие, автономная индивидуальность, отправление жизненных функций которой может быть либо сковано и подавлено тотализующими ее коллективностями классов, наций, культур, государств – либо предоставлено самому себе и потому свободно. Нормами рациональности социальной инженерии утверждается терпимость, соревновательность, индивидуальная свобода, но ценой отрицания всей тысячелетней культурной истории, поскольку ее груз является чем-то излишним и избыточным, а потому дисфункциональным. При этой предпосылке история неизбежно лишается смысла и внутренней законосообразности, так как единственное ее предназначение – быть интерпретированной в виде средства удовлетворения насущных потребностей свободного от исторической памяти настоящего. «Каждое поколение имеет право по-своему интерпретировать историю, и не только имеет право, а в каком-то смысле и обязано это делать, чтобы удовлетворить свои насущные потребности... решать практические проблемы, с которыми мы сталкиваемся в жизни» [26, с. 310]. Вопрос в том, не превращается ли при таких установках интерпретация истории в «жест духовной тупости» (Ф. Ницше), ведь, как в не совсем академической манере пишет Г.С. Батыгин: «Нигде нет так много напыщенного идиотизма, как в практичности» [35, с. 269].

Ф.А. фон Хайек подверг критике попперовскую концепцию социальной инженерии за то, что в этой теории абсолютизируется рациональная сторона генезиса социальных институтов. Между тем, как справедливо указывает Хайек, развитие социальных систем и институтов являются не столько результатом рационального выбора, сколько результатом спонтанного хода культурной эволюции. Абсолютизация функциональности межиндивидуальных связей и вытеснение надындивидуальных коллективных ценностей, смыслов и целей не уничтожает основ тоталитаризма, а лишь видоизменяет его проявления. Причем таким образом, что тоталитарное сознание встраивается в структуру либерального мировоззрения.

А.С. Панарин отмечает, что со времен К. Поппера концепция открытого общества эволюционировала в сторону усиления своих тоталитарных и асоциальных тенденций, приобрела агрессивно-наступательный характер. Плюрализм, соревновательность, свободная конкуренция и прочие качества западного типа культуры в теории и практике *мондиализма* конституируют себя в проект завершенной тотальности нового разумного миропорядка. «Запад как цивилизация создает свою коллективную идентичность, свое великое «мы», но одновременно категорически препятствует упрочению кол-

лективной идентичности в странах не-Запада, в которых он хотел бы видеть разрозненную диаспору «граждан мира» [30, с. 178– 179].

Ценностно-смысловая инверсия принципов «открытого общества», разработанных К. Поппером, подтверждает ту очевидную истину, что социально-политическая доктрина не может стать творческой и самокритичной, если она не прошла горнило философской проблематизации. Либеральный проект «открытого общества», утверждая плюралистическую концептуальность, заключает в себе непрорефлектированный догматизм предпосылок. Смесь догматизма с софистикой, на слово принятая за действительное мировоззренческое содержание либерально-демократической цивилизации, чрезвычайно опасна. При определенных условиях философия *«а почему бы и нет»* может стать губительней откровенного фундаментализма. Такие условия сейчас сложились в странах СНГ, в том числе и в Казахстане.

Н.Р. Аршабеков отмечает: «Разумеется, обнаружение дефектов и логических нестыковок в концептуальных схемах интерпретации открытого общества как абстрактной социальной системы ни в коей мере не означает дискредитации самого этого общества и перехода на позиции «адвоката дьявола» – защиты тоталитарных социально-политических порядков» [36, с. 177]. Поэтому, быть может, не все так уж безнадежно с проектами вхождения Казахстана в «либерально-демократическую современность» на основе концепции открытого общества. Мы имеем в виду возможность построения и реализации модели открытого общества, опосредствованную критическим преодолением ее собственных основоположений и предпосылок.

2 СОЦИОИНЖЕНЕРНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ ВО ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОЙ СФЕРЕ

2.1 Модели концептуализации сферы политического управления

Очевидно, что принятие той или иной модели организации политического пространства имеет решающее значение для выбора и применения методов политического управления. Рассмотрим основные концепции политического бытия и вытекающие из них особенности политического управления.

1. В традиционной политологии существуют две методологических парадигмы оценки политических систем. *Первая,* восходящая к Платону и Аристотелю, связана с постановкой вопроса о том, *какой политический режим наиболее соответствует сущности человека, требованию реализации гуманистических идеалов и ценностей.* Вторая, идущая от Макиавелли, акцентирует проблему эффективности политических режимов: «Наука политики – холодная инструментальная наука, которая учит тому, *как достигать результатов, а не тому, как следовать ценностям»* [30, с. 36].

В современной политической теории утверждение альтернативности этих подходов вытесняется более широким пониманием, не противополагающим столь односторонне интересы и ценности, расчетливо-осмотрительную целерациональность и идеальное целеполагание. Императивом современной политологии становится задача синтеза онтологически-аксиологического и функционального подходов, инструментально-утилитарного и философско-культурологического понимания сущности политики, преодоление крайностей технократического редукционизма и абстрактно-гуманистической риторики. На основе этой парадигмы разрабатываются модели *делиберативной (дискурсивно-консенсусной, коммуникативной) демократии,* альтернативные *либеральной политике интересов.*

В моделях делиберативной демократии (Дж. Коэн, Х. Арендт, Ю. Хабермас) ключевой является идея о том, что содержанием политики является выработка справедливых политических решений как результат консенсуса или компромисса, достигнутого в ходе их обсуждения. Политическая власть рассматривается как потенциал общей воли, сформированной в свободной коммуникации равных граждан. Тем самым легитимная политическая власть противопоставляется насилию.

Согласно второй модели, политика рассматривается исключительно как борьба стратегически действующих социальных групп за приобретение или удержание позиций власти с целью утверждения своей политической воли и защиты интересов. Для модели политики интересов аксиоматическим является положение о том, что «любая власть выступает как право

и возможность одних распоряжаться, повелевать и управлять другими. *Основой власти, ее концентрированным выражением являются отношения господства и подчинения*» [37, с. 185]. Постулат о том, что конфликт групповых интересов и ценностей является основой структурирования политического пространства доминирует в современной политической философии и присущ самым разным либеральным политическим теориям (М. Вебер, Ф. Хайек, К. Поппер, Р. Даль, Й. Шумпеттер).

Концепции консоционалистской демократии занимают промежуточное положение в этой типологии. С одной стороны, А. Лейпхарт и Г. Лембрух противопоставляют консоционалисткие модели демократии конкурентным моделям как стратегию урегулирования конфликтов путем сотрудничества и договоренностей между элитами, а не путем конкурентной соревновательности и принятия решений по принципу большинства. С другой стороны, «демократия согласия» или «демократия сотрудничества» исключает из процесса непосредственной политической коммуникации большинство населения.

Традиционные методы и подходы социальной инженерии развивались в русле именно парадигмы политики интересов. Делиберативная демократия призвана на практике реализовать принцип ненасилия в политической сфере. В этой модели принципиально не применимы методы социальной инженерии, основанные на манипуляции или принуждении. Единственная сила, которая может заставить участников публичного обсуждения принять ту или иную позицию, это сила лучшего, более убедительного аргумента. Любые формы принуждения, связанные с неравным распределением власти и ресурсов, должны быть исключены. Само по себе публичное обсуждение ведет к исключению узко эгоистических, индивидуальных или групповых, предпочтений и интересов, фокусируя внимание на соображениях общего блага.

С точки зрения современного понимания оснований политической рациональности невозможно претендовать на знание процедур, способных обеспечить единственно правильное решение, соответствующее некоему абсолютному стандарту. Не является такой процедурой и публичное обсуждение. Но достигнутое в ходе такой дискуссии решение, будучи легитимным и рациональным, остается вместе с тем открытым для пересмотра в свете новой информации и новых аргументов.

Сторонники делиберативной модели справедливо указывают, что в отсутствие обсуждения люди формулируют свои потребности, исходя из стандартов, которые в данное время и в данном обществе считаются выражением здравого смысла. Они не видят более широкий круг возможностей, способствуя тем самым консервации существующего положения. Сдвиг управленческой практики к делиберативной модели поощряет людей не просто выражать свои политические мнения через процедуры голосования, но формировать эти мнения в ходе публичных, свободных, аргументированных обсуждений. Эта модель политического управления поощряет рефлексию, помогает понять гражданам свои легитимные интересы, способствует развитию политической компетенции. Такое понимание политического процесса отвечает идее демократии как самоорганизации ассоциации свобод-

ных и равных граждан, которые сообща вырабатывают правила совместного проживания.

Делиберативная демократия имеет ту особенность, что она предотвращает подмену *легитимности* управления его *эффективностью*. Административная власть имеет тенденцию к переходу на самопрограммирование, на рост своей независимости от общества. «Неограниченный дискурс свободных и равных граждан является основанием легитимности институтов и норм демократического общества: институты легитимны постольку, поскольку они устанавливают организационную структуру свободного публичного обсуждения, нормы легитимны в той мере, в какой они являются результатом такого обсуждения» [38, с. 51].

Однако при всех своих несомненных достоинствах делиберативная модель демократии не может быть обеспечена конкретными политическими технологиями. Развитие политической общественной сферы как промежуточной структуры между политической системой и частной сферой можно стимулировать или затормозить, но жизнеспособное гражданское общество возникает в результате спонтанного возникновения общественных ассоциаций, групп и движений, его нельзя создать методами правового регулирования, административного контроля или политического управления.

Другим важным концептуальным различием, определяющим особенности применения методов социальной инженерии к управлению внутриполитическими процессами, является различие двух закрепленных терминологически смысла понятии «политика».

Во-первых, под политикой понимаются действия политических и общественных организаций, а также отдельных политиков и их команд, направленные на завоевание и удержание власти. Этот вид политики именуется *публичной политикой* (politics) и требует политической культуры партийного строительства, выбора тактики политических действий, планирования и проведения избирательных кампаний, владения методами политической борьбы и выборных технологий и т.д. Для политики как борьбы партий, программ, идеологических нарративов, основывающих легитимность притязаний публичных политиков на власть, жизненно важным становится яркий и привлекательный имидж политического лидера, что является непременным и главным условием завоевания голосов избирателей.

Во-вторых, под политикой понимается государственная политика, проводимая органами государственной власти и управления в рамках институтов, образующих политическую систему общества. Этот вид политики носит название *государственной* или *общественной политики* (public policy) и предполагает владение современными методами политического управления; применение эффективных политических технологий и процедур разработки, принятия, реализации и контроля исполнения политических решений; владение научными методами политического мониторинга и анализа, планирования и прогнозирования; владение приемами урегулирования социально-политических конфликтов и т.д. Политика при этом рассматривается как обеспечение работы механизмов решения общественных проблем и реализации общезначимых целей общественного развития.

Различия двух типов политики удобно представить в виде таблицы – см.: *Таблицу 2*:

Таблица 2. **Сравнительные характеристики государственной и публичной политики**

	Государственная (общественная) политика (public policy)	Публичная политика (politics)
Цель	Развитие социально-экономической системы	Завоевание и удержание власти
Планирование	Стратегические планы и программы	Краткосрочные и конъюнктурные планы
Субъект	Органы государственной власти и управления	Политические партии, общественные организации, отдельные политики
Объект	Социально-экономические структуры и отношения	Социальные классы и группы, электорат
Инструменты	Государственные программы и проекты, бюджетная политика, нормотворчество	Политические кампании и избирательные технологии, законотворчество
Политические риски и угрозы	Усиление имеющихся или возникновение новых деструктивных процессов в экономических, социальных, нормативно-ценностных структурах общества	Утрата ряда властных полномочий, ослабление или утрата легитимности политического режима, рост влияния оппозиционных политических сил
Особенности имиджа политического лидера	Определяющее значение институциональных форм организации власти; обезличенность, функциональность образа; решающая роль профессиональных качеств, деловой компетентности	Определяющая роль социокультурных традиций формирования образа власти; четкая индивидуализированность образа; значение личностных качеств, прежде всего – нравственных

В реальном социально-политическом процессе эти две разновидности политической деятельности развиваются не раздельно друг от друга, как это предписывается общей теорией, но образуют самые причудливые комбинации.

Смешение двух типов организации политического пространства определяет и интерференцию присущих им образов власти. В восприятии политической сферы массовым сознанием населения даже самых демократических стран в той или иной степени присутствует символика власти как *Politica Hermetica* – «царского искусства», посвященность в тайны и скрытые пружины которого издревле является уделом «сильных мира сего»: государей и их приближенных, привилегированных сословий и высших социальных каст. В таком измерении политика выступает эзотерической, наглухо закрытой для непосвященных, окутанной тайной, слухами, мифами сферой со своими неписаными правилами, кодексами, ритуалами. С этой сферой в массовом сознании прочно связаны представления о виртуозном владении технологиями и приемами плетения сети интриг, организации политических заговоров, подготовки дворцовых переворотов и т.д. Причем если тонкое искусство многоходовой и виртуозно

выстроенной политической интриги может все же доставить наблюдателю интеллектуальное и эстетическое наслаждение, то аппаратные склоки, «подсидки», доносы и т.д. ничего, кроме омерзения, вызвать не могут.

Такого рода политика может прикрываться фасадом публичной политики, институтами выборной власти, либерально-демократической фразеологией и т.д., но от этого не меняется ее суть и из имиджа даже самым прозаически-демократическим путем избранного политического лидера не исчезает некая нуминозность, мистическая аура как основание легитимности его притязаний на власть. Такого рода эзотерическая механика политической власти и ее скрытые цели определяют также и формы внешней презентации власти, создания ею собственного популярного и привлекательного имиджа в глазах профанов.

Образ этой власти и технологии ее завоевания и удержания были исследованы в одном из самых знаменитых политических текстов – «Государе» Никколо Макиавелли. Чистое воплощение сущности политики и идеал политика Макиавелли усмотрел в Чезаре Борджиа, превратившим Флоренцию в центр политического терроризма. Этот текст ошеломил читателей своим вызывающим имморализмом в интерпретации политики и в трактовке сущности государственной власти, был воспринят как злокозненная и циничная доктрина. В трактате Макиавелли власть сведена к чистой технологии, утрачивая любые трансцендентные, сакральные, метафизические основания. Здесь мы встречаемся с негативом классического философско-политического мышления. Политическая культура в античной философии сознательно возводилась на фундаменте этики и онтологии, что придавало античной политической культуре подлинно гуманистический характер.

С книг Макиавелли начинается эмансипация политики от теологии и вместе с тем формирование специфического для политической сферы нормативно-ценностного комплекса. В итоге формируется тенденция вытеснения «инструментальным разумом» этической рефлексии, редуцирующейся к более или менее изощренной политической риторике. Преобладающий в теории и в управленческой практике современных демократий инструментальный подход к политике предусматривает исключение мировоззренческих, идейно-теоретических, экзистенциально-смысловых оснований и мотивов функционирования политических институтов. Д.В. Иванов отмечает: даже в наиболее развитых странах Запада «наличие у кандидатов на выборные государственные посты четкой идеологической позиции, попытки следовать заявленным курсом реформ становятся попросту социально опасными» [39, с. 52]. Власть при этом рассматривается сугубо технологически, через призму механизмов ее захвата, удержания и усиления и соответствующих рисков – ослабления и потери власти. С этим во многом связано и негативное отношение к политике как таковой как к грязному занятию, с которым уважающие себя люди должны иметь как можно меньше общего. В условиях отчуждения административно-бюрократического аппарата власти от народа, патрон-клиентных отношений и кланового характера модели формирования и консолидации «политического класса», сам факт

участия во власти может восприниматься как негативно характеризующий человека. Именно такой смысл вкладывал С. Кьеркегор в свое, по видимости апологетическое по отношению к властям предержащим, утверждение: «Возрадуемся, ибо находятся люди, желающие нами править, тогда, как мы можем оставаться свободными».

В отечественной литературе обычно используется термин *«государственная политика»,* ставя тем самым акцент на субъекте политического управления, т.е. на государстве. При этом подходе главная роль при разработке государственной политики отводится органам государственной власти и управления, т.е. чиновникам и политикам, принимающим управленческие решения. В то же время политика имеет общественный характер, так как она направлена на удовлетворение общественных потребностей и интересов, в ее разработке в той или иной форме принимают участие различные институты гражданского общества. В западных странах чаще всего используют термин *«общественная политика»* (public policy), подразумевая, что законодательные и исполнительные органы власти должны отражать волю и интересы граждан. При таком подходе предполагается, что на основе интересов граждан формируется государственная стратегия, реализуемая через государственное управление. Процесс формирования государственной политики происходит в соответствии со схемой, представленной на рисунке 2:

Рисунок 2. **Процесс формирования государственной политики**

Таким образом, при анализе внутриполитических процессов и разработке социоинженерных методов управления ими многое зависит от того, какой стороне политики уделяется основное внимание (какая из них полагается определяющей) и какими критериями при этом пользуются: *рассматривается ли политика как социальный процесс по решению общественных проблем, в котором на равных участвуют государство и гражданское общество, или политика рассматривается как деятельность государственно-политических институтов.* В зависимости от того, какая именно сторона из оппозиций «центр – местная власть» и «государственные органы власти – гражданское общество» берется за основу, выделяются четыре основных модели политического управления:

1. Модель «центр – местная власть». Решения принимаются на высших уровнях управления, а затем доводятся до органов регионального или местного управления как исполнителей государственной политики.

2. Модель «местная власть – центр», при которой государственная политика разрабатывается на основе предложений, мнений и интересов региональных и местных органов управления.

3. Модель «государство – общество», когда управление политическими процессами ведется силами бюрократического аппарата, а общественные организации и граждане являются потребителями услуг и исполнителями административных решений.

4. Модель «общество – государство», при которой при сохранении централизованного управления активно действуют механизмы привлечения к разработке государственной политики граждан и общественных организаций.

В практике политического управления, в том числе и в Казахстане, реализуются, как правило, все эти модели в зависимости от характера решаемых задач и целей, преследуемых субъектами политических решений. Речь может идти о преобладании, преимущественном использовании той или иной модели для выработки оптимального профиля политического управления. В целом же *государственная политика всегда должна носить публичный характер, быть транспарентной для граждан и выражать согласованные интересы различных социальных групп и слоев населения страны.*

Мировой опыт свидетельствует, что для выполнения задачи обновления системы политического управления необходимы:

* анализ и комплексное изучение функционирования госаппарата и всей системы государственного управления и власти;
* разработка концепции и рабочих программ повышения эффективности государственно-политического управления на основе отечественного и зарубежного опыта;
* совершенствование административных процедур и формирование государственно-административной политики;
* оптимизация отношений между гражданами, их объединениями и органами государственной и местной власти.

В решении этих фундаментальных задач заметная роль должна быть отведена социоинженерным методам и технологиям.

В последнее время во многих странах наметился отход от традиционной, административно-бюрократической модели политического управления. Происходит развитие организационных структур на основе горизонтальных связей и сетей, широкого использования информационных технологий. Грань между субъектами (органы государственного управления) и объектами (социальные слои, группы, организации, отдельные граждане) государственной политики становится достаточно подвижной и функциональной. Новая, «постбюрократическая» модель управления получила название «Новое государственное управление»(New public management). Идеи нового государственного управления как реакции на новые ценности, потребности и вызовы современности широко используются правительствами различных стран при осуществлении административных реформ, обновлении

всей системы государственного устройства и модернизации институтов политической власти.

Основные критерии и отличительные особенности, характеризующие формирование политической сферы в рамках традиционной и современной моделей, представлены в таблице 3.

Таблица 3. **Основные характеристики традиционного и современного типа политики**

Характеристики политики	Традиционная политика
* Ориентация в работе	**Правила и инструкции**	Потребности
* Уровень инноваций	Низкий	Высокий
* Проведение исследований	**Редко проводятся**	Часто проводятся
* Привлечение граждан	**Редко привлекаются**	Часто привлекаются
* Открытость, прозрачность	**Низкая**	Высокая
* Оценка услуг	**Количество**	Качество
* Отношение к рискам	**Отрицательное**	Разумный риск
* Оценка работы	**Затраты**	Результаты
* Учет интересов	**Общий**	Дифференцированный
* Планирование	**Текущее**	Стратегическое
* Доверие населения	**Низкое**	Высокое

Что касается стран СНГ, в которых проводятся административные реформы, в том числе и Казахстана, то в них становление новой системы политического управления происходит, с большим или меньшим успехом, по нескольким направлениям. К важнейшим из них можно отнести:

1. Формирование новой системы разработки и координации государственной политики.

2. Модернизация структур и общего механизма деятельности центрального правительства, включая систему принятия решений.

3. Совершенствование организационных структур и административных процедур в министерствах и ведомствах.

4. Укрепление законодательной и нормативной базы деятельности органов государственной власти и управления.

5. Модернизация кадровой политики и государственной службы, совершенствование системы обучения персонала.

6. Развитие механизма взаимоотношений между центральными, региональными и местными органами власти.

7. Совершенствование финансового менеджмента и системы государственного регулирования.

8. Обеспечение открытости и улучшение взаимоотношений между гражданским обществом, бизнесом и государственными органами власти.

9. Совершенствование системы контроля, ответственности и подотчетности в госаппарате [40, с. 41–42].

Магистральную линию трансформации технологий политического управления в Казахстане можно определить как переход от административно-командной модели тоталитарного периода через различные формы авторитарно-бюрократического управления на стадии модернизации социально-политической системы к либерально-демократическим моделям «политики интересов» как завершающего этапа периода политической трансформации и затем, в идеале, к «постбюрократической», делиберативной форме демократического самоуправления.

Данные модели являются не только последовательно сменяющими друг друга этапами эволюции форм политического управления, но сосуществуют как различные принципы и технологии актуально осуществляемого политического процесса. Таким образом, задачей применения методов социальной инженерии является практическое обеспечение повышения удельного веса переговорных, коммуникативно-дискурсивных социальных технологий и снижения роли административно-приказных методов управления внутриполитическими процессами.

Эта задача обусловлена также и основными общемировыми тенденциями. Современный этап развития цивилизации типологически характеризуется тем, что созданные информационными технологиями глобальные сети направляют процессы трансформации социальной реальности. Эта новая реальность обладает независимостью от социального и политического контроля, стоит над обществом, над государственными границами и т.д. Ее организационной структуре соответствует определенная управленческая парадигма.

Сетевая структура обладает распределенным, децентрализованным ресурсом, что препятствует образованию жесткой управленческой иерархии, построенной по принципу допуска к ресурсам. Индивид, получивший доступ к одной из точек сети, автоматически получает возможность доступа ко всей полноте ресурсов. Власть, формально принадлежащая государственным органам, все больше утрачивает способность преодолевать сопротивление неформальных сетевых структур, основанных на личной зависимости и взаимных обменах услугами.

Сетевая структура наиболее полно реализована во всемирной паутине Интернета*. Сетевые связи резко снижают значение вертикальных управленческих иерархий, на основе которых построены все традиционные системы политического управления (рисунок 3).

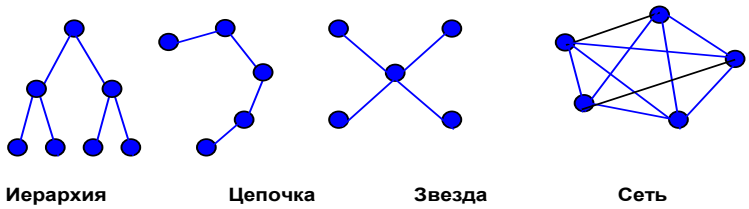


Рисунок 3. **Основные типы организационных структур**

С точки зрения требований новой социальной морфологии и экспансии «киберлиберализма» требуют пересмотра многие устоявшиеся управленческие постулаты социальной инженерии, адаптированные к иерархическим структурам институтов политической власти.

2.2 Принципы подготовки, принятия и выполнения политического решения

Одной из модификаций социально-инженерного подхода к политико-управленческой сфере является теория принятия политических решений. Теория принятия политических решений – это политико-управленческая наука, связанная с изучением на мультидисциплинарной основе механизмов и закономерностей публично-государственной политики, а также с решением задачи научно-интеллектуального обеспечения эффективности политического управления на основе разработки принципов и методов подготовки, принятия и осуществления публично-государственных политических решений.

Современные исследователи рассматривают принятие политических решений как триединый феномен – искусство (творчество), науку (знания) и ремесло (профессиональные навыки, умения, опыт). В этом синтезе «искусство» обеспечивает самую сложную сторону политической деятельности, связанную с творчеством и интуицией, креативностью и развитой способностью воображения, необходимыми в нестандартных и непрограммируемых политических ситуациях, к которым трудно или невозможно применить гото-

* Следует отметить, что сеть Интернета была разработана в 1960-х годах для нужд Министерства Обороны США и была призвана снизить уязвимость систем коммуникации и управления в случае нанесения ракетно-ядерного удара. Наиболее слабым звеном этих систем был центральный компьютер. Пытаясь решить эту проблему, П. Бэран предложил схему управленческих коммуникаций, вообще лишенную управляющих центров.

вую модель, шаблон решения. Вместе с тем и в нестандартных ситуациях сохраняют силу ряд принципов принятия политических решений.

Ключевыми принципами применения методов социальной инженерии к решению задач политического управления являются:

- формирование политики вокруг согласованных *целей, задач* и определенных *результатов*, а не вокруг организационно-управленческих *структур* и предписанных им *функций*;
- разработка и проведение политики, *наиболее интегрированной* общегосударственными интересами, и вместе с тем *наиболее сегментированной* на основе учета дифференцированных потребностей различных социальных групп;
- подход к политическому управлению как к постоянному *самообучающемуся* процессу.
- обеспечение *прозрачности* управленческих решений, ясности и доступности информации об их целях и задачах, о возможных результатах, включая изменения в распределении ресурсов, издержки и выгоды для различных социальных групп населения.

2.3 Технологические функции политического управления

Действенность и качество политического управления прежде всего и в основном определяются действенностью и качеством тех решений, которые принимаются и реализуются в ходе разрешения социальных проблем. Всякое решение – это выбор между взаимоисключающими возможностями (альтернативами) или вариантами. Но чтобы выбор стал элементом решения (а не познания или оценки), он должен быть выбором определенной социальной цели и нормы. Таким образом, *управленческое решение – это альтернативный выбор социальной цели и нормы, определяющих содержание и порядок действий.*

Чтобы управленческое решение было действенным, социально эффективным, оно должно быть технологически обоснованным, тщательно проработанным по всем его основным параметрам. Можно выделить три основных требования к обоснованности управленческого решения:

- *Во-первых,* всякое решение должно быть выполнимым, ставить лишь достижимую цель и исходить из реальных ресурсов.
- *Во-вторых,* оно должно содержать механизм реализации, т.е. порядок осуществления всех сопутствующих задач, основные организационные мероприятия, расчет материально-финансового и кадрового обеспечения.
- *В-третьих,* располагать необходимым запасом устойчивости и гибкости по отношению к основным рискам и вариантам возможных ошибок.

Под технологией управленческого решения понимается система подходов, методов, приемов и этапов работы управленческого персонала с управленческим решением. Различаются два подхода к технологии управленческих решений: *нормативный* (количественный) и *дескриптивный* (качественный). При нормативном подходе во главу угла ставятся формализо-

ванные модели управленческого решения, изучаемые формальными, преимущественно экономико-математическими и инженерно-математическими, методами. Дескриптивный подход опирается на качественное описание и анализ технологий управленческого решения. Ни одному из этих подходов нельзя однозначно отдать предпочтения. Все зависит от конкретной ситуации: при наличии линейных зависимостей успешнее срабатывает нормативный подход, при нелинейных – дескриптивный.

Что касается структурирования технологии принятия управленческих решений, то по этой проблеме пока не выработано общепринятой схемы. В качестве одной из функциональных моделей, наиболее адекватных административно-бюрократическому, нормативному типу управления, можно привести технологическую схему, представленную на рисунке 4:

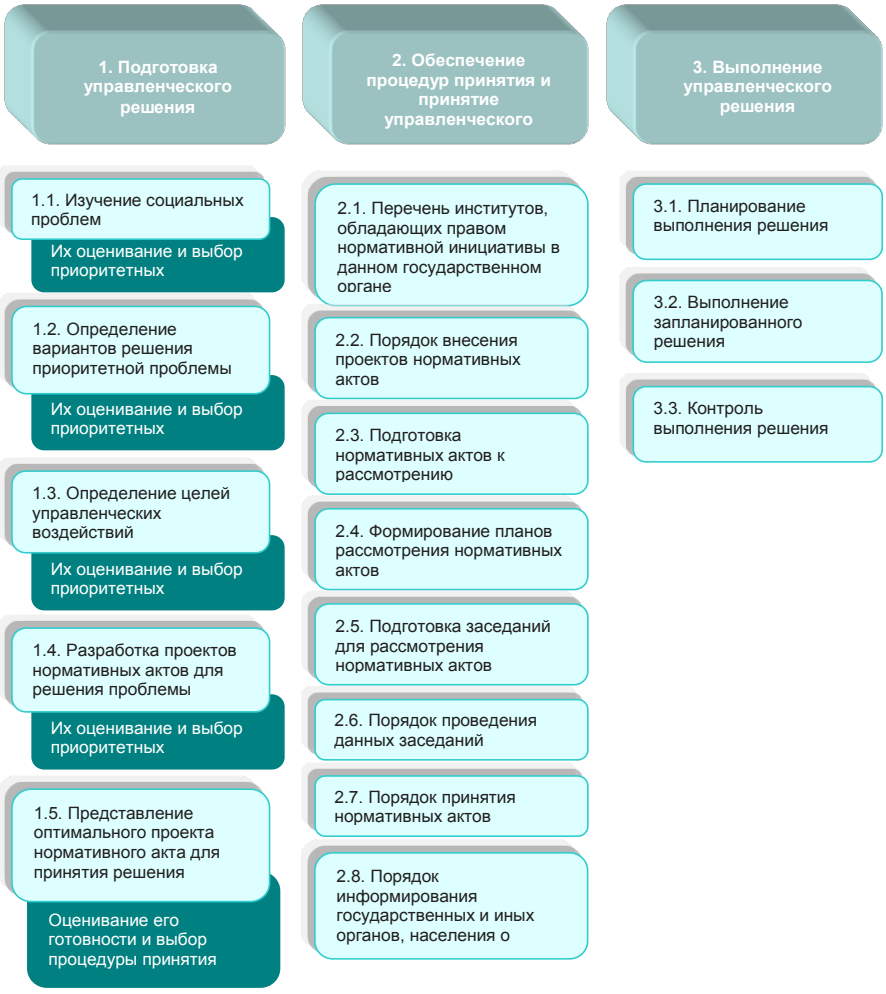


Рисунок 4. **Технологические функции социального управления** [37, с. 146]

2.4 Комплексный алгоритм социоинженерного обеспечения политико-управленческих решений

Для социоинженерной разработки и применения *общего алгоритма подготовки, принятия и выполнения политического решения* следует учесть то обстоятельство, что решения в сфере управления политическими процессами можно разделить на *собственно политические* и *административные*. Первые решения связаны с задачами разработки и реализации политической стратегии и принимаются на уровне политического руководства. Административные решения нацелены на решение практических проблем государственной политики и принимаются министерствами, ведомствами, региональными администрациями и т.д. Таким образом, целесообразно разделять политические и административные блоки управления политической сферой.

Рисунок 5. **Алгоритм социоинженерного обеспечения принятия политических и административных решений**

На рисунке 5 представлена схема или социально-инженерный алгоритм принятия управленческих решений. Эта общая схема модифицируется в каждом конкретном случае. Отдельные пункты (этапы) могут отсутствовать или прибавляться, им может придаваться большее или меньшее значение. Часто отсутствуют критерии завершения каждой из стадий (исчерпания функций), поэтому бывает трудно провести между ними четкую грань.

Подготовка, принятие и выполнение политических решений начинаются как политические предложения и завершаются как последствия для конкретных людей. Фаза принятия политического решения начинается с

формулирования политического предложения и заканчивается (если заканчивается) принятием законов, подзаконных актов, директив и других политических решений. Фаза выполнения политического решения начинается с его принятия и продолжается до тех пор, пока избранный политический курс продолжает проводиться.

Принятые политические решения очень редко точно указывают, что должно быть сделано. Вместо этого они требуют принятия политических решений в других областях. Рассматривая фазу выполнения решения как принятие серии решений, следует обращать внимание на ценности и интересы тех лиц, чью сотрудничество требуется для выполнения решения и тех, кто противодействует ему.

В идеальном, с точки зрения принципов социальной инженерии, варианте должны быть реализованы следующие условия и предпосылки принятия и выполнения оптимального управленческого решения:

- государство способно правильно определить основные общественные *проблемы*, причины и факторы их возникновения, определить меру необходимости их решения политическими средствами;
- все социальные *ценности* и общественные *интересы* различных слоев и групп можно выявить и оценить на основе полной и объективной информации;
- можно определить все *альтернативные варианты* решения, а также провести их количественную оценку и анализ;
- государство способно оценить все краткосрочные и долгосрочные *последствия* альтернативных вариантов для отдельных социальных групп и общества в целом;
- субъекты политического решения способны определить все социальные, экономические и политические выгоды, издержки и риски по каждой альтернативе;
- политики в состоянии выбрать оптимальную альтернативу и обеспечить получение максимальных выгод при минимальных издержках [40, с. 32].

Понятно, что в реальной практике обеспечить все перечисленные условия чрезвычайно сложно. Социоинженерные методы имеют целью максимально возможное приближение к идеально-нормативным требованиям рационализации всех основных компонентов и функций системы политического управления: анализу проблем, разработке программ и планов, выбору курса, приоритетов, задач, целей, процедур, оценки альтернатив, механизма консультаций и согласований, принятия и легитимации, реализации, контроля и мониторинга решений и т.д.

Рассмотрим подробнее некоторые из обозначенных выше блоков или этапов общего алгоритма социоинженерного обеспечения принятия политических и административных решений.

Определение целей и приоритетов политического управления

В зависимости от изменения социальной, экономической, политической ситуации в стране те или иные проблемы выдвигаются на авансцену политической жизни или отходят на второй план. Происходит постоянная смена приоритетов и целей, изменение политической повестки дня, что затрудняет

использование научных, в том числе социально-инженерных методик рационализации политического управления (планирования, прогнозирования и т.д.). В таких условиях органы политического управления могут действовать, придерживаясь либо а) *конъюнктурных соображений,* ориентируясь на текущую ситуацию, общественное мнение и т.д., либо б) опираясь на *стратегические цели* и *иерархически высшие социальные ценности.*

Возникает вопрос: существуют ли объективные критерии и надежные методы определения политических приоритетов? В литературе описан ряд моделей выбора политических приоритетов, реализуемых в работе органов политической власти. В соответствии с одной из них выбор приоритетов происходит в процессе политической борьбы между различными социальными группами и зависит от расстановки политических сил, характера отношения между ними и обществом, глубины конфликта интересов, особенностей политической культуры и т.д. Выявление и количественная оценка этих факторов позволяют провести ранжирование авторитетов по схеме, представленной на рисунке 6 [40, с. 119]:

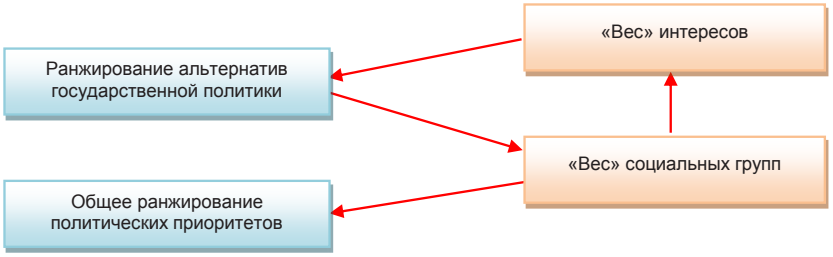


Рисунок 6. **Модель ранжирования приоритетов государственной политики**

При практическом использовании этой схемы в качестве ориентиров берутся общенациональные интересы, которые соотносятся с ролью и весом различных социальных групп, отстаивающих свои корпоративные интересы. Это соотношение, по мнению В.В. Лобанова, поддается объективной количественной оценке. На наш взгляд, определение значимости тех или иных политических интересов для развития общества, а также оценка «веса» различных социальных групп, даже при условии проведения масштабных социологических исследований, вряд ли могут быть свободны от субъективных взглядов и предпочтений политического аналитика, особенностей его восприятия и оценки политической ситуации, расстановки политических сил. Тем более проблематичным становится данный подход в условиях, когда отсутствует социальный консенсус в отношении общенациональных интересов и целей.

Другой моделью оценки политических приоритетов является использование ряда количественных показателей, таких как:

- серьезность и неотложность проблемы, определяемая степенью отклонения социальных процессов от легитимных норм и стандартов;

- степень вовлеченности населения в проблему, уровень порождаемой ею социальной напряженности;
- последствия, к которым приведет неурегулированность этой проблемы в краткосрочной и долгосрочной перспективе;
- объем ресурсов, необходимых для ее решения и т.д.

Существуют и иные модели выбора политических приоритетов. Но в любом случае система политического управления должна включать в себя структуры, ответственные за отбор политических приоритетов.

Выявление и анализ общественных проблем

Технологии и процедуры подготовки политических, административных и иных управленческих решений по многим параметрам не отличаются сколько-нибудь значительно друг от друга. В политическом управлении, как и во всяком другом, технологическая цепочка начинается с подготовки управленческих решений.

С точки зрения социоинженерной методологии, непосредственными причинами, побуждающими осуществлять подготовку и принятие управленческих решений, являются те или иные социальные проблемы, связанные с различными отклонениями фактического состояния управляемой подсистемы от запрограммированного, а также со всякого рода нарушениями в механизме функционирования системы в целом. При этом если характер и частота каких-либо отклонений и нарушений оказываются не эпизодическими, а устойчивыми, то это может рассматриваться как свидетельство несовершенства самой системы, в том числе и ее управляющей подсистемы.

Одна из важнейших функций системы политического управления состоит в выявлении и разрешении общественных проблем. Следует обратить внимание на то, что не всякая, даже острая и масштабная социальная проблема приобретает характер политической и требует политических методов решения. Одним из постоянно воспроизводимых источников социального напряжения, конфликтности в казахстанском обществе является именно чрезмерная политизация таких проблем, как межнациональные отношения, языковая проблема и многих других.

На этапе определения и анализа проблем необходимо:

- определить содержание и характер проблемы;
- установить основные причины возникновения проблемы;
- выявить границы, масштаб и тенденции развития проблемы;
- провести анализ факторов, влияющих на проблему;
- выявить социальные слои и группы, вовлеченные в проблемную ситуацию;
- выделить основные и второстепенные аспекты проблемы.

Если рассматривать процесс определения проблем, требующих конкретных и целенаправленных действий органов политической власти, по модели развития политики «гражданское общество – органы государственного управления» и «местная власть – центр», то основными механизмами этого процесса можно считать:

1. Восприятие и выделение проблем социальными слоями и органами власти на местах.

2. Организация социальных групп, проявляющих заинтересованность в решении проблемы через органы государственного управления.

3. Желание социальных слоев и организованных групп населения (групп интересов) принять непосредственное участие в разработке и осуществлении политических мер по решению проблемы.

Одним из методов социальной инженерии является структуризация проблемы, т.е. ее расчленение на составные части, элементы, и определение структуры их взаимосвязей с использованием количественных и качественных методов.

Хотя в основе большинства социальных проблем лежат причины объективного характера, сам процесс их выявления, анализа, оценки, постановки перед органами политического управления и т.д. имеет во многом творческий, субъективный характер.

Обеспечение процедур принятия и принятие управленческого решения.

Главным элементом различных процедур принятия решения является выбор управленческих альтернатив на основе выделения того варианта социальной цели и нормы, которые станут обязательными для исполнения. После принятия решения именно они превратятся в новый закон, указ, постановление, распоряжение, приказ, указание, предписание и т.д. Важной является проблема определения критериев осуществления оптимального выбора.

Совокупность процедур по принятию управленческих решений образует регламент, как правило, нормативно закрепленный в уставах соответствующих органов управления (регламент Правительства, регламент Парламента, регламент Администрации Президента и т.д.). Неукоснительное следование регламенту – важнейшее требование к профессиональной компетенции госслужащих. Вместе с тем абсолютизация регламента является причиной и показателем административно-бюрократической заорганизованности, негибкости управляющей подсистемы.

Рациональная модель принятия решений в сфере политики не может опираться только на упорядочение совокупности регламентированных процедур. Существует много иных факторов, влияющих на принятие решений:

- круг лиц, принимающих решение, особенности их идеологии, психологии, политических убеждений, мотивации, социально-ролевого поведения;
- соотношение и реальная роль формальных и неформальных оснований, правил, критериев, процедур отбора вариантов, обсуждения и принятия решений;
- ситуация, в которой принимается решение: спокойная или угрожающая, стандартная, рутинная или экстремальная и т.д.

Анализ и оценка подобного рода факторов – задача социоинженерной деятельности в режимах внешнего и внутреннего политического консалтинга и менеджмента в сфере управления человеческими ресурсами. Технология решения этой задачи, несмотря на уникальное в каждом конкретном случае

соотношение факторов и конфигурацию границ рациональности, поддается алгоритмизации, включающей в себя ряд стадий и действий.

1. Выделение групп действующих лиц, участвующих в принятии решения

Обычно это две взаимопересекающиеся группы действующих лиц: те, которые имеют значительные интересы в рассматриваемом вопросе, и те, кто занимает официальное формализованное место в процессе принятия решений.

2. Понимание мотивации и систем убеждений этих действующих лиц

Мотивация и система убеждений групп давления чаще всего являются очевидными. Если это не так, необходимо сделать предположение о том, как они отнесутся к конкретному политическому предложению, путем сравнения затрат и приобретений, которые ожидают лидеры групп.

3. Оценка ресурсов, которыми обладают эти действующие лица

4. Выбор политического поля действия

В политике каждое поле действия имеет собственные правила, касающиеся процесса принятия решений. *Законодатели* имеют *регламенты*. *Агентства исполнительной власти* имеют *административные процедуры*. Кроме того, неписаные правила и традиции могут оказывать влияние на процесс принятия решений. Можно ожидать, что действующие лица, проигрывающие дискуссию по какому-то вопросу на одном «поле», перенесут дебаты на другое.

Политические технологии легитимизации управленческих решений

Основными политическими технологиями, используемыми в процессе принятия и легитимизации решений, являются *кооптация, компромисс, манипулирование обстоятельствами и риторика.*

Обычно люди, занимающие общественные должности, чувствуют гордость от авторства какого-то решения. Авторство же неудачных идей редко признается. Поэтому наиболее распространенной политической технологией является убеждение других в том, что предложение частично является и их идеей. В законодательном процессе это наблюдается в форме совместного внесения законопроектов. В исполнительной власти это проявляется в создании различных консультативных советов. Политические противники,

которые уверены, что они участвовали в принятии решения как члены такого совета, менее вероятно будут активно препятствовать этому решению. Такая стратегия известна под названием *кооптация.*

Компромисс означает существенное изменение политического предложения, чтобы сделать его более приемлемым. Если наиболее желаемый политический курс не встречает достаточной поддержки, необходима его модификация, чтобы получить дополнительную поддержку. Чаще всего из предложения удаляются те пункты, которые вызывают наиболее сильное противодействие оппонентов. Иногда добавляются положения, которые оппоненты могут посчитать привлекательными.

Манипулирование обстоятельствами включает в себя две стратегии. *Во-первых,* используется манипулирование повесткой дня. *Во-вторых,* можно использовать прием изменения оценок.

Выполнение управленческих решений

Нередки случаи, когда обоснованные управленческие решения остаются без практического воплощения. Одной из существенных причин этого является отсутствие или несоблюдение требований рациональной технологии исполнения управленческих решений.

При обеспечении выполнения решения необходимо оценить факторы, влияющие на успех или неудачу выполнения решения и предугадать возможные проблемы с выполнением. Принятое управленческое решение, как правило, устанавливает лишь общее содержание предполагаемой деятельности. Задачей *планирования* является конкретизация этой деятельности: определение промежуточных этапов и целей, сроков и последовательности их достижения, исполнителей и ресурсов. Всякий план должен отвечать на четыре основных вопроса: *что делать? кому делать? когда делать? как делать?*

Как известно, в советское время планирование стало основной отраслью государственной управленческой деятельности. С демонтажем этой системы абсолютизация планирования сменилась абсолютизацией либерально-рыночных механизмов стихийной самоорганизации общества, что стало одной из основных причин затяжного политико-экономического кризиса.

Достигнутый результат является основным критерием качества управленческой деятельности. Чем больше результаты выполнения запланированного соответствуют целям управленческих решений, тем выше качество управленческой деятельности в целом. Однако эффективность и качество управления определяется не только и не столько формальным соответствием фактических результатов поставленным целям, но тем, насколько они удовлетворяют социальные потребности, способствуют решению социальных проблем.

Контроль выполнения управленческих решений и оценка их эффективности

На стадии контроля как завершающем технологическом этапе работы с управленческими решениями проводится проверка качества управленче-

ской деятельности посредством сопоставления фактически достигнутых результатов с целями, поставленными в нормативных актах. Управленческий контроль технологически включает четыре основные фазы:

1. учет достигнутых результатов;

2. сравнение этих результатов с поставленными в управленческих актах целями;

3. оценку уровня решения социальной проблемы;

4. корректировку и оптимизацию дальнейшей управленческой деятельности.

Постоянный государственный и социальный контроль с точки зрения принципов социальной инженерии является *основным механизмом обратной связи* в системе управления. Он должен сопутствовать каждому решению как легитимная инстанция проверки эффективности принимаемых управленческих решений с точки зрения защиты и обеспечения общественных интересов. В результате демонтажа прежней системы управления в Казахстане, как и других странах СНГ, были ликвидированы также системы государственного, партийного и народного контроля, а новых систем и действенных структур государственного и социального (гражданского) управленческого контроля создано не было.

Специалистами ООН предложена методика оценки (расчета индекса) эффективности государственного управления на основе ряда индикаторов:

1. Подотчетность и выборность государственной власти:
- участие населения в выборе правительства;
- независимость СМИ;
- соблюдение политических прав и свобод.

2. Политическая стабильность:
- вероятность политической дестабилизации;
- уровень внутреннего насилия и терроризма

3. Эффективность правительства:
- качество общественных услуг;
- компетентность госслужащих;
- качество работы государственной бюрократии;
- независимость госслужбы от политического давления;
- доверие населения к государственной политике.

4. Качество системы госрегулирования:
- содействие развитию экономики;
- степень вмешательства государства в рыночные механизмы;
- масштабы теневой экономики.

5. Контроль над коррупцией:
- использование власти для личных целей;
- восприятие уровня коррупции населением.

Современная система политического управления с позиций социоинженерного подхода должна обладать следующими ключевыми характеристиками для своего успешного функционирования:

- быстро корректироваться в ответ на изменения, происходящие в государстве и обществе;

- быть ориентированной на общенациональные интересы;
- иметь комплексный характер, рассматривать любую проблему во взаимосвязи с другими проблемами и процессами;
- быть эффективной и социально справедливой;
- пользоваться доверием и поддержкой со стороны большинства населения;
- соответствовать бюджетным возможностям.

Подобного рода критерии могут быть взяты за основу и для разработки системы качественной и количественной оценки эффективности управления внутриполитическими процессами в современном Казахстане.

2.5 Уровни, этапы, правила проведения политического анализа

Возрастающая сложность управления социально-политическими процессами приводит к тому, что все чаще органы политического управления прибегают к помощи политических экспертов, консультантов и аналитиков. В Казахстане также практически при всех значительных политически-управленческих структурах созданы специальные аналитические подразделения.

Основные функции политического анализа состоят в том, чтобы, во-первых, провести комплексный анализ социальных проблем, во-вторых, предложить оптимальную стратегию их решения на основе изучения и оценки альтернативных вариантов.

Результатом политического анализа является заключение. Однако не каждое заключение будет являться политическим анализом. Это заключение должно быть связано с общественно значимыми решениями и быть подвержено действию социальных ценностей. Политический анализ имеет клиентов, которые принимают участие в выработке решений.

Политический анализ включает в себя различные уровни. С учетом структурной иерархии управленческой системы обычно выделяется пять уровней анализа:

* индивидуальный;
* групповой или межличностный;
* организационно-институциональный;
* общегосударственный;
* международный.

Если критерием выделения уровней берется функциональный аспект управления, то выделяются три основных уровня:

- стратегический или институциональный;
- административно-управленческий;
- исполнительно-технический.

На каждом уровне анализа используются специфические методы и подходы и решается особый круг проблем. Кроме того, выделяются различные стадии политического анализа.

Первой фазой принято считать мета-анализ аналитиком собственного склада ума. Большинство аналитиков относятся к одной из двух категорий:

«линейной» или «нелинейной». «Линейные аналитики» разрешают проблемы, последовательно продвигаясь от одного логического шага к другому. «Нелинейные аналитики» рассматривают проблемы, двигаясь от одних стадий анализа к другим в обоих направлениях по мере того, как разные части проблемы становятся более ясными и занимают свои места в аналитических схемах. Ни один из подходов не является лучшим или худшим. Оба имеют как сильные, так и слабые стороны.

В таких науках, как математика, статистика или экономика можно выделить правильные и неправильные ответы. Политический анализ редко бывает столь определенным. Это не означает, что нет плохого или хорошего политического анализа. Это означает лишь то, что рекомендации, которые аналитик дает клиенту, сами по себе не определяют качество анализа. Хороший анализ заключается в умении задавать верные вопросы и творчески (но в соответствии с логикой) отвечать на них. Подход к анализу, который избирает каждый конкретный аналитик, доложен помочь ему устранять или сводить к минимуму его слабые стороны в мышлении и представлении результатов работы.

«Линейные аналитики» начинают с исходной точки проблемы и затем, работая шаг за шагом, продвигаются к ее разрешению. При этом они придерживаются так называемого рационалистского подхода. Если они не могут (в силу специфики самой проблемы или недостатка данных) последовательно завершить все эти стадии исследования, анализ парализуется.

«Нелинейные аналитики», напротив, имеют множество идей, которые они хотят применить при проведении анализа. Однако при этом они испытывают трудности с представлением этих идей в структурированной, организованной форме. Поэтому *первое правило* политического анализа гласит: аналитики с линейным мышлением должны использовать нелинейные стратегии исследования, а аналитики с нелинейным мышлением должны использовать линейные стратегии для представления результатов своих исследований.

Поскольку политический анализ всегда должен быть ориентирован на клиента, вне зависимости от того, какая ценность является главной для аналитика, необходимо рассматривать именно ту проблему, которую ставит клиент. Это – *второе правило* политического анализа. Опыт академических исследований часто не в состоянии подготовить аналитика к жесткому следованию этому правилу, поскольку в академической среде присутствует гораздо большая свобода выбора темы исследования или подхода к нему. Реальные клиенты заинтересованы в ответе на свои вопросы. Поэтому два следующих правила политического анализа гласят: (3) почти всегда лучше ответить неопределенно на вопрос, который был задан, чем ответить определенно на вопрос, ответа на который клиент не ждет; (4) хороший анализ вовсе не является несовместимым с неопределенностью (будь то в отношении фактов или теорий).

В политическом анализе часто более эффективным является подчеркивание, а не затушевывание неопределенностей. Если клиент не узнает об этих неопределенностях от своего аналитика, ему укажут на них другие аналитики или его политические оппоненты. Подчеркивание неопределенностей, однако, не должно быть предлогом для туманных заключений и плохо проведенного анализа. Вместо такого подхода необходимо изложить различные подходы к

проблеме и варианты ее решения. Необходимо привести существующие аргументы за различные точки зрения и проинформировать клиента о возможном недостатке данных или доказательств.

Процесс политического анализа состоит из нескольких *компонентов*, являющихся последовательными *этапами* этого процесса. Двумя основными этапами являются *анализ проблемы* и *анализ путей ее решения.* В целом процесс политического анализа может быть представлен следующим образом (рисунок 7):

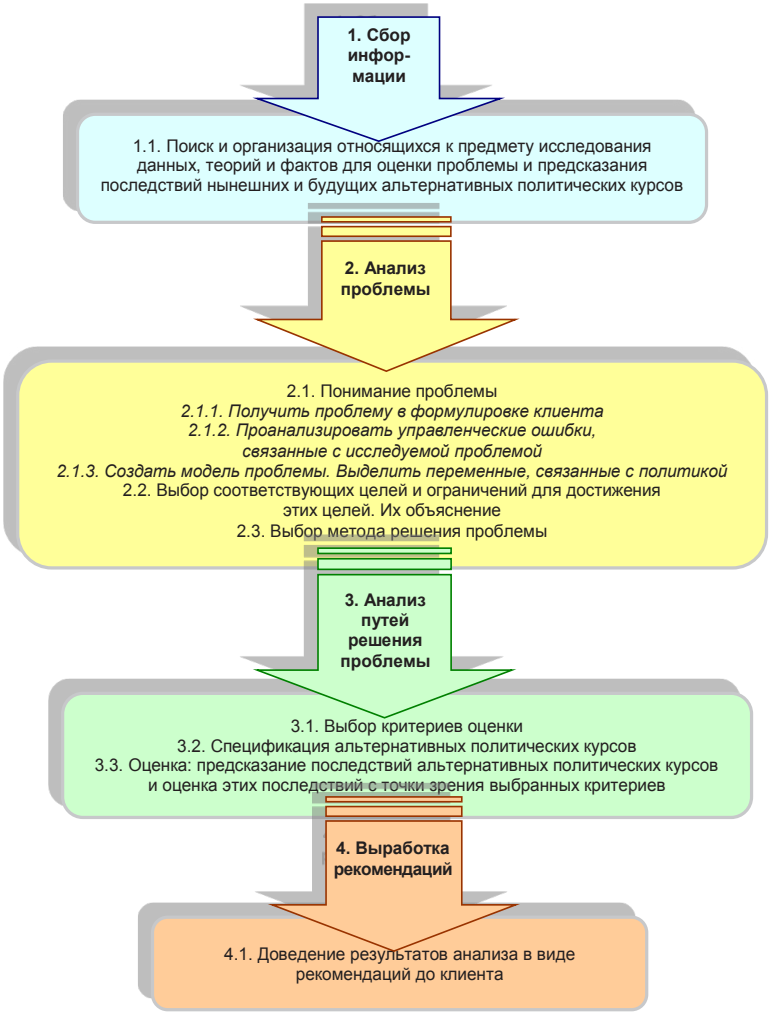


Рисунок 7. **Основные стадии рационалистического подхода к политическому анализу**

Следует помнить о важности всех составных частей анализа и их взаимосвязи. Например, этап анализа проблем является одним из важнейших. Однако анализ, который уделяет большое внимание анализу проблемы, может не заслуживать доверия с точки зрения представляемых альтернативных политических курсов и причин выбора между ними. Такой анализ может убедительно вскрыть причины проблемы, но не предложить удовлетворительных путей ее решения. С другой стороны, рекомендованные пути разрешения проблемы не будут выглядеть убедительно при отсутствии анализа самой проблемы, выбора целей и путей их достижения.

Основные стадии описания проблемы и проведения ее анализа с использованием количественных и качественных методов представлены в таблице 4:

Таблица 4. **Стадии, цели и методы политического анализа социальных проблем** [40, с. 115]

Стадии анализа	Цель анализа	Методы анализа
Определение границ проблемы	Установить, в какой мере выявленная социальная проблема требует политических методов разрешения	Качественный анализ
Идентификация переменных	Выявить переменные, структурирующие проблему	Анализ конкретных ситуаций и другие слабо формализованные качественные методы
Установление характера взаимосвязей переменных	Определить функциональные зависимости и причинно-следственные связи переменных	Корреляционный анализ данных выборочных исследований
Изменение значений независимых переменных для выработки политики	Установить степень соответствия теоретических решений управляемым параметрам	Длительное изучение социальных объектов проведение экспериментов
Оценка возможных результатов политических воздействий	Оценить ожидаемые последствия и результаты реализации управленческих решений	Контролируемые полевые эксперименты, сравнение и оценка их результатов

На основе выявления сути и специфических особенностей проблемы, ее основных структурных элементов и взаимозависимостей между переменными можно построить «дерево целей» и осуществить разработку мероприятий по их реализации.

Многоцелевой анализ путей решения проблемы

Многоцелевой политический анализ применяется в случае, если имеются три или более цели. В принципе все другие методы поиска решения проблемы могут рассматриваться как частные случаи многоцелевого анализа.

Сущностью многоцелевого политического анализа является систематическое сравнение альтернативных политических курсов с точки зрения целей. Для облегчения этого процесса создаются матрицы, отражающие последствия различных альтернативных курсов с точки зрения целей. Примером такой матрицы может быть схема, изображенная на рисунке 8:

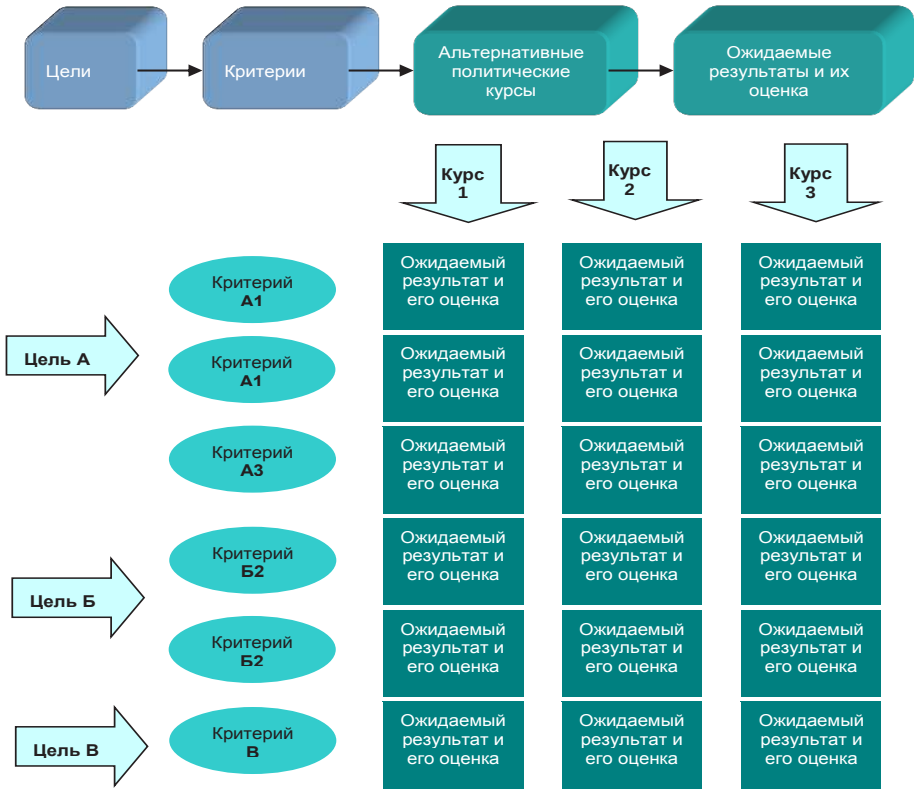


Рисунок 8. **Многоцелевой политический анализ**

Левая колонка отражает цели, к которым аналитик пришел в результате анализа проблемы. Анализ путей решения проблемы связан с заполнением остальных клеток.

Первый шаг – определение критериев для оценки того, насколько каждый альтернативный политический курс способствует достижению каждой из целей (вторая колонка). Иногда один единственный критерий может быть достаточным для оценки (В). В других случаях для такой оценки необходимо несколько критериев (в нашем примере – для оценки целей А и Б). Следует учитывать, что критерий может выступать как в виде задачи, так и в виде цели и в виде имеющихся ограничений. Правильно выбранный критерий дает основу для измерения прогресса в достижении цели. Однако не всякая цель может быть сведена к единственной задаче или ограничению. Необходимо не выделять задачу, которая связана лишь с одним из измерений цели. Задача должна быть связана со всеми важными измерениями.

Второй шаг в анализе путей решения проблемы – определение альтернативных курсов, которые могут служить достижению заданных целей (три

правые колонки). Первая политика – политика сохранения status quo. Обычно при рассмотрении различных вариантов учитывают возможность продолжения проведения нынешней политики как метода избежать рекомендации такой альтернативы, которая хуже, чем уже проводимая политика. Иногда в качестве альтернатив берутся политические курсы, проводимые в схожих ситуациях в других регионах, городах, странах.

При определении альтернативных курсов необходимо принимать во внимание несколько принципов:

- *Не следует ожидать нахождения доминантной или совершенной политической альтернативы.*
- *Не следует противопоставлять ту альтернативу, которая больше нравится аналитику, и альтернативы, которые заведомо слабы.*
- *Нельзя отдавать предпочтение какой-то одной альтернативе, пока все они не проанализированы на основе оценки их соответствия поставленным целям.*
- *Альтернативы должны быть взаимоисключающими, то есть действительно быть альтернативами.*
- *Альтернативы должны принимать во внимание имеющиеся ресурсы, включая вопросы юрисдикции и контролируемость переменных.*
- *Политические альтернативы должны быть конкретными наборами действий. Они не должны быть расплывчатыми и абстрактными.*

Третий шаг – заполнение клеток матрицы с оценками предсказываемого воздействия каждой альтернативной политики на каждый критерий. Иногда эти оценки могут быть количественными, иногда качественными (например – «плохой», «хороший», «отличный»). Процесс состоит из двух действий: прогнозирование последствий и оценка воздействий.

Процедура прогнозирования состоит из двух шагов. *Во-первых,* используя модель, набор альтернатив и здравый смысл необходимо перечислить максимально возможное количество последствий. Каждое из перечисленных последствий должно иметь отношение хотя бы к одному из установленных критериев. Если последствие не относится ни к одному из критериев, возможно, набор критериев является слишком узким и должен быть расширен. *Во-вторых,* просмотрев список критериев, необходимо убедиться, что есть предсказание для каждого из этих критериев. Если политический курс не имеет последствий, связанных с каким-то критерием, можно предсказывать отсутствие отличий от нынешней политики. *Ключевым моментом в процессе прогнозирования последствий является то, что необходимо предсказать влияние каждого альтернативного политического курса на каждый критерий.* При оценке последствий необходимо находить пути для того, чтобы сделать критерии сравнимыми.

Четвертый шаг – рекомендация конкретного альтернативного политического курса и объяснение этого выбора. Поскольку очень редко какая-то одна альтернатива лучше всего способствует достижению всех целей одновременно, при объяснении выбора необходимо объяснить и выбор между целями (какая является приоритетной, какая – вспомогательной).

При рекомендации конкретного альтернативного политического курса следует пользоваться несколькими **правилами:**

- ✓ *Рекомендация должна следовать из оценки альтернативных политических курсов.*
- ✓ *Необходимо кратко описать преимущества и недостатки*
- ✓ *рекомендуемого политического курса.*
- ✓ *Необходимо представить ясный набор инструкций для действий.*

Доведение результатов анализа в виде рекомендаций до клиента

Формат представления результатов анализа является важным фактором в определении того, насколько эффективно результаты анализа будут доведены до клиента. Клиенты различаются по уровню квалификации, в соответствии с чем оформляются результаты анализа. Однако все клиенты обычно имеют три свойства:

– *Во-первых,* клиенты хотят влиять на анализ.

– *Во-вторых,* они слишком заняты, чтобы поддаваться влиянию внешних временных ограничений.

– *В-третьих,* клиенты неохотно используют результаты неиспытанного политического анализа.

Первую проблему можно решить, предоставляя клиенту предварительный вариант анализа. Кроме того, готовя черновые варианты анализа на регулярной основе, аналитик помогает себе найти те пробелы в анализе, которые необходимо заполнить. При подготовке черновых вариантов необходимо разбивать анализ на составные части и делать представление материала внутри этих частей ясным и недвусмысленным.

Решению проблемы нехватки времени клиента помогает выполнение **следующих правил:**

- ✓ *Необходимо включать в работу краткое содержание и аннотированное изложение.*
- ✓ *Необходимо устанавливать приоритеты в изложении информации (что более важно, а что менее).*
- ✓ *Необходимо использовать заголовки и подзаголовки.*
- ✓ *Следует стремиться к краткости изложения.*
- ✓ *Более быстрому пониманию результатов анализа иногда помогает использование диаграмм, графиков, таблиц и т.д.*

Повысить доверие к результатам анализа можно несколькими способами. Во-первых, следует указать все источники, использовавшиеся в анализе. Во-вторых, нельзя замалчивать неопределенности в данных, фактах, теориях и предсказываемых последствиях.

Сбор информации для проведения политического анализа

При проведении политического анализа аналитик сталкивается с задачей объяснения моделей того, что происходит и что произойдет, если будет проведен конкретный политический курс. Какая информация для этого не-

обходима? Теории и модели дают представление об основных тенденциях и ожидаемых результатах, но не дают представление о масштабах последствий того или иного политического курса.

Две крупные группы методик сбора фактов и информации – документальные исследования и полевые исследования. При проведении политического анализа необходимо найти разумное сочетание использования документальных источников и полевых исследований.

Обзор литературы по проблеме проводится, как правило, по четырем главным направлениям:

1. статьи в научных и профессиональных журналах, книги, диссертации;
2. публикации и доклады групп давления, консультантов и мозговых центров;
3. правительственные публикации;
4. публикации в средствах массовой информации.

В дополнение к результатам исследования существующей литературы бывает полезно обратиться к первоисточникам. В качестве таких источников могут выступать публикации статистических данных.

Полевые исследования заключаются в опросах людей, сборе «сырых» данных, нахождении неопубликованных докладов или других документов. Эти задачи часто, но не обязательно, являются взаимосвязанными.

2.6 Концептуальные основы политического анализа

В последние годы в Казахстане, как и в других независимых республиках бывшего СССР, возник новый для нас, но широко представленный в странах западной демократии тип профессиональной интеллектуальной деятельности – анализ состояния и прогнозирование развития социально-политических процессов. Суждения и оценки, прогнозы и сценарии развития, предлагаемые политическими аналитиками, в возрастающей степени участвуют в формировании общественного мнения и оказывают все большее влияние на действия практических политиков, т.е. приобретают качества не только рефлексивно-аналитических построений просвещенного авангарда, но и модельно-порождающих структур социальной реальности. Это обстоятельство заставляет внимательнее отнестись к предметной и концептуально-методологической определенности социально-политического анализа.

Очевидно, что когитальные и ценностно-смысловые конструкции, продуцируемые в результате аналитической работы, не тождественны ни мифически-сакральной аксиоматике традиционного мироотношения, ни умозрительным социально-философским концепциям, ни социальным теориям среднего уровня, ни культурологическим или конкретно-социологическим исследованиям. Своеобразие присущего аналитику типа интеллектуальной деятельности и знания выражается в некотором лиминальном (от лат. limen – порог), промежуточном статусе процедур, посредством которых формулируется это знание по отношению к философским идеям, теоретическим концептам и обыденным представлениям:

- Анализ социально-политической реальности с точки зрения общих законов и упорядочение ее посредством понятий – совершенно иная мыслительная процедура, чем анализ конкретной ситуации в ее собственных, уникальных смысловых констелляциях. Аналитик производит свой дискурс ad hoc. Он погружен в непроясненное, несобранное, тревожно-дискретное многообразие действительности, его анализ подчиняется непрестанно изменяющейся конфигурации поля социально-политических проблем, и вместе с тем претендует на выявление и доказательное описание объективных тенденций.
- Аналитик использует социально-теоретические понятия: государство, гражданское общество, демократия, этническая идентичность и конфессиональная принадлежность и т.д. – как инструмент анализа реального общества, но не рефлектирует логику трансформаций структуры самих этих концептов. Иными словами, аналитик использует какие-то модели социальной реальности, но рефлексия по поводу релевантности этих моделей, а также их атрибуция какой-либо из традиционных модальностей социального знания не производятся, – во всяком случае, не рассматриваются аналитиком как непременная часть его работы.
- Анализу подвергаются те или иные явления и события как значимые, имеющие влияние на развитие социально-политической ситуации, в то время как огромный, неисчерпаемый массив конкретности остается за пределами анализа. Основания, по которым тем или иным фактам и событиям придается каузальное значение, есть не что иное, как собственные нормативно-оценочные установки и мировоззренческая позиция. С логической точки зрения в выявлении каузальных связей и объективных возможностей трансформации социально-политического целого «методически дисциплинированное воображение» (М. Вебер) аналитика совершает ошибку предвосхищенного основания. Проекция мировоззренчески нагруженных коннотаций (экспрессивно-оценочных слоев семантики политической лексики) на означаемое (предметно-денотативную сферу) социодискурса создает универсальную транзитивность оценочных характеристик и предметных определений. При этом, опираясь на самоочевидности сферы эксплицированных смыслов и не видя за ними онтологически-семантических перекодировок, «субъект остается в неведении, что это он сам является источником света, который заставляет сверкать кошачьи глаза проекции» [41, с. 207].
- Аналитик рассматривает суждения и позиции, мнения и оценки общественных деятелей и практических политиков, ученых и бюрократической номенклатуры, представителей этнических групп и конфессиональных сообществ и т.д. – и на основании этих мнений формулирует свое собственное видение и оценку происходящих в обществе процессов. Причем эта оценка наделяется качествами экспертного знания, т.е. критической рефлексивностью, компетентностью и объективностью, в отличие от всего лишь субъективных суждений всех прочих субъектов социального дискурса, каким бы социальным статусом они не обладали. Между тем, с точки зрения этих субъектов отнюдь не очевидно основание, по которому их собственные позиции и оценки должны быть редуцированы в аналитических процедурах

всего лишь к симптомам каких-то объективных тенденций и неадекватному выражению объективных законов.

Сами политологи и социальные аналитики не всегда могут ясно и отчетливо сформулировать существо своих претензий на экспертные суждения. В этой связи отнюдь не праздным является вопрос: чем обоснована возможность достижения значимых и достоверных результатов в анализе и прогнозировании развития социально-политических процессов? По всей видимости, эти ожидания имеют под собой следующее основание: аналитик не ангажирован той или иной социально-политической группой со своими партикулярными интересами. Аналогично ученому-теоретику, социальный аналитик претендует на некую объективную позицию, с которой открывается столь же объективная, свободная от идеологических коннотаций, картина соотношения векторов социальных сил. Но тогда неизбежно возникают вопросы: действительно ли существует подобная структурно не связанная позиция наблюдателя, и если существует, то каковы критерии ее идентификации и что именно открывает доступ к ней? Например, Никлас Луман отмечает, что программы и политические технологии управления функционально дифференцированным обществом посредством идей требует нового рода семантических гарантий: «Должен иметься уровень порядка, способный выдержать игру контингенции, «inviolate level»… Систему невозможно покинуть, ибо вне общества нет позиции, способной на коммуникацию; однако система может испробовать внутренние референции, которые будут рассматриваться как абсолюты» [42, с. 207].

Подобного рода вопросы не могут быть адресованы собственно аналитику, поскольку они образуют ландшафт концептуально-методологического поля философии. Социально-политической анализ в этом случае приобретает модальность трансцендентальной аналитики, т.е. анализа, предметом которого являются условия его собственной возможности. «Если мы хотим осмыслить государство… то нужно стремиться поставить под вопрос все предположения и предварительные построения, вписанные в действительность, которую мы хотим анализировать, и в само мышление анализирующего» [43, с. 128–129].

Таким образом, саморефлексия аналитического дискурса, – а вне такой саморефлексии знание не может претендовать на нечто большее, нежели субъективное мнение, – переводит его в плоскость мировоззренческой проблематики. Философски-мировоззренческое обращение социально-политической аналитики нельзя поэтому расценивать как риторику, придающую некий шарм и академическую респектабельность рассуждениям, но по большому счету не имеющую отношения к существу рассматриваемых проблем. В конце концов, самое интересное и важное в работе аналитика и состоит в выявлении действительных мировоззренческих позиций и определяемых ими стратегических установок и тактических задач субъектов социально-политического процесса. Тем самым работа аналитика напрямую зависит от того, какую модель социальной реальности более или менее осознанно принимает он в основание своих суждений и оценок.

Структуры и процессы социально-исторического мира возникают из действий индивидов и их сообществ, а те, в свою очередь, опираются на господствующие или маргинальные картины мира. Поэтому социальные системы являются такими системами, представления о которых (истинные, ложные, научные, обыденные, фантастические, абсурдные) становятся элементом и порождающей структурой их собственной динамики. Люди реагируют на объективные черты ситуации, опосредствуя их тем смыслом, какой они в нее вкладывают. Рефлексивная и бессознательная самоотнесенность социальных целостностей опредмечивается в содержании «коллективных представлений»: мифов, идей, традиций, верований, ценностей, мотиваций, религиозных картин мира и прочих феноменов общественного сознания. Поэтому социально-политический анализ ставится в неразрывную связь с вопросами онтологии, семантики и эпистемологии социальной реальности – иными словами, с фундаментальными социально-философскими проблемами.

Политический анализ опирается на методологическую базу общей теории политологии, прикладной политологии, других дисциплин, но при этом является совершенно особой областью профессиональной деятельности. Осознание этого за рубежом появилось сравнительно недавно. В нашей же стране разделение политического анализа и родственных ему дисциплин до конца еще не оформилось. Нет и ясности с концептуальными основами политического анализа. Отсутствуют четко проработанные схемы его проведения. Большинство работающих в данной области специалистов приходят к этим схемам эмпирически в ходе накопления практического опыта.

Политические исследования и политический анализ отделяет очень тонкая грань. Политические исследования менее тесно связаны с лицами, принимающими общественные решения, хотя такие лица и могут быть заинтересованы в результатах политических исследований. Как правило, политический анализ проводится на основе рационалистического подхода, в том числе с использованием социоинженерных парадигм. Результатом политического анализа должно быть проведение определенного политического курса. Поэтому политический аналитик в своей профессиональной деятельности должен обращать внимание не только на собственно проведение политического анализа, но и на процесс принятия и претворения в жизнь политических решений.

На основе проведенного политического анализа делаются *политические прогнозы*. Политическое прогнозирование, хотя и основывается на политическом анализе, использует уникальный инструментарий и методы, рассмотрение которых выходит за рамки данной работы. В то время как академические исследования в области общественных наук рассматривают взаимосвязи между широким спектром переменных, связанных с поведением, политические исследования основное внимание обращают на взаимосвязь между переменными, которые отражают социальные проблемы, и другими переменными, которые могут изменяться под действием общественной политики.

Политический анализ является составной частью *политического планирования.* В общих чертах планирование может быть определено как определение целей, достижение которых приведет к лучшему обществу, и затем определение наиболее эффективных путей достижения этих целей. Необходимым условием для эффективного планирования является централизация власти для создания и выполнения плана. Одним из проявлений парадигмы планирования является системный анализ, который распространил операционные исследования за пределы узких приложений.

Цель классической школы *общественного администрирования* более скромная, чем у планирования. Она заключается в более рациональном управлении программами, входящими в сферу политического процесса. Его приверженцы выступают за отделение управленческих функций от того, что они расценивают как коррумпированную политику. Идеалом является квалифицированная и лояльная гражданская администрация, независимая от политического давления и имеющая основной целью эффективное управление связанных с политикой программ, согласно принципам менеджмента. Другими словами, наука управления должна быть отделена от искусства политики.

Представители «нового» общественного управления отказываются от положения о том, что управление должно быть отделено от политики. Они стремятся влиять на процесс выработки и исполнения политических решений.

Политические аналитики имеют свои профессиональные объединения. Одно из наиболее заметных из них – Ассоциация политического анализа и управления – Association for Public Policy Analysis and Management*.

Место политического анализа среди родственных ему дисциплин и основные отличия между ними иллюстрируются таблицей 5, составленной на основе монографического исследования Д.Г. Балуева [44]:

Таблица 5. **Политический анализ и смежные дисциплины**

	Главная цель	«Клиент»	Стиль	Временные ограничения	Основные слабости
Академические общественные науки	Создание теорий для понимания общества	«Истина», другие ученые	Строгие методы для создания и проверки теорий	Редко имеются внешние временные ограничения	Часто бесполезны для нужд лиц, принимающих решения
Политические исследования	Предсказание последствий в изменениях тех переменных, которые могут быть изменены политикой	Акторы в политике, смежные дисциплины	Применение формальных методов для политических вопросов, предсказание последствий	Иногда имеются	Трудности в трансформации результатов исследования в действия правительства

* Материалы о деятельности этой организации и ряд документов, связанных с политическим ана-лизом, доступны по адресу http://qsilver.queensu.ca/appam/

Продолжение таблицы 5

Классическое планирование	Определение и достижение желаемого состояния общества	«Общественный интерес», определяемый с точки зрения профессионалов	Установленные правила и профессиональные нормы; спецификация целей	Сравнительно малое влияние временных ограничений, связанное с долгосрочностью планирования	Зачастую политические влияния просто игнорируются, что приводит к малой эффективности планирования
«Старое» общественное управление	Эффективное выполнение программ, принятых в результате политического процесса	«Общественный интерес», определяемый с точки зрения принятой программы	Управленческий и юридический	Временные ограничения, связанные с повседневным процессом принятия решений (например– бюджетный цикл)	Исключение альтернатив, являющихся внешними для программы
Журналистика	Привлечение общественного внимания к проблемам	Население	Описательные методы	Жесткие временные ограничения	Недостаток аналитической глубины и баланса
Политический анализ	Систематическое сравнение и оценка альтернатив, доступных политикам для решения общественных проблем	Конкретные лица или институты, принимающие решения	Синтез существующих исследований и теории для предсказания последствий альтернативных политических курсов	Жесткие временные ограничения	Близорукость, являющаяся результатом ориентации на клиента и жестких временных ограничений

Можно выделить три концепции роли аналитика.

а) «Объективные техники» считают важнейшей ценностью аналитическую честность. Они рассматривают собственные аналитические навыки как источник легитимности. Роль аналитика, по их мнению – предоставление совета о последствиях предлагаемых политических курсов. Они предпочитают использовать методы экономики, статистики и операционных исследований. Клиенты рассматриваются ими как неизбежное зло. Они предоставляют ресурсы для работы над интересующими «объективных техников» вопросами. В ответ они ожидают наиболее вероятные политические прогнозы. Политическая будущность клиентов занимает подчиненное положение после аналитической честности в вопросах подготовки результатов анализа.

б) «Сторонники клиентов» основное внимание уделяют собственной ответственности перед клиентом. Они считают, что аналитик черпает свою легитимность как участник политического процесса от клиентов, которые занимают выборную должность, или представляют организованные политические интересы. В обмен на допуск аналитиков к политическому процессу клиенты заслуживают профессионального поведения, включающего лояльность и конфиденциальность. Главная обязанность аналитика – никогда не вводить клиента в заблуждение ошибочными заявлениями или намеренным умолчанием фактов. Когда же клиент полностью проинформирован, аналитик должен интерпретировать результаты собственного анализа в наиболее выгодном для клиента ключе.

в) «Сторонники конкретной проблемы» считают, что анализ должен быть инструментом для достижения прогресса в их концепции лучшего общества. Они обращают особое внимание на ценности, связанные с результатами проведения политики, а ценностям, вроде аналитической честности или ответственности перед клиентом. Они считают себя легитимными участниками политического процесса. Если клиент не желает или не способен проводить политику, за которую ратует аналитик, необходимо найти клиента, который будет это делать.

Чаще всего аналитики не играют только одну из перечисленных ролей. Как правило, одна из трех ценностей выбирается основной. Две другие ценности при необходимости могут приноситься ей в жертву. Если же позволяют условия, аналитик должен стремиться к защите всех трех ценностей. Этические проблемы возникают, когда необходимо решать, «сколько» из каждой ценности можно принести в жертву.

Обобщенно взаимосвязь роли политического аналитика и его приверженности той или иной ценности представлена в таблице 6.

Таблица 6. **Ценностные приоритеты различных типов политического анализа** [44]

	Аналитическая честность	Ответственность перед клиентом	Приверженность собственной концепции добра
Объективные техники	Аналитику должно быть позволено говорить за себя. Основной целью должно быть предсказание последствий альтернативных политических курсов	Клиенты являются неизбежным злом. Их политическое будущее должно быть вторичным соображением при проведении анализа. Необходимо держать дистанцию от клиента и выбирать (по мере возможностей) институционных клиентов	Необходимо выделить относящиеся к делу ценности. Однако выбор соотношения между ними должен быть оставлен клиенту. Объективный анализ в долгосрочной перспективе способствует прогрессу
Приверженцы клиентов	Аналитик редко приходит к определенным заключениям. Необходимо использовать преимущества расплывчатых заключений на пользу клиенту	Клиент дает аналитику легитимность. В обмен на доступ к информации и политическому процессу необходимо проявлять лояльность к клиенту	Необходимо выбирать клиентов с совместимыми системами ценностей. Уместно использовать долгосрочные отношения с клиентами для изменения их концепций
Сторонники конкретной проблемы	Аналитик редко приходит к определенным заключениям. Необходимо подчеркивать туманность заключений в случаях, когда анализ не подкрепляет исходные посылки аналитика	Клиент дает возможность для защиты той или иной позиции по конкретной проблеме. Необходимо тщательно подбирать клиентов для поддержки собственных политических взглядов	Анализ должен быть инструментом для достижения прогресса на пути к собственной концепции лучшего общества

Экономическая эффективность не является единственной общественной ценностью. Человеческое достоинство, справедливость распределения материальных благ и политическое участие являются ценностями, которые также следует принимать во внимание. Иногда лица, принимающие политические решения, готовы поступиться экономической эффективностью, чтобы защитить человеческую жизнь, сделать окончательное распределение материальных благ более равным или обеспечить справедливость процесса распределения. Аналитик должен учитывать все эти ценности и потенциальные конфликты между ними.

Как личности мы обращаемся к философии, религии и к нашей моральной интуиции с целью развития системы ценностей, способной помочь в наших оценках. Поскольку ценности различны для разных личностей, необходимы общественные институты, выбирающие те ценности, которые оказывают влияние на процесс выработки политики.

Одна из функций, которую выполняют эти институты – обеспечение общественного благосостояния. Другая ценность, нуждающаяся в защите – обеспечение человеческого достоинства. Это достоинство связано со свободой выбора образа жизни. Развитое общество нуждается в механизмах, регулирующих конфликт между действиями индивидов и групп.

Одна из целей общественной политики – защита существенных ценностей. Однако два обстоятельства отвлекают от них внимание. Во-первых, общественная политика является результатом политического процесса, а не прямым отражением каких-либо философских воззрений. Во-вторых, последствия той или иной политики могут быть предсказаны на основе ценностей, связанных с существенными, но не идентичными им (так называемые инструментальные ценности). Поэтому оценка политики должна производится на основе так называемых инструментальных ценностей.

Первая такая ценность – политическая осуществимость. Ни одно политическое решение не может способствовать защите существенных ценностей, до тех пор, пока оно не выполнено успешно. Другая инструментальная ценность – достижение благоприятных социально-экономических индикаторов. Такими индикаторами являются, например, валовой национальный продукт, уровни безработицы и инфляции, платежный баланс, уровень преступности, продолжительность жизни, уровень образования. При измерении каждого из этих показателей существуют различные системы измерения.

Каждое общество осуществляет распределение материальных благ методами, основанными на сочетании индивидуальных и общественных решений. Большинство индивидуальных решений выражается участием в рыночных отношениях на основе свободного обмена. Эти решения обеспечивают такие ценности как эффективность и свобода. Коллективные решения, осуществляемые через правительственные структуры, предоставляет возможность для исправления ошибок индивидуальных решений. Однако так же как индивидуальные действия не всегда способны поддерживать общественные ценности, такая опасность существует и при коллективных решениях.

3 ПРИМЕНЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ИНЖЕНЕРИИ К СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ ИНСТИТУТОВ И МЕХАНИЗМОВ ПОЛИТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ

3.1 Оптимизация управления взаимодействием государства и гражданского общества

Как уже не раз указывалось в настоящей монографии, важнейшей задачей применения методов социальной инженерии в сфере политического управления является задача оптимизации взаимодействия государства и гражданского общества. Дуализм государства и общества, принципов господства и сотрудничества, «системы» и «свободы» является константой европейской истории с момента разрушения архаических кровнородственных обществ. Если государство не отделено от общества, то оно оказывается не в состоянии управлять общественными процессами, поскольку становится их же производной. Иными словами, если бы политическая власть моделировала себя по типу самоорганизации гражданского общества, то оказались бы невыполнимыми все требования, принципы и критерии эффективности политического управления. Эти критерии, как правило, не соотнесены с идеалом политического участия всех граждан. Таким образом, структурное доминирование управленческой элиты получает легитимацию как необходимое условие рационально-функционального принципа организации политического пространства в соответствии со сформулированным Р. Михельмом «железным законом олигархии»: ни одно общество не может существовать без доминирующего класса. Поэтому возможности управляемой массы воздействовать на процессы самоорганизации властных структур и механизмы политического управления должны быть практически сведены к нулю.

В современном Казахстане и других странах СНГ гражданское общество и политическая власть развиваются во взаимно отчужденных сегментах социума. Дуализм гражданского общества и государства порождает социальную бессодержательность политической демократии, ибо политические решения, определяющие течение повседневной жизни, принимаются «профессиональным государством». Таким образом, формальная демократия является вместе с тем государственно-бюрократической, узко-корпоративной узурпацией прав гражданина на участие в решении важнейших проблем, на политическую самодеятельность. Защита гражданского суверенитета от авторитаризма в вопросах повседневной жизни требует не столько развития демократических институтов политической власти, сколько создания механизмов социальной демократии, реального участия гражданского общества в производстве социальных решений, касающихся качества и уровня его жизни.

Любая власть, любой политический режим обосновывают свою легитимность тем, что объявляют себя властью для народа и в интересах на-

рода. Однако здесь возникает специфическая проблема. С одной точки зрения, политики потому и являются политиками, что они лучше, чем народ, знают и понимают его подлинные интересы. Этот патерналистский подход в глазах отечественного политического истеблишмента является чем-то само собой разумеющимся. С другой точки зрения, народ сам осознаёт свои интересы лучше, чем политики. Этот популистский подход эксплуатируется, как правило, оппозицией. Разрешение данной дилеммы является одной из главных задач социальной инженерии по налаживанию конструктивных взаимодействий между государственной властью и институтами гражданского общества.

Главным препятствием для экспансии политического администрирования являются демократическая суверенность и культурная самобытность институтов гражданского общества, не вписывающиеся в рационально упорядоченный «бюрократический универсум». Вместе с тем, коль скоро специализированные органы государственного управления принимают на себя функции субъекта либерально-демократических преобразований, то в структурах власти должны быть представлены интересы всех социальных групп и слоев населения. Это достигается не направленным отбором экспертов, но демократическими избирательными процедурами.

Институт выборов не гарантирует и не имеет своей целью формирование корпуса парламентариев по критериям профессиональной компетенции. Гражданская компетентность – продукт не специализированных знаний, а нравственного развития личности. Поэтому отсутствие специальных знаний о методах государственно-политического управления не является препятствием для вынесения решения о качестве и результатах деятельности учреждений, институтов и отдельных представителей правящей элиты.

Демократическими процедурами и институтами народного представительства любого типа конституируется согласованная воля большинства, но эта воля может иметь в виду как раз частные цели и эгоистичные интересы. Легитимация же всеобщей воли основана не на процедурно-институциональном, а на содержательно-ценностном понимании демократии как преодолении взаимоотчуждения гражданского общества и политической элиты в едином понимании общественного блага народа. Однако представительная демократия имеет ту особенность, что повседневная деятельность ее институтов проходит без прямого участия народа. На принятие решений парламентариями оказывают влияние разнообразные «группы давления», лобби. Раскрывается простор своекорыстным интересам, особенно с учетом степени коррумпированности чиновников. Возникает проблема маргинальных социальных групп, не способных к эффективной организации и лоббированию своих интересов.

В современном Казахстане требования согласования функций политической власти как сферы профессионального управления с ее специфическими критериями отбора государственно-бюрократического аппарата, и как сферы партийно-политического представительства структур гражданского общества призвана реализовать президентская форма правления.

С президентской властью должны идентифицироваться не просто функции гаранта конституции, высшей инстанции законодательной и исполнительной власти и прочие либерально-демократические ценности, существующие в рамках разграничения субъекта (специализированных органов государственного управления) и объекта (гражданское общество) политической организации общества. Роль президента заключается в обеспечении такого функционирования отчужденных от народа институтов представительной демократии, при котором оно направляется нормативно-регулятивным идеалом прямого непосредственного народовластия, самоуправления народа как единственного субъекта политической воли.

Понятно, что делегирование президенту таких полномочий не может быть легитимировано единственно избирательной процедурой, ведь всеобщая воля не конституируется в актах демократических выборов. Президентская форма правления как модель политической организации, включающей в себя «элементы просвещенного авторитаризма» (Н.А. Назарбаев) [45, с. 5], своим легитимирующим основанием имеет приоритет ценностно-смыслового основания политической консолидации гражданского общества над ее процедурно-правовым механизмом. Президентская власть выступает в качестве не столько *авторитарной*, сколько некоей *метадемократической* инстанции принятия политических решений, или выступает как механизм действия прямой демократии.

Суть дела заключается в следующем: «Принцип демократической легитимации сегодня стал практически общепризнанным, фактически сняв все другие типы легитимности с повестки дня» [46, с. 29]. Этот принцип означает, что ни один индивид и ни одна из групп граждан не обладает монополией на истину и не обладает статусом единственного носителя ценностей. Совокупность различных целей и интересов приводится к наиболее приемлемой для всех компромиссной форме – по существу, к общественному договору – в процедурах выявления мнения большинства в условиях реальной состязательности политического процесса. Однако вся эта процедурная сторона определяется презумпцией рациональности, разумности суждений и выборов, основой которых могут быть лишь те самые общие социальные цели, ценности, представления об общем благе и справедливости, относительно которых признана невозможность монопольного владения ими. При таком «сбалансированном понимании демократии, исходным пунктом которого будет понимание свободы в рамках сообщества» [47, с. 122], фактически происходит рационализация и перевод в плоскость политического решения уже сделанного большинством выбора фундаментальных ценностей. *Но тогда сами эти ценности подлежат иной форме легитимации, чем демократические процедуры, основанные на них.* В противном случае демократический принцип легитимации превращается в круг взаимности, замыкается сам на себя.

Конституционно закрепленный в Республике Казахстан принцип «социального» или «социально ответственного» государства предполагает такую структуру взаимодействия между политической властью и гражданским об-

ществом, которая *в той или иной форме* обеспечивает политическое представительство и защиту дифференцированных интересов всех социальных страт и групп. Однако дуализм гражданского общества и государства порождает социальную бессодержательность политической демократии, которая становится государственно-бюрократической, узко-корпоративной узурпацией прав гражданина на участие в решении важнейших проблем, на политическую самодеятельность.

Подобная ситуация является закономерным следствием логики *превращенных* форм развития социально-политического целого, когда те типы рациональности, которые действенны в качестве структуры организации политических институтов, реализуются в функции универсальной парадигмы структурирования неполитической сферы. Таким образом, прагматически трезвые расчеты и изощренные политические технологии построены на фундаменте инвертированной, хотя и практически-истинной, социальной онтологии.

Важная проблема, возникающая при анализе политического управления, заключается в релевантном представлении о социальной структуре. В частности, недопустимо механически переносить и некритически использовать понятия, возникшие в иных цивилизационных контекстах. У нас принято считать, что вместе с ниспровержением марксизма-ленинизма как единой и единственной официальной идеологии в обществе утвердился плюрализм. Но вот что замечает по поводу данного понятия Дж. Сартори: понятие плюрализма стали использовать в западной литературе, дабы передать идею об особой социетальной структуре, отражающей совершенно определенные смысловые значения внутренней политики западных демократий. В этом смысле плюралистическим является такое общество, социальные структуры которого определяются рядом принципов: «верой в то, что на всех уровнях должны развиваться всевозможные автономные объединения, что признается все легитимное многообразие интересов и что расхождения во взглядах, отсутствие единомыслия образуют основу гражданственности» [48, с. 70–71].

Очевидно, что при таком определении концепта «плюрализм» наше общество, характеризуемое, как и страны западной демократии, высоким уровнем социальной дифференциации, не может быть отнесено к числу плюралистических. По отношению к современному Казахстану мы должны говорить о фрагментированном, разделенном, а не о плюралистическом обществе. Из этого, разумеется, вытекают и особенности политического управления: одно дело – управлять плюралистическим обществом, и совсем другое – фрагментированным, глубоко разделенным. В плюралистическом обществе дифференциация органически совмещается с интеграцией, во фрагментированном – отсутствует сама основа для интеграционных процессов, если под термином «интеграция» мыслить строго определенное концептуальное содержание, в рамках которого единение и сплоченность социальных субъектов исключают хоть какое-то отношение к принудительно навязываемому единообразию. В плюралистическом обществе, например, невозможно услышать от высокопоставленного государственного чиновника высказывания подобного типа: «Мы можем представить своим гражда-

нам принципиально новую систему ценностей и идеалов, на которую они могут опереться в своей жизни» [49, с. 53]. Различными в таких обществах оказываются как сами основания легитимности политического управления социальной сферой, так и социально-политические технологии.

Одной из отличительных черт обществ на стадии их посттоталитарной трансформации является вытеснение, замещение формальных институтов управления неформальными правилами. На практике это положение явилось основой возникновения в Казахстане феномена, названного французскими политологами В. Меркелем и А. Круассаном «дефектной демократией». В «дефектных» демократиях «сегменты политических элит сосуществуют с сегментами общества посредством неформальных, но стабильных символическо-клиентелистских связей… В этом случае деформализация принятия политических решений лишает демос его суверенитета, гарантированного представительством» [50, с. 23–24]. В результате либерально-демократические институты формируются на основе легитимации не демократически-правовыми процедурами, но патронально-клиентальными отношениями традиционного общества («Основной формой самоорганизации политического класса сейчас являются кланы, клиентелы и группы интересов» [51, с. 5]), а неполитические сферы, напротив, подвергаются тотальной политизации.

Процессы стихийного возникновения и целенаправленного конструирования неформальных институтов отвечали доминировавшей идеологии экономического либерализма в ее наиболее вульгарном варианте, предполагавшем минимизацию регулирующих функций государства. Упадок административного потенциала государства, его неспособность эффективно применять формальные институты повлекли за собой усиление произвола власти в ущерб верховенству права. Поэтому для Казахстана актуален призыв: «Верните государство назад» (Т. Скочпол), то есть вытеснение неформальных институтов из государственно-политической сферы с одновременным процессом активизации неформальных институтов в сферах, где именно они обеспечивают стабильность и развитие.

Однако нельзя не принять во внимание целый ряд причин и условий, в силу которых «неформальная институционализация», скорее всего, окажется не временным «дефектом» (в смысле отклонения от «правильного» пути развития), а долгосрочной и принципиальной характеристикой российского (и казахстанского – *авт.*) политического режима» [52, с. 22]. Основной структурной особенностью этого режима является существование двойной системы политического управления – официальной (формальной) и «теневой» (неформальной), выражающей корпоративные интересы политической элиты, обеспечение которых достигается за счет выведения процесса распоряжения ресурсами из-под контроля общества и государства.

Формирование поля неформальных практик («поля терпимых противозаконностей», как его называл М. Фуко) происходит с двух сторон – субъектами политической власти и гражданского общества, но этот процесс происходит асимметрично. «Выработка неформальных практик за пределами со-

общества элит (скажем, различного рода экономическими агентами) может рассматриваться как естественная реакция на политику государства, сочетающего бессилие и бездействие с нажимом и произволом» [53, с. 27]. Со стороны же носителей власти неформальные практики, – кроме того, что они воспроизводят на уровне политической системы принципы неполитических форм социального общения – корректируют, адаптируют к своим собственным целям нормативную базу формальных правил и процедур. В результате возникает положение, характеризующееся не столько сосуществованием двух параллельных систем политического управления, или двухслойностью этой системы, сколько тем, что в ее рамках «институты «рационального» управления, говорящие на языке формальной процедуры, есть иллюзорно присутствующий компонент» [53, с. 27]. Реальное же осуществление власти происходит в эзотерической, теневой сфере неартикулированных правил и практик, само собой разумеющихся (для посвященных) мотивов и смыслов неформального взаимодействия.

Административно-политическая власть обязана легитимировать собственные структуры и функции, разъяснять и обосновывать принимаемые решения, подтверждая в публичном дискурсе свою приверженность целям общего блага, удовлетворению и согласованию интересов различных социальных групп. Но на деле корпоративный интерес властных институтов заключается как раз в том, чтобы не допускать формальных процедур общественного контроля в сеть доверительных отношений, чтобы «не дать «рациональной машине» заработать по-настоящему» [53, с. 28]. Либерально-демократические ценности, принципы и механизмы политического управления в этих условиях воспринимаются в той мере и в тех пределах, в которых они укладываются, с одной стороны, в стремление самоотчужденной от гражданского общества финансово-политической элиты к неограниченному и бесконтрольному росту своей власти, а с другой стороны – в стремление индивидов к реализации своих утилитарно-прагматических интересов.

Политические, государственно-управленческие технологии должны выступать как механизм выявления, формулирования, интеграции и реализации общенациональных интересов (в условиях плюралистической демократии этот принцип реализуется в создании единой структуры диалога различных представлений о всеобщем благе). Соответственно, с политическими рисками идентифицируются прежде всего угрозы общественному благу, угрозы интегрированным общенациональным (государственным) интересам, а не корпоративным интересам «политического класса», консолидированного скрытыми от посторонних глаз сетями патрон-клиентальных отношений*. При этом *общенациональный* интерес должен быть поднят на высоту принципов *общечеловеческого* родового единства. В противном случае идеология общенационального интереса лишь воспроизводит постулат «войны всех против всех».

* «Эти сети напоминают скопище паразитов, облепивших институциональную ткань и упорно по-жирающих ее изнутри» [202, с. 75].

На практике и в массовом сознании государственные структуры и деполитизированные (отлученные от процесса принятия политических решений) массы населения не только разделены, но по многим позициям противопоставлены друг другу. В обществе такого типа структурно невозможна идеология общенационального интереса и соответствующие символы рамочной идентичности, естественным образом формирующиеся как в обществах традиционного, идеократического типа, так и в консолидированных демократиях. С.Ф. Черняховский утверждает, что в современной России мы имеем дело даже не с расколом нации, но с разными нациями, разными странами, из которых одна находится под властью другой на частично совпадающей территории [54]. Майкл Урбан констатирует, что в результате приватизации сетевыми структурами номенклатурной власти госаппарата, в России был установлен специфический политико-государственный строй, в котором политические партии, общественные движения и другие институты гражданского общества низведены «до роли статистов в политической драме, разыгрываемой высшими должностными лицами исполнительных структур и их партнерами в деловых и финансовых кругах» [55, с. 71].

Аналогичные оценки ситуации, сложившейся в Казахстане, дает отечественная оппозиционная пресса и большинство независимых аналитиков. Между тем является азбучной истиной, что именно раскол народа и политической элиты как основной структурный конфликт социальности является генератором наиболее мощных социально-политических катаклизмов, истоком наиболее серьезных и неотвратимых угроз социально-политической стабильности. В этих особенностях проявляется общая закономерность: дефицит институтов гражданского общества в социально поляризованном социуме порождает цепную реакцию усиления авторитарной составляющей власти и свертывания программ демократических преобразований. Сильная государственная власть в слабо развитом обществе стимулирует веру в способность государства рационально управлять и теми социальными процессами, которые локализованы за пределами необходимого, возможного и допустимого для политического регулирования. Сильной властью питаются также и иллюзии относительно универсальности тех типов рациональности, которые действенны внутри системы самоуправления политических институтов. На деле же эти типы рациональности партикулярны, и в случае своей универсализации утрачивают свой рациональный потенциал (реализуются в превращенной иррациональной форме).

Существуют пределы допустимого воздействия государственной политики на неполитическую сферу, за которыми эти воздействия становятся разрушительными. Возникшие в результате «реконверсии бюрократического капитала» (П. Бурдье) и адаптированные к задачам выработки оптимальных для самих себя, т.е. *строго статусных*, условий перераспределения национального богатства, институты политического управления объективно не способны на проведение политики социального партнерства. «Поэтому особенно серьезное утопическое заблуждение – расчет на создание государственными средствами гражданского общества... претензии на пере-

устройство общества политическими средствами» [56, с. 16]. Один из ведущих политических теоретиков современности, Чарльз Эндрейн, предупреждает: «Если общество не объединено единым пониманием общего блага, то…погоня за осуществлением индивидуальных и групповых материальных интересов заслонит собой понимание важности трансцендентного подхода к общественному благосостоянию, результатом чего может стать массовое падение нравов и разгул насилия» [57, с. 74].

Гражданское общество традиционно рассматривается как система социальной атомистики. Государство при этом приобретает статус сферы институционализации универсальных принципов, социальные группы – статус носителей своего собственного партикулярного смысла, а индивид выступает как атомарный элемент формально-правовой структуры гражданского общества и субъект отношений вещной зависимости. Но это – фатальная ошибка традиционной концепции. На деле статусом практической универсальности обладает не государство, а личность. Принцип личности трансцендирует и систему атомистики экономических индивидов, составляющих гражданское общество, и содержательную партикулярность ценностных систем сословно-социальных групп и объединений, и рассудочную всеобщность государственных институтов.

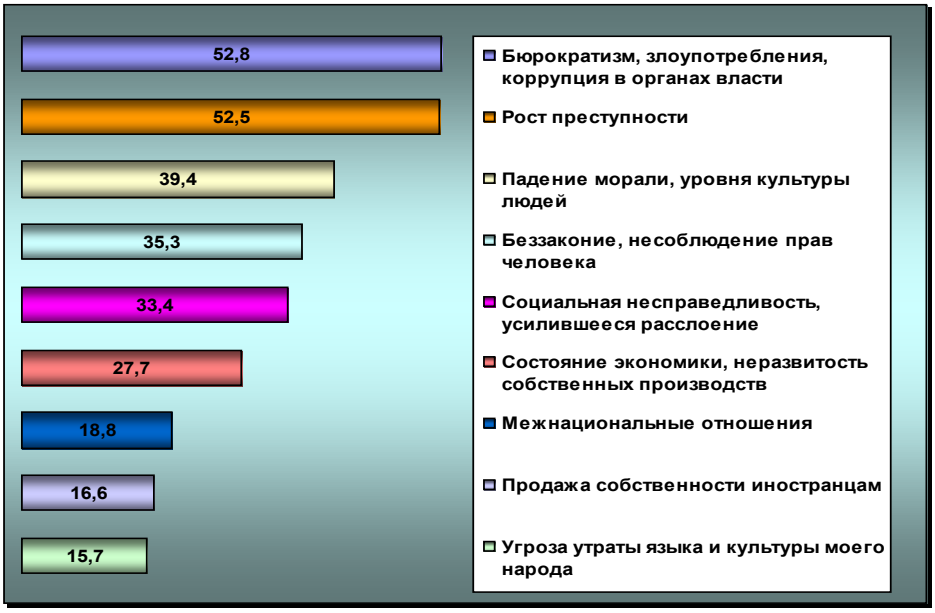
3.2 Диагностика причин и пути преодолен бюрократизации системы управления

Условием эффективности управления является то, что управляющая подсистема сроится в соответствии с собственной программой и принципами функционирования, которые должны быть отличными, а по ряду параметров и автономными от логики развития управляемой подсистемы. Вместе с тем рассогласование уровней сложности и принципов организации управляющей и управляемой подсистем приводит к бюрократизации системы управления. Бюрократизм (фр. bureau – бюро, канцелярия и греч. kratos – власть) возникает при отрыве работников управленческих организаций (канцелярий, администраций и т.п.) от управляемых ими социальных объектов. В результате происходит подчинение задач управленческих организаций целям собственного воспроизводства, аппаратным и корпоративным интересам. Учреждение становится административно-самодостаточным. Оно поддерживает свое существование за счет документов, которые само себе адресует. «Чиновники создают работу друг для друга» (С.Н. Паркинсон), одновременно интегрируя в отправление своих административных функций и формализуя в соответствии с их кодами механизмы обратной связи, т.е. контроля со стороны управляемой подсистемы (объектов управления).

Бюрократизм является одним из наиболее застарелых и вместе с тем одним из наиболее злободневных структурных дефектов систем административного и политического управления Казахстана. В опросе населения республики, проведенного в 2013 г. в рамках осуществляющегося Институтом философии, политологии и религиоведения КН МОН РК мони-

торинга социально-политической ситуации в стране, были получены следующие ответы на вопрос о наиболее тревожащих респондентов проблемах – диаграмма 1. Как видно из этой диаграммы, бюрократизм и неразрывно связанные с ним злоупотребления и коррупция в органах власти вызывают у наших соотечественников наибольшую тревогу. Даже социальная несправедливость, которая во все времена и у всех народов наиболее остро и болезненно воспринимается массовым сознанием, значительно уступила бюрократизму. По степени своей общественной опасности в глазах населения к бюрократу (52,8%) приближается только уголовник (52,5%).

Диаграмма 1. **Какие проблемы общественной жизни Казахстана больше всего Вас тревожат? (%)**



С позиций социальной инженерии объективными предпосылками бюрократизации управленческой системы являются:

Во-первых, рассогласование уровней сложности и принципов организации управляющей и управляемой подсистем. Бюрократическая система возникает за счет того, что в этой ситуации используется один из двух путей (или оба сразу): 1. *самоусложнение управляющей подсистемы,* что приводит к росту аппарата управления, увеличению звеньев управляющей цепочки, росту потока бумаг и т.д. В соответствии с «третьим законом» Паркинсона, самовозрастание сложности управленческих организаций неминуемо ведет их к гибели. 2. *упрощение управляемой системы,* унификация ее элементов и структур, стандартизация функций и т.д.

Управляющая подсистема неизбежно приобретает свою внутреннюю логику развития, которая часто не отражает логику развития управляемой подсистемы, что приводит к возникновению тормозящего эффекта бюрократизации системы управления. Этот эффект может быть описан в терминах «закона самовозрастания бюрократизма управленческих организаций». Смысл этого закона можно сформулировать следующим образом: *бюрократизм государственных и иных управленческих структур возрастает прямо пропорционально росту закрытости и времени существования этих структур.*

Во-вторых, отсутствие или несовершенство механизмов обратной связи, т.е. контроля со стороны управляемой подсистемы (объектов управления). Очевидно, что обе эти предпосылки присутствуют в управленческих структурах РК, во многом определяя их функционирование.

Согласно М. Веберу, государственная бюрократия есть естественная и необходимая форма политической организации любой социальной системы. Профессиональная бюрократия, педантично и неукоснительно выполняющая свои служебные обязанности – важнейший атрибут правового государства. Государственно-бюрократический аппарат во всех своих звеньях и уровнях должен отвечать специфическим критериям профессионализма, рациональности, административной компетентности и дисциплины, функциональности, строгой регламентированности, нерушимой иерархичности ступеней и уровней бюрократического самоуправления. Для работы властных структур как единого отлаженного механизма необходима жесткая внутренняя дисциплина, взаимосогласованность и пригнанность друг к другу всех звеньев государственно-бюрократического аппарата как особой сферы профессионального управления. Внутренняя консолидация институтов политической власти, их независимость от эмерджентных процессов трансформации общества является условием эффективности политических методов управления.

Требования государственного регулирования сферой гражданской жизни общества выполняются властью, призванной выражать, формировать и защищать консолидированную народную волю и общенациональные интересы, и в то же время решающей задачу собственной консолидации на основе элитарно-корпоративных правил. Центральная роль при этом отводится умению действовать авторитарно-силовыми методами и использовать тончайшие нюансы иерархии отношений личной зависимости в бюрократической пирамиде. Прочно закрытая для остальной части социума, сохраняющая неполитические, традиционные механизмы собственного формирования, а поэтому и неполитические методы принятия и проведения в жизнь своих решений, власть с объективной неизбежностью осуществляет авторитарную форму правления через тотальный административно-бюрократический контроль над неполитической сферой.

В современной научной и популярной литературе общепризнанным является положение о том, что преградой действию закона самовозрастания бюрократизма может и должно служить: резкое сокращение функций государства, ограничение круга его задач, сужение осуществляемых полномочий; введение

различных форм социального самоуправления, при которых государство лишь координирует взаимодействие этих самоуправляемых систем; развитие хорошо отлаженной системы контроля управляемых («низов») за деятельностью управляющих («верхов»). Однако дело обстоит не так просто. Как свидетельствуют данные исследований российскими социологами кадрового потенциала государственной службы, «ментальность государственных служащих утратила явно выраженные политические и идеологические установки, в их сознании стали доминировать сугубо прагматические ориентиры аппаратной работы». Формально эта эволюция соответствует требованиям нормативных актов в сфере государственной службы и соответствует веберовской концепции формирования идеального типа бюрократии. Однако, как подчеркивают социологи, важно учитывать и то, в чем конкретно выражается этот прагматический настрой. В этой связи следует обратить внимание на то, что «эффективность своей служебной деятельности чиновники усматривают в исполнении ими сугубо канцелярских и бюрократических процедур самих по себе, в основном не связанных с реализацией государственных интересов и, тем более, с оказанием государственных услуг гражданам и организациям. Фактически сложилась известная в прошлом ситуация превращения чиновников в своеобразных «винтиков» машины, но не государственной машины в целом, работающей по единому алгоритму, а «винтиков» разрозненных аппаратов и так называемых «команд» по обслуживанию начальников» [58, с. 86].

Согласно Максу Веберу, «политика» означает стремление к участию во власти или к оказанию влияния на распределение власти, будь то между государствами, будь то внутри государства между группами людей, которые оно в себе заключает. Государство, равно как и политические союзы, исторически ему предшествующие, есть отношение *господства* людей над людьми, опирающееся на легитимное насилие как средство. Таким образом, чтобы оно существовало, люди, находящиеся под господством, должны *подчиняться* авторитету, на который претендуют те, кто теперь господствует.

Каждое господство старается возбудить веру в свою легитимность и позаботиться о ней. В зависимости от вида легитимности различается и тип повиновения, тип обеспечивающего его штаба управления, характер осуществления господства, его эффективность. Следовательно, виды господства целесообразно различать по типичной для них претензии на легитимность.

М. Вебер выделил три идеальных типа* легитимного правления и три типа власти, которым соответствуют определенные типы лидеров:

* «Идеальный тип» в веберовской методологической концепции не несет никаких оценочных кон-нотаций. Идеальный тип противопоставляется М. Вебером теоретическим и эмпирическим обобщениям, дающим усредненное представление об изучаемом явлении. «Идеальный» в контексте идеально-типического понятия не значит соответствующий идеалу, достигший высшей степени совершенства и т.д., но означает мысленную конструкцию или модель чистого воплощения сущности, отличительных черт, наиболее значимых характеристик того или иного феномена. Сам по себе этот феномен может быть сугубо негативным, как, например, в случае идеального типа диктатора, тирана, деспота, политического авантюриста и т.п.

1) «Традиционное» господство, как его осуществляли патриарх и патримониальный князь старого типа.

Такой тип лидерства основан на вере не только в законность, но и в святость издревле существующего порядка, в авторитет *нравов,* освященных исконной значимостью и привычной ориентацией на их соблюдение. Традиционный тип господина во многом сходен с фигурой главы семьи, патриарха, что делает эту форму политического господства особенно устойчивой в доиндустриальных типах общества. Но и для стабильного функционирования демократии, считает М. Вебер, полезно сохранение ряда символических атрибутов монархически-патриархальной власти, подкрепляющих авторитет безличных и безликих административно-управленческих структур многовековыми традициями почитания власти, персонифицированной в фигуре верховного суверена.

В традиционном типе управления его «штаб» формируется на основе отношений личной зависимости и состоит из друзей, родственников, преданных лично господину вассалов. Не объективный служебный долг, а личная преданность слуги определяет отношение штаба управления к своему господину. Подчиняются не уставу, а личности, призванной для этого по традиции, приказы которой легитимны по двум причинам:

а) отчасти в силу традиции, прямо определяющей содержание распоряжений (в смысле, продуманном этой традицией);

б) отчасти в силу свободного произвола господина, которому традиция предоставляет соответствующую возможность. Этот традиционный произвол покоится в основном на безграничном почитании, безусловном пиетете перед властью.

В штабе управления традиционного господства в чистом виде отсутствуют:

а) объективно распределенная устойчивая деловая компетенция;

б) устойчивая рациональная иерархия;

в) упорядоченное определение на службу по свободному контракту и упорядоченное продвижение по службе – такое продвижение осуществляется только по произволу и милости господина. Личная верность служит решающим основанием для назначения на должность и движения по степеням властной иерархии.

д) профессиональное обучение (как норма);

е) постоянное и выплачиваемое в деньгах содержание.

2) Авторитет экстраординарного, внеобыденного личного дара, *харизмы* (харизма в переводе с греческого – божественный дар). В основе харизматического лидерства лежит полная личная преданность и личное доверие, вызываемое наличием у какого-то человека качеств вождя, резко отличающих его от других: пророческого или провидческого дара, героизма, магических способностей, выдающейся силы духа. Харизматическое политическое господство осуществляют избранный князь-военачальник, или плебисцитарный властитель, выдающийся демагог и политический партийный вождь. Преданность харизме религиозного пророка или вождя на во-

йне, или выдающегося демагога в народном собрании или в парламенте как раз и означает, что человек подобного типа считается внутренне «призванным» руководителем людей, что последние подчиняются ему не в силу обычая или установления, но потому, что верят в него. Правда, сам «вождь» живет своим делом, «жаждет свершить свой труд», если только он не ограниченный и тщеславный выскочка.

> Харизматическое господство, будучи внеобыденным, резко противопоставлено как рациональному, особенно бюрократическому, так и традиционному, в особенности патриархальному и патримониальному или сословному господству. Два последних – формы обыденности в господстве, истинно харизматическое господство являет собой прямую противоположность им. Харизматическая власть, как правило, появляется в ситуациях, когда общество переживает системный кризис. Бюрократическое господство *специфически рационально* в смысле связанности дискурсивно анализируемыми правилами, харизматическое – *специфически иррационально* в смысле отчужденности от правил. Традиционное господство связано прецедентами прошлого, и постольку ориентировано на правила, консервативно-охранительно. Харизматическое господство разрушает прошлое (внутри своей области), и в этом смысле оно специфически революционно («Харизма есть великая революционная сила в связанных традициями эпохах»). Харизматические личности стремятся к радикальным преобразованиям. Они стремятся сломать структуры рутинных действий и заменить их структурами, которые порождаются непосредственным и интенсивным контактом с конечными смыслами бытия.

Вождь-диктатор как харизматический лидер всегда претендует на то, чтобы вести народ в иные миры, к которым он заведомо причастен, причем вести через политическое действие. В современном мире возникает парадоксальный тип харизматического демократа, защитника идеалов свободы. Даже уничтожая демократический режим, такой диктатор создает имидж прирожденного демократа, лучше других понимающего прискорбную необходимость действовать недемократическими методами для установления подлинной демократии*.

При всем различии традиционного и харизматического типов политического лидерства они в равной степени опираются на личные отношения между господином и подчиненным, лидером и ведомыми им народными массами. В этом плане и традиционное, и харизматическое лидерство противоположны его формально-рациональному типу.

обязательность легального *установления* и деловой «компетентности», обоснованной рационально созданными правилами, то есть ориентации на подчинение при выполнении установленных правил – господство в том виде, в каком его осуществляют современный «государственный служащий» и все те носители власти, которые похожи на него в этом отношении.

---

* К слову, такой имидж миссионера свободы пытаются создать себе не только отдельные личности (скажем, Пиночет), но и целые страны. Какая именно страна пытается создать себе такого рода имидж оплота свободы в современном мире, понятно без дальнейших разъяснений.

Система бюрократического управления, согласно М. Веберу, основывается на следующих принципах:

- существование определенных служб и соответствующих компетенций, строго ограниченных законами, регламентами, кодексами и правилами;
- иерархия в выполнении функций, подразумевающая четко разграниченные посты в административной структуре; как правило, в такой структуре соблюдается единоначалие, а не коллегиальное руководство, существует тенденция к максимальной централизации власти. Необходимость формально единого ведения *всей* политики, включая внутреннюю, одним руководящим государственным деятелем – отмечает М. Вебер – окончательно сформировалась и стала неизбежной благодаря конституционному развитию, хотя скрытая борьба между чиновничеством и самовластием шла, конечно, повсюду;
- эффективный контроль со стороны администрации над работой подчиненных;
- подбор кадров на конкурсной основе;
- возможность продвижения по службе на основе оценки по объективным критериям, а не по усмотрению начальства;
- регулярная оплата труда служащего в виде фиксированной заработной платы;
- полное отделение личности служащего от выполняемой функции. Никакой служащий не может быть собственником своего поста или средств управления.

Начальник, который, распоряжаясь и приказывая, сам подчиняется безличному порядку, ориентирует на него свои распоряжения. Это справедливо и для легального господина, который не является «чиновником», например, избранного президента государства. Вместе с тем М. Вебер настоятельно подчеркивает различие между лидером и чиновником. Система бюрократического управления – это господство формализованной обезличенности – нуждается в программе, которую может задавать только политический лидер. Именно политический лидер использует административно-управленческий бюрократический аппарат для достижения поставленных им целей и утверждения тех или иных политических ценностей. М. Вебер писал: «… политический чиновник не должен делать именно того, что всегда и необходимым образом должен делать политик – как вождь, так и его свита, – *бороться.* Ибо принятие какой-либо стороны, борьба, страсть – ira et studium – суть стихия политика, и прежде всего политического *вождя.*

Деятельность вождя всегда подчиняется совершенно иному принципу *ответственности,* прямо противоположной ответственности чиновника. В случае если (несмотря на его представления) вышестоящее учреждение настаивает на кажущемся ему ошибочным приказе, дело чести чиновника – выполнить приказ под ответственность приказывающего, выполнить добросовестно и точно, так, будто этот приказ отвечает его собственным убеждениям: без такой в высшем смысле нравственной дисциплины и само-

отверженности развалился бы весь аппарат. Напротив, честь политического вождя, то есть руководящего государственного деятеля, есть прямо-таки исключительная *личная* ответственность за то, что он делает, ответственность, отклонить которую или сбросить ее с себя он не может и не имеет права» [59, с. 666].

В этой связи представляет интерес срастание имиджа вождя с главой бюрократического аппарата в тоталитарных режимах. Этот аппарат из сугубо технического органа при официальных властных структурах в брежневский период превратился в самодовлеющую реальность, обладающую политическим всемогуществом. Генеральный секретарь ЦК КПСС обладал высшей властью. Но ведь секретарь это, по сути дела, сугубо техническая, канцелярская должность, относящаяся к повседневной рутине делопроизводства, не имеющая никакого отношения к политической составляющей властных отношений. Скажем, чин секретаря стоял в самом низу петровской табели о рангах. Даже гоголевский Акакий Акакиевич, олицетворяющий забитость и ничтожность мелкого канцелярского служащего, имел более высокий чин титулярного советника. Партия в целом не отождествляла себя с государством, с единственно легитимной публичной властью. Стратегические решения принимались Политбюро – внутренней партией, если использовать термин Дж. Оруэлла. Политбюро, – заседания которого проходили, а решения, постановления, директивы и т.д. выносились без всякого участия и контроля не то что рядовых членов партии, но и ее ЦК, – по сути дела представляло самого себя. Во что в итоге превратился некогда харизматический имидж вождя революционной партии – всем хорошо известно.

М. Вебер считал, что бюрократия является наиболее рациональным видом легальной власти из всех известных средств управления людьми. В идеале, или потенциально, такая форма правления должна вести к достижению высокого уровня эффективности, она наиболее стабильна, точна, надежна, предсказуема. Бюрократическое управление делами в чисто техническом отношении приближается к наиболее совершенному труду в смысле точности, постоянства, дисциплины, подтянутости и надежности, интенсивности и экстенсивности труда, в его формально универсальной применимости к любым задачам. Это должно обеспечиваться превращением современного чиновничества в высококвалифицированных специалистов духовного труда, профессионально вышколенных многолетней подготовкой, с высокоразвитой сословной честью, гарантирующей безупречность, без чего возникла бы роковая опасность чудовищной коррупции и низкого мещанства, а это бы ставило под угрозу чисто техническую эффективность государственного аппарата, значение которого для хозяйства, особенно с возрастанием социализации, постоянно усиливалось и будет усиливаться впредь. Хотя на практике, разумеется, в любой стране мира бюрократия далека от своей идеально-типической формы, но можно привести примеры того, что в истории бывали случаи возникновения чиновничьих каст, очень близких веберовскому идеальному типу.

Такого рода чиновничество существовало, например, в Европе во время расцвета гуманистической культуры Возрождения. Следует также отметить, что беспримерная в истории цивилизации длительность и устойчивость существования Поднебесной империи во многом была следствием срастания класса бюрократов и ученых. Китайский мандарин изначально являлся примерно тем, кем был европейский гуманист в эпоху Возрождения: грамматиком, получившим гуманитарное образование и успешно выдержавшим экзамены по литературным памятникам далекого прошлого.

Согласно конфуцианской модели государства существует два слоя людей: управляющие и управляемые. Особый тип людей – *цзюнь цзы,* благородный человек, есть вместе с тем и идеальный тип человека, причастного к делу административного управления: от самого мелкого чиновника до сановника и правителя. «Конфуций впервые в истории Китая с помощью образа *цзюнь цзы* поднял значение бюрократии в системе управления и обществе в целом» [60, с. 95]. Причем следует обратить внимание на способ формирования и функционирования бюрократии. Как конфуцианство, так и легизм отводили бюрократии ключевую роль в государственном устройстве. Но если в легистской версии бюрократия скована *законами*, то в конфуцианской модели государства бюрократия является носителем, толкователем и исполнителем *правил (ли)*. Стать *цзюнь цзы* человек мог благодаря образованности, поэтому теоретически путь продвижения вверх по лестнице чиновничье-бюрократической иерархии был открыт для каждого.

Хорошо управляемое государство, согласно традиционной политической философии Китая – это, прежде всего, государство, в котором народ доверяет администрации. При этом государственная администрация функционирует наряду с органами общинного самоуправления, обладающими достаточной степенью автономии на уровне повседневной жизни. Нормы общинного самоуправления впоследствии будут закреплены и законодательно. Общине в императорском Китае было предоставлено право самостоятельно вести судопроизводство по ряду правонарушений и преступлений на основе обычного права. Правитель по определению обладает *жэнь* – человеколюбием. Поэтому он обладает правом внедрять этот принцип. В отношениях между чиновниками и правителем устанавливается следующий порядок: правитель наставляет чиновников с помощью правил, чиновники же служат правителю, исходя из чувства преданности.

В идеологии и практической деятельности ранних легистов главным было введение единого законодательства, укрепление власти верховного правителя – *вана* и ограничение власти аристократии через ограничение ее права на занятие высших административных должностей и рангов знатности. Гуань Чжун выдвинул концепцию всеобщности закона как принципа «великого искусства» государственного управления. Совершенномудрый правитель потому и является таковым, что он полагается на *закон*, а не на *мудрость*. Более того. Сам правитель, в руках которого находится вся полнота политической власти, который является творцом не подлежащих обсуждению законов, стоит под законом и обязан выполнять его требования. Гуманный же (человеколюбивый и справедливый) правитель вообще не в состоянии управлять страной и навести в ней порядок: «Шанъяновскому правителю ни к чему скромность, человеколюбие и стремление к знаниям, главное – уметь повелевать народом» [60, с. 95].

Понятно, что легистская концепция государственного управления на основе единого и обязательного для всех свода законов ущемляла права на-

следственной аристократии и общины. Шан Ян боролся с конфуцианской концепцией государства, в значительной мере опиравшейся на обычное право и традиции. Но реалистичная политика не могла не учитывать укорененность их в народе. Поэтому Шан Ян советовал правителю при создании новых законов учитывать обычаи и традиции общинного самоуправления. Более того, община наделялась правом контроля над действиями администрации. Власть знати должна была быть ограничена через введение системы назначения на государственные должности взамен традиционного права их наследования аристократией. Власть и контроль правителя над бюрократическим аппаратом должна обеспечить система взаимной слежки и доносительства.

Одна из основных категорий конфуцианства – *ли,* неукоснительное соблюдение рангово-иерархических различий и соответствующих прав, привилегий, обязанностей. Без *ли* как основы социальной гармонии и справедливости рушится общество и государство. В санкционированном *ли* государственном порядке правитель есть отец своих подданных. Государство – это большая семья, управляемая на началах добродетели, справедливости, доверия, гуманности. Если только сам правитель неукоснительно подчиняется тем же *ли,* как того требует от простолюдинов, то он не деспот и не тиран.

Принцип *нравственного самоограничения* патерналистского правления в конфуцианстве структурно воспроизводит требование *законодательного самоограничения* власти как принцип либерально-правовых концепций Запада. Более того. Нельзя не прислушаться к мнению тех критически настроенных по отношению к теории и практике западного либерализма философов права, которые считают, что конституционный механизм подчинения политического пространства власти закона на основе законодательного обеспечения разделения ветвей власти, характеризующий западную демократию и не имеющий нормативного значения для Востока, свидетельствует о *духовной незавершенности* организации социального бытия.

Следствием и выражением этого разделения является противопоставление этической и юридической нормативности и тотальная бюрократизация общества.

3.3 Принципы и критерии реформирования административной власти

Как указывают государственные служащие – респонденты социологических опросов, главным требованием к их работе является быстрое и безапелляционное реагирование на бюрократические запросы, зачастую не связанные с логикой служебной деятельности. Реальная практика регламентации работы настраивает государственных служащих на выполнение работы, в основном слабо сопряженной с реальными интересами государства и государственными услугами населению.

По всей видимости, аналогичная ситуация сложилась и в сфере государственной службы Казахстана. Поэтому крайне важным представляется следующий вывод российских социологов: «Можно предположить, что в на-

стоящее время характер работы в органах государственной власти является для большинства чиновников *синтезом достаточно высокого общественного статуса и канцеляризма, обеспечивающим их самодостаточность.* По сути обозначенная ситуация представляет собой ярко выраженную форму *административного отчуждения государственного аппарата от общества,* которое накладывается на отчуждение населения от государства и исполнения гражданских обязанностей. Это чревато снижением эффективности государственного управления» [30, с. 87].

В нашей республике также становится актуальным принятие, по примеру РФ, программы реформирования государственной службы. Этот вывод подкрепляется следующими аргументами:

1. В Казахстане сложилось несоответствие между инертным и бюрократизированным функционированием государственных институтов и потребностями государственного регулирования (политического управления) многообразных социальных процессов.

2. Назрела необходимость в такой регламентации государственной службы, которая, не отменяя бюрократические механизмы аппаратной работы, создала бы стимулы для их подчинения интересам государства и граждан.

3. Усиление административного произвола чиновников, административного диктата со стороны государственного аппарата противоречит задаче утверждения правового порядка.

В условиях проведения структурных реформ должна измениться концепция социального управления для обеспечения стабильности и инновационной самоорганизации социума. Если в устойчивом обществе преобладают процессы, репродуцирующие социальный порядок, то в период реформ на первый план выходят нелинейные связи и отношения, которые резко увеличивают роль случайности, особенно в поле политики. Политическое управление не должно быть жестким, поскольку сильные управленческие воздействия подавляют творческие новации, закрывают возможности продуктивного развития. Следует применять политические технологии, адекватные процессу социальной самоорганизации и вместе с тем рационально организованному распределению власти, ответственности и контроля по управленческой вертикали.

Для формирования подобного типа рациональных структур управления требуется установление правильного с точки зрения социоинженерных критериев соотношения между централизацией и децентрализацией, что предполагает:

- централизацию стратегических функций (выработку общих целей, постановку общих задач, контроль их исполнения) с одновременной передачей полномочий по принятию тактических и оперативных решений на низшие уровни управленческой иерархии;
- интеграцию всех видов деятельности, необходимых для достижения общих, стратегических целей, и обеспечение их приоритета перед частными тактическими и оперативными целями;

- придание всем уровням и структурам управления относительной самостоятельности с тем, чтобы они были способны автономно и достаточно быстро реагировать на изменение внешних и внутренних условий.

В прошлом решению этих задач в значительной мере содействовало использование принципа демократического централизма. Этот принцип в СССР был даже закреплен конституционно. Ныне он выброшен как элемент коммунистической тоталитарной идеологии. Мы согласны с тем, что «принцип демократического централизма имеет общеисторическое и общедемократическое содержание, которое нам следовало бы восстановить нормативно» [37, с. 179]. Социальная система оказывается достаточно устойчивой и гибкой в неравновесных социальных ситуациях, когда все ее основные структурные части обладают относительной автономностью и вместе с тем интегрированы в единое целое, что и предусматривается в рационально понятой модели демократического централизма.

4 ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАТИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ СОЦИАЛЬНОЙ ИНЖЕНЕРИИ

4.1 Функциональное определение ряда основных понятий

Для теоретической разработки, внедрения и эффективного применения информационных технологий управления массовым сознанием следует определиться со значением основных понятий (терминов, категорий). В рамках настоящей монографии нет возможности, да и необходимости проводить специальный критический анализ многообразных дефиниций, представленных в литературе. Достаточно остановиться на тех смысловых, структурных и функциональных аспектах ряда понятий, которые имеют непосредственное отношение к специфике темы.

«Массы», «Массовое сознание»

Во-первых, следует конкретизировать понятия «Массы», «Массовое общество», «Массовое сознание». Для этого целесообразно обратиться к специальному исследованию этих понятий, выполненному *Б.А. Грушиным.* Б.А. Грушин отмечает, что традиционная социальная теория неизменно связывала теоретический анализ общественного сознания с представлением о групповом характере его субъекта – творца и носителя. Например, марксистская концепция основное внимание уделяла классовому сознанию. В современных публикациях, в том числе и казахстанских авторов, приоритет принадлежит исследованиям специфики этнического сознания. В обоих случаях общество рассматривается как совокупность больших и малых, спонтанно возникших в ходе социально-исторического развития или искусственно конструируемых социальных групп (классов, слоев, страт, этнических, конфессиональных, профессиональных и т.д. общностей), а общественное сознание – как совокупность форм группового сознания в их специфическом отличии от общечеловеческого и индивидуального сознания.

Вместе с тем работы Я. Буркхардта, Г. Тарда, Г. Ле Бона, Ш. Сигеле, Х. Ортега-и-Гассета, С. Московичи обратили внимание социальных исследователей на такие человеческие общности, которые коренным образом отличались от собственно групповых форм социальной организации человеческой жизнедеятельности. К таким *негрупповым формам* человеческих общностей относятся ситуационно возникающие конгломераты индивидов – например, пассажиры самолета, зрители в театре или на стадионе, аудитория различных средств и каналов массовой информации, участники массовых политических, социальных, культурных движений, члены различных ассоциаций и клубов и т.п. В этих общностях, существующих наряду и параллельно с социально-стратификационными членениями общества,

объединяются люди различного социального положения, этнической принадлежности, возраста, профессии, образования и т.д.

Возникновение «массового общества» связано с процессами стандартизации взглядов, потребностей, привычек, условий и способов деятельности. В порождении и функционировании массового общества участвуют как стихийные, спонтанные процессы, так и институционализированные, специализированные механизмы, связанные с деятельностью профессионалов – политиков, идеологов, теоретиков, деятелей культуры и т.д.

Отличительными особенностями масс как особого типа социальных общностей и носителя (субъекта) массового сознания являются следующие:

1. статистический, несистемный, аморфный характер общности, выражающийся в том, что она не представляет собой какого-либо целостного образования, отличного от составляющих его элементов;

2. стохастическая (вероятностная) природа общности, выражающаяся в том, что вхождение в нее индивидов носит неупорядоченный характер. В результате такая общность является, говоря языком математики, «нечетким множеством», отличается открытыми границами, качественно и количественно неопределенным составом;

3. ситуативный характер существования общности, выражающийся в том, что она неустойчива, меняется от ситуации к ситуации, возникает и существует ad hoc (для данного случая);

4. выраженная гетерогенность (разнородность) состава общности, в которой разрушатся границы между всеми социальными, демографическими, политическими, региональными, образовательными и т.д. группами.

На основе выделения этих характерных признаков Б.А. Грушин дает такое общее определение: *«массы – это ситуативно возникающие (существующие) социальные общности, вероятностные по своей природе, гетерогенные по составу и статистические по формам выражения (функционирования)»* [61, с. 234–235]. Для образного, метафорического описания масс Б.А. Грушин использует такие сравнения: массы – это внеструктурные острова в групповой структуре социума, или общество со сломанными внутренними перегородками.

Подобного рода негрупповые типы общностей являются субъектами-носителями особого типа *общественного,* но не *группового* сознания – **массового сознания,** характеризующегося собственными механизмами действия, связанными с явлениями подражания, заражения, внушения и т.д. **–** и средой формирования особого, чрезвычайно важного социального института – **общественного мнения.**

В силу того обстоятельства, что в современном казахстанском обществе еще не сложилась стабильная саморегулирующаяся система социальной стратификации и соответствующая ей система политических партий и общественных движений, призванных артикулировать, защищать и отчасти формировать дифференцированные интересы конкретных социальных групп и слоев населения, развитие информационных технологий воздействия на массовое сознание приобретает особую важность и актуальность.

«Общественное мнение»

Х. Ортега-и-Гассет утверждал, что власть означает господство мнений и взглядов, идей и пристрастий, и сила общественного мнения есть главная сила, создающая феномен власти. Насилие же есть лишь суррогат власти общественного мнения. Б.А. Грушин отмечает, что с возникновением массового общества «общественное мнение превращается в постоянно действующий и, главное, действенный элемент жизни современных государств, выступая наряду с «классическими» общностями (группами) в качестве относительно самостоятельного агента, активно участвующего в социальной и политической борьбе, в том числе в процессе выработки и принятия ответственных решений практически на всех уровнях социального управления» [61, с. 163].

Общественное мнение, целиком принадлежа массовому сознанию, представляет его в наиболее чистом виде. Исследователи общественного мнения обращают внимание на его *неожиданные, парадоксальные* свойства:

- оно противоречиво по своим позициям, сочетает в себе логически несовместимые представления (в любых опросах, плебисцитах и т.д. одна часть населения высказывается «за», а другая «против»);
- массовое сознание многослойно и «мозаично» (дискретно, фрагментарно). Оно представляет собой не *систему*, но *конгломерат* элементов, располагающихся как бы на параллельных, не соподчиненных плоскостях;
- чаще всего массовое сознание изменчиво, непостоянно в своих предпочтениях, но вместе с тем проявляет и отчетливую консервативность, сопротивляемость новой информации;
- причины этих изменений трудно уловимы, подчас непредсказуемы.

Ряд такого рода особенностей массового сознания и выражающего его общественного мнения «доставляет множество хлопот идеологам и политикам, стремящихся овладеть данным феноменом, научиться управлять им в конкретных условиях» [61, с. 164]. В то же время пренебрежение политиков и администраторов к настроениям и запросам масс, игнорирование общественного мнения неизбежно оборачивается сбоями в работе механизмов управления. «Весь мировой опыт говорит о том, что государственная политика достигает своих целей только тогда, когда население доверяет власти и видит в государстве защитника и помощника, отстаивающего общенародные интересы» [40, с. 434].

Сочетание спонтанных и институционализированных факторов и механизмов в процессах формирования массового сознания может проявляться в самых разных формах. Оно может происходить как эластичное взаимодействие, порождая синергетические эффекты (т.е. по модели сложения однонаправленных векторов). Эти факторы могут характеризоваться разнонаправленными, но не противоположными направлениями действия (по модели пересечения линий воздействия). Или же оба фактора могут действо-

вать во взаимоисключающих направлениях (по модели взаимоограничения, взаимоотрицания векторов воздействия). Учет разнообразия и специфики взаимодействия спонтанных и институционализированных форм порождения массового сознания является одной из важнейших проблем в теории и практике управления.

«Информация»

Важнейшим критерием, определяющим границы, содержание и особенности массового сознания, является *диапазон информации, открыто и в массовом масштабе* циркулирующей в том или ином обществе. При этом следует иметь в виду, что не любая информация, в массовом порядке распространяющаяся по каналам СМИ, является массовой информацией в строгом смысле слова. Чтобы стать достоянием и фактором формирования массового сознания, информация должна затрагивать массовые потребности, интересы.

Под информацией в обыденном языке понимается любое сообщение и содержащиеся в нем сведения. Но для разработки и применения технологий информационного управления понятие информации следует использовать в том специальном значении, которое ему было придано в теории информации. Теория информации связывает это понятие с отношением вероятностей, выбором из ряда возможностей, методом бинарных оппозиций и иными способами описания передачи информации. В контексте нашей темы важную роль играет представление и количественная оценка информации посредством последовательных операций выбора.

На популярном уровне это можно представить следующим образом. Если существует равная вероятность наступления ряда событий, то информацией является коммуникация, базирующаяся на последовательном двоичном выборе. Простейшей схемой такой последовательности является так называемая «Олимпийская система» определения победителя. Например, восемь участвующих в турнире команд для определения чемпиона проводят четвертьфинальные, полуфинальные и финальный туры. Если имеется восемь равновероятных исходов (каждая из команд в нашем примере рассматривается как равновероятный с остальными чемпион), то определение одного из них потребует трех операций выбора. Отношение ряда событий к ряду соответствующих им возможностей – это отношение между арифметической и геометрической прогрессиями, причем второй ряд является логарифмом первого. В нашем примере $Log_2 8 = 3$.

В теории информации единицей информации, или битом (от «binary digit», т.е. «бинарный сигнал»), называют информацию, полученную при выборе из двух равновероятных возможностей. Следовательно, если, как в нашем примере, идентифицировался один из восьми возможных исходов, мы получаем три бита информации. Если бы число команд было равно 16-ти, то информация составила бы 4 бита, если 2-м, то 1 бит и т.д.

«*Эта «информация» имеет косвенное отношение к собственно содержанию сообщения,* к тому, что мы из него узнали. Ведь для теории информации не представляет интереса, о чем говорится в сообщениях: о числах, человеческих именах, лотерейных билетах или графических знаках. В теории информации значимо число выборов для однозначно определенного события. И важны также альтернативы, которые – на уровне источника – представляются как совозможные. Информация – это не столько то, что говорится, сколько то, что может быть сказано. Информация – *это мера возможности выбора*» [62, с. 53].

Тем самым понятие информации жестко связывается с механизмом управления. Информация вводится в систему с целью управления ее деятельностью. Все то, что не удовлетворяет этому критерию, с точки зрения кибернетики является не информацией, а «шумом». Хотя, разумеется, в социальных отношениях этот критерий сам становится неопределенным: то, что для одного является информацией, используется для принятия решения, для другого вполне может быть посторонним шумом.

В чистом виде определение информации через меру возможности выбора работает в ситуации политических выборов. Информационные технологии управления этой ситуацией основаны на том, что в современном демократическом обществе свободное волеизъявление граждан является управляемым, манипулируемым. С книг Макиавелли начинается эмансипация политики от теологии и вместе с тем формирование специфического для политической сферы нормативно-ценностного комплекса. Великий флорентинец всесторонне проанализировал очень важный структурный элемент политики как рискованной игры, которой отдаются самозабвенно, со всей страстью, не принимая во внимание никаких привходящих с ее точки зрения обстоятельств – в том числе и нравственных ограничений. Вовлеченный в игру человек подчиняется только правилам игры. В итоге формируется тенденция вытеснения «инструментальным разумом» этической рефлексии, редуцирующейся к более или менее изощренной политической риторике.

Вместе с десакрализацией политического пространства инструментальный подход объективно ведет к утрате целостного восприятия социальной реальности и деградации стратегического мышления в сфере политики. Власть при этом рассматривается сугубо технологически, через призму механизмов ее захвата, удержания и усиления и соответствующих рисков – ослабления и потери власти. Этические ценности здесь принципиально не принимаются во внимание. А.С. Панарин писал: «Мы много полезного для себя откроем в демократии, если научимся различать две стороны: демократию как *ценностную* систему, опирающуюся на понятие политического суверенитета народа, и демократию как *технологическую* систему, прямо отрицающую этот суверенитет в пользу технологического отношения к народу как к *обрабатываемой массе*» [33, с. 181–182].

При этом по отношению к самим «политическим акторам» технологический подход означает, что «*настоящий профессионал в политике* – это тот, кто не имеет устойчивой идентичности – незыблемых взглядов, убежде-

ний, принципов» [63, с. 259]. Такой профессионал вполне может применить к самому себе слова Макиавелли, на склоне лет сказавшего: «Я никогда не говорил того, во что я верю, и никогда не верил в то, что я говорю». В этом смысле Макиавелли был не так уж далек от истины, проницательно усматривая чистое воплощение сущности политики и идеал политика в Чезаре Борджиа.

В общем виде можно представить следующую типологию видов информации в сфере управленческой деятельности:

- информация (база данных), используемая для стратегических решений. В этой сфере речь идет о выборе целей, приоритетов, ценностей и т.д. Стратегическая информация наименее специфицирована и не определяется узко прагматическими, технологическими критериями и требованиями;
- информация (база данных), используемая для принятия тактических управленческих решений. В данном случае речь идет об управленческих технологиях в узком смысле слова.
- информация (база данных) для решения оперативных вопросов.

Как показывает практика, оптимальной организацией сбора и анализа информации является разделение информационно-аналитических служб на два подразделения: ССПИ – система стратегической и перспективной информации, и СТОИ – система тактической и оперативной информации. Дело в том, что способом получения стратегической и перспективной информации являются в основном работа в основном с текстами, консультантами и экспертами, а сама информационная база выходит далеко за рамки непосредственных интересов организации.

«Общественные связи» (Public Relations)

Любое социальное отношение предполагает информационное взаимодействие. Властные отношения, по определению, асимметричны – в них вовлечено управляющее меньшинство и управляемое большинство. Соответственно асимметричным становится и информационно-коммуникативное взаимодействие. Структуры, контролирующие информационное взаимодействие или общественные связи, вместе с тем контролируют и направляют движение информационных потоков. В учебном пособии по политологии, изданном в ФРГ, утверждается: «Иметь важную информацию значит иметь власть; уметь отличать важную информацию от неважной означает обладать еще большей властью; возможность распространять важную информацию в собственной режиссуре или умалчивать ее означает иметь двойную власть» [64, с. 13]. Именно технологиям «режиссуры» социально-политической информации, а, точнее, алгоритмам создания и использования ее идеологических кодов отводится основное место в современной проблематике социального управления.

Ключевое значение в этом контексте приобретает повышение доверия к источникам и содержанию информации.

В практику менеджмента прочно вошло понятие Public Relations – отношения, связи с общественностью. В современной практике информацион-

ного менеджмента PR-технологии выступают как форма и механизм управления общественными связями и воздействия на общественное мнение. К основным функциям этой структуры относится:

- распространение информации относительно деятельности той или иной личности, социальной группы или организации; обеспечение доверия к источнику информации, его авторитетности, объективности и компетентности;
- продвижение идей, лидеров, товаров на политическом и экономическом рынке; создание их привлекательного имиджа в массовом сознании;
- получение, анализ и оценка информации об общественном мнении, разработка стратегии и технологии воздействия на общественность; подготовка рекомендаций и программ действий на основе полученного знания;
- установление, поддержание и регулирование общения, взаимопонимания, расположения и сотрудничества между организацией и общественностью; работа с персоналом.

4.2 Особенности современного этапа эволюции технологий власти и социального управления

Власть как объективное отношение (социальный институт, деятельность, структура и т.д.) и сам этот термин многолики и многозначны, имеют и в обыденном языке, и в научном дискурсе множество оттенков и смыслов. В современной литературе выделяется три основных аспекта или три различных трактовки феномена политической власти:

1. *Директивный аспект.* В соответствии с такой трактовкой власть понимается как господство, обеспечивающее выполнение приказа, повеления, распоряжения, директивы. М. Вебер определял власть как «монополию легитимного физического насилия», как любую возможность проводить внутри данных социальных отношений собственную волю, независимо от того, на чем такая возможность основана (каковы критерии легитимности власти).

2. *Функциональный аспект,* или понимание власти как способности и умения практически реализовать функцию общественного управления.

3. *Информационно-коммуникативный аспект,* связанный с тем, что власть всегда реализуется через общение, информационное взаимодействие участников властных отношений.

Как правило, *директивный аспект* власти, связанный с господством, силовым принуждением, рассматривается как основополагающий. Соответственно разрабатываются весьма простые силовые модели социального управления*.

В противоположность таким моделям сторонники *информационно-коммуникативной трактовки* власти (Т. Парсонс, Ю. Хабермас, Б. Барнс,

* Гай Калигула, недолгое правление (37–41 гг.) которого ознаменовалось острейшим кризисом в отношениях принципата с римским обществом, высказал кредо этого типа власти: «Пусть ненавидят, лишь бы боялись!».

Т. Болл) решительно отделяют применение принуждающего насилия от сущности политической власти. Ими подчеркивается, что, прибегая к насилию, властный субъект фактически расписывается в своей неспособности осуществлять управленческие функции, добиваться своих целей в условиях конструктивного сотрудничества.

На уровне осуществления власти как коммуникативно-информационного взаимодействия нет нужды в насилии как таковом. Реализуются игровые модели управления. «Добровольность становится не вынужденным, а действительным основаниям властвования, которое в основе своей начинает опираться на знание о публично согласованных целях и способах их достижения, а также об устойчивых принципах и процедурах действий политических акторов по реализации соответствующих обязательств» [65, с. 63]. Власть оборачивается сотрудничеством и при распределении ресурсов, и при согласовании специализированных политических функций. Соответственно возникают сложные системы и изощренные технологии социального управления, полагающиеся на крайне высокие уровни информированности и коммуникативной культуры граждан.

Функциональная трактовка наиболее близка социально-политическим реалиям современности и имеет наибольшее практическое значение, в том числе и применительно к Казахстану. При функциональной интерпретации власть рассматривается как сложный комплекс функций социального управления, сочетающий в себе силовые и коммуникативно-информационные технологии; принуждение и убеждение; принципы взаимодействия, сотрудничества, компромисса, взаимного учета интересов и жесткого одностороннего воздействия. Любое правительство, демократическое или авторитарное, держится у власти, опираясь не только на насилие, но и на пропагандистскую машину и технологии управления массовым сознанием. Конечно, тиран повелевает, а не манипулирует, однако, как проницательно заметил Чезаре Беккариа: «Настоящий тиран начинает всегда с того, что порабощает общественное мнение» [66, с. 502].

Широкий диапазон применения в современной западной политической теории приобрело учение Антонио Грамши о гегемонии как социально-политическом управлении посредством манипуляции сознанием. В соответствии с этим учением, власть господствующего класса держится не только на насилии и принуждении, но и на убеждении, согласии граждан. А. Грамши дает такое определение государства: «Государство – это вся совокупность практической и теоретической деятельности, посредством которой господствующий класс оправдывает и удерживает свое господство, добиваясь при этом активного согласия руководимых» [67, с. 63–64].

Это определение противостоит как жестко критической формуле В.И. Ленина, согласно которой государство – это машина для подавления одного класса другим, так и прекраснодушно-апологетическим представлениям классического либерализма о том, что демократическое государство – «это такая форма политического устройства, которая позволяет приспосабливать правительство к желаниям управляемых без насильственной борьбы» [68, с. 45].

А. Грамши исходит из того, что, осуществляя свою гегемонию, правящая элита не столько *подавляет* общественное мнение или *приспосабливается* к нему, сколько активно *формирует* мнения и настроения массового сознания. Власть становится более эффективной, когда она ориентирована на добровольное признание и исполнение своих решений при транспарентности альтернативных вариантов и иных возможностей. В то же время Кант, – чья государственно-правовая теория, по характеристике Э.Ю. Соловьева, впервые и, может быть, лишь однажды в истории политической мысли реализовала принципы *радикального либерализма,* – указывал:

> «Для многих дел, осуществляемых в интересах общества, необходим определенный механизм, при помощи которого члены общества могли бы вести себя лишь пассивно для того, чтобы правительство было в состоянии посредством искусственно создаваемого единодушия направлять их к общественным целям или, по крайней мере, удерживать от разрушения этих целей. Здесь, конечно, не дозволено рассуждать, здесь следует повиноваться» [69, с. 29].

Выделенные три аспекта власти являются вместе с тем последовательными этапами исторической трансформации систем и механизмов политического управления. Важнейшей характеристикой современного общества становится степень интенсивности и всеохватности влияния властных институтов на массы: «Чем выше степень этого влияния, чем крепче и объемнее оно, тем эффективнее социальный контроль, устойчивее общество, тем меньше вероятность социальных катаклизмов и революций» [70, с. 6]. При этом государственное и административное силовое принуждение уступает свою роль основного способа реализации политической власти информационному воздействию на массовое сознание. Влияние на общественное мнение становится основным средством завоевания и удержания власти. Именно технологиям «режиссуры» социально-политической информации, а, точнее, алгоритмам создания и использования ее идеологических кодов отводится основное место в современной проблематике социального управления. Эти тенденции в изменении основных институтов, механизмов, функций, технологий социального управления действенны и в современном Казахстане.

Известный политический философ, Серж Московичи, рассматривая основную линию эволюции систем управления, отмечает: в современном массовом обществе «внешнее подчинение уступает место внутреннему подчинению масс, видимое господство подменяется духовным, незримым господством, от которого невозможно защититься». Новый тип власти использует, прежде всего, средства массовой коммуникации и информации, которые «проникают в закоулки каждого квартала, каждого дома, чтобы запереть людей в клетку заданных сверху образов и внушить им общую для всех картину действительности» [71, с. 73]. Тем самым радикально изменяется технология управления массовым сознанием и сам принцип образования массовых человеческих общностей. Если традиционные массовые общности, или толпы,

образовывались как скопления людей в одном пространстве в одно и то же время, то читатели газет, слушатели радио, зрители телевидения, пользователи Интернета, оставаясь у себя дома и в одиночку реагируя на сообщения газет, радио, телевидения, в то же самое время существуют как виртуальная общность, или как специфическая разновидность того, что Г. Тард, Г. Ле Бон, Х. Ортега-и-Гассет обозначили термином *толпа*, или *масса*. Индивиды, составляющие аудиторию СМИ, склонны к одним и тем же психологическим состояниям, суждениям и эмоциям, подвержены одним и тем же чувствам ярости и ненависти или умиления и восторга, «как если бы они все вместе вышли на улицу для массовой манифестации» [71, с. 239]. Можно сказать, что массовое общество реализует два противоположных определения современной эпохи, представленных в названиях книг двух французских авторов: С. Московичи «Век толп» и А. Рено «Эра индивида».

Влияние на общественное мнение становится основным средством завоевания и удержания власти. Поэтому в отсутствие государственной идеологии, которую в соответствии с либеральными установками заменяет рынок идей, политика превращается в технологию управления массовым сознанием на основе информационного воздействия. Вместе с тем небывалое развитие PR-технологий и других методов манипуляции общественным сознанием ведет к тупикам нового типа тоталитаризма вырастающего из монополизации политического капитала. Выходом из ситуации, когда государственно-политические и административно-управленческие решения, законы, нормативно-правовые акты и т.д. становятся товаром, является:

- *во-первых,* расширение реального участия масс в выработке и принятии управленческих решений. Власть есть коллективное достояние и важнейший социальный ресурс общества, «поэтому общественный интерес прямо состоит в том, чтобы отстоять *нерыночный* статус политики как сферы, в которой формируются управленческие решения» [33, с. 463];
- *во-вторых,* социально-политическое воспитание и просвещение, направленное на развитие «способности социального суждения»;
- *в-третьих,* повышение профессиональной компетенции и управленческой культуры политиков и административно-управленческого персонала как культуры социальной коррекции рыночных механизмов и управления социальными взаимодействиями.

4.3 Манипуляция массовым сознанием как тип социального управления и технология осуществления политической власти

С.Г. Кара-Мурза, приступая к анализу комплекса проблем, связанных с феноменом манипуляции массовым сознанием, приводит такой пример: вирус, внедряясь в живую клетку, создает в ней «теневое правительство». Его командам отныне подчиняется жизнедеятельность клетки, все ресурсы которой направляются на выполнение команд, записанных во внедренной в нее матрице. «Это – исходный, фундаментальный вариант взаимодействия, при котором один участник жизненной драмы заставляет других действо-

вать в его интересах и по его программе так, что это не распознается жертвами и не вызывает у них сопротивления» [67, с. 6].

В свою очередь, подобный тип взаимодействия лежит в основе всех стратегий управления сознанием и поведением личности, социальных групп и общества в целом, основанных на использовании информационно-коммуникативных ресурсов. В литературе для многообразных технологий управления сознанием и поведением применяется, как правило, термин «манипуляция». Этот термин имеет негативную окраску. Действительно, управление сознанием предполагает обращение с людьми как объектами воздействия, программирование их мнений, оценок, настроений.

Манипуляция как тип управления и технология осуществления власти имеет ряд *отличительных особенностей*:

- во-первых, управление (манипуляция) сознанием осуществляется не как физическое воздействие (физическое принуждение или угроза его применения), и не как требование, повеление или приказ, но как психическое воздействие на психические же структуры личности: «Только если человек под воздействием полученных сигналов перестраивает свои воззрения, мнения, настроения, цели – и начинает действовать по новой программе, – манипуляция состоялась» [67, с. 19].
- во-вторых, управление сознанием предполагает скрытое, косвенное воздействие: ни сам факт такого воздействия, ни истинные намерения субъекта манипулятивных воздействий не должны распознаваться ее объектом. По этому критерию религию в традиционных обществах или официальную идеологию в идеократических (тоталитарных) типах государства нельзя отнести к манипулятивным формам воздействия на сознание, поскольку они открыто декларируют требуемые ими нормы и ценности, представления о социальном благе и о путях его достижения;
- в-третьих, манипуляция общественным сознанием требует специальных, присущих только этому типу управления приемов, методов, средств, технологий;
- в-четвертых, управление общественным сознанием как составная часть технологии власти предполагает взаимодействие. Технологии управления сознанием строятся на обоснованном еще Макиавелли постулате, согласно которому власть держится не только на силе, но и на согласии управляющих и управляемых. В отличие от *обмана*, объектом информационной *манипуляции* человек выступает лишь в том случае, если он становится соавтором, соучастником проводимых над его сознанием операций;
- в-пятых, манипуляцию характеризует стремление получить односторонние преимущества.

Таким образом, можно сформулировать следующее определение манипуляции сознанием: *манипуляция – способ управления и социального контроля посредством духовного воздействия на людей через программирование их сознания и поведения, направленное на психические структуры человека и ставящее целью изменение мнений, ценностно-смысловых представлений, настроений, установок в определенном направлении.*

С. Кара-Мурза отмечает: сделав манипуляцию сознанием главной технологией социального управления и контроля, Запад совершил фатальную ошибку и зашел в тупик. Манипуляция сознанием (технологии его программирования) лишает индивида свободы в гораздо большей степени, чем прямое насилие. Ведь объект успешно проведенной манипуляции полностью лишается возможности рационального выбора, т.е. свободы как принципиальной основы западной цивилизации.

Однако, на наш взгляд, было бы неверным объявлять все информационные технологии управления массовым сознанием разновидностями манипуляции и оценивать их однозначно негативно. Например, в США глубоко разработаны и широко применяются методы переубеждения («депрограммирования») людей, завербованных в деструктивные культы. Эти технологии направлены на радикальную перестройку сознания, и, прежде всего, на восстановление самостоятельного критического мышления путем массированного применения соответствующим образом структурированной информации. С информационной составляющей различных социально и личностно деструктивных систем убеждений и верований необходимо справляться информационными же средствами.

Словосочетания «политические технологии», PR-технологии приобрели (и надо сказать – вполне заслуженно) в современном общественном мнении однозначно негативный, одиозный смысл злонамеренной, беззастенчивой, грязной манипуляции общественным сознанием, не брезгующей никакими средствами. В то же время приемы и технологии, применяемые профессионалами от политики и предвыборными штабами, чтобы создать выигрышный имидж кандидата, показать его в наиболее благоприятном свете, могут быть и попыткой честно и объективно информировать избирателей о политической позиции и достоинствах кандидата, представляя эти взгляды как можно яснее, квалифицированнее и в максимально четкой формулировке [72, с. 278]. В конце концов, каждый стремится показать себя с наилучшей стороны, и почему бы в этом желании отказывать политикам?

Наконец, разве не является вся мировая литература, искусство, философия, человеческая культура в целом исторически развитой формой управления общественным и индивидуальным сознанием, «технологией» его приобщения к определенным ценностям и нормам, убеждениям и принципам?

Форма информационного управления массовым сознанием и оценка его как манипуляции зависит от того, какие цели ставит и реально преследует субъект управления и какими принципами руководствуется: взаимодействия, сотрудничества, согласия, компромисса и взаимного учета интересов, либо жесткого одностороннего воздействия. Один из ведущих современных социологов Никлас Луман, в соответствии с постулатами развиваемой им общей теории социальной коммуникации, утверждает: власть следует отличать от принуждения к какому-либо конкретному действию и к применению насилия как крайнего случая такого принуждения. «В большинстве случаев можно говорить о том, что к насилию прибегают ввиду недостатка власти»

[73, с. 19]. Напротив, власть становится более могущественной, когда она способна добиваться добровольного признания своих решений перед лицом альтернативных вариантов и иных возможностей. Существуют альтернативы, которых стараются избежать оба контрагента властных отношений. Насилие относится к числу таких альтернатив. Ведь «каждое насильственное действие изменяет структуру коммуникации почти необратимым образом» [73, с. 40], и вынужденное обращение власти к таким действиям ведет в итоге к ее разрушению. Усиление политической власти в современных демократических обществах, по Н. Луману, ведет к тому, что распоряжения власть имущих *предвосхищаются* подчиненными.

Э. Гидденс подчеркивает: «Структуры доминирования, встроенные в социальные институты, не следует представлять себе как своего рода перемалывание «послушных тел», ведущих себя подобно автоматам» [74, с. 52]. Власть предполагает регулярные отношения автономии и зависимости как в равной мере необходимые структуры взаимодействия между индивидуальными и коллективными субъектами социального процесса. Тем самым утверждается наличие гуманистических начал политики и политических институтов, в том числе и институтов управления.

4.4 Особенности управленческих воздействий на основные формы массового сознания

Технологии управления массовым сознанием посредством формирования убеждений

В книге ведущих американских специалистов в области управления массовым сознанием Э. Аронсона и Э. Пратканиса «Эпоха пропаганды: механизмы убеждения, повседневное использование и злоупотребление» анализируется ряд технологий формирования массовых убеждений. Авторы формулируют *Четыре стратагемы убеждения* (стратагема – военная хитрость, уловка), обеспечивающих максимальную эффективность воздействий на массовую аудиторию:

Во-первых, следует обеспечить благоприятный контекст восприятия информации. Этот процесс авторы называют *предубеждением:* оно заключается в умелой организации обсуждения вопроса, в умелом структурировании или формулировке проблем, чтобы предлагаемое решение выступило в наиболее выигрышном свете. То, как описывается проблема, направляет мысли и канализирует реакции на представляемую информацию: ее получатель принимает навязанное ему определение ситуации.

Пример 1: в рекламном ролике утверждается, что ни одно другое средство от боли не является более сильным или эффективным, чем такая-то торговая марка аспирина (назовем ее «бренд А»). Официальные испытания показали, что этот бренд является непревзойденным по скорости действия. В этой информации действительно нет ничего ложного, не соответствующего фактам. Просто в ней не говорится о том, что испытания показали, что ни один бренд

не был слабее или менее эффективен, чем другой; данный аспирин на самом деле непревзойденный, – но при этом и сам не превосходит другие сорта: «Психологически реклама аспирина срабатывает потому, что когда говорят, будто никакое другое средство не является более сильным, быстрым, мягким или более эффективным, нас почти автоматически подводят к ложному умозаключению, что никакой другой анальгетик не является столь же сильным, столь же быстрым, столь же мягким, столь же эффективным, как «бренд А». Описание продукта создает иллюзию, что «бренд А» – наилучший, вместо того, чтобы сообщить, что эта разновидность – точно такая же, как все остальные» [72, с. 86–87].

Пример 2: в социологии есть понятие «самореализующееся пророчество», смысл которого состоит в том, что то или иное определение ситуации вызывает поведение, превращающее это определение в истину. Ожидания создают действительность. Если в СМИ будет проведена массированная кампания по предсказанию падения курса доллара по отношению к тенге, то это падение непременно произойдет: масса людей понесет в обменники свои доллары, что и вызовет падение рыночного курса.

Пример 3: в одном их экспериментов части учащимся школы говорили о необходимости быть опрятными, чистоплотными, не сорить; читали лекции по экологии и т.д. Другой части школьников лекций не читали, но постоянно твердили, что именно их класс – самый аккуратный и чистоплотный. Что показали результаты эксперимента? «Ученики, которым читали лекции, *не* улучшили свое поведение и продолжали сорить. Напротив, случайно выбранные пятиклассники, которых назвали «аккуратными и опрятными», стали аккуратнее и опрятнее, бросали мусор в мусорные ящики в три раза чаще, чем их сверстники из другого класса» [72, с. 92]. Для проблемы информационного управления массовым сознанием эти эксперименты имеют значение подтверждения того обстоятельства, что наши определения, «ярлыки» и концепции социальной реальности не только отражают ее, но и создают, трансформируют социальный мир.

Пример 4: Э. Аронсон и Э. Пратканис отмечают: «Организаторы опросов общественного мнения давно знают, что едва заметные изменения в формулировке вопроса приводят к поразительно различающимся ответам» [72, с. 111]. Это обстоятельство иллюстрируется экспериментом американских психологов Д. Канемана и А. Тверски. Первой группе испытуемых был задан вопрос: предположим, что Вы – президент страны. Произошла вспышка загадочной эпидемии, которая может унести жизни 600 человек. Подготовлено две альтернативные программы борьбы с болезнью, и вам надлежит сделать выбор:

- Если будет принята *Программа А,* будет спасено 200 человек.
- Если будет принята *Программа Б,* существует вероятность один к трем, что будут спасены все 600 человек, и вероятность два к трем, что не будет спасен никто.

72% испытуемых из первой группы выбрали *Программу А.*

Второй группе испытуемых та же ситуация была представлена в иной редакции:

- Если будет принята *Программа А,* умрут 400 человек.
- Если будет принята *Программа Б,* есть вероятность один к трем, что никто не умрет, и вероятность два к трем, что умрут 600 человек.

78% испытуемых из второй группы выбрали *Программу Б.*

Очевидно, что информация, предложенная двум группам испытуемых.

идентична. Но простое перефразирование, переформулирование вопроса ведет к решительной перемене в ответах. Для большинства людей размышление по поводу ситуации при первом и втором вариантах оказывается различным. При первом варианте рассуждают примерно так: «Программа А гарантирует, что 200 человек будут спасены, в то время как Программа Б рискует жизнью этих людей при одном шансе из трех». При втором варианте рассуждают следующим образом: «Если я выбираю Программу А, 400 человек несомненно умрут; я вполне могу рискнуть поставить на Программу Б».

Во-вторых, следует создать положительный образ источника информации – выполнить стратагему *доверия к источнику.* Источник информации должен выступать внушающим доверие, авторитетным. Известно, что хороший, пользующийся доверием потребителя фирменный знак может стоить больше, чем фабрика, производящая этот продукт.

Существует множество приемов выставления источника информации как заслуживающего доверия. Например, можно сослаться на такой экстремальный способ. В 3-ем столетии до н.э. правитель китайского государства Ву захотел напасть на страну Ху. Этот правитель тайно вызвал одного из своих наиболее доверенных советников и попросил того публично заявить, будто ему, правителю, следует напасть на Ху, что советник и сделал. Правитель немедленно казнил советника, таким эффективным способом заверяя правителя Ху, что вовсе не собирался нападать. Государство Ху, убедившись, что правитель Ву – заслуживающий доверия лидер, разоружилось. Правитель Ву тут же предпринял неожиданное нападение, и страна Ху была завоевана.

В-третьих, следует так организовать информационное поле проблемы, чтобы фокусировать внимание и мысли получателей информации именно на том, что нужно агенту убеждения.

В одном из опытов испытуемым показывали специально отредактированные программы новостей. Одной группе показывали программы, где особое внимание уделялось проблемам обороны, другой – проблемам загрязнения окружающей среды, третьей – об экономических проблемах. В результате именно эти проблемы испытуемые каждой из групп были склонны расценивать как наиболее важные, и они оценивали деятельность президента и властей, исходя из того, как они справляются именно с данной проблемой.

В-четвертых, необходимо целенаправленно воздействовать на эмоции аудитории.

В этих стратагемах или принципах воспроизводятся технологии убеждения, восходящие еще к глубокой древности. Аристотель разработал теорию убеждения, выделив в ней три основных аспекта: источник (этос), содержание информации (логос) и эмоции аудитории (пафос) – и подготовил рекомендации по каждому из этих аспектов. Развивая учение Аристотеля, Цицерон выделил следующие задачи оратора: создавать доверие к себе; учить (представлять логичные, разумные доводы); волновать (наполнять аудиторию эмоциями).

Воздействие на логическое и ассоциативное мышление

Решение большинства нравственных дилемм, практических вопросов, жизненных проблем, социально-политических альтернатив, встающих перед массовым сознанием, не укладывается в модели мышления, формализуемые согласно требованиям научной процедуры. Это естественно, поскольку культура, на которую опирается массовое сознание, содержит огромный фонд знаний и информации, которые не могут быть удостоверены научными методами, не отвечают и не должны отвечать критериям научности. В то же время люди склонны давать разумные объяснения даже самым иррациональным поступкам, рационально оправдывать и мотивировать самые безрассудные, импульсивные действия. Этой склонностью создается «ловушка рационализации» (Э. Аронсон и Э. Пратканис), в которую попадает человеческое сознание: чтобы не думать о себе как о глупых или безнравственных, мы создаем условия для умножения своих глупых или безнравственных действий.

Категориально-логические, рационально-дискурсивные нормы мышления не являются определяющим началом при формировании убеждений в массовом сознании. В этих процессах главенствующая роль принадлежит ассоциативному мышлению. Интеллектуальное усилие, требующееся для последовательного рассуждения, чаще всего подменяется заключениями по ассоциации и аналогии, а мышление в строгих понятиях – мышлением на основе метафор и аллегорий, штампов и стереотипов.

Это обстоятельство в полной мере было использовано пропагандистской машиной нацистской Германии. Геббельс указывал: «Самых существенных результатов во влиянии на общественное мнение достигает только тот, кто способен свести проблемы к простейшим выражениям и у кого хватит смелости постоянно повторять их в этой упрощенной форме, несмотря на возражения интеллектуалов». Но и современные демократические режимы берут на вооружение те же технологические приемы воздействия на массовое сознание. Слово «софистика» стало нарицательным для обозначения недобросовестной, тенденциозной и даже циничной словесной эквилибристики, но греческие софисты настаивали на всестороннем обсуждении проблемы, тщательном взвешивании и аргументации всех «за» и «против», в ходе чего и проявлялось их искусство убеждения, склонения аудитории к той или иной точке зрения, позиции, убеждению, выбору. Современная практика воздействия на массовое сознание ориентирована на гораздо более примитивные и прямолинейные технологии с точки зрения логико-дискурсивных норм мышления. Преобладают приемы манипулирования верованиями и взглядами не с помощью объяснения, а апелляцией к эмоциям и упрощенному мышлению, предпочтение отдается схемам убеждения, в которых используются предубеждения и эмоции, а не информированное обсуждение; яркие образы, а не вдумчивая беседа; произвольные ассоциации, а не аргументированный причинный анализ. Как пишут Эллиот Аронсон и Энтони Пратканис, во многих отношениях все мы в современном мире являемся *когнитивными скупцами,* т.е. постоянно стремимся «сэкономить» свою мыслительную энергию для упрощения сложных проблем:

«Не задумываясь, мы принимаем вывод или утверждение не потому, что они серьезно обоснованы, а потому, что те сопровождаются упрощенческими приемами убеждения… Существующее положение дел можно назвать *основной дилеммой современной демократии.* С одной стороны, мы, как общество, ценим убеждение; наш способ правления государством основан на вере, что свобода слова, обсуждение и обмен идеями могут привести к более справедливому и лучшему принятию решения. С другой стороны, как когнитивные скупцы, мы часто не полностью участвуем в этом обсуждении, вместо этого полагаясь не на внимательное и тщательное осмысление и исследование сообщения, а на упрощенные приемы убеждения и ограниченные рассуждения. Процветает обезмысливающая* пропаганда, а не вдумчивое убеждение» [72, с. 55].

Поэтому, добавим, достаточно утопичными выглядят проекты перехода к моделям делиберативной демократии, т.е. демократии, основанной на обсуждении проблем всеми заинтересованными сторонами и достижении дискурсивного консенсуса при принятии решений.

Метафоры и аналогии обладают чрезвычайно мощным суггестивным эффектом. Их создание и использование в политической и социальной лексике – одна из основных задач идеологии. Всякая значительная идеология содержит риторические и поэтические моменты, которые могут заворожить даже людей высокой культуры. Метафоры и аналогии, иносказания и аллегории, парадоксы и игра слов выдвигают одни черты предмета на первый план, скрывая при этом другие и обеспечивая тем самым необходимые структуры для придания информации нужного смысла. В качестве примера запоминающейся и влиятельной метафоры можно вспомнить, например, выражение Черчилля «Железный занавес».

Не менее значимыми являются технологии управления сознанием, основанные на использовании *социальных стереотипов.* Стереотипы, или устойчивые, привычные «автоматизмы» мышления, восприятия, оценки – неотъемлемые компоненты индивидуального и массового сознания.

Метафоры и стереотипы являются полярно противоположными формами мышления и речи. Если метафоры воздействуют на сознание своей неожиданностью, яркостью, броскостью, то стереотипы направляют мышление и восприятие по накатанной колее, воздействуют как раз своей банальностью. Можно указать на контраст между использованием выразительных средств информационно-коммуникативных технологий идеологии, находящейся на службе у власти и у оппозиционной идеологии. Оппозиционная идеология, как правило, использует игру слов, парадоксы, полна иронии и т.д. Официальная идеология, напротив, акцентировано использует стереотипы, клише: «Речь упрочившейся власти не нуждается в том, чтобы возбуждать, смешить или вопрошать – она претендует на самоочевидность» [75, с. 140].

Как метафоры и аллегории, так и стереотипы и штампы выступают своеобразными «фильтрами», применение которых является важнейшей про-

* В оригинале – mindless, т.е. не предполагающая размышления или интеллектуального усилия.

цедурой управления информационными потоками. С. Кара-Мурза отмечает: «Для успешной манипуляции общественным мнением необходимо иметь надежную «карту стереотипов» разных групп и слоев населения – весь культурный контекст данного общества» [67, с. 138]. Такого рода исследования и каталогизация культурных стереотипов составляют особую область социодинамики культуры. Это направление активно разрабатывается, например, американскими учеными (культурологами, социальными психологами), идеологическими ведомствами и спецслужбами с целью воздействия на умонастроения различных социальных групп (особенно интеллигенции) в зарубежных странах в желательном для американской дипломатии ключе.

При управлении на основе информационных технологий, как правило, используются готовые, отложившиеся в массовом сознании стереотипы. Кроме того, для достижения стратегических целей и при реализации долгосрочных программ стереотипы могут целенаправленно насаждаться, создаваться, укореняться. Из новейшей истории можно почерпнуть множество примеров подобного рода целенаправленно сфабрикованных стереотипов – этнических, социальных, политических, идеологических*.

Воздействие на чувства и эмоции

Классическая политическая теория исходила из предпосылки, что политическое управление должно основываться на осознании людьми своих классовых, национальных и других групповых интересов в конкретной ситуации. Поэтому политику следует обращаться к разуму людей для разъяснения реальных проблем и обоснования оптимальности производимого выбора среди возможных решений. Однако уже основоположник разработок технологий управления массовым сознанием Г. Ле Бон указывал, что основное впечатление на массы оказывает не логика речей, не аргументированность доводов и доказательность суждений, но чувственные образы, порождающие эмоции. Практически дословно повторяет тезис Ле Бона Адольф Гитлер. В «Mein Kampf» Гитлер пишет: «Ее [пропаганды] воздействие должно быть нацелено главным образом на эмоции и только в очень ограниченной степени на так называемый интеллект. Нам следует избегать чрезмерных интеллектуальных запросов по отношению к нашему народу. Восприимчивость масс очень ограничена, их интеллект невелик. но способность забывать – огромна. Как следствие этих фактов, вся эффективная пропаганда должна быть ограничена немногими положениями, и бесконечно твердить эти лозунги до тех пор, пока самый последний представитель народа не поймет в них то, что вам требуется» [72, с. 341]. Вслед за ним С. Московичи утверждает: в массовом обществе люди «ведомы беспре-

* К числу наиболее эффективных и прочно укорененных в массовом сознании такого рода стереотипов можно отнести восприятие западным обывателем СССР как «империи зла»; стереотип восприятия мусульманской религии как идеологического обоснования «исламизма», «исламского фундамента-лизма», «исламского терроризма» или «религиозного экстремизма». Мощнейшим институтом созда-ния представлений об американском образе жизни и его ценностях стал Голливуд – не столько «фаб-рика грез», сколько именно «фабрика стереотипов».

дельным воображением, возбуждены сильными эмоциями... Единственный язык, который они понимают – это язык, минующий разум и обращенный к чувству» [71, с. 58]. Индивида убеждают, массе – внушают.

Общим принципом современных концепций социодинамики культуры является положение о том, что не логические структуры сообщения, но его эмоциональная ткань в основной степени влияет на формирование общественного мнения. Результаты социологических исследований, в том числе проведенных авторами настоящей монографии, свидетельствуют, что свой политический выбор значительная часть населения нашей страны осуществляет не на основе рациональной оценки программ, решений и действий политических партий и их лидеров, а на эмоциональном, дорефлексивном уровне, руководствуясь безотчетными симпатиями и антипатиями.

Массовые аффекты менее всего поддаются внутреннему самоконтролю, выходят из-под власти рассудка. В массовом сознании особенно легко возбудимы те чувства, которые считаются социально негативными, нравственно предосудительными: страх, зависть, ненависть. Но столь же эффективно общественным мнением можно управлять и посредством использования (эксплуатации) тех чувств, которые выражают традиционные гуманистические, социальные ценности: сострадание, чувство справедливости, неприятие лицемерия, лжи и т.д. «Для манипуляции сознанием годятся любые чувства – если они помогают хоть на время отключить здравый смысл» [67, с. 146].

Воздействие на эмоциональную сферу связано с апелляцией к ценностям. Поскольку ценности, особенно фундаментальные, «витальные», выступают как нечто безусловное, то игра на них может быть особенно эффективной, и вместе с тем дезорганизующей рефлексивные, критические структуры сознания. Например: выступающие против абортов называют свою позицию «за жизнь» (кто бы мог возражать против жизни?), в то время как те, кто поддерживает право на аборт, называют себя борцами за свободу выбора (кто бы мог возражать против этой свободы?). «Когда пропагандист, не разбираясь в средствах, беспринципно играет на ощущении ненадежности и небезопасности или эксплуатирует самые темные страхи, или предлагает фальшивую надежду, то прекращаются всякие попытки что-то исследовать, изучить или навести справки… Эмоции подавляют критические способности» [72, с. 82, 83].

При применении информационных технологий воздействия на массовое сознание следует также учесть и следующее обстоятельство: «Когда мы имеем дело с эмоционально задевающей проблемой, мнения о которой решительно расходятся, практически невозможно составить такое сообщение, которое бы признали справедливым и беспристрастным обе стороны» [72, с. 281]. Если информация созвучна вашим ценностям, то самая беззастенчивая пропаганда получит наименование «новостей» и «объективной информации». Если же информация неприятна, противоречит верованиям и убеждениям человека, то обычной реакцией является искажение и иное толкование этой информации, возведение психологического барьера против нее в сознании индивида.

Воздействие на воображение, внимание, память

Г. Ле Бон утверждал: кто владеет искусством производить впечатление на воображение толпы, то и обладает искусством ею управлять. «Картинки в наших головах», в основном почерпнутые из масс-медиа, в огромной степени влияют на то, как мы воспринимаем окружающий мир, как определяем структуру жизненных приоритетов, что мы будем говорить и как мы будем поступать в той или иной ситуации.

С. Московичи развивает эту идею: энергию, которую массы черпают в своих грезах и иллюзиях, лидеры используют, чтобы нажимать на рычаги управления государством и вести множество людей к рационально определенной цели. Как доказали исследования психологов, работа человеческой памяти – это творческий, избирательный процесс, в котором наряду с механическим воспроизведением задействована способность воображения. В огромной степени мы позволяем своим выдумкам и фантазиям руководить нашими поступками. Генерал де Голль, по мнению С. Московичи, является одним из тех, кто практически освоил и реализовал в своей деятельности на посту президента Франции эту доктрину массовой психологии. В своих «Воспоминаниях» он пишет: «Великой была жизненная ситуация, но, возможно, мне удалось в какой-то степени овладеть ею, поскольку у меня была возможность, по словам Шатобриана, «вести французов, опираясь на их мечты» [71, с. 65].

Воздействие на подсознание

Еще до возникновения учения З. Фрейда о бессознательном, Г. Ле Бон утверждал: «Главной характерной чертой нашей эпохи служит именно замена сознательной деятельности индивидов бессознательной деятельностью толпы» [76, с. 145]. С. Московичи отмечает резкую грань, «пропасть», разделяющую две сферы социальной жизни. Техническая и экономическая деятельность подчиняется рациональным законам, логическим принципам. Отношения же между людьми отмечены фактором иррациональности: «Власть осуществляется через иррациональное» [71, с. 62], обращаясь к самым древним слоям психики. Поэтому руководство людьми, в том числе и политическое управление, должно принимать в расчет рационально не контролируемые страсти и верования.

4.5 Технологии информационного управления массовым сознанием посредством СМИ

Одной из реалий политического процесса в современном мире является *медиатизация политики.* Благодаря масс-медиа изменяются и версифицируются прежние, возникают и кристаллизуются новые формы и смыслы политического процесса. В.С. Сморгунов категорически заявляет: «Мы исходим из принципиальной идеи конструируемости мира политических событий в средствах массовой информации» [77]. Революционные преобразования в сфере информационно-коммуникативных систем и технологий транс-

формируют фундаментальные, структурообразующие принципы организации политического пространства современного общества. Традиционная политология к субъектам политики относит институты власти, к объектам воздействия политики – общество, а к средствам передачи этого воздействия – средства массовой информации и коммуникации. В современном информационном обществе циркуляция политически значимой информации превращается как в важнейший *объект* управленческих воздействий, так и в решающий *ресурс* и главное *средство* отправления властными институтами своих политико-управленческих функций. Политика и в условиях современной консолидированной демократии остается борьбой идеологических нарративов, обосновывающих легитимность власти. Но решающей легитимирующей силой обладает не то или иное политическое решение, а сам спор мнений, вынесенный на политическую арену средствами массовой информации и коммуникации.

Современный тип общества многие исследователи характеризуют как «информационное общество». Глобализация придает процессу развития информационно-коммуникативных систем современных обществ наднациональное измерение. Захваченные глобализационными процессами индивиды, сохраняя идентификацию с традиционными большими и малыми общностями (национально-государственными, социально-профессиональными, этническими, религиозными, территориальными) формируют новые идентичности. Развитие современных информационно-коммуникативных систем, снятие многих идеологических и политических барьеров между народами и культурами резко расширило контакты с иными культурами, ценностями, социальными установками, жизненными стилями – и вместе с тем породило новые типы политических рисков и угроз национальной безопасности и государственному суверенитету.

В Казахстане за последние годы произошли положительные сдвиги в построении демократического общества, что стало основанием для перехода к новым принципам и моделям функционирования национального информационного пространства. Упростилась процедура доступа к информации, расширились границы информационного обмена, произошло широкое внедрение средств информатизации в политическую деятельность. Повысилась информационная защищенность прав личности, стали разрабатываться средства борьбы с правонарушениями в информационной сфере. Таким образом, в настоящее время созданы предпосылки и реальные пути формирования и развития информационного общества в Казахстане.

Основными ориентирами построения такого общества должны быть:

- *формирование единого информационного пространства;*
- *создание рынка информации, удовлетворяющего потребностям общества в информационных продуктах и услугах;*
- *возрастание роли массовой коммуникации в системе общественного производства;*
- *преобладание новых информационных технологий;*

- *повышение уровня образования за счет расширения возможностей системного информационного обмена;*
- *приоритетное развитие экономических укладов, базирующихся на массовом использовании перспективных информационных технологий, в особенности – компьютерных и Интернет-технологий.*

Сегодня политическая коммуникация немыслима без электронных СМИ: «Мы не живем в мире, о котором у нас есть информация, наоборот, мы населяем мир, который является информационным» [78, с. 42]. Происходящая в глобальном масштабе виртуализация важнейших социально-политических институтов влечет за собой превращение глобальной компьютерной сети в онтологически и структурно приоритетную область социально-политического процесса. Граждане Казахстана все более активно осваивают глобальное информационно-коммуникативное пространство через выход в Интернет. Для пользователя Интернета практически безразличны ограничения на свободу слова и информации, налагаемые национальным законодательством той или иной страны. Можно сказать, что Интернет, технологически обеспечив и реализовав право на свободу слова в глобальном масштабе, *вывел это право из-под юрисдикции законодательства.* Отныне право на свободу слова и печати обеспечено не столько конституционными законами, сколько возможностью иметь компьютер и умением пользоваться им для выхода в глобальную информационно-коммуникативную сеть.

Было бы неосмотрительно недооценивать роль глобальных информационных сетей в формировании и функционировании социально-политической сферы казахстанского общества. Результатом радикальных изменений социальной реальности в эпоху глобализации стали не только огромные технические и радикальные геополитические изменения, но и трансформация системных свойств социального мира. Социальный мир в современном социодискурсе понимается в соответствии с диспозиционными концептами и моделями контингентной онтологии при отказе от субстанциалистской парадигмы. При этом системообразующая функция в социальном конструировании реальности отводится понятию коммуникации: согласно Ю. Хабермасу, социальный мир есть «совокупность легитимно регулируемых межличностных коммуникаций»; Д. Ваттимо определяет современное общество как «общество неограниченной коммуникации»; согласно Н. Луману, коммуникация является «единственной изначально социальной операцией», общественная система является «сетью коммуникаций» и т.д. Поэтому Н. Луман определяет власть как *символически генерализированное средство коммуникации, направленное на решение системно-специфических проблем.* С этой точки зрения распространение *виртуальных* форм коммуникации посредством компьютерно-сетевых технологий порождает системный эффект, внося *реальный* вклад в производство социальности, в ее структурную дифференциацию. Соответственно отправление власти требует совершенно новой управленческой, экспертно-аналитической и техни-

ческой инфраструктуры, выстроенной в соответствии как с нарастающими вызовами глобализации информационного общества, так и с новыми возможностями политического риск-менеджмента.

Окинавская *Хартия глобального информационного общества,* подписанная представителями ведущих мировых держав, определила в качестве главной цели современных информационных технологий «повышение общественного благосостояния, стимулирование социального согласия» [79, с. 92]. В таком контексте СМК выступают не только посредником между властью и обществом, но и приобретают статус непосредственного субъекта политического процесса: политического действия, политического сознания, политической коммуникации. Вместе с тем нельзя не согласиться с тем, что «угроза со стороны СМИ для общественного благополучия, морального здоровья, национальной безопасности, становятся в третьем тысячелетии одним из основных вызовов, возникших перед мировым сообществом» [80, с. 6]. Негативные тенденции в сфере коммуникативно-информационных взаимодействий власти, общества и СМИ становятся причиной деструктивных трансформаций не только в политической жизни, но и в экономике, науке, культуре, образовании и т.д.

Казалось бы, по отношению к политическим фактам и событиям как таковым информационные технологии вторичны и сами по себе не способны порождать информационные поводы. Но дело в том, что влияние СМИ и СМК идет не через отдельные сообщения, но через их кумулятивный эффект. Именно в виртуальном информационно-политическом поле обозначается *масштаб* и *значимость* социально-политических событий и фактов, именно масс-медийный контент порождает *оценку* событий как специфический вид информации, который значимо влияет на расстановку социально-политических сил.

Масс-медиа осуществляют принудительную социализацию через навязывание моделей и кодов коммуникативных практик: событие – это не то, что произошло, но то, что преобразовано согласно моделям значимости, коннотативно-денотативным кодам артикуляции, фильтрации и цензуры смысла в масс-медийных сетях. «Точно также товар – это не то, что производит промышленность, а то, что опосредованно системой абстракций меновой стоимости» [81, с. 209]. В информационно-коммуникативных процессах воспроизводится сама схема разделения и искусственного обособления передающей и принимающей инстанций, базовая формула или модель того типа биполярной, не-обоюдной социальной связи, в которой реализуется специфическая форма политического управления, основанного на монополии власти на легитимное насилие.

Коммуникация не сводится к передаче / приему информации, но возможна и реализуется только в пространстве взаимосвязи слова и ответа. Средства же массовой коммуникации, лишенные реальной обратной связи, запрещают ответ, разве только в формах его симуляции. Отношения взаимности между собеседниками превращаются в отношения пассивной зависи-

мости. Зритель телевидения, читатель газет или слушатель радио воспринимает информацию, но не имеет возможности возразить. Всевозможные уловки, посредством которых монополия слова маскируется под коммуникацию, ничего не меняют в однонаправленности коммуникативного воздействия. Именно на этой абстракции основывается роль масс-медиа как структуры, интегрированной в систему социального контроля и власти. На долю потребителя масс-медиа не остается ничего, кроме «жалкой свободы» (Р. Барт) принять или отвергнуть факты и оценки, которые ему предлагают коннотативно-денотативные коды масс-медиа.

Масс-медиа, наладив различные формы обратной связи, вполне отвечают принципам кибернетического регулирования. Но от внедрения таких форм, в том числе и в области политической коммуникации, *обратные* связи не становятся *обратимыми*, то есть сохраняется в неприкосновенности распределение ролей, создающее классическую бюрократическую модель управления.

Немецкий социолог Никлас Луман рассматривает теорию коммуникации как основание теории общества в целом. Он пишет: в отличие от традиционной социальной философии «мы исходим из более глубокой гипотезы, в соответствии с которой социальные системы образуются вообще исключительно благодаря коммуникации» [73, с. 13]. Социальный универсум у Н. Лумана состоит не из индивидов и их групп, а из коммуникаций. Соответственно «строго социологический подход» к анализу социально-политических рисков заключается «в постижении феномена риска лишь соответственно смыслу коммуникаций» [82, с. 137]. Эта, на первый взгляд, искусственная и надуманная конструкция отражает глубокие изменения в онтологии социального бытия, вызванные современной коммуникативно-информационной революцией.

В современном обществе дифференцируются не социальные группы, а типы коммуникаций, в которых участвуют люди. На основе информационно-коммуникативных кодов упорядочиваются и конструируются смысловые структуры социального универсума. В соответствии с этим принципом социальной структурации власть, наряду с истиной или деньгами, определяется как *символически генерализированное средство коммуникации, направленное на решение системно-специфических проблем.* Именно на основе процессов коммуникации происходит конструирование структур и общих ориентаций «жизненного мира» индивидов, образующих то или иное общество, ведется отбор тех или иных социальных возможностей. Главным источником усиления власти становится генерализация символов, или обобщение смысловых ориентаций, делающее возможным формирование в заданном направлении идентичности или комплементарности смысла ситуации для различных субъектов. PR-технологии являются наиболее явным примером применения информационных методов в социально-политической инженерии.

Конечно, не следует демонизировать современные информационно-коммуникативные сети и технологии, поддерживая миф о наступлении эры *тотальной медиакратии*. Согласно этому мифу, СМИ не *выражают*, а *создают* общественное мнение, не столько *отражают* и *интерпретируют* действительность, сколько *конструируют* ее по своим правилам и усмотрению. Определяющим основанием мифотворчества такого рода является глубинная тенденция всей постмодернистской онтологии – поставить означающее над означаемым, освободить знак от содержания, придать образу способность не *представлять* вещь, но *заменять* и фактически *отменять* ее. «Если некогда СМИ, зависящие от реальности и различных инстанций, выносящих общеобязательный вердикт относительно этой реальности, предположительно (хотя и избирательно) *говорили о том, что есть,* то в процессе медийной эмансипации это уравнение изменилось: *то, что есть, определяется тем, о чем говорят в СМИ…* Так постепенно устанавливается любопытная аксиома: существует только то, о чем повествуют СМИ» [83]. СМИ конструируют не только информационно-коммуникативное поле, но и саму социальную реальность. Поэтому «в постиндустриальном обществе власть знаний и информации, возможность манипуляции ими, становится решающей в управлении обществом, оттесняя на второй план влияние денег (финансового ресурса) и государственного принуждения (административного ресурса)» [84].

Такого рода суждения эффектны, но излишне категоричны. Миф о всесильности СМИ и пришествии «медиакратии» выгоден, прежде всего, самой «медиакратии». Ибо обладание символическим капиталом, инвестируемым в социальное конструирование реальности, позволяет при определенных обстоятельствах без особого труда конвертировать его в капитал финансовый.

Сами по себе СМИ не несут в себе предназначения быть инструментом разрушения и нравственной деградации социума и личности, равно как и инструментом созидания и социального прогресса. СМИ, будучи частью современного мира со всеми его противоречиями, конфликтами, неурядицами, в той или иной форме воспроизводят их, поэтому и потоки информации состоят из множества противоречивых, нередко взаимоисключающих друг друга сообщений и материалов, фактов и комментариев. У потребителя информации всегда есть возможность их критической оценки, навигации в информационном океане в опоре на собственный здравый смысл, возможность самостоятельного выбора в массиве предлагаемых разными СМИ суждений, оценок, мнений и интерпретаций. Хотя информация и материалы прессы, радио, телевидения оказывают мощное влияние на формирование общественного мнения, но они не штампуют и не предопределяют его. Социологами СМИ отмечается следующая закономерность: во времена политической нестабильности или радикальной политико-экономической трансформации социальная роль и влияние СМИ и медиа-пространства в целом неизмеримо возрастают. Напротив, в периоды стабилизации или стагнации, когда граждане в своем большинстве «уходят» в собственную индивидуальную жизнь, быт и повседневность, СМИ теряют массовую политическую влиятельность, оставаясь значимыми лишь для узкого круга политической элиты и ее интеллектуального окружения.

Можно выделить следующие основополагающие признаки свободы массовой информации, соответствующие ее социальной природе и предназначению:

– *гарантия независимости СМИ,* свободного, т.е. без вмешательства со стороны каких-либо лиц (включая граждан, частные организации и государственные органы), осуществления ими прав на получение, передачу, производство и распространение информации;

– *наличие пределов свободы массовой информации* – т.е. ограничений, установленных законом и необходимых для защиты прав и законных интересов граждан, общества и государства [85].

Достижение оптимального уровня соотношения свободы массовой информации и ее ограничений является не только юридически-правовой проблемой. Эта проблема многомерна и включает в себя также философско-мировоззренческое, теоретико-методологическое, политическое, социокультурное, духовно-нравственное измерения. Именно через нахождение оптимального соотношения права на свободную циркуляцию в национальном информационном поле самых разных мнений и убеждений, с одной стороны, и, с другой стороны, социальной ответственности за их содержательную интерпретацию и оценку реализуется (или не реализуется) важнейшая функция отечественных СМИ – способствовать распространению в массовом сознании основополагающих ценностей гуманизма, толерантности, казахстанского патриотизма; служить целям идейной, гражданско-политической, социокультурной, духовно-нравственной консолидации казахстанского общества; играть роль важнейшего средства формирования *«квалифицированной гражданственности»* (Э.Ю. Соловьев) как атрибута массового политико-правового сознания граждан современного демократического общества.

Можно выделить следующие основные векторы трансформации информационно-коммуникативного пространства современного казахстанского общества, адекватные задачам минимизации политических рисков, сопровождающих процессы социальной модернизации:

– от апологетики либо огульной критики политического режима к анализу его основных особенностей и институтов;

– от пропагандистской к фактологическо-аналитической функции;

– от просветительской роли к функции гражданской и политической социализации личности;

– от защиты интересов и пристрастий политической элиты к информационно-технологическому обеспечению ее социальной роли;

– от декларативных заявлений о зрелости политической культуры населения к объективному анализу ее состояния и тенденций развития.

Приоритетом структурной трансформации политического сегмента национального информационно-коммуникативного пространства является его организация в соответствии с принципами и моделями общенационального диалога по важнейшим социально-политическим проблемам. Учитывая, что полноценный политический диалог невозможен без средств массовой

информации, одним из главных условий осуществления политического диалога является четкая и продуманная государственная информационная политика, которая способствует эффективному выполнению прессой посреднических, организационных функций.

Государственную информационную политику можно определить как систему принципов, законодательных норм и технологий, направленных на обеспечение интересов государства и общества в информационной сфере. Важнейшая составная часть Государственной информационной политики – политика государства в области СМИ, то есть система принципов, законодательных норм и технологий, регулирующих деятельность средств массовой информации в целях обеспечения интересов общества и государства. Основа основ государственной информационной политики – информационная безопасность общества.

Задача разработки эффективной информационной политики государства чрезвычайно сложна. Демократический путь развития требует соблюдения многих непростых правил игры и условностей, вроде наличия оппозиции и конструктивной критики, смены кабинетов, громких отставок, построения сложных и долговременных схем и так далее. СМИ в условиях демократии – один из тонких инструментов для осуществления власти элиты через влияние на умонастроения, настройку общества в нужном ключе. Такое влияние осуществляется лишь по стратегически важным вопросам. Даже мощный кумулятивный эффект тотального информационного воздействия может быть весьма краткосрочным, если это воздействие, не подкрепленное реальной политикой, будет через некоторое время воспринято массовым сознанием как обман. Тогда понятное и неизбежное разочарование приведет к очередному отчуждению населения от СМИ, и последним надо будет прилагать существенно повышенные усилия для возвращения доверия, а, следовательно, и политического влияния.

Современное общественно-политическое пространство характеризуется взаимопроникновением и взаимосвязанностью политики, экономики и масс-медиа. Часто этот феномен обозначают понятием «медиатизация политики». СМИ вводят человека в мир политики. Сбалансированная, объективная и полная информация о различных сторонах политической жизни общества является условием совершенствования политической культуры. СМИ и связанные с ними новейшие информационные и компьютерные технологии, используемые в политической сфере, могут способствовать расширению возможностей реального участия самых широких слоев населения в политическом процессе. Вместе с тем следует отдавать себе отчет в том, что СМИ фактически контролируют политическую культуру, пропуская ее через свои «фильтры», выделяют отдельные элементы из общей массы политических явлений и придают им особый вес, повышают ценность одной идеи, обесценивают другую и, таким образом, поляризуют все поле политики. То, что не попало в каналы массовой коммуникации, в наше время почти не оказывает влияния на развитие общества.

Политическое пространство современного общества представляет собой многоуровневою систему информационно-коммуникативных процессов. Ее функционирование обусловлено деятельностью субъектов власти, которая направлена на реализацию их идей с целью легитимации своих властных полномочий. При этом ведущая роль отдается СМК, так как посредством их субъект власти проводит в общество свои идеи и приходит к власти, либо укрепляет свои властные полномочия. Только в процессе политической коммуникации субъект власти имеет возможность мирным способом регулировать жизнедеятельность общества, проводить политику своих властных интересов и открыто воздействовать на массовую аудиторию с целью побуждения ее к определенным политически выгодным ему действиям.

Посредством грамотного управления в сфере коммуникативного пространства можно оптимизировать контроль над следующими процессами [86, с. 29]:

– ход формирования повестки дня, то есть вынесение на обсуждение общественным мнением конкретных вопросов и проблем;

– переключение внимания массовой аудитории с одной политической темы на другую;

– введение в систему коммуникативного пространства новых тем и ситуаций, рассчитанных на определенную ответную реакцию;

– организация поддержки массовой аудиторией инициатив властных структур;

– контрпропагандистская работа, заключающаяся в ответных ходах на информационные действия другой стороны, а также при необходимости и в нейтрализации информации.

Свобода массовой информации включила публичную политику в повседневную жизнь широких народных масс. В результате фактор доверия и поддержки со стороны граждан стал необходимым условием эффективности большинства действий публичной власти. Масс-медиа превратились в существенную часть механизма функционирования политической власти, а демонстрация столь интенсивной тенденции к росту своего влияния позволила даже выдвинуть гипотезу о становлении нового вида демократии – *медиакратии*. Во всяком случае, структура механизма функционирования публичной власти уже не может быть правильно понята и оценена без учета места и роли в ней конституционного института свободы массовой информации.

Недооценка властью роли информационной сферы жизни личности, общества и государства может повлечь серьезные социальные последствия, близкие к катастрофическим. Современные системы власти оказались перед проблемой информационного «половодья», вызванного бурным ростом информационно-коммуникативных интерактивных возможностей различных субъектов социального взаимодействия. Адекватного и действенного алгоритма ее решения нигде в мире пока не найдено. В результате человечество оказалось на пороге **глобального информационно-управленческого кризиса.** В наши дни его проявлениями служат:

* склонность органов и институтов власти к изменению не самой реальности, а представлений о ней;
* все меньшая ответственность и демократичность властных институций, все меньше учитывающих расширяющуюся гамму интересов и мнений подвластных им субъектов, доверивших им осуществление властных полномочий;
* постепенная, по мере расширения области применения технологий информационного управления сознанием, утрата властью способности отличать желаемое от действительного.

Таким образом, свобода массовой информации, лишь механически увеличивающая информационные потоки, отнюдь не абсолютное благо, укрепляющее демократию, повышающее возможности личности и раскрывающее перед ней новые горизонты. Даже в чисто количественном аспекте, в тех случаях, когда информационные потоки перехлестывают границы управляющих систем данного общества, это создает для него серьезные системные опасности. Качественные же изъяны расширяющихся и углубляющихся мировых информационных потоков эти опасности умножают многократно.

Согласно известному изречению Клаузевица, война есть продолжение политики. Соответственно продолжением информационной политики становится информационная война. В последнее время военные ведомства разных стран ведут интенсивные разработки в области информационных (информационно-психологических) войн. Термин «информационная война» появился в середине 80-х гг. XX в. в работах американских военных теоретиков и начал широко применяться после операции «Буря в пустыне». В настоящее время в армии США есть специальные информационные войска. Аналогичные войсковые подразделения создаются в России. В армейском уставе США информационная война определяется так: «Действия, предпринятые для достижения информационного превосходства в интересах национальной стратегии и осуществляемые путем влияния на информационные системы противника при одновременной защите собственной информации и своих информационных сетей» [80, с. 25].

Многими политическими аналитиками и социальными теоретиками глобальный *мир* сегодня рассматривается не иначе, как *состояние войны* цивилизаций, культур, наций, религий, ценностей. Считается, что войны XXI в. будут по преимуществу информационными войнами. Более того, некоторые исследователи считают, что в настоящее время уже идет «третья мировая информационно-психологическая война». А основным средством ведения такой войны являются средства массовой информации.

Эта глобальная война особая, не имеющая исторических аналогов и прецедентов ни по размаху, ни по способу ведения боевых действий, ни по задействованных в них ресурсам, силам и средствам, ни по используемому оружию, ни по локализации фронтов борьбы и линий разделения фронта и тыла и т.д. Границы войны и мира, ценностей и технологий, кооперации и противостояния радикально изменены информационно-коммуникативной революцией. Основополагающие идеи и ценности культуры, социально-по-

литические модели, мировоззренческие убеждения, религиозные верования, смысложизненные ориентации выступают одновременно и как решающий стратегический ресурс сражающихся сторон, и как поле сражения, и как тип оружия. Государства выстраивают наиболее предпочтительные для них модели информационного нападения и защиты. На смену мышлению в категориях размещения танков, самолетов и дислокации частей приходит стратегия размещения ценностей, убеждений, идеалов и дислокации информационных ресурсов. Важнейшими компонентами вооруженных сил становятся информационно-коммуникативные системы, назначение которых – обеспечивать проникновение в сознание потенциального противника за счет размещения в контексте локальных культур определенных ценностных ориентаций и поведенческих моделей.

Информационная война обладает для развязывающей ее стороны целым рядом преимуществ по сравнению с обычной войной, в частности:

- война ведется в «белых перчатках». Агрессора, как правило, невозможно обвинить в применении вооруженных сил;
- эта война практически не регламентирована международным гуманитарным правом;
- ведение информационной войны стоит, как правило, дешевле, чем ведение обычной войны;
- эффект зачастую достигается гораздо больший, чем с помощью обычного оружия;
- развязывание информационной войны гораздо менее опасно для страны-агрессора, чем развязывание традиционной войны.

Факт и последствия ведения информационной войны не всегда являются очевидными для тех, против кого она ведется. Люди обычно не в состоянии реагировать на невидимое информационно-психологическое воздействие. Более того, это воздействие может облекаться в доброжелательную форму, на которую человек не готов отвечать агрессивно. Население даже не ощущает, что подвергается воздействию. В результате общество не приводит в действие имеющиеся в его распоряжении защитные механизмы.

В арсенале современного военно-промышленного комплекса имеется множество методов и технологий информационного воздействия на массовое сознание, таких как дезинформация, информационно-психологические диверсии, провокация и прочих приемов информационной войны, направленных на разрушение базовых структур массового сознания и установление контроля над информационно-коммуникационным пространством противника.

В 1995 г. корпорации «РЭНД» было поручено выполнить ряд исследовательских работ в области ведения информационной войны. Их целью было определение ключевых характеристик и особенностей применения информационного оружия. Результаты этих работ должны были послужить основой определения роли и места информационного противоборства в военной стратегии США, и год спустя их представили в отчете «Strategic Information Warfare. A new face of War».

В этом документе впервые появился термин *Strategic Information Warfare – «стратегическое информационное противоборство».* Такое противоборство, согласно заявлениям авторов отчета, представляет собой «использование государствами глобального информационного пространства и инфраструктуры для проведения стратегических военных операций и уменьшения воздействия на собственный информационный ресурс». Проведенные исследования позволили выделить следующие особенности информационного противоборства: сравнительно низкая стоимость создания средств информационной войны; крушение статуса государственных границ при подготовке и проведении информационных операций; изменение приоритетов в деятельности стратегической разведки, которые смещаются в область завоевания и удержания информационного превосходства; сложность обнаружения начала информационной операции; сложность создания коалиции против агрессора, развязавшего информационную войну.

По мнению специалистов корпорации «РЭНД», применение информационного оружия предусматривает решение следующих задач:

- создание атмосферы бездуховности и безнравственности, негативного отношения к культурному наследию противника;
- манипулирование общественным сознанием и политической ориентацией целевых социальных групп населения страны с целью создания политической напряженности и хаоса;
- дестабилизация политических отношений между партиями, объединениями и движениями с целью провокации конфликтов, разжигания недоверия, подозрительности, обострения политической борьбы, провоцирование репрессий против оппозиции и даже гражданской войны;
- снижение уровня информационного обеспечения органов власти и управления, инспирация ошибочных управленческих решений;
- дезинформация населения о работе государственных органов, подрыв их авторитета, дискредитация органов управления;
- провоцирование социальных, политических, национальных и религиозных столкновений;
- инициирование забастовок, массовых беспорядков и других акций экономического протеста;
- затруднение принятия органами управления важных решений;
- подрыв международного авторитета государства, его сотрудничества с другими странами;
- нанесение ущерба жизненно важным интересам государства в политической, экономической, оборонной и других сферах [80, с. 29–30, 32].

Приемы ведения информационной и сетевой войны могут применять разного рода террористические, подрывные и экстремистские организации, государства, не способные вести традиционные военные действия против стран, неизмеримо превосходящих их в технологическом уровне развития, наркокартели, преступные транснациональные синдикаты и даже международные финансовые спекулянты и харизматические авантюристы. Само понятие нейтралитета в современном мире становится проблематичным. Угрозы безопасности государства, общества и индивида в эпоху информационно-коммуникативной революции носят по сути всеобъемлющий и

перманентный характер. Таким образом, формирование системы эффективной защиты национального информационного пространства становится важнейшей частью обеспечения национальной безопасности Республики Казахстан.

Государство должно иметь гибкую, адаптивную, мобильную и эффективную систему защиты собственного информационного пространства от деморализующих пропагандистских акций и информационно-психологических вторжений, способную быстро реагировать на возникающие угрозы и новые условия деятельности. Для этого необходимо:

- обеспечить надежную защиту «закрытой» информации от несанкциониро-ванного (противоправного) доступа и опубликования;
- организовать постоянный контроль над ситуацией в тех сферах, где могут воз-никнуть угрозы информационной безопасности;
- вести мониторинг возможностей систем обеспечения информационной безопасности по отражению реальных и потенциальных угроз;
- согласование разрабатываемой нормативно-правовой базы развития информационного пространства и обеспечения информационной безопасности, в первую очередь, в аспектах интегрирования Казахстана в международные телекоммуникационные сети;
- создание собственных технических средств обеспечения информационной безопасности, закупка зарубежных программных, технических и телекоммуни-кационных средств защиты информации и их использование в стратегически важных областях;
- объединение усилия широкой общественности, профессионалов, ученых и представителей органов власти, делового мира для решения исключительно важной в настоящее время для Республики Казахстан задачи – надежной защиты ее информационных ресурсов.

В условиях глобального информационного общества обеспечение информационной безопасности страны современными инновационными средствами политического риск-менеджмента становится приоритетным направлением развития всей системы внутренней и внешней политики государства.

5 СОЦИАЛЬНАЯ ИНЖЕНЕРИЯ КОНФЛИКТОВ

5.1 Понятие социально-политического конфликта

Следует различать государство и политическую систему. Политическая система есть система представительства социальных интересов. «Нормальная» политика появляется там, где естественное (непреодолимое в принципе) разнообразие групповых интересов реализуется в системе партийно-политического представительства, соревновательности и соперничества» [87, с. 21]. Подобным образом организованное политическое пространство не исключает наличия и даже позитивной ценности конфликтов. С точки зрения социоинженерного подхода, стратегический интерес заключается в том, чтобы не только не ослаблять и не дезавуировать позицию оппонента, но всячески усиливать ее, формулировать неартикулированные интересы другой стороны. Поражение другой стороны, ее острое недовольство означает и ослабление собственной позиции. Очевидно, что понимание и реализация на практике социоинженерных процедур минимизации противоречий и достижения политико-правовых компромиссов в нашей стране пока что выглядят совершенной экзотикой.

До сих пор прогнозирование и ранняя диагностика социальных конфликтов, посредническая деятельность по их предупреждению, регулированию и рациональному разрешению, конфликтологическая экспертиза принимаемых властными структурами решений ведутся бессистемно, или вообще не проводятся. При разрешении конфликтов предпочтение отдается силовым воздействиям, а не посредничеству и арбитражу. Диалогические, дискурсивно-консенсусные формы институционализации конфликтов, по типу диалога властных институтов с оппозицией, развития сети «публичной политики» и т.д. только начинают входить в практику и пока не стали достаточно эффективными как объективно, так и в мнении участников политического процесса.

Дестабилизация социальной системы как результат конфликтного типа развития, поиск новых форм ее самоорганизации являются важнейшей характеристикой ситуации, в которой необходимы как стратегические политические решения, так и применение всего арсенала методов и технологий социальной инженерии конфликтов.

Для оценки уровня конфликтности той или иной политики, для понимания характера отношений, существующих между субъектами разработки и реализации политики, может быть полезной типология, представленная на рисунке 9 [40, с. 47]. Из этой схемы видно, что наиболее острые разногласия и конфликты возникают при проведении перераспределительной политики, когда финансовые, материальные или иные ресурсы передаются от одной

социальной группы населения или региона к другим. Качественно иная ситуация возникает при распределительной, стратегической и антикризисной политике, когда удается достичь согласия и наладить сотрудничество различных социальных и политических групп общества. Эти аспекты необходимо учитывать, чтобы быть готовыми к различным сценариям развития ситуации, заранее оценить возможные риски, разработать более тонкие модели и наиболее эффективные механизмы разрешения социально-политических конфликтов.

Рисунок 9. **Основные типы государственной политики**

В монографии В.А. Светлова (представляющей, по словам ее научного редактора профессора В.П. Огородникова, «настоящий теоретический переворот в одной из самых социально востребованных в настоящее время наук») предпринята попытка разработки единой теории конфликта на основе интеграции основных типов теоретических моделей конфликта:

- структурной,
- вероятностной,
- динамической,
- теоретико-игровой,
- теоретико-драматической,
- структурно-игровой.

Эти концептуальные модели составляют единый, связанный отношением обобщения и конкретизации восходящий ряд системной интерпретации конфликта и способов его разрешения. Следует отметить, что работа В.А. Светлова вполне могла бы стать методологической основой для раз-

работки формализованной теории политических рисков. Но такая задача не могла ставиться в рамках настоящего исследования. Мы ограничимся кратким изложением основных идей исследования В.А. Светлова в связи с проблематикой анализа и оценки политических рисков, не обращаясь к предложенному им математическому аппарату, к многочисленным техническим деталям и нюансам моделирования конфликтов.

Определение конфликта как борьбы, противодействия, и т.д. является дезориентирующим, не отражающим его структурной сущности. Со структурной точки зрения конфликт существует, если возник *дисбаланс отношений,* их несоответствие *по своей модальности*. Напротив, буквальное толкование конфликта как противодействия подводит под это понятие отношения, не являющиеся конфликтными. «Всякое противодействие предполагает взаимность и тем самым симметрию намерений и действий его субъектов. Если муж и жена ненавидят друг друга, то они оба одинаковым образом оценивают друг друга и получают одинаковое подтверждение своим негативным установкам. И так как взаимная ненависть не создает указанного дисбаланса отношений, то не может быть и конфликта» [88, с. 25–26]. В то же время отношения между Онегиным и Татьяной являются конфликтными: Онегин любит Татьяну «любовью брата и, может быть, еще нежней», но эта модальность любви находится в структурном дисбалансе с любовью Татьяны к Онегину.

Точно также проявления, в том числе и самые крайние, взаимной нетерпимости различных этнических и конфессиональных групп, враждующих кланов или политических сил, не являются, в рамках концепции В.А. Светлова, конфликтом, поскольку не порождают структурно-функциональную асимметрию системы в целом. Каждый элемент такой системы «дружит» только со «своими» и «ненавидит» «чужих». Каждая из противоборствующих сторон проявляет внутригрупповую сплоченность, приверженность групповым интересам, нормам групповой идентичности и интегрирующим группу ценностям. Как бы это не казалось парадоксальным или даже абсурдным, *антагонизм равнозначен не конфликту, а его отсутствию или разрешению* (конечно, в любой реально существующей социальной системе антагонизм имеет внутренние, накладываемые самой системой ограничения и пределы, выход за которые означает ее саморазрушение).

Структурный дисбаланс снижает эффективность или полностью блокирует действия по поддержке и воспроизведению прежнего способа существования социальной системы и вместе с тем активизирует поиск или создание новых возможностей и альтернативных моделей развития как единственный путь самосохранения. Поэтому социальный конфликт должен рассматриваться не просто как отклонение от социальной нормы, под которой подразумевается состояние мира и согласия, единство интересов и целей всех социальных слоев и групп, сотрудничество и солидарность как форма их взаимодействия. В условиях конфликта система переходит в неустойчивое состояние, преодоление которого требует структурной перестройки.

«Конфликт – это такая разновидность структурного дисбаланса, которая означает неспособность сохранения системы в старом качестве, в прежних качественных границах своего бытия, невозможность выполнения системой своего внутреннего предназначения, потерю системой базисной устойчивости развития в прежнем направлении, на прежнем уровне, с прежним набором и зависимостью причинных переменных» [88, с. 27].

Таким образом, социальный конфликт как системно-структурный эффект трансформации общества становится источником угроз и рисков, преодоление которых требует стратегических политических решений и применения всего арсенала технологий и методов социальной инженерии.

5.2 Структурная модель конфликта

Для конструирования структурной модели конфликта обратимся еще раз к дифференциации современной политической теорией двух основных подходов к сущности политики, или к двум типам политической деятельности. Для этих подходов характерно различное понимание политических рисков и угроз.

Во-первых, под политическими рисками могут пониматься разного рода угрозы и вызовы существующему политическому режиму и властным полномочиям политической элиты. Такого рода *технологическая* интерпретация политического риска свойственна сетевым структурам власти, контролирующим государственно-управленческий аппарат. При этом политика рассматривается как стратегия и тактика борьбы за власть, как борьба идеологических нарративов, основывающих легитимность. Терминологически этот подход закрепляется в концепте *публичная политика* – politics.

Во-вторых, под политическим риском могут пониматься угрозы сбоев и дисфункций в социальном организме в целом, источником и пусковым механизмом (триггером) которых становятся те или иные политические решения, выбор того или иного политического курса. Политика при этом рассматривается как выработка и обеспечение работы механизмов решения общественных проблем, реализации общезначимых целей общественного развития. Терминологически это понимание фиксируется в концепте государственная (общественная) политика – public policy. В таком понимании отражено и изменение роли политики в современном обществе. Если в традиционных обществах политические события затрагивали в основном правящую элиту, то в современных обществах политические решения вызывают и направляют большинство процессов социальных изменений.

Очевидно, что два этих типа понимания политического риска связаны и вместе с тем могут вступать в отношение взаимоотрицания. Как и в общем случае интерпретации сущности политики, так и в случае интерпретации политического риска стратегически важно найти и обеспечить возможность конструктивного синтеза этих односторонних подходов. Речь может идти о преобладании, преимущественном использовании той или иной модели для

выработки оптимального профиля политического управления. В целом же государственная политика всегда должна носить публичный характер и выражать согласованные интересы различных социальных групп и слоев населения страны. Соответственно *аутентичное понимание политического риска может относиться только к совокупному субъекту политической деятельности.*

Концепция такого интегрированного субъекта политической деятельности присутствовала уже в политической теории античности. Аристотель, рассматривая различные формы государственного устройства в их отношении к принципам политического господства и самоуправления свободных граждан, отмечал: «…только те государственные устройства, которые имеют в виду общую пользу, являются, согласно со строгой справедливостью, правильными; имеющие же в виду только благо правящих – все ошибочны и представляют собой отклонения от правильных: они основаны на началах господства, а государство есть общение свободных людей» [89, с. 456]. Поэтому сущность политики – это теоретическое исследование и практическое преследование общего интереса или общего блага граждан.

А.Х. Касымжанов, фактически призывая к возвращению от Макиавеллевского к Аристотелевскому пониманию сущности политики, писал: «Именно в ценностях, в смысле- и жизнеориентирах, в образе мысли надо … двигаться по руслу *идеологии общенационального интереса*, которая может быть идеологией государства, нераздельного со своим народом» [90, с. 295]. В этом плане политические, государственно-управленческие технологии должны выступать как механизм выявления, формулирования, интеграции и реализации общенациональных интересов (в условиях плюралистической демократии этот принцип реализуется в создании единой структуры диалога различных представлений о всеобщем благе). Соответственно, с политическими рисками идентифицируются, прежде всего, угрозы общественному благу, угрозы интегрированным общенациональным (государственным) интересам, а не корпоративным интересам «политического класса».

Сформулированный принцип единства ценностей и технологий в определении и оценках политических рисков отсылает к *интегральному политическому субъекту* – «государству, нераздельному со своим народом». Понятие интегрированного политического субъекта выступает в качестве кантовской регулятивной идеи или теоретически заданной идеально-нормативной инстанции анализа. В реальной политической практике реализуются разнообразные формы взаимоотношения *публичной политики* и *государственной (общественной) политики.*

Исходной в ряду теоретических моделей конфликта является структурная модель, конструируемая на основе теории графов. На основе проведенного различения двух типов политической деятельности может быть построена структурная модель их конфликтных и неконфликтных взаимодействий.

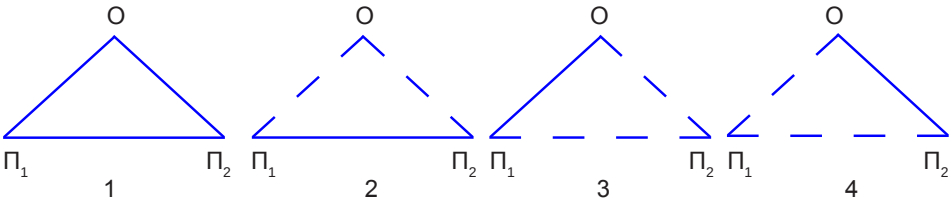
Обозначим символами основные элементы и взаимосвязи, образующие взаимоотношения между субъектами двух типов политики и их отно-

шениями к цели виртуального интегрированного политического субъекта – общему благу.

Общее благо	О
Государственная политика	$П_1$
Общественная политика	$П_2$

Обозначим сплошной линией положительные обратные связи (+) между элементами и пунктирной линией – отрицательные обратные связи (–).

Используя эти обозначения, модели возможных структур политического поля можно изобразить с помощью следующих графов:

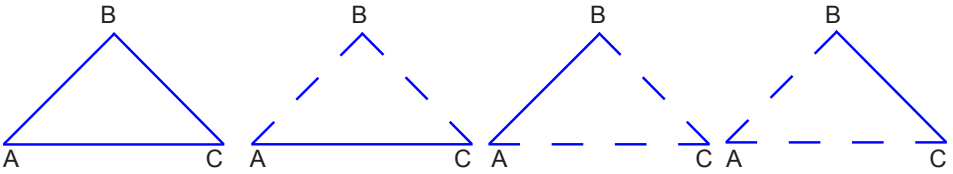


Читаются эти схемы – например, граф 2 – следующим образом: «Элементы $П_1$ и $П_2$ позитивно относятся друг к другу, но негативно относятся к элементу О». Как видно, синергетический эффект взаимодействия государственной и публичной политики возможен при условии их совместной направленности либо на благо (позитивно-синергетическое отношение), либо во вред (негативно-синергетическое отношение) социальному развитию (графы 1 и 2). В двух других случаях (графы 3 и 4) политическая сфера оказывается в негативном самоотношении, то есть отношение государственной и публичной политики является антагонистическим.

Антагонистические или антиномические отношения, вопреки обычному словоупотреблению, не являются структурно конфликтными. Система, основанная на таком антагонизме, может быть стабильной в течение длительного периода времени, примером чему является, например, вендетта. Смысл структурных моделей бесконфликтных отношений на основе образования синергетических и антагонистических коалиций будет более понятен, если представить их в виде следующей таблицы, выражающей эквивалентные друг другу правила поведения:

- друг моего друга – мой друг
- друг моего врага – мой враг
- враг моего друга – мой враг
- враг моего врага – мой друг

Эти правила можно воспроизвести в виде следующих графов, отражающих рационально сбалансированные, устойчивые структуры отношений:



A = я
B = мой друг
C = друг моего друга
{A+B+C}

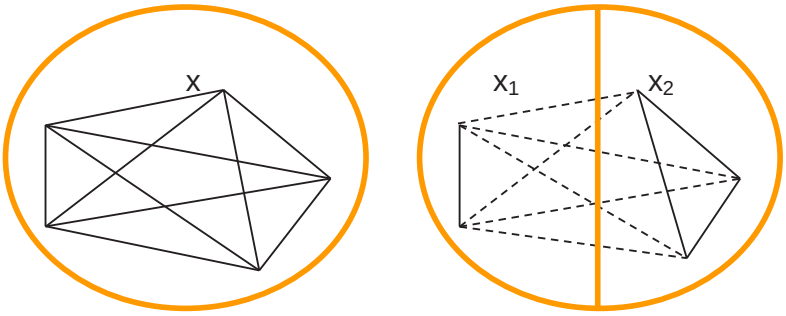
A = я
B = мой враг
C = враг моего врага
{A+C}↔B

A = я
B = мой друг
C = враг моего друга
{A+B}↔C

A = я
B = мой враг
C = друг моего врага
A↔{B+C}

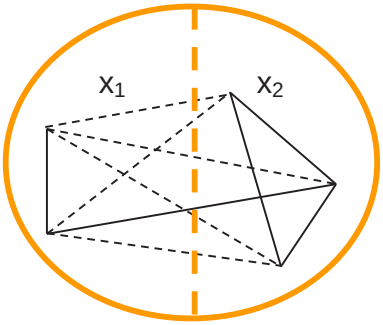
Эти 4 структуры соответствуют множеству всех бесконфликтных состояний системы, независимо от числа входящих в нее элементов. Алгоритм распознавания конфликтных и бесконфликтных состояний системы прост: Система бесконфликтна, когда все ее элементы: 1) либо принадлежат одному подмножеству, образуя однополюсную (позитивно или негативно) синергетическую систему – граф 1: {A+B+C}; 2) либо разделены дихотомически на две подсистемы, внешние отношения между элементами которых взаимно негативны, а отношения внутри подсистем позитивны – граф 2: {A+C}↔B; граф 3: {A+B}↔C; граф 4: A↔{B+C}. В этом случае система является антагонистической.

Полученные закономерности можно проиллюстрировать с помощью схем синергетического и антагонистического типов бесконфликтного состояния системы и возникающего при нарушении их главного структурного условия конфликтного состояния (рисунок 10):



А. Синергетический (однополюсный) вариант бесконфликтного состояния системы

Б. Антагонистический (двухполюсный) вариант бесконфликтного состояния системы



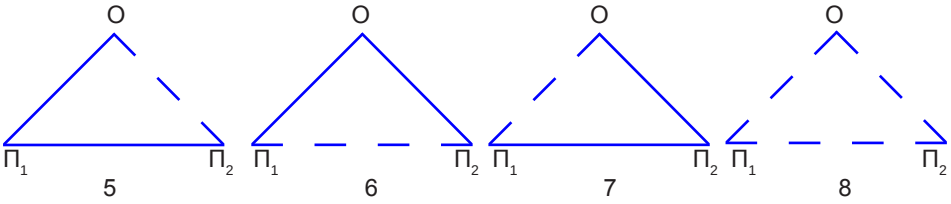
В. Конфликтное состояние системы

Рисунок 10. **Синергетические и антагонистические типы бесконфликтного состояния системы**

Рисунок 10 является схематическим отображением сформулированной В.А. Светловым **фундаментальной структурной теоремы анализа и разрешения конфликта (ФСТ):** *«Система находится в бесконфликтном состоянии, если и только если множество всех ее элементов X можно разделить на два взаимно исключающих и совместно исчерпывающих подмножества, одно их которых может быть и пустым, такие, что каждая позитивная линия соединяет элементы из одного и того же подмножества, а каждая негативная линия соединяет элементы из разных подмножеств»* [88, с. 36]. Весь дальнейший анализ и различные способы моделирования конфликтных ситуаций и способов их разрешения должны удовлетворять данной теореме как фундаментальному условию.

Рисунок Б графически воспроизводит, например, такую ситуацию: x_1 = Монтекки, x_2 = Капулетти. Ромео и Джульетта вносят в нее конфликт, нарушив структурно-функциональную симметрию системы, то есть структуру позитивных и негативных отношений – *Рисунок В*. Эта система неустойчива, структурно не сбалансирована, конфликтна. Поэтому она будет стремиться или к возвращению в прежнее состояние (запрет на любые позитивные отношения между членами двух семейств, то есть продолжение вендетты), либо к переходу в новое состояние – прекращению антагонистических отношений между подсистемами и переходу к позитивно-синергетическим типам взаимодействий (что и было предписано правителем Вероны двум враждующим семействам).

Оставшиеся 4 схемы при объектном подходе к анализу социально-политической реальности структурно невозможны, но играют важную роль в построении моделей политических рисков:



Например, граф 5 неприменим в качестве схемы описания политической системы, поскольку государственная политика, направленная на общее благо, в принципе не может содействовать, позитивно относиться к публичной политике, направленной во вред обществу. Вместе с тем графы 5–8 воспроизводят структурные аналоги конфликтного, несбалансированного состояния системы из трех элементов. «Для всех четырех означенных графов… выполняется закон отрицательной обратной связи: умножение знаков по периметру любого треугольника дает знак «–». Значит, все эти треугольники, часто называемые треугольниками Хайдера*, не сбалансированы, конфликтны» [88, с. 35]. В них невозможны ни синергетические, ни антагонистические модальности соотношения государственной и публичной политики.

Если кольцевая структура реального уровня социально-политической системы (графы 1–4) замыкается виртуальными схемами, обозначенными графами 5–8, то самоорганизованная критичность замешается политической мифологией. Графы 5–8 отражают модальности иррационального политического сознания, ценностно-смысловая структура которого определена логикой некогерентного мышления (С. Кара-Мурза) или кентавр-сознания (Ж. Тощенко). Такого рода виртуально-реальный mix с фатальной неизбежностью ведет к дисфункциональности политической сферы.

Параметры порядка социальной организации начинает принимать ненулевое значение при переходе управляющего параметра через *критическое значение*, что означает появление у системы целостных свойств. Критическая точка разделяет хаотическое (докритическое) и упорядоченное (сверхкритическое) состояния, поэтому в ней любое *малое воздействие* может оказать существенное влияние на систему. В ней и только в ней, поскольку в хаотической фазе оно быстро затухает, а в упорядоченной – уже не может ощутимо повлиять на сложившуюся структуру системы. В социально-политических системах, организованных в соответствии со схемами 5–8, критическое значение управляющего параметра становится его перманентным состоянием. Поведение такой системы является непредсказуемым в своей основе.

* Фриц Хайдер использовал такого рода трехэлементные структуры для изучения динамики межличностных отношений.

В контексте проведенного анализа структурирование институциональной среды политики должно основываться на императиве перехода к синергетическому принципу взаимодействия государственной и публичной политики. «В свете эволюционистской парадигмы, разрабатываемой синергетикой, магистральный путь организации выступает как путь создания когерентного коллективного поведения» [91, с. 272].

5.3 Вероятностная модель конфликта и социальная инженерия «нового мирового порядка»

В структурной модели конфликта все отношения между элементами сводятся к двум типам, обозначаемым «+» и «–». Конечно, в реальных ситуациях отношения имеют гораздо больше качественных градаций. В вероятностной модели конфликта учитывается разная степень интенсивности негативных и позитивных отношений, выражаемая с помощью рациональных чисел и/или маркеров. Тем самым появляется возможность строить модели конфликтов с учетом взаимодействия разных коалиций, многих полюсов взаимодействия и т.д. и соответственно оценивать риски тех или иных действий, ведущих к вероятному изменению модальности отношений. Так, например, на основе вероятностной модели можно провести анализ возможностей, закономерностей и тенденций поляризации современной системы международных отношений.

Глобализация диктует необходимость для каждого национального государства определиться в отношении своего места и роли в глобальных геополитических процессах, и только на основе такого самоопределения возможен выбор той или иной внутри- и внешнеполитической стратегии. «Только тогда, когда тот или иной социум достаточно однозначно определится со своим геостратегическим или геополитическим статусом, можно четко и всеобъемлюще выстраивать оптимальную «линию поведения» как внутри государства, так и вне его пределов – стратегию и тактику внутриполитических и внешнеполитических реформ. Строить открытое общество, опираясь на неизбежность и объективность глобалистических тенденций – самый оптимальный путь к построению достаточно развитого общества, формируемого на основе принципов устойчивого развития» [92, с. 226].

Формирование позднеиндустриального и возникновение постиндустриального общества принесли с собой новую волну глобальных угроз природе, социуму, государству, человеку, культуре, нравственности, духовности. Н.А. Назарбаев отмечает: «Итогом двухсотлетнего развития индустриального способа производства является глубокая поляризация в мировом сообществе государств и цивилизаций» [93, с. 19–20], разделившая мир на «золотой миллиард» и остальное население, живущее в условиях бедности и нищеты. Разрыв между «золотым миллиардом» и полюсом бедности (также около миллиарда человек населения беднейших стран) по валовому национальному доходу на душу населения в 2007 г. достиг 74 раз [94, p. 16].

При этом сложившийся к началу XXI в. технологический разрыв продолжает углубляться по мере освоения странами-лидерами VI-го технологического уклада как основы инновационного развития.

«Углубление экономического разрыва между богатыми и бедными странами может стать своего рода пороховой бочкой, готовой взорвать все мировое сообщество» [93, с. 22]. Поэтому партнерство и солидарные усилия цивилизаций, направленные на ликвидацию этой пропасти, на общий подъем технологического уровня глобального сообщества, отвечает жизненным интересам всех народов и государств планеты. Такое партнерство обусловлено не просто доброй волей, но и объективными тенденциями научно-технологического развития в постиндустриальную эпоху. Как отмечает Н.А. Назарбаев, при широком фронте, глубине и масштабах технологических преобразований ни одна страна не может обеспечить свое первенство по всем направлениям технологического прорыва. «Для достижения прогресса на основе взаимосвязанных технологических цепей необходимы распределение функций по реализации инновационных прорывов между разными странами и цивилизациями и создание взаимодополняющих систем, которые обеспечат общий технологический прогресс, повышение общего технологического уровня, эффективную инновационную кооперацию и интеграцию в глобальном масштабе» [93, с. 31].

Казалось бы, этот вывод очевиден и дело заключается в выработке и применении эффективных механизмов реализации стратегического партнерства цивилизаций в области науки, образования, культуры при осуществлении научно-технологической революции. Между тем, в той же книге Н.А. Назарбаева ее автором формулируется следующее положение: «Нынешний и предыдущий технологические уклады увеличивают разрыв между развитыми и отстающими странами, поскольку у последних нет минимально необходимого собственного научного, кадрового и инвестиционного потенциала для освоения VI технологического уклада» [93, с. 146].

Н.А. Назарбаев приводит такие данные: в странах ОЭСР, где проживает 14% мирового населения, зарегистрировано 86% патентных заявок, поданных во всем мире. Эти страны ассигнуют на НИОКР в среднем 2,4% своего ВВП (в США – 2, 84%, Швеции – 3,8%, Японии – 3, 04%, Германии – 2,44%. В Казахстане – 0,26%). Практически все новые технологии создаются в странах, в которых проживает не более 15% населения планеты [93, с. 174, 191]. «Пока одна часть мира завершает переход от «общества потребления» к «инновационно-интеллектуальному обществу», в котором важнейшее значение приобретут требования к качеству жизни и комфортности среды обитания, другая часть вынуждена искать продовольствие и спасение от массовых болезней» [93, с. 162].

Таким образом, императив партнерства развитых и отстающих цивилизаций в проектировании, создании и эксплуатации взаимосвязанных технологических цепей повисает в воздухе. Интеграция технологий и экономик

Севера и Юга происходит на диспаритетных началах. Нельзя же всерьез рассчитывать на то, что развитые страны в проведении своей экономической, финансовой, инвестиционной, научно-технологической и т.д. политики будут руководствоваться моралью альтруизма. Взаимоотношение цивилизаций первого и третьего миров выступает процессом новой всемирной стратификации, нового распределения во всемирном масштабе привилегий и бесправия, богатства и бедности, перспектив и безнадежности, силы и бессилия, свободы и закабаления (З. Бауман). Н.А. Назарбаев отмечает: «Действующий механизм неолиберальной экономической модели, сформированной в интересах транснациональных корпораций и богатейших стран мира, обостряет и усиливает негативные тенденции, сложившиеся в динамике структурных сдвигов мировой экономики» [93, с. 206]. Развитые страны не только присваивают потенциал новых технологических укладов, но и инициируют дисгармоничное, подчас деструктивное развитие комплекса мирохозяйственных связей. Ярким примером этому является беспрецедентное разрастание роли виртуального финансового сектора, ставшей причиной глобального финансово-экономического кризиса.

Партнерство предполагает равный или, по меньшей мере, по возможности близкий статус взаимодействующих сторон. «Находящиеся на разных полюсах возникающей иерархии, на ее верхних и нижних этажах миры резко отличаются и все больше отгораживаются друг от друга» [95, с. 104] (З. Бауман). Отношения партнерства в рамках обозначенных тенденций возникать не могут в принципе.

А.С. Панарин, анализируя идеологию и практику глобализма, пишет: «Мир возвращается к вопросу, вставшему перед человечеством на заре христианской эры и касающемуся перспективы будущего спасения: один только избранный народ спасется или спастись должны все. Сегодня в роли «избранного народа» выступает «золотой миллиард», монополизирующий право на вхождение в спасительное постиндустриальное будущее». Золотой миллиард выступает как новый суперэтнос, противостоящий варварской периферии, а американская планетарная гегемония есть не что иное, как «торжество прорвавшихся наружу демонов племенной архаики» [96, с. 87, 86], решающих, кто достоин существовать и процветать, а кто нет.

Как известно, одной из важнейших черт империализма, согласно В.И. Ленину, является «эксплуатация всё большего числа маленьких или слабых наций небольшой горсткой богатейших или сильнейших наций» [97, с. 422]. С тем, что именно этот принцип определяет структуру взаимодействия центра и периферии современного миропорядка, спорить бессмысленно. Но можно дать свою интерпретацию и свою оценку данного положения дел, отличных от позиции В.И. Ленина, Н.И. Бухарина, Дж. Гобсона и других создателей классической теории империализма. По мнению ряда авторитетных политических аналитиков и экспертов, формирование однополюсного постиндустриального мира следует расценивать как становление справедливого, если не идеально-

го, мирового порядка, как объективно обусловленный результат процесса перехода к постэкономической эпохе для стран «золотого миллиарда» и к эпохе «обновленного колониализма» для аутсайдеров глобализации.

Обосновывается это положение, в частности, тем, что нет *убедительных подтверждений самой возможности позитивного, взаимообогащающего взаимодействия культурных систем различного цивилизационного происхождения*. Страны незападного мира в принципе не способны принять его ценности. Построение новой культуры по европейскому образцу в странах периферии не может произойти без полного разрушения старой. Начало XXI в. станет для западного мира периодом изживания многочисленных иллюзий, порожденных десятилетиями его хозяйственного и политического доминирования. Западу придется осознать, что даже при имеющейся экономической и военной мощи у него остается все меньше возможностей влиять на страны периферии. Важнейший урок завершившегося столетия заключается в том, что демократическое гражданское общество западного типа не может быстро утвердиться в планетарном масштабе.

В сегодняшней ситуации взаимодействие двух типов цивилизаций способно привести к экспансии незападных социальных структур в постиндустриальный мир и к последующей деградации западных обществ. Осознав опасности, которыми чреват прием бесконечного числа мигрантов, западный мир перейдет к оборонительным действиям, тем более что значение развивающихся стран для экономики постиндустриального мира неуклонно снижается. При таком сценарии Запад начнет проводить политику относительной закрытости для переселенцев из периферийных стран. Экономическая помощь странам «третьего» мира резко сократится – скорее всего, ее станут получать преимущественно те страны, которые согласятся перенять западные ценности, отказавшись от собственного суверенитета.

В.Л. Иноземцев прогнозирует реализацию следующего сценария развития процессов глобализации: сегодня закладываются основы нового типа цивилизации – расколотой цивилизации («общества 20:80» по определению Г.-П. Мартина и Х. Шумана [98, с. 16]). В странах Запада (США и Западная Европа) развертывается построение постиндустриальной цивилизации. На противоположном по отношению к США и Западной Европе полюсе формируется «четвертый мир» – мир нищеты и упадка, балласт постиндустриальной цивилизации. Такие страны, как Россия, обречены оставаться на индустриальной стадии развития. Они окончательно упустили шанс занять место в списке стран лидеров постиндустриального мира и никогда не смогут претендовать на подобное место. Им уготована роль обитателей гетто отсталости или свалки отходов постиндустриального мира. В этой связи уместно упомянуть, что Франклин Делано Рузвельт, предлагая новый план послевоенного глобального миропорядка, относил, например, *Францию* к группе *несостоявшихся государств* (failed states).

Близка к этому сценарию концепция однополярного Pax Americana, изложенная, в частности, З. Бжезинским в его книге «Великая шахматная доска.

Господство Америки и его геостратегические императивы». Эта книга заканчивается таким положением: цель политики США должна «без каких-либо оправданий» состоять в закреплении собственного господствующего положения. Геостратегический успех этой политики «надлежащим образом узаконит роль Америки как первой, единственной и последней истинно мировой сверхдержавы» [99, с. 254].

К счастью, обрисованные В.Л. Иноземцевым и З. Бжезинским апартеидные модели постиндустриализма, которые активно реализуются западной цивилизацией, не являются ни единственными, ни фатально предписанными миру. Так же как не является безальтернативной модель взаимоотношения цивилизаций как их конфликта, столкновения, противоборства. Согласно выкладкам теоретиков постиндустриализма, зрелое постиндустриальное общество не может не быть глобальным. Поэтому как раскол мира на блоки во главе со сверхдержавами, так и воцарение однополярного мира неприемлемы.

В методологическом плане отметим, что апологетика превращенных форм постиндустриализма тем же В.Л. Иноземцевым – логически закономерное следствие общей позитивистской установки этого автора. Согласно В.Л. Иноземцеву, концепция постиндустриального общества «по сути своей представляет собой позитивистскую теорию», порождена «естественной эволюцией глубокой и многогранной традиции позитивизма» [100, с. 4, 23]. Следует согласиться с А.В. Бузгалиным: в той мере, в какой каждый из исследователей постиндустриальных тенденций современного мира не критичен по отношению к системе власти корпоративного капитала как социальной форме этих тенденций (или как к «империалистической начинке глобального социума» [101]), не видит и не ищет сущих и потенциально возможных альтернатив ей, – в этой мере он реакционен и апологетичен [102].

Оптимистический сценарий развития глобального постиндустриального общества связан с концепцией становления многополярного мира на началах диалога и партнерства цивилизаций. Такая концепция была, в частности, разработана *Международным Институтом П. Сорокина–Н. Кондратьева.* Активным сторонником этой идеи является и Н.А. Назарбаев.

В ряд факторов, определяющих возможности синхронизации развития национальных производительных сил с глобальной технико-экономической динамикой, входят социокультурные особенности страны (трудовая этика, традиционные системы ценностей, образ жизни, потребительская культура, восприимчивость населения к новым веяниям и т.д.). Новый технологический уклад формирует новый стиль жизни, производный от постоянно увеличивающегося количества и разнообразия производимых благ, новую культуру производства и потребления. При этом главная и труднейшая проблема для всякой цивилизации, для всякой этнокультурной или национально-государственной общности, состоит в том, чтобы сохранять и творчески развивать собственные духовные основания, не опускаясь до фанатичного этноцентризма и

фундаментализма – с одной стороны, не впадать в мондиалистскую всеядность постмодернизма – с другой, но культивируя в самой себе способность к диалогу, к обмену цивилизационным опытом, к стратегическому планированию собственного культурно-цивилизационного развития.

Принято считать, что элементами международной системы выступают суверенные государства. Но это не совсем так. Главным структурообразующим элементом международной системы (и поэтому основной единицей ее концептуального анализа) является особое образование, называемое полюсом. Полюс международной системы может состоять из одного государства или представлять альянс нескольких государств. Но полюс – это нечто большее, чем его национально-государственный субстрат. Полюс – носитель системного качества, обладающий специфическими свойствами и функциями. «Каждый полюс, добиваясь реализации своих специфических целей, действует по общесистемным правилам, и его поведение в значительной степени отличается от поведения образующих его отдельных государств» [88, с. 185]. В этом синергетическом эффекте поляризации международных отношений заключается причина возникновения класса политических рисков и угроз, не различимых или превратно интерпретируемых в линейном политическом анализе межгосударственных отношений.

Созданная в 1648 г. по завершении Тридцатилетней войны Вестфальская международно-правовая система независимых государств была основана на принципах «суверенитета» и «национальных интересов». Новый тип взаимоотношений государств был учрежден на Венском конгрессе в 1815 г. и гарантировался «правом сильного» – Священным Альянсом стран-победительниц. Следующим этапом стала Версальско-Вашингтонская система международной безопасности и Лига Наций как ее постоянно действующая организация. На деле гарантами сохранения мира становились Великобритания, Франция и США как наиболее мощные мировые державы. Ялтинская международно-политическая система «провозгласила миру о начале новой эры в истории человечества – истории глобального противостояния или, как ее называли, биполярности» [92, с. 207], соревнования двух социально-экономических систем и блоков государств, вылившегося в «холодную войну» сверхдержав. После распада СССР биполярная система национальных государств трансформируется в направлении, предуказанном новым, однополюсным мировым порядком.

Очевидно, что однополярностью мира постулируются и новые правила межгосударственных отношений. Эти правила можно подразделить на три основные типа. К первому типу относятся правила, которые в одностороннем порядке утверждаются наиболее могущественным «политическим игроком». США, как бесцеремонно заявила Кондолиза Райс, «не должны себя ставить в зависимость от всяких международных конвенций» [103, с. 36], что и происходит на деле. Западноевропейские государства, напротив, строят свои отношения на основе необозримого количества многосторонних соглашений и по критерию их соблюдения определяют внешнеполитический курс в отношении к другим странам. Большая группа государств, в том числе и Казахстан, проводят политику *избирательного присоединения* к международным договорам [104, с. 237–238].

Соответственно этой конфигурации международного политического пространства и его правил проводятся оценки и анализ политических рисков и

угроз. Но является ли возникшая система стабильной? Продолжают ли действовать поляризационные процессы и на современном этапе глобализации, и если да, то какого рода угрозы и риски они несут с собой? К какому мировому порядку влекут международное сообщество глобальные тренды: однополярному, биполярному или многополярному?

В контексте вероятностной модели конфликтов исходным понятием анализа процессов поляризации мировой системы является понятие базисного конфликта и основных способов его разрешения:

- возникновение однополярного синергизма;
- возникновение биполярного антагонизма;
- возникновение ряда независимых друг от друга полюсов.

С учетом правил, формулируемых в структурной модели конфликта, процессы поляризации мировой системы получают следующую интерпретацию:

1. Бесконфликтная система может иметь любое число элементов, но только один или два полюса.
2. Отсутствие поляризации системы – необходимый и достаточный признак ее конфликтного состояния.
3. Любая синергетическая или антагонистическая система может без противоречия сосуществовать с любым количеством независимых полюсов. Последние не могут изменить результат поляризации, потому что по определению являются независимыми.
4. Элементы синергетической системы одновременно либо все прогрессируют, либо все регрессируют.
5. В антагонистических системах прогресс одних элементов происходит за счет регресса других. Это значит, что один полюс антагонистической системы процветает, а другой деградирует.

Кажется само собой разумеющимся, что после окончания блокового противостояния мировая система должна трансформироваться либо в многополярную, либо в однополярную. Образование однополярного мира с единственным центом – США, объединяющим все остальные государства планеты – считается маловероятным. Возникновение многополярного мира признается наиболее вероятным и желательным исходом, причем соответствующим демократическим принципам. С. Хантингтон считает, что многополярная, многоцентренная, «статистическая» и т.д. парадигма дает более реалистическую картину глобальной политики, чем одно- или двухполюсные концептуальные схемы [105, с. 35].

Эта картина самим С. Хантингтоном представлена в виде схемы глобальной политики современных цивилизаций, основанной на модальности их взаимоотношений (рисунок 11) [105, с. 395]).

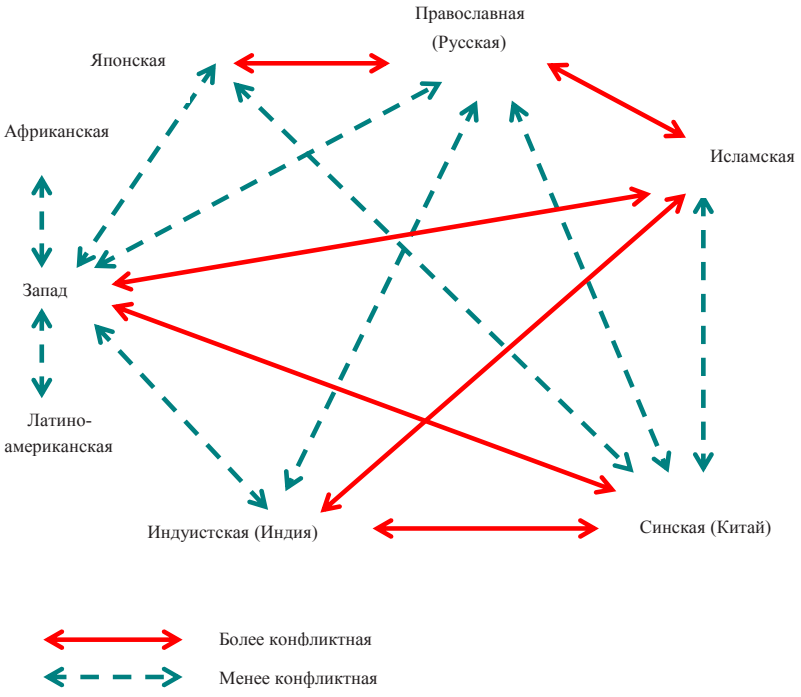


Рисунок 11. **Глобальная политика цивилизаций: союзы и антагонизмы**

В связи с данной схемой возникает ряд вопросов:

- С. Хантингтон демонстративно нарушает элементарное требование единого основания классификации. Цивилизации маркируются и по конфессиональным признакам, и по географическим (в том числе и по странам, и по континентам), а такая цивилизация, как «Запад», вообще является единственным членом класса, который она сама и образует.
- В тексте С. Хантингтона постоянно встречаются фразы, типа: «Христианство, ислам, иудаизм, индуизм, буддизм и православие – все они испытывают огромный подъем…»; «Христианские, православные, буддистские и индуистские правительства…» [86, с. 140, 273]. То есть православие перечисляется наряду с христианством – все равно, как если бы в классификации наук мы указали: естественные науки и физика.
- На схеме С. Хантингтона отношения *Запад–Православие* обозначены как менее конфликтные. Между тем общеизвестно, что в любом конфликте с участием России Запад поддерживает любую сторону, выступающую против России.

Можно с полной определенностью утверждать, что мировая система не может быть многополярной в общепринятом в политическом лексиконе смысле этого термина. С точки зрения системной теории конфликтов, деление мировой системы на множество независимых полюсов – возможное, но предельно неустойчивое состояние, к тому же противоречащее понятию системы как множества взаимодействующих элементов. Совмещение многополярности с региональными блоками, обширными и длительными альянсами государств (НАТО, ОБСЕ, ЕврАзЭС, ЦАС и т.п.) не меняет этого принципа. Полицентрические или децентрированные системы с сетевой морфологией (типа Интернета и других информационно-коммуникативных систем) не могут возникать в политическом пространстве, базисная структура которого определена поляризацией отношений власти.

Словом, современный мир не является в строгом смысле слова ни однополярным, ни многополярным, ни биполярным, то есть, согласно правилу 2, его организация является конфликтной. Поляризация этого хаотического пространства «всеобщей и недифференцированной анархии» (С. Хантингтон) должна привести к одному из двух сбалансированных состояний: однополярному позитивно-синергетическому, гармоничному миру, объединенному «мягкой гегемонией» США, либо к новому варианту биполярности. По всей видимости, мировая система движется по указанному С. Хантингтоном пути биполярного разделения по культурно-цивилизационному основанию в соответствии с полицивилизационной парадигмой: «Мир в каком-то смысле уже делится на два, но принципиальное различие эта парадигма проводит между Западом как доминирующей до сих пор цивилизацией и всеми остальными, которые, однако, имеют между собой мало общего (если имеют что-либо общее вообще). Короче говоря, мир разделен на западную и не западную совокупности» [105, с. 40].

Отметим, что полицивилизационная парадигма может определять, согласно правилу 3, как синергетические, так и антагонистические модели разрешения конфликта. В данном случае подразумевается, естественно, антагонистическая модель, в отношении которой действует правило 5. Поэтому достижение международной системой сбалансированного состояния будет означать эскалацию противостояния полюсов нового мирового порядка: «*Культурные* разделительные линии цивилизаций станут *линиями фронтов* будущего, причем, заметим, что эти линии (на чем С. Хантингтон предпочел не акцентировать внимания) будут проходить и по территории полиэтнических, мультикультурных государств» [104, с. 245].

Таким образом, стабилизация нового мирового порядка для Казахстана означает рост политических рисков и угроз внутренней стабильности, достигнутому уровню межэтнического и межконфессионального согласия.

Наиболее респектабельным обоснованием идеологии и социальной инженерии нового мирового порядка является теория лауреата Нобелевской премии Юргена Хабермаса. Все его рассуждения о коммуникативной рациональности и перекрещивающемся консенсусе как процедурах реализации демократии служат, в конечном счете, обоснованием стратегии построения

нового мирового порядка, новой системы глобального мироустройства. Из концепции Ю. Хабермаса логически следует сформулированное им самим положение, согласно которому «свою традиционную внешнюю политику государства лишь в том случае начнут согласовывать с императивами мировой внутренней политики, если всемирная Организация сможет под собственным командованием применять вооруженные силы и осуществлять полицейские функции» [106, с. 310–311].

По поводу этого положения Ю. Хабермаса А.С. Панарин указывает, что нельзя не отметить революционную методологическую новацию современного либерализма: «Оказывается, наряду с традиционной мировой политикой, субъектами которой выступают суверенные государства, существует еще и *мировая внутренняя политика*, где такой суверенитет не действует» [33, с. 158]. Но не только суверенитет государств перестает быть структурой мировой системы. «Мировая внутренняя политика» наряду с принципом суверенитета национальных государств демонтирует и принцип культурно-цивилизационной стратификации социального мира. Отныне мир предстает не сообществом качественно различных, но равнодостойных цивилизаций, а ареной борьбы цивилизации с варварской и террористической периферией. Соответственно, качественно иную модальность приобретает и пресловутое «столкновение цивилизаций». В рамках концепции мировой внутренней политики дипломатические конфликты и вооруженные столкновения цивилизаций выступают в форме гражданских конфликтов и гражданской войны.

> В этих условиях следует методологически определиться с вопросом о том, трансформируются ли традиционные цивилизации в условиях глобализации, либо феномен локальных цивилизаций уходит в прошлое. По этой проблеме существуют различные точки зрения. Согласно одной из них (преобладающей), в настоящее время мир переживает период цивилизационного кризиса. В его основе лежит всемирно-исторический процесс смены мировых цивилизаций – уход с исторической сцены индустриальной цивилизации (начало которой было положено промышленной революцией последней трети XVIII в.) и становление постиндустриальной, креативно-гуманистической, ноосферно-информационной и т.п. цивилизации [107, с. 17]. Формирование постиндустриальной цивилизации является монополией Запада. Однако в рамках этой цивилизации сохраняются базовые культурно-цивилизационные различия.
>
> Согласно другой, также весьма распространенной точке зрения (наиболее последовательно отстаиваемой профессором Калифорнийского университета Дэвидом Уилкинсоном), в настоящее время существует только одна западная цивилизация, поглотившая остальные и преобразующая мир по своему образу и подобию.

Обе эти модели отводят регионам не-Запада роль варварской периферии или колоний «первого мира», о чем как о фатальной неизбежности перехода к «расколотой цивилизации» пишет, например, В.Л. Иноземцев. При этом, по мнению В.Л. Иноземцева, формирование однополюсного мира следует расценивать как становление «справедливого, если не идеального, ми-

рового порядка» [108, с. 592], как объективно обусловленный результат процесса перехода к постэкономической эпохе для стран «золотого миллиарда» и к эпохе «обновленного колониализма» для аутсайдеров глобализации.

> В.Л. Иноземцев и Е.С. Кузнецова утверждают: «У нас нет *убедительных подтверждений самой возможности позитивного, взаимообогащающего взаимодействия культурных систем различного цивилизационного происхождения*» [29, с. 136]. Страны незападного мира в принципе не способны принять его ценности*. Построение новой культуры по европейскому образцу в странах периферии не может произойти без полного разрушения старой. Начало XXI в. станет для западного мира периодом изживания многочисленных иллюзий, порожденных десятилетиями его хозяйственного и политического доминирования. Западу придется осознать, что даже при имеющейся экономической и военной мощи у него остается все меньше возможностей влиять на страны периферии. Важнейший урок завершившегося столетия заключается в том, что демократическое гражданское общество западного типа не может быстро утвердиться в планетарном масштабе. «Исторический опыт показывает, что традиционные общества маловосприимчивы к внешнему влиянию. Их легче уничтожить, нежели преобразовать» [29, с. 138].

В сегодняшней ситуации взаимодействие двух типов цивилизаций способно привести к экспансии незападных социальных структур в постиндустриальный мир и к последующей деградации западных обществ. Осознав опасности, которыми чреват прием бесконечного числа мигрантов, западный мир перейдет к оборонительным действиям, тем более что значение развивающихся стран для экономики постиндустриального мира неуклонно снижается. При таком сценарии Запад начнет проводить политику относительной закрытости для переселенцев из периферийных стран. Экономическая помощь странам «третьего» мира резко сократится – скорее всего, ее станут получать преимущественно те страны, которые согласятся перенять западные ценности, отказавшись от собственного суверенитета.

В.Л. Иноземцев прогнозирует реализацию следующего сценария развития глобализации: закладываются основы нового типа цивилизации – постиндустриальной цивилизации монополюсного мира. На противоположном полюсе формируется мир нищеты и упадка. Между тем «Россия окончательно упустила шанс занять место в списке стран лидеров постиндустриального мира и никогда не сможет претендовать на подобное место» [109, с. 59]. Г.Х. Попов пишет, что современный мировой порядок представляет собой неоколониальную систему с семью странами в качестве метрополии, рядом стран-сателлитов, и странами третьего мира: «Страны третьего мира живут тем, что им дозволено странами-метрополиями. Они развивают те отрасли, которые по каким-то причинам страны-метрополии у себя развивать не хотят (или по экономическим соображениям, или по экологическим соображениям, или по каким-то другим)» [110].

---

* Выходит, что западная цивилизация и постиндустриальное общество как ее венец не имеют в своей основе общечеловеческих ценностей!

Для бывших республик СССР архаизация и деградация выступают как обязательная для выполнения программа, предписанная директивными органами нового, однополярного, социал-дарвинистского миропорядка [63, с. 172–174]. Ведь Запад только за собой сохраняет понятие политической нации, в рамках которой этнические различия не могут иметь политического статуса. Также только за собой Запад сохраняет «суперэтнические универсалии прогресса, потеснив этноцентристский стиль ретро в сферу досуговых игр и потребительских стилизаций». На Восток же, прежде всего, на постсоветское пространство как сырьевую периферию постиндустриальной цивилизации, проецируется негативное понятие империй, в рамках которого любые интеграционные процессы подлежат ценностно-мировоззренческой, политической и военной репрессии. Для Казахстана, как и для других постсоветских республик, принятие этой программы и правил «глобализации» означает ликвидацию его как страны и как культуры.

Современная демократическая идея в глазах западной элиты, равно как и западного обывателя, утрачивает общечеловеческие черты и приобретает статус расовой идеи, неразрывно связанной с миссией западного человека:

> «Так прослеживается нисходящий ряд расистской инволюции «демократии»: сначала демократия и прогресс выступали как не имеющие племенных признаков универсалии, адресованные всем без изъятия. Затем, после проведенного «реформаторами» деления населения на демократическое меньшинство и «агрессивное» «красно-коричневое» большинство, прогресс обрел откровенно элитные черты. И наконец, после того, как на Западе перестали «преувеличивать» различие между «реформаторскими элитами» и «туземными массами» в постсоветском пространстве, прогресс стал обретать черты расистской идеологии, предназначенной исключительно для внутреннего пользования в привилегированном пространстве мирового центра. Периферийному же пространству отныне адресована не демократическая идея, а идея реколонизации и авторитарного внешнего управления» [63, с. 179].

Культурно-цивилизационное развитие в эпоху глобализации характеризуется как возникновением качественно новых характеристик и актуализацией ранее подавляемых тенденций, маргинальных возможностей этого процесса, так и вступлением целого ряда его важнейших параметров в *фазу инверсии*. Ряд социальных теоретиков рассматривает возможность сохранения на долгосрочную перспективу состояния многообразия цивилизаций, причем лидирующая роль, или роль носителя *нового цивилизационного качества* (Н.Н. Моисеев), может при определенных условиях перейти к цивилизациям Востока.

> Существует и более радикальная оценка современного состояния и судеб цивилизации. А.А. Зиновьев утверждает, что жизнь человечества вступила в качественно новое социальное состояние, в котором уже нет места цивилизациям. Исторически эволюция социальной организации протекала как переход

от предобщества к обществу (на этой стадии возникают цивилизации) и затем к сверхобществу. Переход от общества (цивилизации) к сверхобществу («сверхцивилизации», «сверхгосударству», «сверхэкономике») означает, что время автономной эволюции исторически сложившихся цивилизаций прошло, как и исчезли условия для возникновения новых цивилизаций. «Сохранившиеся в какой-то мере цивилизации, включая западноевропейскую, обречены на исчезновение. На их место приходят социальные образования иного рода, более адекватные современным условиям на планете» [111, с. 28]. Цивилизации, в том числе и западноевропейская цивилизация, со второй половины XX века сходят со сцены всемирной истории, начинают поглощаться социальными гигантами более высокого уровня организации – объединениями стран в единые наднациональные блоки как структурные элементы глобального сверхобщества.

В теории Ю. Хабермаса воспроизводится деление на первый, второй и третий миры, но с существенной коррекцией самого принципа этого деления. А именно: основанием деления становится неолиберально переформулированная кантовская идея всемирно-гражданского умиротворения. В соответствии с этой интерпретаций тройственный принцип миросистемного структурирования замещается дихотомией: «Только государства *первого мира* могут себе позволить до определенной степени согласовывать свои национальные интересы с теми нормативными аспектами, которые сколько-нибудь определяют всемирно-гражданский уровень требований Объединенных Наций» [106, с. 305–306].

Это утверждение Ю. Хабермаса интересно также и тем, что в нем под логической формой дескриптивного суждения на деле высказывается стратегический императив. Иными словами: тезис о том, что национальные интересы и ценности Запада согласуются с интересами и ценностями мирового сообщества в целом, является идеологическим камуфляжем тезиса о том, что обеспечение партикулярных интересов стран первого мира должно стать содержанием и смыслом стратегии «внутренней мировой политики» глобального сообщества. Подобное смешение *логически гетероморфных* классов высказываний в современном социодискурсе выступает закономерным следствием переплетения *онтологически гетероморфных* типов культурно-цивилизационного процесса в современную эпоху.

Возвращаясь к модели многополярного мира С. Хантингтона, следует подчеркнуть два обстоятельства. Во-первых, проведенный им анализ совершенно четко выделяет и трезво квалифицирует реальные процессы культурно-цивилизационного развития глобального мира как столкновение цивилизаций. Во-вторых, этот анализ свидетельствует о том, что в терминах и по логике геополитики рационально мыслить о межкультурных отношениях возможно лишь в рамках той матрицы цивилизационного подхода, в которой априорно предположена логика силовых взаимодействий культур и цивилизаций по формуле Арнольда Тойнби: «Вызов–ответ». Тем самым исследования культурно-цивилизационных процессов помещаются в дисци-

плинарное пространство не герменевтики и трансцендентализма, диалектики и семантики, но логистики и стратегии.

> Основная идея книги Самюэля Хантингтона «Столкновение цивилизаций» формулируется автором в следующем положении: «В мире после «холодной войны» культура и различные виды культурной идентификации (которые на самом широком уровне являются идентификацией цивилизации) определяют модели сплоченности, дезинтеграции и конфликта» [105, с. 15]. Самое удивительное в концепции столкновения цивилизаций – это то, что о войне цивилизаций как доминирующей форме культурно-цивилизационного процесса современности заговорили так поздно. По сути, война цивилизаций идет в новейшей истории с 6 марта 1946 г. – с речи Черчилля в Фултоне. Официально объявленная в этой речи холодная война против СССР была не войной идеологий или социально-экономических систем, не защитой от коммунистической экспансии. Это была именно война цивилизаций. Как отмечает С. Кара-Мурза, дело было вовсе не в коммунизме и даже не в геополитических интересах, а именно в стремлении ликвидировать «почти европейскую», но не западную, а альтернативную Западу цивилизацию. Об этом же откровенно пишет С. Хантингтон: Политико-идеологический конфликт либерализма и марксизма был конфликтом двух светских идеологий, порожденных в лоне единой – западной – культуры. Но «…когда русские перестали вести себя как марксисты и стали вести себя как русские, разрыв между ними и Западом увеличился». «Западный демократ мог вести интеллектуальные споры с советским марксистом. А вот сделать это с русским православным националистом для него будет невозможно» [105, с. 216]*.

Преодоление оппозиции варварство – цивилизация в рамках той логики, по которой развивается современный глобализационный процесс, невозможно в принципе. Запад по-прежнему смотрит на себя как на цивилизацию, а на весь остальной мир – как на варварскую периферию. Конфликт неолиберальной цивилизации и культуры – современная форма духовного кризиса, причем постиндустриальная цивилизация в себе самой воспроизводит противоположный полюс вандализма, а иудео-христианская культура расколота в себе самой на принцип партикуляризма (генотеизма, племенной идентичности) и универсализма.

А.С. Панарин отмечает, что концепция конфликта цивилизаций позволяет «во-первых, скрыть, кто же является настоящим агрессором, а во-вторых, – и в этом самое главное – замаскировать *социальную природу* конфликта, представив его как этнорелигиозный, вызванный фатальной некоммуникабельностью разнокачественных антропологических типов» [33, с. 240]. В этой связи можно сделать достаточно обоснованный вывод о том, что действительной альтернативой либеральному неоколониализму

* В этой цитате обращает на себя внимание характерная логическая ошибка или преднамеренная логическая уловка: подмена оснований. «Западный демократ» – это термин, выражающий политико-идеологическую идентичность; «русский православный националист» – термин, фиксирующий этно-конфессиональную идентичность.

является не национально-государственная, этнокультурная или культурно-цивилизационная парадигма развития, а идея социальной солидарности. Главная и труднейшая проблема для всякой цивилизации, для всякой этнокультурной или национально-государственной общности состоит в том, чтобы сохранять и творчески развивать собственные духовные основания, не опускаясь до фанатичного этноцентризма и фундаментализма – с одной стороны, не впадать в мондиалистскую всеядность постмодернизма – с другой, но культивируя в самой себе способность к диалогу, к обмену цивилизационным опытом, к стратегическому планированию собственного культурно-цивилизационного развития.

Рационально понятая культурно-цивилизационная идентичность и отвечающая ей социально-политическая практика в современном мире могут и должны быть основаны не на религиозной, идеологической или этнической монолитности (апологетами которой являются группы религиозных фанатиков-фундаменталистов, идеологических доктринеров, экстремистски настроенных национал-патриотов и т.д.), а на подвижном синтезе и переопределении разнородных этнокультурных начал, на способности к критической рефлексии, самоотстранению и самоостранению, диалогу и консенсусу, на великодушном и творческом восприятии «инаковости». Данная стратегия должна быть основана не на формальной свободе и произвольности выбора из равновозможных альтернатив, как и не на соображениях эффективности и успешности «вхождения в мировую цивилизацию», а на безотносительных критериях и абсолютных принципах выбора нравственно достойных поступков и решений. В этом плане принципиальное значение имеет сформулированное А.С. Панариным положение: «Настоящее стратегическое видение – и в этом состоит методологический парадокс нового века – достигается только в случае, если мы научимся принимать всерьез события и сдвиги в духовной сфере» [33, с. 299]. Один из таких сдвигов состоит в том, что в современном мире сверхсложных и предельно изощренных технологий (научных и социальных) мировоззрение людей (в том числе и принимающих стратегические решения) строится в соответствии с наиболее примитивной, манихейской структурой.

Многоосновность (этносоциальное и конфессиональное многоцветье, хозяйственно-экономическая многоукладность) евразийского культурно-исторического типа вполне способна стать надежной опорой для достижения позитивно-синергетического эффекта в реализации методологически продуманных стратегий и социоинженерных проектов культурно-цивилизационного развития Казахстана.

5.4 Динамическая модель конфликта

Важнейшим принципом самоорганизации и поддержания устойчивости системы является кольцевая структура внутрисистемных связей. Можно привести хотя бы такой пример эффективности кольцевых структур: «При

повреждении кровеносных сосудов у человека запускается система химических реакций, скорости которых примерно в 100 000 раз выше тех, которые обеспечивают нормальную жизнедеятельность» [112].

Основной практической задачей теории политических рисков является разработка концепции управления в чрезвычайных ситуациях и схем совершенствования организационно-управленческих структур. Важнейшими принципами поддержания устойчивости социально-политической системы является 1) *кольцевая структура* и 2) *самоорганизация* внутрисистемных связей. Если цепь реакций замыкается в кольцо так, чтобы процессы стимулировали производство друг друга, то вероятность воспроизведения кольцевой структуры при всех случайных событиях во много раз повышается. Такого рода гиперцикл становится фильтром и вместе с тем усилителем маловероятных и случайных событий. «Возможно, именно *теорию устойчивости кольцевых структур* можно было бы положить в основу *математики безопасности*» [112], но также и в основу моделей расчета рисков применительно к процессам развития конфликтных ситуаций.

Динамические свойства конфликта – важнейший вопрос при анализе и оценке конфликтных ситуаций и структур. В динамической модели конфликта моделируются прямые и обратные причинно-функциональные связи, объединяющие переменные в единое целое. Именно прямая и обратная взаимная зависимость элементов, или наличие петель положительной и отрицательной обратной связи, становится как правило, источником нелинейных эффектов поведения системы, что, как не раз отмечалось, является наиболее сложным и важным предметом теории рисков.

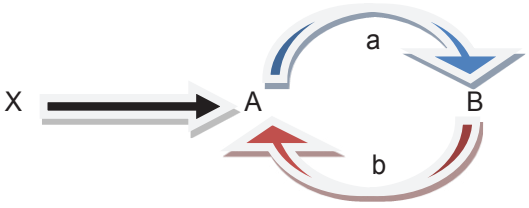


Рисунок 12. **Простейшая схема динамической системы**

На схеме, представленной рисунком 12, переменная *A* является «входом» системы. Некий импульс (x) приводит систему в движение, порождая серию изменений величин ее переменных, т.е. *A* и *B*. Изучение этих изменений и является динамическим системным анализом.

В динамических моделях конфликта основная роль отводится так называемому коэффициенту обратной связи. Этот коэффициент представляет собой численное выражение влияния друг на друга переменных *A* и *B* через петлю обратной связи. На нашей схеме R = ab. После того, как начальный импульс x достиг входа в систему, дальнейшие изменения об-

условлены лишь особенностями взаимосвязи переменных, системным законом для динамики которых и становится величина параметра R^*.

В зависимости от общего числа петель обратной связи, генерируемых переменной, выбранной в качестве «входа» (относительно одних переменных одна и та же система может быть конфликтной, относительно других – неконфликтной) вычисляется общий коэффициент обратной связи R_o. На основе значений суммарного коэффициента R_o, которому придается смысл способности системы сохранять свое качество, определяются особенности динамики развития системы:

$R_o < -1$. *Конфликтное поведение системы динамически нестабильно и нелинейно. Развитие конфликта носит катастрофический для системы характер.* Любой, даже незначительный внешний импульс порождает тенденцию к неограниченной эскалации конфликта.

$R_o = -1$. *Конфликтное поведение системы динамически нестабильно, но линейно. Развитие конфликта происходит в виде регулярно и с постоянной амплитудой возобновляющегося процесса.* Такие конфликты-пульсации являются затяжными, поскольку подобный процесс без внутренних или внешних ограничений может продолжаться сколь угодно долго, подобно колебанию маятника.

$-1 < R_o < 0$. *Конфликтное поведение системы динамически стабильно и линейно. Развитие конфликта завершается его сохранением на новом (более высоком или более низком) уровне стабильного существования системы.* Такие конфликты можно назвать стабилизирующими.

Значения $R_o \geq 0$ задают класс бесконфликтных систем, то есть определяют область возможных решений конфликтов:

$R_o = 0$. *Бесконфликтное поведение системы динамически стабильно и линейно.* Этот случай включает все ситуации достижения нейтралитета, взаимного невмешательства, как и полного подчинения всех переменных какой-либо одной.

$0 < R_o < 1$. *Разрешение конфликта представляет процесс развития синергизма или антагонизма переменных, ограниченного некоторым пределом, т.е. переходом системы на более высокий или более низкий уровень устойчивости.* Синергетические системы на каждый внешний импульс отвечают пропорциональным ростом (позитивный синергизм) или снижением (негативный синергизм) до определенного уровня всех своих переменных. Антагонистические системы отвечают на внешний импульс обратно пропорци-

* Можно отметить, что именно по такой принципиальной схеме разрабатывается логико-семантическая структура самосознания в «Наукоучении» И.Г. Фихте. Абсолютно безусловное основоположение системы наукоучения Я есмь Я можно рассматривать как петлю обратной связи, ибо Я рождает само себя своим действием, полагается самим собой, вместе с тем полагая и вторую переменную – не-Я. Но эти противоположно направленные деятельности (a и b на нашей схеме, или тетическое и антитетическое действия Я) неразрывно связаны и взаимоопределены через делимость, то есть получают обоюдное количественное определение в первом синтезе Я и не-Я. Все прочие синтезы становятся развитием этого отношения взаимоопределения деятельности и страдания Я, субъекта и объекта, реальности и отрицания и т.д., то есть прямой и обратной связи зависимых переменных (Я и не-Я, A и B на схеме). После получения так называемого «первотолчка» система развивается совершенно автономно, заключенная в круг рефлексии, или самодетерминированного движения по замкнутому контуру самосознания.

ональным изменением своих переменных: прогресс одних элементов происходит за счет других.

R_o = 1. *Разрешение конфликта представляет процесс монотонного роста синергизма или антагонизма переменных системы. Бесконфликтное поведение системы линейно, но динамически нестабильно.* Рано или поздно рост значения переменных достигает критического уровня, за которым наступают качественные изменения всей системы.

R_o > 1. *Разрешение конфликта представляет процесс катастрофического развития синергизма или антагонизма переменных системы. Бесконфликтное поведение системы динамически нелинейно и нестабильно в чрезвычайной степени.* Фактически, такой бесконфликтный процесс прямо ведет систему к уничтожению.

Как видно, значения $-1 < R_o < 1$ задают интервал линейного развития системы, значения $R_o < -1$ и $R_o > 1$ определяют нелинейный характер системный трансформаций. На основе выведенных типов развития в динамической теории конфликта формулируется и ряд других трансформационных теорем, то есть внутренних тенденций изменения, свойственных перечисленным системам. В частности, вводится такая закономерность: «Как синергизм, так и антагонизм в фактически существующей системе имеют в своем развитии жесткие внутренние ограничения, накладываемые самой системой. Хотя характер таких пределов до конца еще не ясен, но их существование бесспорно» [88, с. 55]. Достижение этих пределов заставляет менять направление изменений на противоположное. Скажем, ни одна система не способна двигаться, только увеличивая или только уменьшая скорость.

Ритмичные колебания, инверсии направлений трансформации были положены в основу концепции социальной и культурной динамики Питирима Сорокина и его «закона пределов». Каждая социокультурная и политическая система как система обратных связей, или самодетерминируемая система, должна обладать способностью перестраивать свои внутренние связи, устранять одни переменные и образовывать другие. «Социокультурные системы, подчиняясь закону самодетерминации, не могут изменяться сколь угодно долго линейно, повторяя однообразно свои предшествующие фазы и формы; но они также не могут иметь и неограниченные возможности изменения, т.е. развиваться только нелинейно, без возврата и повторения ранее пройденных фаз и форм…Реальное изменение проходит в форме флуктуации линейных и нелинейных фаз развития» [88, с. 289]. Предвидение и управление такого рода флуктуациями, моделью чего является динамическая теория конфликта – неотъемлемый элемент теории политического риска.

5.5 Теоретико-игровая модель конфликта

Структурный анализ конфликта исходит из принципа, что как эскалация, так и разрешение конфликтов зависит от того, оказываются ли его участники в симметричных (позитивных, негативных или независимых), или

асимметричных отношениях друг к другу. Но понятно, что эти отношения и динамику развития конфликта нельзя фиксировать в абстракции от субъективных факторов – намерений, установок, интересов, целей, информированности и т.д. участников. Аналогичные требования содержит в себе и методика оценки и анализа политических рисков. *Субъективная логика* конфликта, в том числе политического с неизбежно сопутствующими ему рисками, моделируется теорией игр.

Классическая теория игр, созданная Дж. фон Нейманом и О. Моргенштерном, мало пригодна для анализа реальных конфликтов. Эта нормативная теория рассчитана на рациональность поведения, понимаемую в индивидуалистическом духе – думай только о своей выгоде, даже если сообща можно добиться лучшего исхода для всех игроков одновременно. Кроме того, все игроки должны обладать полной информацией о стратегиях и предпочтениях друг друга, никогда не должны обманывать своих противников. Очевидно, что в реальных ситуациях, тем более в «политических играх», эти базисные допущения не выполняются по определению. Для игр с ненулевой суммой (когда выигрыш одного не равен проигрышу другого), игр, в которых допускается сотрудничество участников конфликта, не существует единого критерия решения в терминах индивидуального успеха.

Рассмотрим игру, называемую «Дилеммой заключенного». По подозрению в совместном ограблении задержали двух человек, А и В. Однако доказательств, достаточных для судебного обвинения, не было. Чтобы получить признание, обвиняемых сажают в разные камеры и каждому сообщают, что если один заключенный признается, а другой нет, тогда первый получит свободу, второй – 10 лет тюрьмы; если оба признаются, то получат по 5 лет тюрьмы; если оба не признаются, то отсидят по году за незаконное ношение оружия. Заключенные не могут общаться друг с другом и выработать совместную стратегию. При этом ясно, что признание своей вины равносильно предательству товарища.

Обозначим участников рассматриваемого конфликта А и В. Обозначим возможные ходы игроков следующими символами:

$\mathbf{A_1}$ → А не признает своей вины
$\mathbf{A_2}$ → А признает свою вину
$\mathbf{B_1}$ → В не признает своей вины
$\mathbf{B_2}$ → В признает свою вину

Очевидно, что исходы и «платежи» игры «Дилемма заключенного» исчерпываются следующими четырьмя вариантами (таблица 7):

Таблица 7. **Варианты исхода игры «Дилемма заключенного»**

$\mathbf{A_1B_1}$	А и В не признают своей вины и получают по одному году тюрьмы	*Позитивно-синергетический исход,* основанный на взаимном доверии и кооперации

A_1B_2	А не признаётся, В признаётся. А получает 10 лет тюрьмы, В выпускают на свободу	*Антагонистический исход,* предполагающий предательство игрока В
A_2B_1	В не признаётся, А признаётся. В получает 10 лет тюрьмы, А выпускают на свободу	*Антагонистический исход,* предполагающий предательство игрока А
A_2B_2	А и В признают свою вину и получают по 5 лет тюрьмы каждый	*Негативно-синергетический исход,* предполагающий взаимное предательство

Согласно принципу минимакса классической теории игр – *будь осторожен, выбирай лучшее из худшего (списка минимальных выигрышей или максимальных проигрышей), что тебя ожидает* – игроки должны исключить из своих стратегий ходы с риском максимального проигрыша. Выбирая стратегию минимакса, игрок А исключает ход A_1, чтобы исключить вариант A_1B_2, а игрок В исключает ход B_1, чтобы исключить вариант A_2B_1. Исключение ходов A_1 и B_1 автоматически исключает вариант исхода A_1B_1. Значит, остается только один рационально обоснованный вариант исхода игры – A_2B_2.

Таким образом, следуя рекомендациям классической теории игр о наиболее разумном поведении игроков, оба заключенных выбирают негативно-синергетический исход, доносят друг на друга и получают по 5 лет тюрьмы. Позитивно-синергетический исход – по 1 году тюрьмы и чистая совесть – не принимается во внимание как рационально не обоснованный, авантюристический, связанный с недопустимым риском.

В разработках теории метаигр Н. Ховарда и теоретико-игровой модели анализа конфликтов Н. Фрэзера и К. Хайпеля основное внимание уделено исследованию взаимных реакций игроков на действия друг друга и проблемам вычисления (определения алгоритма) всех стабильных (индивидуальных и кооперативных) исходов. Участники гиперигр могут:

1. ошибочно интерпретировать векторы предпочтений друг друга. При этом игрок, чьи предпочтения и опасения неверно интерпретируются, может знать об этом (гиперигра 1-го уровня), но может и не знать (гиперигра 2-го уровня);

2. иметь неверное представление о стратегии, о ходах и контрходах своих противников.

Н. Фрэзер и К. Хайпель вводят понятие секвенциально санкционируемых исходов игры (SEQ). Санкция улучшает положение игрока, который способен ее применить, а угроза применить санкцию заставляет противника отказаться от планируемых им улучшений своей позиции. На основе этого понятия формулируется чрезвычайно важная в методологическом и практическом – в особенности политическом – отношении теорема: *каждая игра имеет секвенциально санкционируемый исход.* Это значит, что не каждый конфликт, моделируемый как игра, имеет решение, основанное на индивидуальной рациональности, но *каждый конфликт имеет решение, основанное на групповой рациональности.* «Значит, только учет предпочтений и взаимных реакций на действия друг друга гарантирует игрокам

разрешение конфликта, каким бы неразрешимым он ни казался каждому из них в отдельности» [88, с. 60]. В частности, при анализе в терминах теории метаигр выявляется как наиболее рациональное и стабильное с точки зрения секвенциально санкционируемых исходов кооперативное, позитивно-синергетическое решение «Дилеммы заключенного». Причем алгоритм рассчитывается без обращения к этическим критериям, то есть не предполагает такое обоснование стратегии, как этическая недопустимость обмана или предательства (стоит ли говорить, сколь важен такой алгоритм именно в политической сфере).

В отличие от критерия минимакса стабильный исход вида SEQ имеет место тогда, когда под санкцию противников попадает одностороннее улучшение позиции того игрока, который может ее осуществить, но из-за возможной санкции воздерживается: в нашем примере заключенные воздерживаются от ходов A_2 и B_2. Теория метаигр учитывает все возможные реакции игроков на действия друг друга* и позволяет в поиске совместного решения эффективно управлять конфликтом, исключая риски и угрозы, которые влечет за собой неверный, с точки зрения структурных возможностей ситуации, выбор стратегии. Анализ конфликтов в терминах гиперигр позволяет учитывать нелинейные эффекты, что дает возможность создавать в достаточной степени реалистические модели политических рисков.

5.6 Теоретико-драматическая модель конфликта

Все модификации теории игр обладают общей чертой – игроки не имеют права изменять условия и правила игры. Теория игр не предоставляет участникам возможности исследовать причины своего конфликта и совместно искать способы его решения. Созданная в начале 1990-х гг. «теория драмы» (ТД) позволяет игрокам до принятия окончательного решения корректировать свои выборы и предпочтения, трансформировать исходную игру в новые игры с более свободными условиями, что предоставляет им возможность творчески управлять развитием конфликта и добиваться кооперативного, устраивающего всех решения проблемы. Очевидно, что такого рода техника становится чрезвычайно востребованной в современном политическом процессе как эффективное средство минимизации политических рисков.

Вкратце суть ТД сводится к следующему: логическую структуру **позиции** (наиболее желательного исхода) участника конфликта образуют его требования к остальным участникам и собственные обязательства по правилу: «Выполните *X,* воздержитесь от *Y,* и тогда я исполню *Z*». Позиции героев в конфликтных ситуациях по определению несовместимы, все вместе они не могут быть удовлетворены. Поэтому у каждого участника возникает

* В случае «Дилеммы заключенного» на основе возможных реакций игроков на действия и контр-действия (санкции) друг друга строится таблица из 64 возможных исходов.

отрицательная позиция, или **угроза**: «Если вы не примете мою позицию, я сделаю *X*». Если каждый реализует свою отрицательную позицию, то возникнет тупик или эскалация конфликта. Такие исходы формируют *сценарии угрожающего будущего.*

Если угрозы и обещания вызывают доверие, то переговоры участников конфликта имеют компромиссное разрешение. В противном случае возникают шесть *позиционных дилемм.* Допустим, два участника конфликта, А и В, занимают разные позиции. В этом случае:

- А сталкивается с *дилеммой сдерживания,* если его угрозы не убеждают В принять позицию А. Для разрешения дилеммы А следует либо изменить свою позицию, либо усилить угрозы в отношении оппонента.
- А сталкивается с *дилеммой искушения* (принять позицию своего оппонента), если страх перед угрожающим будущим вынуждает его предпочесть принятие позиции В и признание своего поражения. В целях защиты своего престижа А, как правило, публично отрицает такое намерение. Для разрешения дилеммы А должен изменить свою позицию таким образом, чтобы В также, как и он, боялся угрожающего будущего.
- А сталкивается с *дилеммой реализма*, если предпочитает поменять свою позицию на позицию своего соперника, оправдывая такой шаг соображениями прагматизма и давления реальности.

Если А и В занимают общие позиции, то они могут столкнуться с такими дилеммами:

- *Дилемма угрозы,* совпадающая с дилеммой искушения.
- А сталкивается с *дилеммой сотрудничества*, если имеет одностороннее, для себя лично, улучшение из уже достигнутой общей позиции с В. У В есть основания не доверять А, поскольку тому выгоднее покинуть В, чем продолжать сотрудничество с ним.
- *Дилемма доверия* – это та же дилемма сотрудничества, но зеркально отображенная. Если А сталкивается с дилеммой сотрудничества, то В – с дилеммой доверия, и наоборот. Решение названных дилемм – продемонстрировать самым убедительным образом искренность и надежность своей позиции.

Динамика развития конфликта диктуется необходимостью разрешения позиционных дилемм, что позволяет прогнозировать как общий вектор разрешения конфликта, так и действия контрагентов в каждом отдельном эпизоде, отделять рациональные (отвечающие собственным предпочтениям) от иррациональных (против собственных предпочтений) действия участников конфликта. В рамках теории драмы «*Управлять конфликтом означает управлять отношением своего противника к угрожающему будущему и/или своего партнера к односторонним улучшениям разделяемой общей позиции*… управление конфликтом – это искусство и наука усиления угрожающего будущего для противников и повышения привлекательности единой позиции для партнеров» [88, с. 67].

5.7 Структурно-игровая модель конфликта

Если герой драмы хочет компетентно управлять сотрудничеством, он должен уметь разрешать конфронтации на всех уровнях, исходя из их неизбежной взаимной связи друг с другом. Структурно-игровая модель конфликта ставит себе целью выработку алгоритма и детализацию механизма менеджмента сотрудничества в условиях конфликта. Оптимальным результатом разрешения большинства политических конфликтов можно считать достижение спорящими сторонами согласия, удовлетворяющего их базисные потребности и не вызывающего ни у одного из участников желания изменить соглашение.

Алгоритмом достижения позитивно-синергетического решения социально-политических конфликтов в виде последовательно выполняемых операций, или шагов в рамках структурно-игровой модели выступает схема, изображенная на рисунке 13:

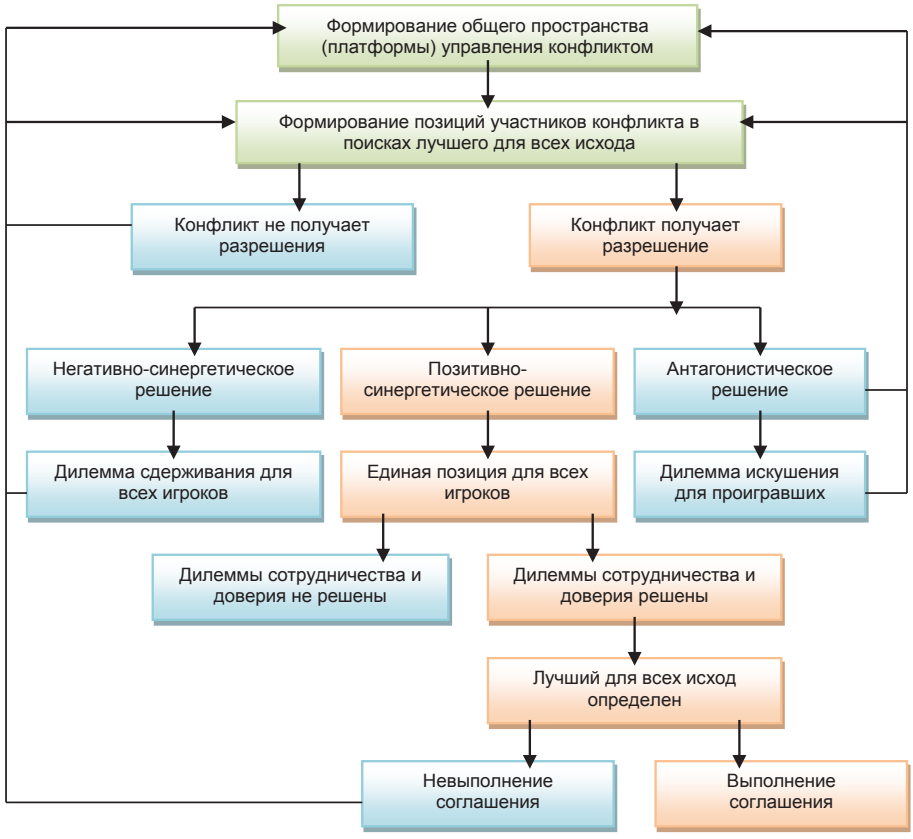


Рисунок 13. **Алгоритм достижения позитивно-синергетического исхода социально-политических конфликтов**

Первым шагом является формирование общей платформы или единого, референтного по отношению к предмету и когерентного для всех участников пространства управления конфликтом. Это означает, что участникам конфликта следует достичь принципиального согласия по поводу предмета политического конфликта, состава его участников, общей цели и возможности ее достижения и т. д.

Заполнение **первого блока** алгоритма заключается в ответах на следующие вопросы:

- Какая проблема лежит в основании конфликта?
- Кто должен участвовать в решении этой проблемы?
- Какие цели каждый из участников конфликтной ситуации считает для себя главными?
- Какие наиболее трудными?
- Нуждаются ли участники в единой согласованной позиции, чтобы достичь своих особых целей?
- Какие стратегии достижения позитивно-синергетического решения конфликта каждый участник считает приемлемыми, а какие нет?

На **втором шаге** участники формируют свои позиции: позитивная позиция выражает требования и обязательства участника, негативная – те угрозы (санкции), которые будут им использованы в случае неприятия его варианта решения.

Для получения детальной картины о позициях участников, методикой структурно-игрового подхода предлагается следующая процедура:

- спросите первого по списку участника, какое решение он предлагает;
- выразите это решение посредством действий, доступных этому участнику;
- повторите указанную процедуру для всех оставшихся участников.

В результате составляется общий список позитивных позиций и действий, доступных всем участникам. Для определения негативных позиций применяется следующая методика:

- попросите каждого из участников предположить, что его предложения не приняты. Мог ли бы он один или вместе с кем-нибудь из других участников оказать давление на остальных? Чего следовало бы опасаться в подобных обстоятельствах?
- как мог бы опрашиваемый участник противодействовать доминирующему решению?
- поверят ли прочие участники его угрозам о том, что он намерен предпринять в случае, если его решение не будет принято?

Процесс формирования позиций может привести к трем результатам. Если окажется, что отношения предпочтения между заявленными позициями участников конфликта не выполняют условий возможности достижения бесконфликтного состояния, сформулированных в фундаментальной структурной теореме анализа и разрешения конфликта (ФСТ), тогда конфликт не

имеет решения. В этом случае участникам необходимо переформатировать пространство управления конфликтом (возвращение к **шагу 1**).

Если заявленные позиции удовлетворяют требованиям ФСТ, тогда конфликт получает решение **(шаг 3).** Оно может быть (**шаг 4**) *позитивно-синергетическим* (все участники предпочитают единую позицию), *негативно-синергетическим* (все предпочитают угрожающее будущее) или *антагонистическим* (один участник или коалиция выигрывает, остальные проигрывают).

Если участники достигают единой позиции (**шаг 5**), но ни один из них, или некоторые из них не получают односторонних улучшений (решение дилемм сотрудничества и доверия – **шаг 6**), тогда они гарантированно достигают наилучшего для всех исхода (**шаг 7**) и начинают претворять свои соглашения или свой план решения конфликта в жизнь (**шаг 8**).

Как следует из схемы, осуществление каждого из последовательной цепи шагов к позитивно-синергетическому решению конфликта связано с решением позиционных дилемм. Предпочтения, позиции или пространство управления конфликтом изменяются до тех пор, пока участники не преодолеют все позиционные дилеммы, т.е. пока они не выработают единую стратегию достижения позитивно-синергетического исхода. Упорство участников социально-политического конфликта в выработке такой стратегии должно вдохновляться доказанным общей теорией конфликта положением: **«Сотрудничество игроков в управлении конфликтом и достижении лучшего для всех игроков решения в случае их добровольного сотрудничества друг с другом всегда достижимо, единственно и оптимально»** [88, с. 76].

Ю. Хабермас, создатель концепции делиберативной демократии, отмечает: «Члены современных обществ по-прежнему разделяют то ожидание, что они смогут честно и ненасильственно сотрудничать друг с другом… Граждане молчаливо допускают в отношении друг друга обладание моральным сознанием или чувством справедливости, проникающим сквозь мировоззренческие границы, научаясь в то же время с терпимостью относиться к мировоззренческим различиям как к источнику разумных разногласий» [106, с. 162–163]. На таком молчаливом допуске основана возможность приведения противоречивых групповых интересов к общему знаменателю посредством публичного обсуждения социальных, политических, экономических и т.д. проблем. В то же время политика и в условиях делиберативной демократии остается борьбой идеологических нарративов, основывающих легитимность. «Спор мнений, вынесенный на политическую арену, обладает легитимирующей силой не только в смысле предоставления доступа к властным позициям; скорее, последовательно проводимый политический дискурс обладает обязательной силой также и в отношении способа осуществления политического господства» [106, с. 389]. Таким образом, модель делиберативной демократии совмещает ценностно-смысловое и рационально-процедуралистское измерение демократического процесса обсуждения социальных проблем и принятия политических решений. «Делиберативная

демократия является наследницей той традиции в истолковании политики, которая была заложена Аристотелем: политика должна быть свободным от принуждения и предрассудков взаимодействием равных граждан, которые, взаимно формируя и просвещая друг друга, обретают в этом общении знание, позволяющее им выработать решения относительно совместной жизни» [38, с. 45].

С точки зрения современного понимания политической рациональности невозможно претендовать на знание процедур, способных обеспечить единственно правильное решение, соответствующее некоему абсолютному стандарту. Не является такой процедурой и публичное обсуждение. При всех своих несомненных достоинствах делиберативная модель демократии не может быть обеспечена конкретными политическими технологиями. Во всяком случае, таких разработок нет ни у самого Ю. Хабермаса, ни у кого-либо из его сторонников и комментаторов. В свете проведенного анализа мы должны изменить эту точку зрения. Делиберативная демократия, как и все прочие формы демократии, должна быть обеспечена конкретными политическими технологиями, институтами и процедурами. На роль такого рода технологии может с полным правом претендовать методика создания и реализации структурно-игровых моделей разрешения конфликтных ситуаций. Выскажемся более определенно и категорично: *реалистичность модели делиберативной демократии зависит от реалистичности структурно-игровой модели разрешения конфликтов.*

6 СОЦИАЛЬНАЯ ИНЖЕНЕРИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ РИСКОВ

6.1 Политический риск-менеджмент как приоритетное направление государственного управления

Исключительно важным для Казахстана является принятие концепции управления социально-политическими рисками, разработка и реализация схем совершенствования организационно-управленческих структур Республики в направлении, отвечающем принципам и задачам политического риск-менеджмента. Эта концепция должна отражать стратегический выбор обществом социальной безопасности как приоритета социального развития.

Для политической культуры демократического общества принципиальное значение имеет отказ от силы как средства решения споров, стремление к консенсусу, балансу интересов, компромиссам. Аналогичные нормы и принципы определяют и сферу политического управления. Политика – соперничество сил с открытым финалом, и результирующая этого соперничества, какова бы он ни была, становится единственно легитимной формой организации политического пространства. Демократическим и правовым это пространство становится при условии, что отсутствует властный субъект, способный блокировать – все равно, исходя из каких идеалов и целей – это динамическое равновесие интересов и сил и соблюдение общих правил игры.

Данному критерию в наибольшей степени отвечают информационно-коммуникативные технологии политического риск-менеджмента, органически объединяющие эффективность рационально-технологических методов и гуманистические принципы политического управления.

В современном мире в условиях нарастания неопределенности тенденций и векторов его развития, усиления политической и экономической неустойчивости социальных систем, когда мировое сообщество, по словам Президента, «находится в состоянии напряженной турбулентности», от управленцев требуется владение теорией, технологиями и практическими навыками риск-менеджмента. В своей программной статье «Социальная модернизация Казахстана: Двадцать шагов к Обществу Всеобщего Труда» Н.А. Назарбаев указывает: «Социальная модернизация требует сегодня ясного представления о возможных вызовах и рисках. И это должны понимать не только государственные служащие всех рангов, но и все общество, весь народ» [113].

Следует отметить, что сущностная связь стратегии социальной модернизации с проблематикой управления политическими рисками – аксиоматическое положение современной политической философии.

Один из ведущих социальных мыслителей современности – Энтони Гидденс – определил жизнь в эпоху поздней современности (late modernity) с ее стремительными социальными и технологическими переменами, вызывающими совершенно непредвиденные последствия, как жизнь в мире случайности и риска: «Понятие риска становится центральным в обществе, которое прощается с прошлым, с традиционными способами деятельности, которое открывается для неизведанного будущего» [114, с. 109]. Немецкий социолог Ульрих Бек в своей книге «Общество риска: На пути к другому модерну» утверждает, что в современную эпоху «перехода от индустриального общества к обществу риска» центральным вопросом является риск и способы его предотвращения, минимизации и управления. Рутинная, повседневная практика превращается в постоянный мониторинг рисков и проектов их предотвращения в отсутствие надежных критериев такого мониторинга. В исследовании российских специалистов в области управления рисками отмечается: «До недавнего времени ключевыми инструментами для прогнозирования развития страны и планирования на различные сроки служили макроэкономические модели. В таких моделях последствия бедствий и катастроф игнорировались, либо учитывались как малые поправки. Однако в последние годы ситуация изменилась и, вероятно, факторы, учитывающие риск и неопределенность, станут неотъемлемым атрибутом этих моделей» [112].

Рациональный расчет всех последствий тех или иных политических решений невозможен в силу вероятностной природы функционирования сложных систем. К линейным системам применим принцип суперпозиции, позволяющий независимо рассматривать различные действующие факторы, части системы и т.п. События в нелинейных системах не являются независимыми. Политические риски связаны именно с сильной взаимозависимостью происходящих событий, Поэтому современным политикам приходится принимать в полном смысле слова исторические решения, которые могут изменить траекторию развития общества на длительную перспективу. На этом обстоятельстве особо заостряет внимание глава казахстанского государства Н.А. Назарбаев: «Управленческие решения на уровне государства должны отвечать следующим **требованиям:** Учет не только краткосрочных, но и долгосрочных результатов. Учет мультипликативного эффекта управленческого решения» [115].

Под управлением рисками подразумевается их идентификация, оценка их потенциальных угроз, планирование и принятие решений в рискованных ситуациях и наблюдение за результатами этих решений. Исключительно важными для Казахстана являются принятие концепции управления социально-политическими рисками, разработка и реализация схем совершенствования организационно-управленческих структур республики в направлении, отвечающем принципам и задачам политического риск-менеджмента.

Качество и действенность политического управления – ключевой фактор реализации разработанной Президентом РК стратегии социальной модернизации Казахстана. Институты современного казахстанского общества являются достаточно гибкими, сложно организованными системами, применение к управлению которыми жестких методов административного диктата неизбежно влечет за собой деструктивные социально-политические послед-

ствия. «**Наша цель – сформировать новый тип государственного управления.** Он должен отвечать новым задачам **служения обществу** и **укрепления государственности»** [115], – заявлено в Стратегии «Казахстан–2050». Идентификация рисков и меры по их минимизации с использованием современных технологий политического риск-менеджмента должны быть приоритетным направлением государственного управления. Основное внимание должно быть уделено разработке методов принятия решений в кризисных ситуациях и обучению руководителей навыкам и культуре антикризисного управления. Современные системы политического управления существуют как бы в режиме постоянных чрезвычайных ситуаций, что определяет и особые требования к этим системам. Н.А. Назарбаев, перечисляя меры по дальнейшему укреплению государственности и развитию казахстанской демократии, отмечает: «…государство должно эффективно предвосхищать кризисные ситуации и **противодействовать им.** Для этого нам нужно создать **многоуровневую систему антикризисного реагирования**» [115].

Таким образом, очевидной становится необходимость создания современной системы мониторинга и управления политическими рисками на основе развития информационно-аналитической системы, позволяющей отслеживать основные тенденции социальных трансформаций, осуществлять постоянный мониторинг источников социально-политических угроз и оперативно на них реагировать, проводя своевременную модификацию системы политического и административного управления. Особую роль в решении этой задачи играет теоретическая разработка и практическая реализация в государственно-управленческой деятельности информационно-коммуникативных технологий политического риск-менеджмента. В современную эпоху применение именно данного класса технологий управления политическими рисками становится ключевым элементом социального конструирования реальности.

На современном этапе отмечается растущий интерес философов, политологов, социальных психологов, правоведов, специалистов других социально-гуманитарных дисциплин к проблематике политических рисков в целом и, в особенности, к разработке моделей и подходов к применению информационно-коммуникативных технологий для управления политическими рисками. Публикуется большое количество философских, политологических, социологических, междисциплинарных работ по данной проблематике. В отечественных философских и социально-политических исследованиях проблематика сущности и практического использования современных информационно-коммуникативных технологий в политическом риск-менеджменте представлена крайне скудно.

Специалистами активно исследуются мировоззренческие, теоретико-методологические, прикладные аспекты информационных технологий политического риск-менеджмента, анализируется и обобщается опыт их практического применения. Вместе с тем, как справедливо отмечает Т.А. Петрова: «…динамика развития информационных технологий в современном обществе явно опережает возможности теоретической рефлексии относительно их места, роли и функций в процессе управления рисками» [116].

Изначально теория политического риска, возникшая на стыке политологии, экономики и наук об управлении, носила утилитарно-прикладной характер и была направлена на аналитическое обеспечение принятия инвестиционных решений, опирающееся на оценку и прогноз изменения степени стабильности политической среды зарубежных рынков. Узко коммерческая и преимущественно финансово-экономическая направленность теории сохраняется и по настоящее время («Под политическим риском в узком смысле слова понимается вероятность финансовых потерь для фирмы в результате воздействия неблагоприятных политических факторов в стране размещения инвестиций» [117]), однако параллельно ей сформировалось более глубокое понимание сути политического риска, связанное с возникновением новых парадигм осмысления современной социально-политической реальности.

Наиболее значительным результатом, определяющим стратегические цивилизационные тренды радикальных трансформаций социальной реальности в эпоху глобализации, стали не только и не столько огромные технические и геополитические изменения, сколько изменение системных свойств социального мира. С этими изменениями связаны как новые возможности и новые ресурсы развития, так и новые угрозы и вызовы, новые риски, требующие разработки новых концепций, методов и технологий риск-менеджмента:

- риски утрачивают избирательность, приобретая универсальность: возникли новые типы рисков, угрожающих не отдельной стране или социальной группе, но всем и каждому;
- риски становятся взаимосвязанными по типу цепной реакции: сбои в одной сфере ведут к дисфункциональным эффектам во множестве прочих, причем эти эффекты мультиплицируются, а деструктивные процессы развиваются по ризоморфным траекториям. У. Бек, характеризуя мегаугрозы, создающиеся современными глобальными процессами, отмечает, что само понятие «бедствие» утрачивает границы во времени и пространстве и тем самым теряет смысл. Оно становится событием, имеющим начало, но не имеющим конца, «непредсказуемым «вольным пиршеством» крадущихся, скачущих и накладывающихся друг на друга волн разрушения»;
- риски становятся многофакторными, что ведет к проблематичности самой возможности их эффективного мониторинга, предотвращения и минимизации ущерба. В традиционной теории надежности строилось так называемое «дерево отказов», учитывающее простейшие связи между элементами системы. Но для сложных систем характерно взаимное влияние различных элементов, в том числе находящихся на разных структурных уровнях системной организации. Учет и сведение в единую картину всех возможных связей между ними становится в принципе невозможным.

Процесс интенсификации и усложнения коммуникативно-информационных политических практик, венчурный по преимуществу характер современной политики остро ставит вопрос о необходимости углубленной разработки как фундаментальных научно-теоретических, так и прикладных аспектов применения информационно-коммуникативных технологий управления

политическими рисками. Что касается обществ, находящихся на стадии своей социально-политической модернизации, то в них нарастание политической венчурности становится важнейшей характеристикой политического процесса. В устойчивом, стабильно развивающемся обществе преобладают процессы, репродуцирующие социальный порядок. Механизмом этой репродукции являются отрицательные обратные связи. В состояниях же неустойчивого равновесия на первый план выходит положительная обратная связь с ее способностью вызывать резонансные эффекты, стимулировать флуктуации. «Реакция социума на социальные отклонения, которые в стабильный период имели для него второстепенное значение, в неустойчивой ситуации необычайно усиливается. В этот момент на первый план выходят нелинейные связи и отношения, которые могут резко увеличить роль случайности, особенно в поле политики» [118].

В области управления рисками существует большой класс задач *многокритериальной оптимизации,* когда нельзя определить оптимальный вариант решения, но лишь представить ряд возможностей выбора, для которых понадобятся политические решения, и ряд возможных новых рисков. Для минимизации рисков необходимо иметь несколько сценариев возможного развития событий, использовать тот или иной из них в зависимости от развития ситуации. Г.Г. Почепцов отмечает: «Большинство современных рисков не могут нами контролироваться. Сценарии позволяют осуществлять движения в будущем, используясь как определенная карта будущего» [119, с. 248], позволяющая подготовиться к разного рода экстремальным поворотам событий. Разрабатываемые в рамках политического риск-менеджмента методы анализа будущего направлены не на его предсказание, а на подготовку лиц и институтов, принимающих решения, к различным его вариантам.

Не существует формулы гарантированного успеха в управлении политическими рисками. На стратегическом уровне следование любому историческому образцу, абстрактной модели или стереотипу управления рисками само по себе уже представляет собой величайшую опасность, является неоправданным и недопустимым риском. Вместе с тем в создании отечественной системы политического риск-менеджмента следует учесть все многообразие политической культуры и политических технологий управления рисками, на деле доказавших свою эффективность.

Без овладения систематикой стратегического мышления невозможно адекватно функционировать в современном мире. Стратегия есть структурирование, или форматирование будущего в реальном (событийный анализ) и виртуальном (фреймовый анализ) пространстве. Событийный анализ состоит в выстраивании цепочки событий, ведущей к конкретно заданной цели. Фреймовый анализ заключается в изменении модели мира, структурированных в общественном мнении «картинок ситуации», выступающих в роли фильтров, отсеивающих информацию. Таким образом, можно сказать, что стратегия эксплуатирует потенциал будущего в настоящем.

Стратегия управления политическими рисками может быть преимущественно направлена на трансформацию либо политического, либо соци-

ального пространства, субъекта либо объекта политических действий, но в любом случае стратегия должна быть максимально системна. Для выстраивания стратегических целей и приоритетов и нахождения инструментария и ресурсов их достижения в стратегическом планировании необходима адекватная оценка рисков. Стратегия в обязательном порядке определяет политические риски и угрозы, поскольку строится для принципиально агрессивной среды, включающей в себя оппонентов и противодействующие силы.

Стратегический анализ не должен концентрироваться на сценариях, создаваемых под заранее определенные угрозы. Смена угрозы ведет к краху всего сценария, фиксированного на конкретной угрозе. Главным объектом стратегии является неопределенность. Именно в неопределенности, слабой предсказуемости угроз содержатся главные препятствия и источники ошибок. Уровень неопределенности современного мира *как необходимый элемент его порядка* возрастает. Проигрывание в моделях всей возможной вариативности на множестве уровней является более слабым требованием, чем требование предсказуемости. При этом анализ позволяет отбирать варианты, которые оказываются действенными во множестве сценариев, для разных условий и возможных констелляций событий.

В литературе, посвященной проблемам глобального социально-политического прогнозирования, предложен целый ряд сценариев развития процессов глобализации – от радужно оптимистических до мрачно-пессимистических. Разработаны также многие методические аспекты политического прогнозирования, в том числе и оценки возможных рисков и угроз. Если оперативная прогностическая аналитика глобальной динамики может базироваться на модели линейной эволюции и процедурах экстраполяции, то разработка сценариев на более длительную временную перспективу должна быть ориентирована на построение моделей качественно иного будущего, качественно иной системы глобальной взаимозависимости, альтернативной существующей ныне*. Методологической основой построения таких моделей должны стать концепции нелинейной динамики и другие научные теории, задающие новую, постклассическую научную картину мира, в которой категории классического детерминизма теснятся понятиями нелинейности, неопределенности, бифуркации, стохастичности и т.д.

> Суть бифуркации иллюстрирует ситуация витязя на распутье, который стоит перед камнем с надписью «Направо пойти – женатому быть, налево пойти – коня потерять, прямо пойти – буйну голову сложить». В каком-то месте пути

* А.С. Панарин утверждает, что будущее как линейное продолжение настоящего через количественное наращивание сложившихся параметров и тенденций развития уже невозможно, по меньшей мере, по трем основаниям:

- достижение экологических «пределов роста», что требует смены техногенной парадигмы развития цивилизации и форм ее отношения с природой;
- деградация нравственных оснований социальной онтологии, что требует смены социокультурной парадигмы процессов глобализации;
- достижение критического уровня поляризации между центром и периферией глобального мира, что требует смены геополитической парадигмы [238, с. 6–7].

попадается развилка, где нужно принимать решения. Это место становится точкой ветвления траектории, или бифуркации, ведущей витязя к совершенно разным приключениям, к совершенно разным рискам. Это и называется бифуркационной диаграммой.

Представим схему рисков ситуации «витязя на распутье» в форме нелинейной диаграммы – рисунок 14:

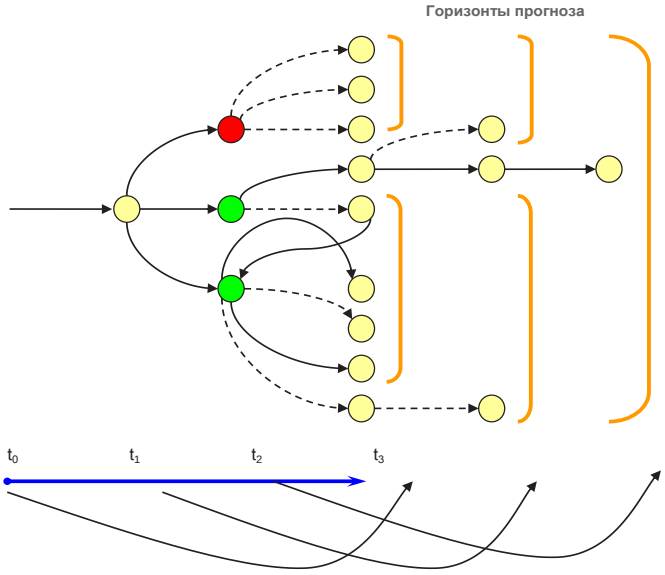


Рисунок 14. **Фазовые переходы и горизонты прогноза в сценариях политических рисков**

Пункту t_1 бифуркационной траектории соответствует первый фазовый переход – ситуация «витязя на распутье», который в своем странствовании (линейное развитие событий в интервале t_0–t_1) оказался на развилке с тремя вариантами пути: левым, средним и правым. Сплошными и пунктирными линиями на схеме обозначены наиболее вероятные сценарии соответственно устойчивого и неустойчивого развития, выигрышных и проигрышных тактик. Из схемы (разумеется, в нашем примере сугубо условной, произвольной, не связанной с дальнейшим развитием сказочного сюжета, к которому мы обратились для моделирования исходной ситуации) следует, что выбор левого пути сулит «сплошные неприятности» в точке второго фазового перехода. Поэтому подобный выбор становится неоправданным риском, в отличие от двух оставшихся вариантов, также включающих в себя элементы риска. Правый путь оставляет наиболее широкий спектр выбора. При выборе среднего пути открывается возможность через выбор на втором шаге рискованного варианта вернуться к правому пути, проиграв во времени. То есть этот выбор не ведет к необратимым изменениям в интервале t_2–t_3, дает возможность «подстраховаться».

Отодвигающаяся линия горизонта прогноза связана с окрестностями точек бифуркации. В виде разрывов линий горизонта прогноза схематически изображена возможность среднесрочных и долгосрочных прогнозов последствий некоторых возможных решений. Из схемы можно сделать вывод, что вариантов, исключающих риски, в моделируемой ситуации не существует. Вместе с тем определяется: 1) стратегия, связанная с наименьшими рисками; 2) стратегия, почти гарантированно ведущая к проигрышу; 3) стратегия, связанная с наиболее широким спектром дальнейших вариантов действий.

С помощью продемонстрированной методики можно строить «дерево рисков» для различного рода решений: технологических, экономических, политических. При возможности каждая из ветвей этого дерева может изображаться в виде линий различной толщины в соответствии с «весом» рисков – количественной и качественной оценкой возможных потерь и приобретений. Такие модели могут быть легко проанализированы и дать понимание и упрощенное описание конкретных элементарных ситуаций, требующих политического выбора и принятия решений с учетом прогнозирования рисков.

В глобальном политическом прогнозировании исходной задачей является отбор важных, преобладающих тенденций, реально значимых факторов, определяющих будущее, и отсев заведомой апологетики, пропаганды, информационного «шума». Основываясь на анализе ряда литературных источников, можно выделить следующие мегатренды – т.е. в достаточной степени проявившиеся глобальные тенденции развития современного мира, наиболее мощные силы его изменений, основные векторы трансформации и т.д. – как согласующиеся друг с другом, так и противоположно направленные:

1. Беспрецедентный рост экономического, научно-технологического, военного могущества США, создающий однополярную геополитическую структуру мира и диктующий новые правила межгосударственных отношений*
2. Бурный экономический рост индустриального треугольника мира – Северной Америки, Западной Европы и Восточной Азии; поляризация глобального экономического пространства по оси Центр – Периферия
3. Ослабление и ограничение роли национальных государств, утрата ими ряда важнейших функций в рамках нового мирового порядка; рост мощи и влияния транснациональных корпораций, преодолевающих границы национальных государств, культур, цивилизаций
4. Интернационализация как финансово-экономического рынка, потоков товаров, капиталов, рабочей силы, так и угроз техногенных катастроф, террористических акций, военных и политических конфликтов и противостояний

* При фактическом положении США как державы-гегемона нового мирового порядка этот статус не легитимен. Отсюда логически последовательным выглядит провокативное предложение гипергло-балистов: предоставить гражданам всех стран мира право участвовать в выборах президента США.

5 Процессы гомогенизации глобальной культуры на основе штампов и стереотипов массовой культуры и противоположно направленные процессы возврата к традиционным этнокультурным и конфессиональным формам коллективной идентичности

6 Научно-технологический прогресс и трансформация под его влиянием практически всех сфер человеческого существования и самой социальной онтологии (информационно-коммуникативная революция, формирование сетевого общества, изменение характера труда, новый тип социальной стратификации и т.д.)

На основе выделенных направлений глобальных преобразований можно построить модель возможных угроз, которые таят в себе процессы глобализации для основных уровней организации и жизнедеятельности казахстанского общества. Все указанные тенденции, как изображено на *Рисунке 3*, связаны сетью многообразных причинно-следственных и функциональных взаимозависимостей, что следует учитывать при построении системы возможных угроз при анализе какого-либо из мегатрендов или их системы в целом. Наконец, на основе построенной модели проводится разработка сценариев развития, сопутствующих им политических рисков и форм минимизации негативных последствий этих рисков при выборе той или иной политической стратегии, принятия того или иного политического курса.

Поскольку поведение нелинейных систем в силу синергетических эффектов нельзя понять в терминах поведения составляющих их элементов, то неопределенность ситуации – это не аномалия, а норма, с которой сталкивается и на которой должно быть основано политическое управление. Поэтому в разработке новых подходов к сфере политического управления необходимо руководствоваться следующим основоположением:

Принципы политического риск-менеджмента должны прилагаться не только к конкретным ситуациям разработки и принятия тех или иных политических решений, идентифицируемых как связанные с рисками, но и к системе политического управления в целом.

Особое место в политическом риск-менеджменте занимает прогнозирование внешнеполитических рисков и угроз, разработка моделей и технологий противостояния им. В частности, технологий противостояния экспорту «цветных революций».

В 2010 г., в политологии появился новый термин – *эверсор,* образованный от лат. eversor – разрушитель, eversio – политический переворот. Эверсор – это специалист по политическим переворотам (тем же «цветным революциям»), а эверсионные политические технологии – это деятельность политтехнологов, направленная на дестабилизацию политической ситуации и смену существующего политического режима.

Мозговыми центрами разработки эверсионных политтехнологий являются RAND Corporation, Вашингтонский Международный Центр Ненасильственных Конфликтов, Национальный фонд в поддержку демократии, Институт Альберта Эйнштейна (его научным руководителем является известный американский политолог Дж. Шарп, автор ставшего классическим труда, посвященного систематическому изложению технологий и сценариев «ненасильственных действий» как пути перехода «от диктатуры к демократии»), и целый ряд аналогичных «фабрик мысли»* (Think Tanks).

С.А. Белковский обозначил десять факторов политтехнологий цветных революций: 1) внешнее давление; 2) делегитимизация политического режима; 3) паралич вертикальной социальной мобильности; 4) острые противоречия внутри властной элиты; 5) отсутствие проекта будущего; 6) влиятельные оппозиционные силы; 7) неспособность власти эффективно воспользоваться правом легитимного применения силы; 8) регионально-этнические и конфессиональные противоречия; 9) личная уния бюрократов и политиков в правящем классе; 10) стандартный повод для революции – фальсификация выборов [120].

В.П. Пугачев выделяет следующий технологический алгоритм «цветных революций»: 1) выявляется потенциал протестных групп; 2) определяются оппозиционные силы, способные стать двигателем революции; 3) в военизированных лагерях с помощью специальных тренингов готовятся ударные силы революции (боевики); 4) выстраивается цепочка практических целей; 5) обеспечивается преимущество политической оппозиции в электронных СМИ; 6) используются массовые зрелищные мероприятия для активизации протестных настроений; 7) общество приводится в состояние анархии; 8) управление революцией осуществляется специалистами; 8) после захвата власти начинаются негласные чистки в госаппарате [121, с. 93].

По характеристике С. Маркова, цветная революция – это новый тип политических технологий по смене политической власти [122]. Очевидно, что одной из важнейших задач политического риск-менеджмента является разработка информационно-коммуникативных контртехнологий, способных эффективно противостоять сценариям и технологиям подготовки «цветных революций».

6.2 Задачи и сфера применения технологий социальной инженерии в политическом риск-менеджменте

Понятие «политический менеджмент» часто используется как синоним понятия «политическое управление». Вместе с тем в современной теории государственного управления политический менеджмент рассматривается как особый тип или вид социальной инженерии. В литературе выделяется три основных вида субъект-объектных отношений в сфере политического управления:

* Согласно официальным отчетам Института Альберта Эйнштейна, только за 2000–2004 гг. для получения рекомендаций сюда обращались группы лиц из Азербайджана, Албании, Анголы, Афгани-стана, Белоруссии, Боливии, Венесуэлы, Вьетнама, Гаити, Грузии, Зимбабве, Ирака, Ирана, Кении, Кипра, Китая, Кубы, Молдавии, Сербии, Украины и ряда других стран [121, с. 95].

А) Управленческие отношения, возникающие между государственными должностными лицами и государственными органами как субъектом политического управления, и населением или отдельными его группами как его объектом. Этот вид управления обычно называют государственным или государственно-административным управлением, осуществляющимся посредством нормативного регулирования (принятия законов, указов, распоряжений, санкций и т.д.). Главной особенностью государственного управления является опора на право «легитимного насилия» (М. Вебер) и соответствующие властные полномочия и статусные ресурсы.

Б) Управленческие отношения, складывающиеся внутри государственных учреждений и политических организаций. Субъект-объектные отношения в этом виде управления определяются делением на руководство и подчиненных.

Обращаясь к отечественным реалиям необходимо отметить, что в Казахстане сложилось несоответствие между инертным и бюрократизированным функционированием государственных институтов и потребностями государственного регулирования многообразных социальных процессов. Назрела необходимость в такой регламентации государственной службы, которая, не отменяя бюрократические механизмы аппаратной работы, создала бы стимулы для их подчинения интересам государства и граждан.

С 2008 г. по инициативе Президента и по разработанной им программе начались серьезные структурные и институциональные преобразования политической и административно-управленческой системы страны. 17 июня 2008 г. на международной конференции по вопросам государственной службы Глава государства обозначил основные принципы предложенной им концепции и новой модели государственной службы Казахстана [123]. В Стратегии «Казахстан–2050» внедрение этой модели обозначено в качестве стратегической задачи административно-управленческой реформы. Однако до сего времени в Казахстане во многом сохраняется номенклатурный принцип формирования политической элиты. Отсутствует конкурентная среда для публичного соревнования партийно-политических программ и выдвигающих их лидеров. Достижение весомого политического статуса происходит, как правило, не посредством активной публичной деятельности, но на основе номенклатурных механизмов, комплекса формальных и неформальных связей, негласно установленных политическим истеблишментом правил. При этом рекрутирование номенклатурного слоя и продвижение по иерархическим ступеням властной пирамиды по большей мере зависят не от профессиональных и деловых качеств, но от личных предпочтений того или иного влиятельного должностного лица – по сути дела от того, увидит ли это должностное лицо в новой кандидатуре возможность ее использования в качестве одного из новых членов эшелона поддержки.

Патронажно-клиентистские отношения и клановый характер модели формирования и консолидации «политического класса» определяют закрытость для посторонних, непубличный характер реальной политики. Номенклатурный принцип подбора и расстановки кадров, разъедающее

действие неформальных сетей, сохранение патронажно-клиентистских отношений ставят барьеры, зачастую непреодолимые, для прихода во власть лидеров нового типа, способных эффективно решать сложнейшие задачи политического риск-менеджмента в условиях динамичного, во многом непредсказуемого развития общества.

В) «Управленческие отношения, где субъект (политическая организация, группа давления, государственный деятель) не может опереться на право «легитимного насилия» и на свои статусные ресурсы для достижения политических целей, не может принять закон или иное распоряжение, обретающее обязательный характер, а поэтому вынужден прибегать к иным формам и методам воздействия на предполагаемый объект управления» [124].

К этому виду управленческих отношений и применяется понятие «политический менеджмент» в его специфицированном, терминологически строго определенном значении. Очевидно, что роль административного ресурса и властных полномочий на легитимное насилие, на государственное принуждение к следованию определенным правовым нормам в политическом менеджменте играют коммуникативная и информационная компетентность.

В последнее время во многих странах наметился отход от традиционной, административно-бюрократической модели политического управления. Происходит развитие организационных структур на основе горизонтальных связей и сетей, широкого использования современных информационных технологий. Грань между субъектами (органами государственного управления) и объектами (социальными слоями, группами, организациями, отдельными гражданами) государственной политики становится подвижной и функциональной. Новая, «постбюрократическая» модель управления получила название «Новое государственное управление» (New public management). Идеи нового государственного управления как реакции на новые ценности, потребности и вызовы современности широко используются правительствами различных стран при осуществлении административных реформ, обновлении всей системы государственного устройства и модернизации институтов политической власти.

Идеология нового государственного менеджмента, основоположниками которого являются Д. Осборн и Т. Геблер, базируется на использовании рыночных механизмов и принципов бизнес-менеджмента в политическом управлении. Отказ от монополии государства на статус субъекта политического управления, внедрение принципа конкуренции и рыночных механизмов объективно требуют использования в конкурентной среде политической деятельности приемов и технологий риск-менеджмента.

В рамках политического менеджмента и с помощью применения соответствующих политических технологий решаются следующие управленческие задачи, неразрешимые силовыми, административно-принудительными методами:

1) Укрепление авторитета государственного или политического деятеля, партии, движения, общественной организации через создание благоприятной информационно-коммуникативной среды и социально-психологического климата в отношениях между ними и общественностью, налаживание взаимоуважительного и конструктивного диалога с социальным окружением *(политический PR)*.

2) Создание благоприятного имиджа отдельных политических деятелей, институтов, организаций *(политический имиджмейкинг)*.

3) Расширение числа сторонников той или иной государственно-политической программы, стратегии, политического проекта.

4) Формирование электоральных предпочтений населения *(электоральный менеджмент).*

5) Создание политических альянсов, блоков, союзов.

6) Улаживание конфликтных, кризисных и просто нестандартных ситуаций; устранение взаимного недопонимания, урегулирование отношений с политическими оппонентами.

7) Улаживание конфликтных, кризисных и просто нестандартных ситуаций; устранение взаимного недопонимания, урегулирование отношений с политическими оппонентами.

8) Политическая мобилизация населения (в первую очередь с помощью приемов и технологий *политического брендинга* – внесения в массовое сознание узнаваемых символов, значений, образов, способных в соответствии с целями и интересами субъекта политического управления сплачивать, консолидировать определенные социальные группы или общество в целом).

Политический менеджмент имеет в своем арсенале особые технологии, методы, приемы решения управленческих задач. Специфика технологий политического менеджмента определена той его особенностью, что они исключают применение любых форм легитимного насилия, принуждения, применения санкций. Политические технологии воздействуют на мотивацию социального поведения людей, на сферу их сознания (и подсознания) посредством внесения в массовое сознание определенных установок, представлений, ценностей, убеждений. Тем самым инициируются изменения в *политической картине мира* населения страны, запускается процесс трансформации ее мировоззренческо-идеологических, аксиологических (ценностно-нормативных), онтологически-смысловых, социально-психологических, координат. Эта особенность политических технологий, направленных не на *принуждение*, но на *побуждение* людей к политическому действию, определяет и специфику их применения в сфере политического риск-менеджмента. Дело в том, что понятие риска связано не только с объективной неопределенностью ситуации принятия решений, но и с парадоксальным характером психологических алгоритмов, управляющих сферой вынесения субъективных суждений и оценок риска. Как правило, человек принимает решения, исходя не столько из реальных вероятностей, возможных вариантов событий, объективных характеристик рисков и угроз, сколько из своих представлений о них.

В теории управления выделяются две основных концепции или два основных подхода к пониманию процесса выработки и принятия управленческих решений:

1) Нормативная теория трактует принятие политического решения как процесс рационального выбора политических целей. В данной парадигме основное внимание уделяется исследованиям роли институтов и органов управления, регламента и процедур принятия политических решений.

2) Поведенческая теория рассматривает выработку политических решений как взаимодействие людей, ориентированных на различные, в том числе конкурирующие и альтернативные политические ценности, предпочтения, интересы, результат которого трудно предопределить.

Эта модель политического управления поощряет рефлексию, помогает понять гражданам свои легитимные интересы, способствует развитию политической компетенции. Власть усиливается по мере увеличения степени свободы обоих контрагентов властных отношений – управляющих и управляемых, и по мере увеличения вариативности актуализируемых управленческими решениями системных состояний. Н.А. Назарбаев в Стратегии «Казахстан–2050» подчеркивает: «Общество и граждане должны быть непосредственно вовлечены в процесс принятия государственных решений и их реализацию» [115]. Такое понимание направления желаемого развития политического процесса и соответствующий ему сдвиг управленческой практики к процедурам делиберативной модели политического диалога отвечает идее демократии как ассоциации свободных и равных граждан, которые сообща вырабатывают нормы и правила совместного проживания. Политическое управление в этом случае имеет своей главной задачей согласование интересов и потребностей различных социальных классов и групп, арбитраж между различными слоями общества, проведение в жизнь воли не правящей элиты, а интегрированной («общей» в смысле Ж.-Ж. Руссо) воли, защиту общенациональных, а не сословно-корпоративных интересов и т.д. Ключевое значение для общенациональной консолидации приобретает нахождение эффективно действующего механизма гармонизации связей между различными структурами и уровнями социума в информационно-коммуникативном взаимодействии.

Делиберативная демократия основывается на политическом самоопределении граждан, а не их представителей. С этим обстоятельством связаны и особенности информационно-коммуникативных политических технологий, свойственных этому типу демократии. Технически процедуры общественного обсуждения организуются не на основе парламентаризма с его принципом представительства интересов, а посредством СМИ в структурах общенационального диалога, в котором на равных правах участвуют институты государственно-политической и местной власти и индивидуальные и коллективные субъекты гражданского общества – социальные группы, ассоциации, организации, институты самоуправления и т.д. Управленческие технологии строятся на основе не субъект-объектного отношения *господства–подчинения,* а на основе конструктивного сотрудничества и инфор-

мационно-коммуникативного взаимодействия всех участников властных отношений как их полноправных субъектов.

В условиях такого рода трансформации властных институтов качественно изменяется роль и неизмеримо повышается значение новых информационно-коммуникативных технологий. Оценка политического риска, возникающего в современном обществе, есть функция многих переменных, в том числе связанных с особенностями группового, коллективного субъекта политических решений. Интерактивными информационными потоками, формирующимися в дигитальных социальных сетях, создаются множественные локальные каналы политических коммуникаций, в том числе протекающих вне рамок традиционных политических институтов. Соответственно происходит ослабление роли и снижение влияния традиционных иерархических структур власти и выстроенных на их основе систем и механизмов политического управления. Как закономерное следствие переформатирования информационно-коммуникативного поля политики происходит его фрагментация и дестабилизация, возрастают угрозы рассогласования действий государства и его контрагентов, резкого снижения эффективности политических воздействий властных институтов, возникают новые типы или новое поколение политических рисков. «В результате в поле политики увеличивается общий уровень политических рисков, превращая венчурность в атрибутивную характеристику современной политики» [116].

Вместе с тем современные технологии обработки, накопления и передачи информации, новые принципы и технологии организации политической коммуникации открывают и новые возможности применения технологических инноваций к управлению политическими рисками. Общество риска – указывает У. Бек, – это «общество *науки, коммуникативных и информационных средств*» [2, с. 56]. Общественное признание модернизационных рисков и связанных с ними социальных последствий влечет за собой беспримерную политическую динамику, в том числе связанную с перераспределением политической власти, полномочий, ответственности и управленческих компетенций, со смещением границ политического и неполитического, с диверсификацией технологий политического управления и актуализацией их креативного потенциала.

6.3 Принципы организации системы мониторинга и управления политическими рисками

Любое управленческое решение в сфере политики должно располагать необходимым запасом устойчивости и гибкости по отношению к основным рискам и вариантам возможных ошибок. В зависимости от изменения социальной, экономической, политической ситуации в стране те или иные политические риски выдвигаются на авансцену политической жизни или отходят на второй план. Происходит постоянная смена приоритетов и целей, изменение политической повестки дня, что актуализирует задачу использования информационных технологий управления политическими рисками.

Информационно-технологическому обеспечению подлежат все функции управления политическими рисками – диагностика и идентификация рисков, их анализ и оценка; разработка программ и планов, выбор курса, приоритетов, задач, целей, процедур риск-менеджмента; оценка альтернатив, разработка механизма консультаций и согласований – и все стадии управленческого цикла – подготовка, выработка, принятие, реализация, контроль исполнения политического решения.

Принятие решений выступает базовым политическим процессом, который характеризует всю систему власти в целом как систему управления. Оценка риска принимаемых политических решений должна базироваться на весьма высоком уровне знаний об изучаемых объектах, технологиях, решениях. «Решения по социальным вопросам должны быть просчитаны, научно обоснованы, приниматься заблаговременно, то есть до их перехода в плоскость социальных проблем и конфликтов» [113], – отмечает Глава государства Нурсултан Назарбаев.

Назначение мониторинга социально-политических рисков – диагностика периодов неустойчивого функционирования социально-политической системы, выяснение возможных причин, форм и сценариев развития этой неустойчивости, а также направлений борьбы с ними. Для решения этих проблем необходимы: комплекс статистических данных, отражающих основные аспекты функционирования общественной системы; методы формального определения и ранжирования кризисных ситуаций; методы диагностики приближения кризисных ситуаций; выяснение причин и триггер-факторов (спусковых механизмов) возможной кризисной ситуации; математические и иные модели оценки рисков; построение целевых функций и стратегий принятия решений. Прогноз критических изменений в больших нелинейных системах может быть основан на том, что неустойчивость на определенном масштабном уровне предвещается аномалиями поведения системы на более мелких масштабах. Одной из составляющих сети мониторинга является формальный анализ аномалий 10–15 индикаторов (отклонения поведения системы от тренда, кластеризация актов нестабильности и т.д.), описывающих основные параметры порядка общественной системы.

В идеале для принятия и выполнения оптимального управленческого решения должны быть реализованы следующие условия и предпосылки [40, с. 32]:

– государство способно правильно определить основные общественные *проблемы*, причины и факторы их возникновения, определить меру необходимости их решения политическими средствами;

– все социальные *ценности* и общественные *интересы* различных слоев и групп населения можно выявить и оценить на основе полной и объективной информации;

– можно определить все *альтернативные варианты* решения, а также провести их количественную оценку и анализ;

– государство способно оценить все краткосрочные и долгосрочные *последствия* альтернативных вариантов политических решений для отдельных социальных групп и общества в целом;

– субъекты политического решения способны определить все социальные, экономические и политические *выгоды, издержки и риски* по каждой альтернативе;

– политики в состоянии выбрать *оптимальную альтернативу* и обеспечить получение максимальных выгод при минимальных издержках.

Понятно, что в реальной практике обеспечить все перечисленные условия – и тем самым исключить риск из управленческой практики – практически невозможно. Риск – неотъемлемый элемент принятия политического решения. Информационные технологии политического менеджмента имеют целью не избавление от риска посредством ликвидации неопределенности всех параметров принятия политического решения, но максимально возможное приближение к идеально-нормативным требованиям рационализации всех основных компонентов и функций системы политического управления.

Система мониторинга и оценки политических рисков должна отвечать ряду **критериев:**

- Она должна быть **распределенной** – т.е. структуры, реагирующие на угрозы, должны быть локализованы как можно ближе к источнику потенциальных опасностей.
- **Критическими параметрами** для этой системы является, *во-первых,* время реагирования, или быстрота отклика на возникающие политические риски, и, *во-вторых,* правильность оценки этих рисков.
- Хорошо организованная система управления политическими рисками должна иметь **чувствительную систему их распознавания,** действующую по слабым сигналам и способную оценить опасность как можно раньше.
- Должна быть создана **система прогнозирования** возможных новых политических рисков, причин и механизмов их возникновения, а также способов реагирования на них.

Организация мониторинга, прогноза динамики развития, стратегического планирования и проектирования социально-политических процессов должны опираться на показания *барометра социально-политических рисков и угроз* на развитие *социологии превенции и быстрого реагирования на политические риски.* Назначение мониторинга социально-политических рисков – диагностика периодов неустойчивого функционирования социально-политической системы, выяснение возможных причин, форм и сценариев развития этой неустойчивости, а также направлений борьбы с ними. Для выявления и ранжирования кризисных ситуаций социально-политического развития составляется по возможности широкий список (сетка) событий, «подозреваемых» как симптомы или предвестники кризисных и нестабиль-

ных ситуаций*, после чего работа с соответствующими экспертами сочетается со сканированием временны*х* рядов изменений индикаторов различными статистическими методами с целью поиска моментов изменения поведения системы.

Первым этапом создания системы мониторинга политических рисков является построение **стратегической системы раннего предупреждения**, состоящее из следующих шагов:

- **Определение зон высокого риска.** Задача этой стадии заключается в нахождении сегментов, где общество входит в зоны низких, средних и высоких рисков, основываясь на вероятности развития событий по наихудшему сценарию.
- **Построение индикаторов.** Области высокого риска окружаются серией индикаторов, позволяющих диагностировать потенциальные угрозы и кризисные ситуации на наименьших временны*х* интервалах.
- **Мониторинг индикаторов.** Определяются источники, по которым можно отслеживать отобранные индикаторы.
- **Сообщение предупреждений.** Предупреждение должно возникать, когда индикатор пересекает заранее заданную черту (предельно допустимое значение).

Мониторинг включает в себя *активный сбор* данных о характере социальных процессов, *аналитическую обработку* полученных данных, *установление причин и тенденций позитивных и негативных изменений* (если они будут обнаружены), *подготовку рекомендаций* по осуществлению системных или локальных воздействий на ситуацию. Система мониторинга политических рисков должна быть неотъемлемой составной частью (подсистемой) информационно-коммуникативной системы принятия политических решений. Она должна быть задействована на всех этапах информационно-управленческого цикла, на каждом из которых ставятся и решаются специфические задачи и применяются соответствующие информационно-коммуникативные технологии политического риск-менеджмента.

Технологии в обязательном порядке должны включать в себя принципиальную схему или алгоритм их использования. Такого рода общая схема применительно к использованию информационных технологий управления рисками в системе выработки и принятия политических решений представлена на рисунке 15.

* Так, например, реализуемый на протяжении ряда последних лет Институтом философии и поли-тологии КН МОН РК научно-исследовательский проект «Мониторинг межэтнических отношений и религиозной ситуации в Республике Казахстан» выделяет следующие факторы, которые могут вызвать рост межэтнической напряженности: языковые проблемы; национализм в социальных сетях; ономастические проблемы; кадровая политика в регионах; рост бытовой преступности в регионах; трудовые конфликты.

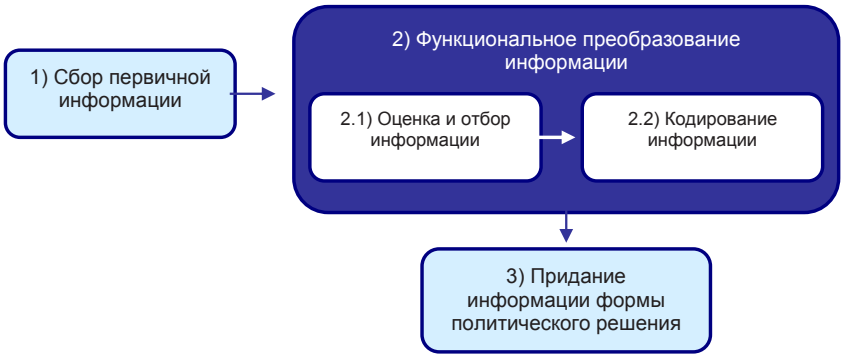


Рисунок 15. **Принципиальная схема использования информационных технологий управления рисками**

Кратко охарактеризуем некоторые особенности каждого из выделенных этапов или сегментов информационно-коммуникативной системы политического риск-менеджмента.

1) На начальном этапе сбора первичной информации необходимо определить ее оптимальный объем, необходимый и достаточный для принятия взвешенного политического решения, а также определиться с методикой и технологией сбора первичных социологических данных. Политические субъекты, и прежде всего государство, должны избегать такой централизации сбора информации, которая ограничила бы источники сбора сведений или при которой недостаточность или избыточность* информации снизила бы ее достоверность. Информационный плюрализм позволяет органам управления: *во-первых,* рассматривать ситуацию под разными углами зрения, получая, таким образом, возможность разработки неординарных подходов к выработке политического решения; *во-вторых,* противостоять дезинформации, отсекая фальсифицированные данные, тенденциозные суждения и оценки.

* Бытует мнение, что при интерпретации и построении теоретической модели сложного социально-исторического явления «всё существенно». Поэтому целью первичного сбора социальной информации должно быть «максимальное насыщение управленческой системы сведениями «про запас» (А.И. Соловьев). Однако для большого класса систем, имеющих бесконечно много степеней свободы, нелинейной динамикой доказано существование конечного набора параметров порядка, определяющих поведение изучаемых объектов на больших характерных временах. Поэтому при сборе информации выходит на первый план не ее объем, а упорядочение информации, выделение в ней «параметров порядка», анализ вопросов, которые можно задать, располагая этой информацией.

Следует в этой связи отметить, что в области социально-политического анализа до сих пор остается теоретически не проработанной проблема основания и критериев выбора действительно ключевых индикаторов и параметров, по которым можно судить о достижении социумом порога повышенной неустойчивости. Как правило, этот выбор делается на основании общих соображений и интуитивной очевидности, что становится само по себе фактором увеличения риска.

2.1) Задачей информационных технологий на этапе оценки и отбора информации является упорядочивание, повышение достоверности и снижение неопределенности полученных данных. При использовании информационных технологий в процедурах оценки и отбора первичной социологической информации встает следующая специфическая проблема: критерии такой оценки определяются не только общегосударственными задачами и интересами, но и неформальными пристрастиями лиц, разнообразных политических лобби и групп давления, участвующих в процессе принятия решений. «Таким образом, информационные технологии формируются в зоне противоречий между потребностью в повышении достоверности информации и нарастанием факторов ее субъективного прочтения. В этом смысле их коммуникационные аспекты начинают как бы доминировать над информационными» [125].

2.2) На данном этапе использование информационных технологий имеет целью придать информации форму, отвечающую профилю, задачам, компетенции, полномочиям деятельности различных ведомств государственного управления. Иными словами, здесь применяются различные системы формализации информации, организационного упорядочивания, селекции, специализации, классификации и кодирования служебной информации. При решении этих задач должны учитываться особенности взаимодействий конкретных структур, субъектов и носителей функций политического управления: различные аспекты статусных отношений начальников-подчиненных, взаимодействие формальных и неформальных отношений служащих, особенности процедур и регламентов согласования и т.д. «Применение информационных технологий на этом этапе прежде всего ставит собственно коммуникативные проблемы. Например, насколько адекватно субъект трактует служебную информацию; как без смысловых потерь передать сведения с верхнего уровня управления на нижний или в противоположном направлении» [125] и прочие проблемы, связанные с устранением информационных шумов и искажений информации.

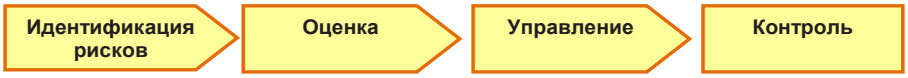
3) На этом этапе задачами информационных технологий становится а) перевод информации из аналитически-дескриптивной в директивную модальность; в) адаптация политического решения к системе массовых обратных связей, складывающихся в информационно-коммуникативном пространстве взаимодействия управленческих структур государства и институтов гражданского общества.

Стратегию и тактику политического риск-менеджмента, нацеленного на преодоление рисков, связанных с продвижением и реализацией принятого политического решения, должны определять следующие установки:

- инициация массовой поддержки населением поставленных государством целей и мобилизация широких социальных слоев на их реализацию (стратегия «побуждения»);
- информирование общества о собственной позиции, принятом по тому или иному вопросу решении, но без активизации усилий по его выполнению (стратегия «поддержания коммуникации с общественностью»);

- распространение указаний подчиненным низовым структурам и органам управления для реализации решений, имеющих служебный характер («ролевая» стратегия);
- контроль над реализацией принятых и уже осуществляемых решений (стратегия «контроля»);
- координация активности государственных, политических и общественных организаций и объединений при обсуждении тех или иных социальных проблем (стратегия «поддержания баланса сил»);
- создание положительного имиджа политического режима и типа правления и, соответственно, критика оппозиции (стратегия «конструирования имиджа»);
- отвлечение общественного мнения от обсуждения невыгодных режиму социальных проблем («отвлекающая стратегия») [125].

В современном мире в условиях нарастания неопределенности, роста политической и экономической неустойчивости социальных систем от политиков требуется владение теорией и практическими навыками риск-менеджмента, включающего 4 основных блока:



Можно также выделить 4 основные стадии управления рисками:

Совершенствование системы управления является главным ресурсом, который должен быть востребован при изменении алгоритмов развития цивилизации. В области управления рисками существует большой класс задач многокритериальной оптимизации. Большинство из них таково, что нельзя определить оптимальный вариант решения, но лишь представить ряд воз-

можностей выбора, для которых понадобятся политические решения, и ряд возможных новых рисков. Нелинейность имеет следствием несоответствие, непропорциональность «входа» и «выхода» системы, когда малые воздействия могут иметь серьезные следствия, и наоборот. Поэтому не существует формулы гарантированного успеха в управлении политическими рисками.

Резкое ускорение всех процессов, как характерная черта современного этапа развития, привело к тому, что система управления стала запаздывать со своими возможностями по управлению рисками. Наиболее распространенными видами сбоев системы управления являются следующие:

- ✓ система управления не успевает принимать решения, поскольку события развиваются быстрее ее возможностей;
- ✓ система управления принимает решения, но не может контролировать их выполнения, что требует повторных решений по тем же вопросам;
- ✓ система управления не может принять адекватного решения, поскольку в многофакторном объекте задействованы интересы многих сторон, а она не может найти золотую середину;
- ✓ система управления просто не видит новые характеристики объекта, поскольку вооружена старыми методами.

Среди основных факторов, препятствующих эффективному управлению рисками, можно назвать следующие:

- ▪ отсутствие научных основ и концепции управления политическими рисками;
- ▪ отсутствие системы показателей и нормативов допустимого риска;
- ▪ неразвитость методического и модельного аппарата комплексной оценки риска и управления им;
- ▪ отсутствие достаточно полных банков данных, необходимых для определения показателей риска и построения компьютерных (логико-математических) моделей для анализа и управления риском.

Информационная революция облегчила функционирование сетевых организационно-управленческих структур и затруднила выживаемость бюрократических структур управления. Современные системы политического управления существуют как бы в режиме постоянных чрезвычайных ситуаций, что определяет и особые требования к этим системам. Сравнительные характеристики традиционной системы управления и системы управления в чрезвычайных режимах представлены в таблице 8:

Таблица 8. **Сравнительные характеристики систем управления**

Традиционные системы управления	▪ Системы управления в условиях ЧС
Постоянный режим функционирования	▪ Разные режимы функционирования
Жесткая структура и четкое распределение функций на длительный период	▪ Отсутствие жесткой структуры и четкого распределения функций на длительный период, гибкость, агрессивность
Узкая функциональная направленность	▪ Широкая и частично непредсказуемая область действия

Продолжение таблицы 8

Моноструктура	▪ **Полиструктуры**
Регламентированные информационные потоки	▪ **Зависимость информационных потоков от складывающейся ситуации**
Точная информация	▪ **Недостоверная информация**
Избыточная информация	▪ **Недостаточная информация**
Невысокий темп изменений	▪ **Высокий темп изменений**
Предсказуемость ситуаций	▪ **Непредсказуемость ситуации; ориентация на прошлый опыт, как правило, не имеет смысла**
Принцип единства полномочий и ответственности	▪ **Сочетание принципов единоначалия, распределенных полномочий и ответственности**
Функциональный потенциал	▪ **Организационный потенциал**
Преобладание социально-экономических целей и критериев функционирования	▪ **Цели–результативность в ликвидации ЧС и их причин; критерии–минимизация времени достижения целей, минимум потерь (жертв) при ликвидации ЧС**

В.В. Лобанов предлагает следующую принципиальную схему построения системы управления рисками – рисунок 16 [40, с. 163]:

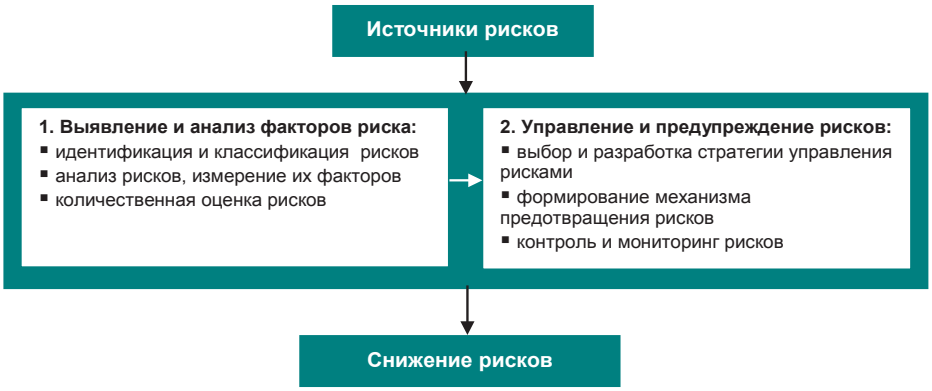


Рисунок 16. **Принципиальная схема построения системы управления рисками**

Рассмотрим подробнее основные элементы этой системы.

При оценке рисков прежде всего определяется уровень потенциальных рисков, заключенных в намеченных вариантах политических решений: высокий, существенный, средний, незначительный. Иногда риски классифицируют, относя их к трем основным группам: приемлемый уровень риска, критический уровень риска, катастрофический уровень риска. В классификации политических рисков к *приемлемому* уровню риска можно отнести,

например, негативную реакцию оппозиционных политических партий, к *критическому* уровню – риск возникновения массовых общественных беспорядков, а к *катастрофическому* – опасность государственного переворота.

В условиях дефицита времени исследуются по преимуществу основные или критические факторы риска. На этой основе проводится сравнительный анализ рисков по каждому из альтернативных вариантов. Простейшая методика такого анализа заключается в использовании балльной системы, или определения коэффициента «веса» рисков: например, незначительный риск оценивается в 3 балла, средний – в 2 балла, существенный – в 1 балл, высокий – в 0 баллов. Подсчет баллов дает возможность ранжировать все имеющиеся варианты по шкале уровня потенциальных рисков и выбрать на этой основе наиболее приемлемый.

Используется две модели факторного анализа рисков: линейная и нелинейная. При выборе линейной модели изучается непосредственное влияние каждого из выявленных факторов риска на процессы или явления, выступающие объектом политических решений. При использовании нелинейной модели учитывается комплекс взаимодействий между различными факторами риска, что значительно усложняет анализ, хотя и позволяет оценивать уровень рисков более точно и вырабатывать более детализированные модели проведения политики.

Таким образом, на проектной стадии, или на этапе исследования возможных рисков при планировании определенной политики или оценки последствий тех или иных политических решений даются ответы на следующие вопросы:

- область и тип риска;
- характер и содержание рисков;
- масштаб, уровень, частота и сила риска;
- вероятность рисков;
- возможные потери, ущерб, негативные последствия;
- оценка рисков при альтернативных вариантах решения;
- определение средств защиты или уменьшения потерь от факторов риска;
- определение вариантов с наименьшими потерями и рисками;
- выбор оптимального варианта.

На следующем этапе ставится задача по управлению рисками, т.е. по формированию защитного механизма и разработке предупредительных мер по снижению степени рисков, их предотвращения или локализации на различных стадиях проведения планируемой политики или претворения в жизнь принятых политических решений.

«Методика управления факторами риска состоит в том, что задаются показатели для контроля над мероприятиями программы и получения своевременных предупреждающих сигналов о негативных тенденциях развития в данной сфере или системе» [40, с. 170]. Идентификация и количественная оценка рисков позволяет определить проблемные места программы или зоны риска и на этой основе разработать страховочные мероприятия. При

оценке той или иной политики с точки зрения менеджмента риска основное внимание уделяется ее *подверженности рискам* (определению степени вероятности возникновения рисков) и *уязвимости* (степени защищенности от негативных последствий кризисных ситуаций).

Одной из достаточно эффективных методик управления рисками является модульный подход. Он заключается в том, чтобы распределить основные риски и механизмы их минимизации по отдельным, относительно независимым друг от друга модулям, управление которыми корректируется в зависимости от развития ситуации.

Также широко, особенно в последнее время, используется методика, связанная с моделированием возможного развития событий в его критических точках. Основное внимание при этом уделяется разработке методов принятия решений в кризисных ситуациях и обучению руководителей навыкам и культуре *антикризисного управления*.

Эффективное управление политическими рисками связано с планированием. «Под планированием понимается целенаправленный, организованный и непрерывный процесс выделения различных элементов и аспектов организации, определения их состояния и взаимодействия в данное время, прогнозирования их развития на некоторый период в будущем, а также составления и программирования набора действий и ресурсов для достижения желаемых результатов». Планирование политических рисков связано, с одной стороны, с предотвращением ошибочных действий, а с другой – с уменьшением числа неиспользованных возможностей. Таким образом, планирование находится во взаимосвязи с прогнозированием и реализацией планов, т.е. они рассматриваются не раздельно, а как взаимосвязанные части единого процесса управления риском.

Полный *цикл планирования и управления риском* включает:

– прогноз риска путем формирования сценариев развития ситуации;

– формирование целей и критериев управления риском;

– стратегическое (долгосрочное) планирование превентивных мероприятий;

– тактическое (текущее) планирование альтернативных ответных действий на возникающие угрозы;

– стратегическое и оперативное управление в условиях ЧС.

7 СОЦИАЛЬНАЯ ИНЖЕНЕРИЯ PUBLIC RELATIONS

7.1 PR-технологии в практике современного информационного менеджмента

Важнейшим инструментом социальной инженерии информационно-коммуникативного пространства социума является *Public Relations (PR)* – связи с общественностью. Определение PR, предложенное ведущими учеными из американского Foundation for Public Relations Research and Education, гласит:

> «Public Relations – это особая функция управления, которая способствует установлению и поддержанию общения, взаимопонимания и сотрудничества между организацией и ее общественностью; способствует решению различных проблем и задач; помогает руководству организации быть информированным об общественном мнении и вовремя реагировать на него; определяет и делает упор на главной задаче руководства компании – служить интересам общественности; помогает руководству быть готовым к любым переменам и использовать их по возможности наиболее эффективно, исполняя роль «системы раннего оповещения» об опасности, помогает справиться с нежелательными тенденциями; использует исследования и открытое, основанное на этических нормах общение в качестве основных средств деятельности» [126, с. 39].

Public Relations применяется для решения целого комплекса важных задач: создания репутации; формирования и поддержки позитивного имиджа организации или личности; создания благоприятного социально-психологического климата вокруг них; расширения сферы влияния; налаживания взаимоуважительного и конструктивного диалога с социальным окружением; улаживания конфликтных, кризисных и просто нестандартных ситуаций; устранения взаимного недопонимания. В настоящее время в развитых странах практически каждая крупная фирма или компания имеет самостоятельную PR-службу или, по крайней мере, специалиста по организации связей с общественностью.

Связи с общественностью появились как совокупность приемов, обеспечивающих социальную поддержку конкретным программам и проектам по продвижению товаров к потребителю. Но общественное мнение по отношению к товару обусловлено состоянием общества в целом, его отношением к фирме, ее руководству. Поэтому круг вопросов, решаемых службами PR, выходит далеко за рамки традиционного маркетинга. К методам PR прибегают не только фирмы, кандидаты в депутаты и шоумены. В структуре служб Ватикана существует специальное подразделение – Комиссия Святого престола по социальным связям. Считая высшим образцом социальной связи деятельность не кого иного, как Иисуса Христа, католическая

церковь огромное влияние уделяет поискам эффективных форм и методов коммуникации [127].

Неотъемлемой частью PR-кампании является имиджмейкинг. Создание имиджа – это сознательное конструирование тех или иных свойств и качеств субъекта, делающих его привлекательным для целевых групп и позволяющих достичь конкретных политических целей (победить на выборах, повысить легитимность власти и т.д.). Public Relations применяется для решения целого комплекса важных задач: создания репутации; формирования и поддержки позитивного имиджа организации или личности; создания благоприятного социально-психологического климата вокруг них; расширения сферы влияния; налаживания взаимоуважительного и конструктивного диалога с социальным окружением; улаживания конфликтных, кризисных и просто нестандартных ситуаций; устранения взаимного недопонимания. В настоящее время в развитых странах практически каждая крупная фирма или компания имеет самостоятельную PR-службу или, по крайней мере, специалиста по организации связей с общественностью.

Современная система PR переросла рамки маркетинга и оформилась в самостоятельную крупномасштабную функцию управления, способствующую установлению системы многосторонних и многоуровневых обратных связей в обществе. PR является важной частью государственной управленческой деятельности. Президент Украинской ассоциации Public Relations, автор ряда статей и солидных монографий по этой теме, Георгий Почепцов трактует PR как «науку об управлении общественным мнением» или как «менеджмент коммуникаций» [128, с. 8, 20], т.е. как направленное воздействие на общественное мнение в целях наиболее успешного функционирования предприятия (учреждения, фирмы) и повышения его репутации. В контексте нашей темы особенно важно подчеркнуть, что PR – это искусство, наука и практика управления всей совокупностью коммуникативных взаимодействий, формирующих общественное мнение, на основе правдивой и оперативной, и вместе с тем точно рассчитанной (дозированной) информации.

Определяющим условием становления и развития нового социального института связей с общественностью было формирование демократических институтов общества, законодательное оформление и закрепление гражданских прав и свобод человека. «Паблик рилейшнс нуждается в демократии, как и демократия – в паблик рилейшнс» (Тамаш Барат). Принцип гуманного индивидуализма в условиях демократии требовал особого отношения к обществу, вынуждая институты политической, экономической, государственной деятельности искать опору в широких слоях населения. Быстрее всего PR стал внедряться в практику общественной жизни тех стран, которые не были обременены патерналистскими политическими режимами и обладали давними и прочными демократическими традициями.

Политический маркетинг – это «совокупность теорий и методов, которыми могут пользоваться политические организации и органы власти с двоякой целью: определить свои задачи и свои программы и повлиять на поведение граждан» [129, с. 214]. Между принципами политического мар-

кетинга и маркетинга в других сферах, также предполагающих свободную конкуренцию, существуют определенные параллели:

– Нужный товар – в нужное время и в нужное место.

– Покупатель всегда прав.

– Кто владеет информацией – владеет миром.

– Создавая товар, создавайте потребителя.

– Конкуренты задают планку, которую необходимо превзойти.

Технологии политического и обычного маркетинга действительно во многом сходны. Особая потребность в политическом маркетинге ощущается тогда, когда «производитель» сталкивается с проблемой сбыта своей продукции – «продажи» своего кандидата – ведь потребитель может предпочесть «товар» конкурента. Для быстрейшей реализации товара владелец стремится создать такую психологическую атмосферу вокруг него, что спросом начинает пользоваться не просто качественный продукт, но тот продукт, о котором складывается благоприятное общественное мнение, тот, который имеет наиболее привлекательный *имидж*.

Первыми имиджмейкерами были жрецы. Они создавали имидж языческим небесным «VIP-персонам», а заодно и их наместникам на земле – царям.

Представления о связях с общественностью как необходимой составной части системы социального управления, о социальной миссии и социальной ответственности PR зародились в США. Первые PR-акции в Америке носили ярко выраженный политический характер, они разрабатывались как технологии давления на правительство Великобритании. Среди методов, использовавшихся организаторами войны за независимость (А. Гамильтон, Т. Джефферсон, Д. Адамс, Б. Франклин, Т. Пейдж), можно выделить методы, имеющие непосредственное отношение к формированию положительного имиджа политиков и политических идей:

• создание специальных общественных организаций для проведения агитации и «организации событий»;

• использование легко опознающихся и эмоциональных символов;

• формирование «героев нации» и создание патриотических легенд;

• использование лозунгов, формулирующих серьезную проблему как призыв к действию и запоминающихся как стереотип;

• организация специальных мероприятий, инсценировка событий, которые привлекают общественное внимание и ориентируют его в поддержку идеи;

• постоянное и непрерывное информационное воздействие на общественность и общественное мнение по самым различным каналам (пресса, памфлеты, листовки и воззвания, устные и публичные выступления, слухи, песни, карикатуры и т.д.).

Первые PR-технологии были также связаны с рекламой в Европе преимуществ и дешевизны незаселенных американских земель с целью привлечения новых колонистов и средств «спонсоров». Эти акции имели своей целью сформировать устойчивый и привлекательный имидж колоний.

Гражданская война 1861–1865 годов, периодические политические баталии кандидатов в президенты способствовали отработке новых техноло-

гий в политическом PR: свободный доступ репортеров в Белый Дом для получения информации «из первых рук» через секретаря президента; публикация президентских обращений к тому или иному целевому лицу или группе; организация собственной корреспондентской сети непосредственно в районах боевых действий; использование американского флага как национального символа; организация «общественной приемной», в которой президент принимал рядовых избирателей и т.д.

В период от начала 20 века и до второй мировой войны происходило становление PR как профессии и научной дисциплины, появление отряда специалистов. Впервые начали появляться Publicity Bureaus – прародители современных PR-агентств и отделов. Эти бюро проводили PR-консультирование в разных областях жизни, отрабатывали и применяли новейшие PR-технологии.

В 40–70-е годы 20 века происходит резкий количественный рост профессионалов, занятых в сфере PR. Отмечаются две тенденции, повлиявшие на развитие профессии:

1) повышение образовательного, профессионального уровня американцев, улучшение их экономического положения, широкое внедрение достижений науки и техники в повседневную жизнь;

2) повышение уровня «тревожности» в обществе, связанное с военной историей, страхом перед «русскими», маккартизмом, ростом преступности.

В эти годы PR выполняет сложный и противоречивый социальный заказ: реализовать новые возможности в маркетинге, появившиеся с началом эпохи массового сбыта и периода массового потребления, и снизить нарастающее недоверие общественности к социальным институтам.

Современный этап развития PR характеризуют следующие особенности:

– возрастает внимание к профессиональной этике;

– PR становится неотъемлемой частью маркетинга;

– изменяется суть PR-технологий – от выполнения конкретных работ к перманентному процессу организационно-коммуникативной политики;

– PR из сферы внешнего консультирования переходит к принятию самостоятельных решений, к все более тесным связям с менеджментом;

– глобализация PR, его выход за национальные рамки.

В странах СНГ формированием имиджа политиков стали заниматься сравнительно недавно. Первые имиджмейкеры, даже имевшие представление о западных технологиях работы с избирателями, в основном действовали методом проб и ошибок. Большинство специалистов в этой области в свое время пришли из академических институтов, поэтому были в большей степени теоретиками и стратегами, чем практиками.

Свои особенности имело развитие PR в России. Их целесообразно отметить, потому что в Казахстане процесс развития системы PR неизбежно будет происходить с оглядкой на опыт соседей:

*Начальный этап (*формальное возникновение, обучение у стран Европы и Америки, мифологизация PR, имиджмейкерство) – 1990–1995 гг. В этот пери-

од происходит возникновение первых PR-агентств и корпоративных служб PR. На факультете международной информации в МГИМО открывается специальность «связи с общественностью».

На 1995–1998 гг. приходится *«золотой» этап* PR в России, обусловленный развитием реальной демократии в политической сфере и ознаменованный возникновением PR с российской спецификой. Этот этап характеризуется:

– закреплением статуса агентств политического консалтинга как реальных политических игроков на выборах;

– возникновение большой группы PR-агентств «второй волны»;

– издание первого PR-журнала «Советник»; учреждение Национальной премии в области развития связей с общественностью «Серебряный Лучник»;

– формирование PR как чрезвычайно доходной сферы деятельности, непропорционально большие PR-бюджеты.

Знаковым рубежом стали президентские выборы 1996 г. в России, когда имиджмейкеры и политтехнологи были привлечены, казалось бы, к безнадежному делу – переизбранию Б.Н. Ельцина на второй срок – с которым они справились блистательно. Анализ этой кампании приводится в Приложении к настоящей монографии.

В последующие годы PR в России развивается как важнейший инструмент «управляемой демократии»:

– PR теснит рекламу;

– появляется собственная российская литература по PR;

– растет число специализированных периодических PR-изданий;

– активизируется PR-деятельность государственных учреждений;

– ускоренными темпами идет развитие корпоративных служб PR.

– возникают региональные PR-центры;

– резко возрастает число ВУЗов (более 60), имеющих специализацию «связи с общественностью».

Вместе с тем замедляются темпы развития PR в бизнесе и корпоративного PR, их заменяют технологии лоббизма в условиях неценовой конкуренции. В конце концов, вместе с т. наз. «укреплением вертикали власти», т.е. ужесточением контроля над политическими процессами, в России наступает затяжной кризис политического PR.

После провозглашения независимости во многих постсоветских республиках у политических деятелей проявился интерес к построению собственного имиджа и соответственно заказ на научные исследования в данной сфере. Однако удовлетворению этой потребности препятствовал недостаток научно-исследовательской базы и практического опыта в области создания имиджа. Объяснялось это тем, что в Советском Союзе работа в этом направлении не поощрялась, политический консалтинг изучался только в крупных исследовательских центрах и результаты этих исследований в основном не предназначались для открытой печати.

Сегодня большинство российских, как, впрочем, и казахстанских, политиков и избирателей признали важную роль технологий формирования имиджа в политическом процессе. PR-технологии (особенно в области политики) в России зачастую приобретают оттенки от «желтого» до «черного», когда известные люди выполняют социальный заказ то одного, то другого

заказчика [130, с. 65]. При формировании имиджа в современной России используются различные технологии: вербальная, визуальная, PR, «черный PR», репутационная, контекстная и другие, но основной упор делается на визуальную и PR-технологии [131, с. 26]. Актуализация визуальной технологии связана с повышением роли аудио- и видеокоммуникативных сетей. Главная цель лидера – привлечь избирателей, а сделать это можно, лишь находясь постоянно на виду (в газетах, журналах, на телевидении и т.д.).

В Казахстане интерес к политическим технологиям конструирования имиджа оказался, в силу ряда известных причин, отсроченным. В сложившихся условиях развития политического процесса в нашей стране – в том числе, в унаследованной от советских времен его закрытости – теоретические и практические проблемы политического консалтинга, PR-технологий и других методов формирования имиджа партий и политических деятелей не представлялись существенными. Ныне ситуация меняется. В Казахстане, как и во многих странах с трансформационным обществом, публичными политиками часто становятся люди, не имеющие никакого политического опыта и не знающие ни специфики той области деятельности, в которую они приходят, ни правил публичной самопрезентации политика. Это создает проблемы перед политическими деятелями и рождает спрос на услуги имиджмейкеров.

Мир политики – это мир искусственных образов, знаков, символов. Внешность лидера, его речь, манеры – все должно соответствовать его особому социальному статусу. Аксиомой работы в области PR для политиков является то, что население не имеет непосредственного выхода на политика, оно реагирует на его образ, имидж, телевизионную картинку. Личность политика не может предстать перед общественностью во всей полноте своих человеческих проявлений. От нее абстрагируется, отчуждается определенный образ, включающий в себя как реальные черты данной личности, так и проекцию свойств, отражающих ожидания электората. Имидж не только выступает своего рода посредником между лидером и массой, он сам выполняет лидерские функции, ему адресуются надежды и чаяния людей.

Формирование имиджа – двухсторонний процесс, в нем два участника: политик со своей командой и аудитория. Современный электорат стал более разборчив в своих предпочтениях, более осознанно подходит к формулированию требований и ожиданий, и главная задача политического лидера – создать образ, соответствующий данным требованиям и ожиданиям в опоре на собственные личностные и деловые качества. Актуальность этой задачи обуславливает развитие политического консалтинга, PR-услуг и имиджмейкинга – в последние годы услуги специалистов в этой области стали частью повседневного политического процесса. Издается большое количество книг по формированию политического имиджа, повышается роль имиджа в политической жизни. Происходит институционализация политического имиджмейкинга.

Но наряду с этой тенденцией наблюдается и противоположная. У многих избирателей, да и самих политиков сформировалось мнение о том, что имидж – это заведомый обман (Евгений Марчук, внешность и манеры которого выгодно выделяются на фоне украинского «политического бомонда», был в свое время отправлен в отставку с должности премьер-министра с характерной формулировкой: «За формирование собственного имиджа»). В связи с этим большинство политических лидеров стараются скрыть причастность имиджмейкеров к формированию своего имиджа [131, с. 25]. Сегодня в России и Казахстане под PR нередко понимают не систему поддержания отношений между организацией и общественностью, а набор более или менее «грязных» приемов, при помощи которых происходит заведомый обман населения. Задача PR заключается уже не в том, чтобы довести до людей свою программу и снискать ее одобрение, а в том, чтобы, изучив ожидания и предпочтения электората, подстроиться под него и создать нужный образ в собственных, отнюдь не бескорыстных, целях. «Белый» PR в таком понимании – манипулятивные технологии, допустимые законом, «черный» – технологии, явно или неявно вступающие в конфликт с нормами права.

PR в России, прежде всего, средство борьбы за власть. Политический консалтинг превратился в весьма доходную сферу бизнеса. По подсчетам экспертов, в настоящее время в России преобладает политический консалтинг, составляющий ныне 60–70% от объема PR-услуг. Остальные 30–40% приходятся на социальный PR и бизнес-PR. В этом одно из существенных отличий российского рынка от западного, где лидируют финансовые и кризисные PR.

Также различны методы и технологии работы российских и западных PR-агентств. Западные методики более формализованы, чем российские. Характерными чертами российской PR-отрасли являются неразвитость, отсутствие четких стандартов в работе, необязательность, бюрократизм. Отечественные агентства на российском рынке по сравнению с зарубежными обладают рядом преимуществ: они не понаслышке знакомы с особенностями российского менталитета, своего рынка, своего сегмента, что позволяет лучше понимать свою целевую аудиторию и заказчиков, имеют определенные связи, а также предоставляют свои услуги за более низкие цены. В то же время иностранные фирмы вполне конкурентны на российском рынке, так как владеют современными технологиями, а также большим опытом и профессионализмом. Иностранные компании не ждут сиюминутных итогов, а нацелены на долгосрочный результат. Зарубежные клиенты четко формулируют свои цели и задачи, тогда как российские заказчики, как правило, обращаются с просьбами: «Сделай так, чтобы мне понравилось»*.

* В этой ситуации задача имиджмейкеров упрощается и требует лишь определенных навыков – как, например, работа салонного портретиста, блистательно описанная Гоголем: «Сначала Чарткова бросали в пот такие требования, но потом он уже не затруднялся: даже из двух, трех слов смекал вперед, кто чем хотел изобразить себя. Кто хотел Марса, он в лицо совал Марса, кто метил в Байрона, он давал ему байроновское положение и поворот. Коринной ли, Ундиной, Аспазией ли желали быть дамы, он с большой охотой соглашался на все и прибавлял от себя уже всякому вдоволь благообразия, которое, как известно, нигде не подгадит, и за что простят иногда художнику и самое несходство».

В контексте нашей темы целесообразно сопоставить технологии и понятие PR с пересекающимися с ними по ряду позиций понятиями.

PR следует отличать от *пропаганды*. Главная цель PR – достижение согласия. Главная цель пропаганды и манипуляций – формирование любыми средствами у объекта воздействия нужного и выгодного субъекту мировоззрения. PR могут быть успешными только тогда, когда они основаны на этических нормах и осуществляются честными средствами. В PR цель никогда не оправдывает использования вредных или сомнительных средств. «Черный пиар» – это contradiction in adjecto, противоречие в определении. «Цель PR – достижение согласия; цель пропаганды – создание движения. PR стремится к достижению честного диалога, пропаганда к этому не стремится. Методы PR подразумевают полную открытость; пропаганда при необходимости скрывает факты. PR стремятся к пониманию; пропаганда – к привлечению сторонников» [132, с. 19–20]. Отношение PR и пропаганды представлено в таблице 9.

Таблица 9. **Сходства и различия PR-технологий и пропаганды**

	PR	Пропаганда
Цель	Достижение согласия, взаимопонимание	Вербовка сторонников и увеличение их числа
Задача	Обеспечение равноправного диалога	Обеспечение собственного приоритета в коммуникации
Методы	Подразумевают информационную открытость	Допускают сокрытие фактов и дезинформацию

Сходство между PR и *рекламой* выражается в том, что PR-фирмы и рекламные агентства используют аналогичные методики, имеющие целью определить целевые аудитории и сформулировать основные сообщения. Однако механизм PR более тонок и ориентирован на построение непрерывных взаимоотношений с различными общественными группами, причем по самым разным поводам, в том числе негативного характера.

PR отличает от рекламы:

– некоммерческий характер передаваемой информации (формирование репутации, имиджа, а не спроса);

– ориентация на долгосрочные отношения;

– открытость и достоверность;

– организация обратной связи.

Политическая реклама – это система методов психологического воздействия на аудиторию с целью управления ее политическим мышлением и поведением, нацеленная на изменение или закрепление тех или иных политических убеждений. Политическая реклама все чаще используется для создания имиджа в избирательных кампаниях. С каждым годом, с каждыми выборами политическая реклама становится все более изощренной и

эффективной. Ее богатым арсеналом пользуются действующие политики, имеющие преимущественный доступ к СМИ и активизирующие перед выборами сбою деятельность. Имидж кандидата (лидера) – один из главных инструментов политической рекламы. Специфическая особенность политической рекламы заключается в ее явной тенденциозности, узкой направленности: ее целью не является повышение уровня информированности в обществе о том или ином кандидате или политической партии – она призваны воздействовать на общественное и индивидуальное сознание ограниченным набором идей, установок, жестко выверенных в рамках избранной стратегии.

Политическая реклама или политический маркетинг относятся к категории тактических коммуникаций. Они действуют на политическом поле, предварительно «обработанном» стратегическими коммуникациями – Паблик рилейшнс и пропагандой. Политический маркетинг наполняет конкретным содержанием заданный ими набор ситуаций, аккумулирует стратегические идеи рекламной кампании.

PR решает следующие *задачи*:

– оценка воздействия фирмы (организации, института, конкретного лица) на общественное мнение;

– выявление причин превратного понимания общественностью деятельности фирмы (организации, института, конкретного лица) и ликвидация этого несоответствия;

– формирование общественного лица фирмы (организации, института, конкретного лица) на основе исследований общественного мнения и заблаговременного предвидения его реакции;

– формирование внутренней корпоративной культуры в опоре на изучение взглядов и ценностей людей, с которыми организация работает.

Важнейшие *принципы* PR можно свести к следующим:

– обеспечение взаимной выгоды организации и общественности;

– честность и правдивость тех, кто занимается этим видом управленческой деятельности;

– принцип открытости и доступности информации.

Через систему public relations субъект ее использования сообщает о себе «правду, только правду и ничего кроме правды». Вместе с тем никто из PR-технологов не утверждает, что надо говорить *всю* правду. В этом и заключается одна из важных составляющих PR – отделять информацию, которая должна быть обнародована, от информации, которую распространять нецелесообразно и от той информации, которую нельзя обнародовать.

В мониторинге информационно-коммуникативных сетей, посредством которых осуществляется основной объем мероприятий по формированию имиджа политика, важно четко представлять различия информации, поступающей по официальным каналам, от той, что циркулирует в межличностной коммуникации. Современные менеджеры полагают, что много полезней

не разрушать неформальные коммуникационные сети, а понять и использовать эти каналы для усиления эффекта от информации, передающейся по официальным каналам.

Наиболее перспективное развитие PR сегодня – это развитие его в Интернете или e-PR (электронный PR). Как и любой другой вид PR, электронный PR служит задачам информирования аудитории, нахождения взаимопонимания с аудиторией и коррекции программ с учетом ее поведения. В плане формирования имиджа Интернет предлагает колоссальные возможности.

1) Быстрый и дешевый выход на международный рынок без открытия представительства в каждой стране.

2) Интернет позволяет проводить PR-акции в режиме реального времени и на основе системы обратных связей. «Живое» общение, в том числе интерактивные пресс-конференции, позволяет не только делиться полезной информацией, но и наблюдать за непосредственной реакцией людей.

3) В Интернете вы можете в любой момент изменить содержание ваших информационных материалов. Если по ходу кампании необходимо внести корректировки, то они могут быть сделаны на любом ее этапе.

4) Возможность получения, распределения, хранения громадных объемов информации, а также их ускоренная обработка.

5) Интернет работает 24 часа в сутки, что особенно важно для кризисных PR.

Электронный PR состоит из трех основных частей:

1. *Web-PR,* который включает:

• интерактивные сайты, предоставляющие пользователю услугу FAQ – «быстрых вопросов и ответов»;

• веб-конференции: текстовые, аудиальные, визуальные;

• веб-презентации.

2. *Net-PR,* который включает:

• электронную рассылку пресс-релизов. Такой пресс-релиз может быть не только текстовым документом, но и аудио- и видеофайлом, рисунком, посланным по электронной почте как вложение и т.д.;

• различные чаты, форумы;

• виртуальные организации в Интернете.

3. *Online-PR* – наиболее перспективное средство Интернета. К online-PR относятся:

• возможность онлайнового доступа к оффлайновой информации. Например, статьи из журналов и газет на сайте;

• информирование с помощью сетевых информационных ресурсов;

• электронная интерактивная база данных, доступная через Сеть.

Online-PR позволяет специалистам гарантированно доставлять свою информацию целевой аудитории. Поэтому все возрастающее число пользователей стремится использовать Интернет как эффективное средство PR и рекламы. Под эту категорию попадает более $^{2}/_{3}$ заложенных в Сеть данных.

В формировании имиджа политических лидеров в нашей стране средствами электронного PR наиболее серьезными проблемами являются: 1) относительная дороговизна пользования и 2) недостаточное развитие в Казахстане сети Интернета как эффективнейшего средства интерактивной коммуникации, мощного канала передачи и обработки социально-политической информации. К столь же серьезным проблемам развития электронного PR в Казахстане, как и в других странах, следует отнести 3) распространение «черного» PR. Практически недоступный цензуре и контролю Интернет предоставляет широчайшие возможности по «выбросу» компромата. Политические скандалы все чаще провоцируются именно компьютерными версиями интерпретации событий. Следует также отметить такие проблемы, как 5) отсутствие специально подготовленных отечественных специалистов и 6) неразработанность методической базы электронного PR. В целом же можно сказать, что широчайшие возможности Интернета для формирования и продвижения собственного имиджа используются казахстанскими политиками весьма однонаправлено и скудно. Интернет в основном используется как канал, дублирующий информацию с бумажных носителей и новостные программы печатных и электронных СМИ.

В решении задач формирования положительного имиджа политического лидера средствами PR-технологий можно выделить 4 модели или стратегии:

Первая модель сводится к использованию приемов «манипуляции», «пропаганды», «паблисити»:

- используются любые средства для привлечения внимания общественности, для оказания давления на нее;
- потребитель (общество в целом или отдельные целевые группы) рассматривается как пассивный получатель информации;
- правдивость и объективность информации не рассматриваются как обязательное условие, этические аспекты деятельности игнорируются

Данная модель, при всей ее одиозности*, активно эксплуатируется при формировании общественного мнения по поводу ярко выраженных экономических, социальных, политических и т.д. угроз для общества в целом и имиджа политического руководства (терроризм, кризисы, акции протеста).

Вторая модель PR-деятельности получила название «информирование общественности». С точки зрения этого подхода распространение ин-

* Используемые в Интернете приемы «черного PR», «войны компроматов» и т.д. в отношении публичных политиков возвращают информационные материалы к стилю «желтой прессы», высмеян-ному еще М. Твеном: «Меня обвиняли в том, что я поджег сумасшедший дом со всеми его обитателями, потому что он портил вид из моих окон. Затем последовало сообщение о том, что я отравил своего дядю с целью завладеть его имуществом. Газета настойчиво требовала вскрытия трупа. Наконец, травля, которой подвергли меня враждебные партии, достигла наивысшей точки: по чьему-то наущению во время предвыборного собрания девять малышей всех цветов кожи и в самых разнообразных лохмотьях вскарабкались на трибуну и, цепляясь за мои ноги, стали кричать: «Папа! Папа!» (Марк Твен. «Как меня выбирали в губернаторы»).

формации является главной целью PR-деятельности. Информация должна быть точной и правдивой, но непременно позитивной. Негативные факты и события замалчиваются. Как и в первой модели, «информирование» относится к моделям одностороннего воздействия на аудиторию, необходимость исследования общественного мнения и обратной связи с ним не предполагается.

Третья модель PR-деятельности – «двухсторонняя асимметричная коммуникация» – может быть охарактеризована следующим образом:

- широко используются исследовательские методы на основе принципа обратной связи, в первую очередь для того, чтобы определить, какая информация вызовет положительную реакцию общественности;
- результат такого вида PR асимметричен, потому что он ставит целью коммуникации выигрыш организации, а не общества;
- при реализации данной модели роль PR может быть охарактеризована как «прагматическая»: на первом месте стоит выгода, особые интересы.

Четвертая модель PR-деятельности получила название «двухсторонней симметричной коммуникации». Для нее характерны такие приемы:

- полное осознание субъектом PR-деятельности необходимости взаимопонимания как основы коммуникации;
- цель PR-деятельности – взаимная польза («симметричность»);
- широкая практика ведения переговоров, заключения договоров, использования стратегии разрешения конфликтов для того чтобы добиться изменений во взглядах, мнениях и поведении общественности;
- акценты в функциях PR-специалистов смещаются от журналистских и рекламных к исследовательским и консультативным;

В рамках этой модели или стратегии PR-деятельность становится полной и законченной: происходит переход от дискретных, разовых PR-акций и кампаний к перманентному процессу коммуникации. Соответственно меняются профессиональные требования к специалисту по связям с общественностью – теперь от него требуются способности к планированию и проведению полноценной PR-политики. Правовые и этические аспекты PR становятся центральными. Однако, при всей востребованности четвертой модели связи с общественностью и ее определяющей роли в выстраивании положительного имиджа политического лидера, она редко бывает доминирующей в политической и административно-управленческой практике, в том числе и в странах консолидированной демократии.

В идеале специалист по связям с общественностью, на которого возложена задача формирования имиджа политического лидера партии, общественного движения, нации в целом, для успешного выполнения своих функций должен обладать особым набором деловых и личностных качеств:

– умением управлять восприятием, отношением людей к фактам и событиям, общественным мнением;

– стратегическим мышлением;

– способностью к эмпатии;
– ораторским мастерством;
– оптимизмом, жизнерадостностью;
– чувством юмора;
– личным обаянием;
– эмоциональной уравновешенностью;
– инициативностью, активностью, настойчивостью;
– работоспособностью;
– ответственностью;
– здравым смыслом;
– креативностью.

Люди, занимающиеся PR, также должны обладать такими личными и профессиональными качествами, как коммуникабельность, эрудиция, фото- и киногеничность, умение выступать перед разными аудиториями, методичность, владение основными стилями публичного изложения мысли: публицистическим, официальным, научный, художественным, разговорным.

Кандидат, который надеется победить на выборах, должен стать органической составляющей относительно многочисленной, хорошо организованной команды своих помощников. В одиночку выиграть избирательную кампанию практически невозможно. Наихудший вариант формирования команды имиджмейкеров – это подбор их по критерию личной преданности лидеру или организации.

7.2 Технологии политического имиджмейкинга в условиях медиатизации политического пространства

Одной из главных форм медиатизации политического процесса в современном мире является распространение технологий формирования и продвижения («раскрутки») политического имиджа посредством СМИ. Без их использования сегодня невозможно достижение наиболее важных стратегических и тактических целей как отдельных политических лидеров, так и политических партий, общественных движений, государственных институтов.

Путь к политическому Олимпу пролегает через территорию, контролируемую «четвертой властью» – медиакратией, через игру имиджей и имиджами, ведущуюся СМИ. Многих ныне влиятельных политиков по существу «сделала» именно «четвертая власть». Новые политические фигуры могут возникать «из ниоткуда» и, благодаря СМИ, в одночасье становиться звездами первой величины. Одно удачное выступление в эфире или яркая статья в популярной газете значат для имиджа больше, чем десятки блестящих речей на митингах и собраниях, обойденных вниманием прессы. Статьи в газетах, интервью, репортажи, комментарии в эфире по актуальным вопросам, телевизионные и радио-дебаты, хроника – все это может очень удачно работать на имидж политика, а может и, наоборот, вызвать негативное впечатление, которое в дальнейшем будет очень трудно преодолеть. Поэтому взаимоотношения политика со средствами массовой информацией должны

находиться в центре его политической деятельности, стать объектом пристального внимания его советников, консультантов, имиджмейкеров.

Использование средств массовой коммуникации политиками для формирования позитивного имиджа ведет свою историю с начала прошлого столетия. Первые предвыборные радиовыступления кандидатов прозвучали в США в 1901 г., а регулярно их начали практиковать там с 1920 г. Особенно впечатляющими были предвыборные радиовыступления Франклина Рузвельта. Его основной метод политической рекламы – терпеливая разъяснительная работа со ставкой на личное обаяние. По совету PR-экспертов, Ф. Рузвельт в знаменитых «радиобеседах у камелька» в простой, доходчивой форме разъяснял соотечественникам суть и необходимость предпринятых им реформ.

В 1952 г. кандидат в президенты США генерал Дуайт Эйзенхауэр для обеспечения своих телевизионных выступлений впервые привлек к сотрудничеству профессиональную рекламную фирму. В результате появилась серия роликов «Ответы Эйзенхауэра Америке», которые сыграли заметную роль в создании имиджа Эйзенхауэра как наиболее подходящего кандидата на роль политического лидера нации.

Формирование информационного пространства стран СНГ – чрезвычайно противоречивый процесс, по многим параметрам оказавший деструктивное воздействие на политическое сознание и политическую культуру. Начиная с 1991 г., СМИ активно способствовали закреплению у читателей (зрителей, слушателей) негативных стереотипов в отношении широчайшего спектра политических проблем и субъектов политической деятельности. Вследствие углубляющейся коммерциализации СМИ, журналисты в основной массе были нацелены на поиск сенсаций негативной окраски (поскольку эти сенсации обладают большей коммерческой привлекательностью). СМИ превратились в инструмент раскручивания политических интриг, в систему информационной дезориентации населения. Соответственно, в глазах избирателей большинство демократических институтов общества утрачивало авторитет, представало в столь неприглядном виде, что говорить о доверии к ним просто не приходилось. Таким образом, можно говорить об установлении в этот период в России и ряде других стран СНГ, включая и Казахстан, «специфического режима информационного обеспечения общества, при котором электорат поддерживается в идеальном состоянии – состоянии готовности к совершению неаргументированного выбора!» [133].

Последствия этой «детской болезни» СМИ, вырвавшихся из режима тоталитарной цензуры на просторы вседозволенности, до сих пор не преодолены, в том числе и в Казахстане. Значительная часть населения остается индифферентной как к позитивной, так и к негативной, как к ложной, так и к достоверной информации о политиках, поставляемой СМИ. Не менее значительная часть продолжает воспринимать политику как шоу, следя за скандалами и сенсациями с участием известных политиков. И только небольшая доля населения походит к политической информации как предмету самостоя-

тельной аналитической работы, актуализируя возникшую в советские времена специфическую способность «читать между строк». Вместе с тем печатное слово, даже в условиях тотальной политической ангажированности СМИ, сохраняет авторитет объективного источника политической информации. Н. Мелконян приводит красноречивый факт: в Армении ряд политических партий обзавелись собственными печатными органами. При этом некоторые газеты стали значительно популярнее и влиятельнее самих партий [134].

Как показывают данные многочисленных социологических исследований, уровень доверия к печатному слову и, прежде всего, к отечественным печатным и электронным СМИ, у основной массы населения Казахстана остается чрезвычайно высоким. Наибольшие претензии у респондентов имеются именно к уровню объективности освещения в республиканских СМИ деятельности конкретных политиков и должностных лиц.

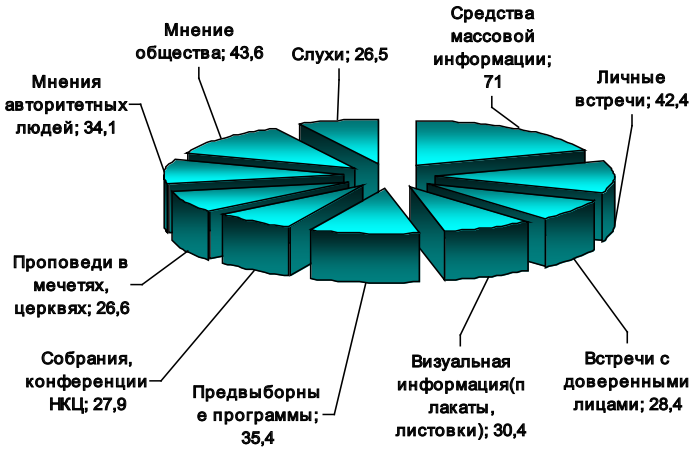
Когда речь идет о лидерах национального уровня, то, как правило, мы имеем дело с их вербальным или визуальным имиджем, сконструированным имиджмейкерами и транслируемым через средства массовой информации. Здесь таится возможность мифологизации образа политика, который превращается в артефакт виртуальной реальности. Мы воспринимаем не реально существующих людей, но их виртуальные образы, существующие в информационном пространстве. Таким образом, имидж выступает своеобразным стереотипом, который методом ассоциаций наделяет объект ценностно-значимыми качествами (социальными, психологическими, этическими и др.), не обязательно совпадающими с реальными свойствами самого объекта, но обладающими значимостью для воспринимающего такой образ.

Процесс персонификации политики обусловлен, в частности, и тем обстоятельством, что программы партий, состоящие в большинстве случаев из привычного потока общих фраз, затрудняют для рядового избирателя дифференцирование политических сил. Поскольку дифференциация политических партий происходит на уровне их лидеров, то присутствие политического лидера в СМИ предстает как необходимое условие позиционирования партии в политическом пространстве.

На формирование реального и идеализированного образов политических лидеров оказывают влияние личные встречи политика с людьми, целенаправленная работа референтных лиц (доверенные лица, ближайшее окружение, духовенство, лидеры национально-культурных центров и т.д.). Определенную роль играет в этом процессе также визуальная информация, предвыборные программы.

Однако в наибольшей степени имидж политического лидера зависит от его умения работать со СМИ, которые оказывают непосредственное влияние на общественное мнение, воздействуют на популярность политического лидера и даже выстраивают ее рейтинг – см.: диаграмму 2.

Диаграмма 2. **Какие источники или мероприятия оказывают влияние на Ваше мнение о политиках?** *(в % к числу опрошенных)*



Как следует из *Диаграммы 2,* слухи, встречи с доверенными лицами, даже религиозные и национальные общины в общем формате воздействия на население не оказывают решающего влияния на формирование имиджа политика. Рядовой избиратель, особенно из сельской глубинки, не в состоянии сделать выбор на основании критически оцененных им программ политических лидеров, тем более что на первый взгляд они мало в чем отличаются друг от друга. Хотя в предвыборных программах кандидатов в депутаты в последнее время стали больше учитываться интересы определенных социальных групп населения Республики. Что же касается национальных различий, то для казахов более важными являются встречи с доверенными лицами политических лидеров, мнения авторитетных людей и общественное мнение о политических лидерах в целом.

В связи с персонификацией политики предвыборные кампании превратились в войну имиджей. Американские социологи подсчитали, что только 7% успеха зависит от того, что лидер говорит, а 55% – от того, как он выглядит. Это обстоятельство определяет потребность в осмыслении проблем формирования и продвижения имиджа политического лидера в условиях современного информационного общества. При всей важности собственно политических компонентов имиджа лидера, политик должен вызывать у людей доверие и симпатию. Прежде чем формировать имидж лидера, нужно ясно представлять, какой политик импонирует избирателям. Чтобы быть способным вызвать планируемую реакцию, моделируемый образ лидера, прежде всего, должен в наибольшей степени отражать ожидания граждан, электората. Тому, кто в эти рамки не вписывается, претендовать на блестящую политическую карьеру не приходится.

Сегодня политическая коммуникация немыслима без электронных СМИ и прежде всего телевидения. «Мы не живем в мире, о котором у нас есть информация, наоборот, мы населяем мир, который является информационным» [78, с. 42]. Как было язвительно замечено кем-то из политических аналитиков, всякий ловкий политик выбирает себе место чуть левее правых и чуть правее левых – но *всегда напротив телевизионной камеры*.

В ответах респондентов на вопрос о том, какие источники информации сыграли решающую роль при выборе партии, которой отдали свой голос респонденты, подтвердилась ведущая роль СМИ, прежде всего, республиканского телевидения – см.: диаграмму 3:

Диаграмма 3. **Информация из каких источников сыграла решающую роль при выборе партии, которой Вы отдали свой голос?**

Современные средства коммуникации не только обусловили усиленную персонализацию власти, но и изменили содержание политической деятельности, трансформировали социальные и личностные качества, необходимые для успеха политического лидерства. В большинстве случаев программы многих «претендентов на всенародную любовь» сложно отличить друг от друга. Политико-идеологическая определенность лидеров слабо влияет на отношение к ним большинства граждан, хотя и остается значимым фактором для ряда электоральных групп. Любая политическая кампания в СМИ развивается по законам драматического действия и зрелища – спектакля. Даже те политические лидеры, которые в силу своего образования, происхождения, моральных принципов и т.д. негативно или сдержанно относятся к медиатическим инсценировкам, сегодня уступают новой логике политической борьбы, становящейся «битвой телевизионных имиджей».

При формировании политического имиджа СМИ активно используют хорошо известный популистским вождям и социальным психологам метод создания политических мифов, суть которого сводится к планомерному, методичному внедрению в сознание аудитории предельно упрощенных лозунгов и оценок. «Политическое конструирование реальности осуществляется за счет символических форм и наибольшим конструктивистским потенциалом обладает политический миф, сохраняющий архаические смыслы. Именно с помощью политического мифа архетипы прорываются в политику вообще и постсовременную в частности» [135, с. 4].

Специалистами выделяется 4 основные версии политического мифа, которые кладутся в основание имиджа политического лидера: мифы *о заговоре, о золотом веке, о герое-спасителе, о единстве* [136, с. 231]. Все эти сюжеты эксплуатировались политиками для воздействия на электорат, по меньшей мере, со времен предвыборных кампаний римских консулов. Современные СМИ оснащают архаичные мифы новыми технологиями, обеспечивающими суггестивный эффект их воздействия на сознание современного человека.

1. Миф о заговоре истолковывает негативные социальные процессы и факты как результат тайного действия неких сил тьмы.

2. Миф о золотом веке либо призывает вернуться к «истокам» – в светлое прошлое, где царили любовь, равенство, братство, где мир был прост, близок и понятен, – либо зовет в светлое будущее, рассматривая предыдущие периоды как «предысторию», существование которой оправдано лишь в той мере, в какой она подготавливала это идеальное будущее.

3. Миф о герое-спасителе наделяет конкретные персонажи харизматическими чертами. Герой должен обладать даром пророка, непревзойденным талантом полководца-воителя, высочайшими моральными качествами и т.п.

4. Миф о единстве основан на противопоставлении «друзья»–«враги», «свои»–«чужие», «мы»–«они». «Они» – причина всех наших бедствий и несчастий. «Они» стремятся разрушить «наши» ценности и потому спасение – в единстве и противостоянии «им».

«Самым политически влиятельным архетипом является Герой, который становится формой для репрезентации политического лидерства и власти в любой культуре и во все времена» [135, с. 4].

Стандарты, которым должен соответствовать претендент на высокий государственный пост, определяются общей ситуацией в стране или регионе, социокультурными характеристиками населения, особенностями менталитета. В контексте избирательной кампании главной проблемой для политика и его консультантов является примирение традиции и новации: если имидж не будет обновлен, лидер не приобретет новых последователей; если имидж будет обновлен чересчур смело, можно потерять прежний электорат.

Задача создания имиджа состоит в том, чтобы ярко, образно высветить реальные достоинства лидера и «заретушировать» малопривлекательные. Поэтому далеко не всегда можно говорить, что имидж – это искусственно

созданный продукт, призванный привлечь наибольшее число сторонников. Никакими технологиями нельзя на достаточно длительный срок создать устойчивый имидж политика вне зависимости от того, или в противоречии с тем, что он собой представляет. В конечном счете, имидж – производная личных качеств, убеждений, опыта практической деятельности, профессиональной компетентности, а также ясности и убежденности в подаче их публике. Сознательное отношение к своим поступкам, к своей внешности, к окружающему миру, умелая расстановка акцентов на позитивном и коррекция негативного – это и есть создание имиджа. Разница в том, что мы сами делаем это спонтанно и дилетантски* (хотя порой и достаточно умело), а имиджмейкеры – методично и профессионально.

7.3 Особенности применения технологий политического имиджмейкинга в современном Казахстане

Политическая сфера современного Казахстана характеризуется смешением различных принципов своей организации, начал структурирования, форм институционализации и т.д. Традиционные представления о власти и ее субъектах-персонификациях интерферируют с новыми, экзогенными моделями самопрезентации политического истеблишмента. Этим обстоятельством обусловлены как особенности политической культуры, так и возникающие в соответствии с ними особенности формирования имиджей политических деятелей: высших должностных лиц государства, лидеров политических партий и движений, парламентариев, глав местной исполнительной власти и т.д.

В теории и в управленческой практике современных демократий преобладает инструментальный подход к политике. Вместе с тем современное общество является, по меткому определению Ги Дебора, обществом спектакля – прежде всего, спектакля политического. Взаимодействием этих двух особенностей определяется то обстоятельство, что для политической сферы современного общества характерна и необходима четкая дифференциация деполитизированных и социально обезличенных профессиональных управленцев, с одной стороны, и носителей яркого политического имиджа – публичных политиков, – с другой.

В различных ситуациях и для решения различных проблем требуются разные типы политических лидеров – от «героя» до «флюгера», по выражению Э. Фромма. «Лидерство есть отношение, существующее между личностями в социальной ситуации, и те личности, которые являются лидерами в одной ситуации, не обязательно могут быть лидерами в других ситуациях» [137, с. 96]. Развитие института политического лидерства в Казахстане должно идти по пути формирования плеяды лидеров различного типа и различного масштаба.

* Р.М. Горбачева как-то призналась: «Понимаете, никто не объяснил нам, что такое имидж. И, конечно же, мы наделали кучу ошибок» [239]

В современном Казахстане общепризнанным политическим лидером является Президент республики. Есть ряд известных политиков, которых также можно считать политическими лидерами, хотя составить реальную конкуренцию Н.А. Назарбаеву они не могут. В этом обстоятельстве отражена специфика формирования как самого феномена политического лидерства, так и имиджа политического лидера в современном Казахстане. «Сама институциональная структура создает характеристики лидерства тем, что обеспечивает возможность осуществлять власть» [137, с. 96–97]. Политики, не занимающие высоких официальных должностей, дающих возможность принимать ответственные политически решения, не рассматриваются подавляющим большинством респондентов в качестве политических лидеров. Тем самым подтверждается справедливость для современного Казахстана вывода ряда западных теоретиков об определяющем влиянии на имидж политика не его личностных качеств, а занимаемого им места во властной пирамиде. Само положение политика на вершине этой пирамиды или близ нее свидетельствует в глазах населения о его приобщенности к тайным пружинам власти.

Формирование имиджа публичного политика в современном Казахстане, особенно представляющего местную власть, характеризуется специфической проблемой: трудно, а иногда и невозможно в принципе различить между его действиями как реальным отправлением власти и как выполнением роли передаточного звена в административно-бюрократической машине власти, управляемой из Центра. Еще труднее разграничить пространство властных отношений, отводимое компетенции административной власти, от пространства, предназначенного для партийно-политической активности.

На формирование имиджа политиков в РК оказывает определяющее влияние особенности механизма образования политических элит. В Казахстане сохраняется номенклатурный принцип элитообразования. Отсутствует конкурентная среда для публичного соревнования партийно-политических программ и, соответственно, выдвигающих их лидеров. Достижение весомого политического статуса происходит, как правило, не посредством активной публичной деятельности, но на основе номенклатурных механизмов, комплекса формальных и неформальных связей, негласно установленных политическим истеблишментом правил. При этом рекрутирование номенклатурного слоя и продвижение по иерархическим ступеням государственно-политической властной пирамиды по большей мере зависят не от профессиональных и деловых качеств, но от личных предпочтений того или иного влиятельного должностного лица – по сути дела от того, увидит ли это должностное лицо в новой кандидатуре возможность ее использования в качестве одного из новых членов эшелона поддержки. Патрон-клиентные отношения и клановый характер модели формирования и консолидации «политического класса» определяют закрытость для посторонних, непубличный характер реальной политики. В условиях отчуждения

административно-бюрократического аппарата власти от народа сам факт участия во власти может восприниматься избирателями как негативно характеризующий человека.

Во всем мире государственная служба, министерская карьера – естественный и преимущественный путь формирования политического класса. Но заметную роль в пополнении корпуса политических лидеров в демократических странах играет и партийно-политическая карьера. Лидеры оппозиционных политических партий и общественных движений в этих странах во многом на равных конкурируют с высшими должностными лицами – основными держателями административно-управленческого политического капитала. В условиях полноценной многопартийности у потенциальных политических лидеров, придерживающихся политических убеждений и программ, отличных от идеологических установок официальной власти и даже альтернативных им, имеется гораздо больше шансов реализовать свой потенциал.

Создание четкого механизма и институциональных структур формирования корпуса политических лидеров в Казахстане предполагает выполнение ряда условий:

Во-первых, необходимо совершенствование политической системы. Институты политической власти должны формироваться по единым, прозрачным, всем понятным демократическим правилам. Номенклатурный принцип подбора и расстановки кадров, разъедающее действие неформальных сетей, сохранение патронажно-клиентистских отношений ставят барьеры, зачастую непреодолимые, для прихода во власть лидеров нового типа, способных эффективно решать сложнейшие задачи политического управления обществом в условиях его динамичного, во многом непредсказуемого развития.

Краеугольный камень проблемы политического лидерства – это влияние, которое лидер оказывает на свое общество. Различные политические режимы создают специфические институциональные и процедурные формы такого влияния. Наиболее благоприятной средой для формирования новых политических лидеров является реальная многопартийность. В свою очередь, многопартийность становится результатом осознания членами гражданского общества многообразия и различия своих интересов, политическим оформлением которых и выступает система партийного представительства.

Таким образом, *во-вторых,* необходимо развитие многообразных структур и институтов гражданского общества и налаживание четкого механизма их связи с системой государственного управления. Важнейшим звеном этого механизма являются лидеры массовых общественно-политических движений, гражданских инициатив и т.д., конструктивно сотрудничающие с официальными органами власти.

В-третьих, стихийности формирования института политического лидерства должен быть создан противовес в виде продуманной системы

подготовки кандидатов на пополнение политической элиты. В условиях возрастания роли политических лидеров, расширения диапазона их влияния на развитие общества было бы крайне недальновидно предоставлять на произвол судьбы формирование у нового поколения, призванного прийти во власть, надлежащих компетенций. В современном Казахстане уже имеется ряд институциональных структур по подготовке корпуса специалистов политического менеджмента.

В-четвертых, формирование имиджа публичного политика, особенно представляющего местную власть, характеризуется специфической проблемой: трудно различить между его действиями как реальным отправлением власти и как выполнением роли передаточного звена в административно-бюрократической машине власти, управляемой из центра.

С 2008 г. по инициативе Президента и по разработанной им программе начались серьезные структурные и институциональные преобразования политической и административно-управленческой системы страны. Эти преобразования самым непосредственным образом связаны с решением обозначенных выше задач по оптимизации условий и механизмов формирования корпуса политических лидеров.

Ни для кого не секрет, что в Казахстане сложилось несоответствие между инертным и бюрократизированным функционированием государственных институтов и потребностями государственного регулирования многообразных социальных процессов. Назрела необходимость в такой регламентации государственной службы, которая, не отменяя бюрократические механизмы аппаратной работы, создала бы стимулы для их подчинения интересам государства и граждан.

17 июня 2008 г. на международной конференции по вопросам государственной службы Глава государства заявил том, что он поручил Администрации Президента и Правительству разработать концепцию новой модели государственной службы Казахстана. Оптимальным для нашей страны теоретическим базисом реорганизации государственной службы Глава государства считает изучение опыта таких стран, как США, Франция, Великобритания, Германия и ряд государств Юго-Восточной Азии, который все же не следует бездумно копировать. Н.А. Назарбаев предложил взять самое лучшее из того, что используется для государственного управления в образцовых бюрократиях мира.

Президент обозначил основные принципы новой модели [123]:

Во-первых, необходимо укрепить статус самой государственной службы, возвести государственную кадровую политику в ранг особо важного национального приоритета Казахстана.

Во-вторых, надо пересмотреть принципы государственной службы, в ее основе должны лежать Меритократия, Честность, Эффективность. Сочетание сильной политической воли и этих принципов, тщательное планирование и умение предвидеть проблемы, чуткость по отношению к нуж-

дам людей, тщательный отбор и подготовка служащих должны стать главными факторами «очищения» и повышения эффективности государственной службы Казахстана.

В-третьих, необходимо более глубоко и четко подойти к разграничению политической и административной государственной службы. Политические служащие должны быть идеологами и практиками – активными проводниками партийной программы. Мы хотим прийти к такой системе – подчеркнул Н.А. Назарбаев, – при которой политические лидеры, которым оказал доверие народ Казахстана, формируют политику, а профессиональные государственные служащие – обеспечивают ее исполнение. Политиками будут публичные фигуры, выдвигаемые победившей на выборах партией: министры, акимы областей и городов республиканского значения и их заместители, а также ряд ключевых руководителей центрального уровня. По мнению Президента, персональный авторитет и личные качества политических служащих должны укреплять авторитет и имидж партии, а не наоборот.

Административная государственная служба по новой модели будет состоять из двух основных корпусов. «Корпус А» – это корпус профессиональных кадровых государственных менеджеров, которые будут заниматься планированием и реализацией конкретных направлений государственной политики, сформированной правящей политической партией. Все остальные административные государственные служащие войдут в состав «корпуса Б».

В качестве пятого приоритета Президент назвал постоянное обучение и повышение квалификации. В связи с этим он предложил при Академии государственного управления создать национальную Школу государственной политики. Такая школа должна стать важным звеном в системе отбора и подготовки будущих лидеров и выполнять ключевую роль в создании и развитии корпуса элитной профессиональной государственной службы – «корпуса А».

Концепция новой модели государственной службы должна решить жизненно важную задачу укрепления доверия и уважения к государственному служащему. Но ее сверхзадача – сплотить Государство и Народ в едином Национальном интересе.

Закончил свое выступление Президент такими словами: «Наша история богата образами самоотверженности, патриотизма и бескорыстного служения своему народу. Подвигами батыров и мудростью аксакалов мы защитили и сберегли родную землю, обрели независимость, создали современное государство. Служение Родине должно стать смыслом государственной службы».

Новую схему государственной службы можно назвать казахстанской моделью веберовского разграничения политики как призвания и как профессии, моделью разграничения и согласования в условиях современного Казахстана полномочий и функций харизматического и рационально-ле-

гального типа власти и соответствующих им типов политического лидерства. Отныне перспективы развития института политического лидерства в Казахстане связаны с тем, насколько эффективно заработает эта модель. В частности от того, какие именно тенденции трансформации политического режима, заложенные в новой модели, возобладают при ее реализации. Ведь очевидно, что, наряду с позитивными, конструктивными изменениями новая модель может спровоцировать и отступление от демократических принципов формирования институтов власти. Например, российский политолог Андрей Звягин отмечает: «Попытка поставить чиновника под контроль партийного работника, как показала история, не приводит ни к чему хорошему. Между тем глава государства в своей реформе делает ставку именно на партийное руководство чиновниками» [138].

Соотношение элементов имиджа политического лидера для каждого из основных субъектов политико-административной власти в Казахстане с учетом особенностей предложенной Президентом Казахстана концепции государственной службы можно представить в виде таблицы – см.: таблицу 10:

Таблица 10. **Субъекты политико-административной власти и элементы их имиджа**

	Традиционный	Рационально-легальный	Харизматический
Президент	+	+	+
Политические служащие	–	+	+
Административные служащие	–	+	–
Сенаторы, парламентарии	–	+	+
Лидеры правящей партии	–	+	–
Лидеры оппозиционных партий	–	+	+

Никколо Макиавелли учил, что важно не то, каким на самом деле является политик, а то, каким он кажется подданным. Мудрый лидер соединяет в себе качества льва (силу и честность) и качества лисы (мистификацию и искусное притворство). Рецепты великого флорентинца находят благодатную почву для применения в современных теориях политического менеджмента, важнейшим разделом которых является управление впечатлением, или технологии самопрезентации политика. Самопрезентация – это акт самовыражения, конструирования публичного «Я», направленный на создание благоприятного образа в глазах других людей для того, чтобы получить социальное одобрение и добиться от них желаемой реакции. Связь самопрезентации с технологиями политической власти очевидна. С помощью самопрезентации политический деятель достигает своих целей посредством

создания впечатления о себе в глазах других как о человеке, наделенном именно такими качествами, которые соответствуют их желаниям, нормативным ожиданиям, идеалам и т.д.

Болгарский политолог А. Крэстэва утверждает, что коммунистическое общество полностью растворилось в государстве. В посткоммунистическом же социуме общество «не ассимилировано, а проигнорировано» государством. По одну сторону находится политическая элита, а по другую остаются «форсировано гомогенизированные, вопреки внутреннему разнообразию, массы» [139, с. 28] («деперсонализированный охлос»), способность которых воздействовать на стратегический курс власти и принятие политических решений практически сведена к нулю. Между тем нарисованная А. Крэстэвой картина политического пространства посткоммунистического социума с тем же успехом может быть применена и к современным либерально-демократическим режимам, существующим в странах «консолидированной демократии». П. Бурдьё отмечает, что, за исключением кризисных периодов, производство политических акций в этих странах является монополией политических профессионалов. Рынок политики в современном мире, указывает П. Бурдьё, является одним из наименее свободных рынков. Причем это положение существует *при всех типах политических режимов*. Авторы монографии, посвященной сравнительному исследованию российских и американских политических реалий, отмечают: «У подавляющего большинства россиян, да и американцев тоже, нет капиталов для пользования этим рынком. Отсюда следует, что у них нет иного выбора, кроме самоотречения своих прав в пользу того или иного политического движения или партии. Что же касается агентов, возглавляющих политические движения и властные структуры, то они, по существу, используют делегированные им права как мощное средство завоевания политического пространства, все более отдаляясь от рядовых граждан» [140, с. 219–220].

В условиях распространения на политическую сферу рыночных отношений и растущего отчуждения этой сферы от рядового гражданина образы и имиджи политических лидеров становятся все более значимыми – структурно и функционально – блоками конструирования социальной реальности. При этом повестка дня публичной политики переносится в повседневность, а сами образы (вернее, их репрезентация, «картинка», отражающая набор стереотипных представлений о носителе образа) оказываются объектом массовой культуры, привычной частью повседневного обихода. Это положение – закономерный результат становления открытого информационного пространства, в котором политическая коммуникация осуществляется посредством доступных обыденному сознанию символов и знаков. Политический дискурс выстраивается вокруг субъектов – носителей имиджей, и прежде всего, имиджа политического лидера. Сегодня на политическом рынке выставляются и продаются в острой конкурентной борьбе не политические идеи и программы, не общественно-политические движения,

политические партии и избирательные блоки, а личности политиков, точнее, умело созданные их имиджи, политические образы. По данным политологов, лишь 7% успеха политического лидера зависит от того, что он говорит, а 55% – от того, какое он производит впечатление [141, с. 25].

Имиджи – эффективный инструмент управления общественными настроениями. Такое управление осуществляется путем вбрасывания в публичную дискуссию определенного набора представлений о том или ином субъекте политического процесса. Отношения между политическими акторами опосредствуются путем внедрения маркетинговых технологий, которые производятся в узком кругу политконсультантов, экспертов, PR-специалистов и предельно широко распространяются СМИ. Несколько гиперболизируя ситуацию, можно сказать, что в современном мире на смену борьбе политических идей и лидеров пришла борьба политических технологий и имиджей. Имиджмейкер становится чуть ли не центральной фигурой в политическом процессе.

Многие теоретики крайне негативно относятся к применению в анализе и описании политического процесса терминов, заимствованных из рыночной экономики: «спрос и предложение», «маркетинг», «бренд». Это считается грубым, циничным, даже непрофессиональным. Небывалое развитие PR-технологий и других методов манипуляции общественным сознанием ведет к тупикам нового типа тоталитаризма, вырастающего из монополизации политического капитала. Возникает реальная опасность того, что товаром на политическом рынке будут становиться государственно-политические и административно-управленческие решения, законы, нормативно-правовые акты – а в конечном итоге, и *государственные интересы*. Но на дело можно взглянуть и под другим углом зрения: теоретический дискурс и практическое структурирование политического поля в рыночных категориях ведут к десакрализации политики, к снятию с нее ореола недоступного для профанов, эзотерического искусства Politica Hermetica, удела касты «избранных». С этой точки зрения применение «рыночной парадигмы» для анализа феномена политического имиджа представляется методологически оправданным и весьма эффективным. Ведь речь идет о превращении политики из идеологически заданной в рыночно ориентированную сферу жизнедеятельности общества, о формировании политического рынка в самом широком смысле слова. «Имиджи как рукотворная и восприимчивая к внешнему воздействию ипостась образов, представляющих субъектов политического процесса, становятся на этом рынке самым ходовым товаром» [142]. Разумеется, образы политической картины мира имеют свою специфику, отличную от образов товаров и услуг в рекламе или от художественных образов в искусстве. Однако эта специфика не мешает интеграции политических имиджей в систему рыночного товарооборота. Естественным образом появляются как производители этого товара – имиджмейкеры, так и новая отрасль предпринимательства: perception management – технология управления воспри-

ятием. Развивается и соответствующее направление теоретических исследований – «политическая имиджелогия», возникшая в ходе исследований политических коммуникаций на пересечении политико-культурного анализа и разработки политических технологий. В центре внимания политической имиджелогии – проблема формирования «политического имиджа как искусства целенаправленного управления впечатлением в системе властных связей и отношений» [143, с. 16]. Речь идет о репрезентации в публичной политике представлений о субъектах политического процесса – политических лидерах, партиях, движениях, группах интересов и т.д. Опираясь на конструктивистский подход и на сформулированный политический запрос, это направление приобретает самостоятельное значение в системе политического знания.

> Суть политической имиджелогии или политического консалтинга достаточно точно сформулирована И. Минтусовым (Российский Центр политического консалтинга «Никколо М»): «Мы проводим исследования, затем на их основе разрабатываем стратегию кампании, в которой главным для нас является имиджевое позиционирование кандидата. Что это значит? Это значит, что мы выявляем реальный имидж реального кандидата, а также имидж несуществующего кандидата, за которого люди готовы голосовать. Суть стратегии заключается в том, чтобы *из первого кандидата сделать второго*».

С приходом новых информационно-коммуникативных технологий дискурс власти все более концентрируется вокруг проблем ее восприятия гражданами. «По мере продвижения процесса демократической трансформации власть все в большей степени вынуждена заботиться о своем имидже, понимая, что на выборах ей придется в полной мере расплачиваться не только за то, что удалось или не удалось сделать для населения, но и за то, как ее воспринимает обычный гражданин, ставший избирателем» [144, с. 9]. Как отмечается практически во всех социологических исследованиях, посвященных анализу формирования образа власти в массовом сознании современного общества, для людей характерно *персонифицированное* восприятие политической власти, которое редуцирует всю совокупность властных отношений до фигуры конкретного политического лидера. Личностные особенности политических лидеров при персонифицированном типе восприятия выходят на первый план. Поэтому имидж политического лидера – важнейшая (а для политической жизни современного Казахстана, учитывая присущую национальной политической культуре крайне высокую степень персонификации властных отношений, – ключевая) составляющая современного механизма власти.

Политический выбор, волеизъявление избирателя несвободны даже в обществах с наиболее развитыми демократическими институтами. Политические технологии способны интегрировать воздействия различных факторов, влияющих на электоральное поведение, организовать это влияние и подчинить его избирательной стратегии той или партии или кандидата.

Технологии политического пиара часто направлены на то, чтобы изменить политическое пространство в соответствии с выполненными на основе этих технологий лекалами. Поэтому столь насущны сегодня исследования и разработки концепций, методов и инструментария конструирования эффективного имиджа политического лидера, технологий организации политической репрезентации как стиля или лидерского «бренда». Вместе с радикально новым *имиджем* персонификации верховной политической власти в полосу коренных изменений вступает *политическая картина мира* населения страны, запускается процесс трансформации ее мировоззренческо-идеологических, аксиологических (ценностно-нормативных), онтологически-смысловых, социально-психологических, координат. Тем самым проблема теоретического анализа и конструирования имиджа политических лидеров ставится в непосредственную связь с проблемой ценностно-нормативного содержания массового сознания социальных групп и, в целом, гражданского общества Казахстана.

> Советская тоталитарная система не предполагала конкурентной борьбы за голоса граждан и прокладывала иной путь вхождения во власть, чем публичная политика, что, естественно, накладывало отпечаток на образ политика. М.С. Горбачев привнес в свой имидж естественную человечность, непосредственность, эмоциональность, в противовес безликости и запрограммированности имиджа лидера советского типа. При Б.Н. Ельцине политическое лидерство процветало, велась напряженная борьба между политическими лидерами. Шансы на победу были у многих, что сохраняло возможность «здорового» лидерства и конкуренции даже притом, что процветали самые грязные, беззастенчиво циничные политические технологии манипулирования общественным мнением. В таких условиях лидеры политических партий и движений старались выделиться за счет своих личных качеств и яркого имиджа. И надо сказать, что многим политикам это удавалось в полной мере. Отражением этого обстоятельства стал небывалый успех программы «Куклы», персонажи которой были мгновенно узнаваемы даже не по внешнему сходству, а по сугубо индивидуальным интонациям, манере поведения, используемой лексике и т.д. В Казахстане аналогичный проект потерпел полное фиаско именно из-за обезличенности, невыразительности, сценической серости персонажей отечественной политической сцены – хотя в частной жизни они вполне могли быть яркими и своеобычными личностями.

В нынешней политической жизни Казахстана политики вынуждены находиться в тени президента. Популярность Н.А. Назарбаева как личности, обладающей качествами лидера и заслуживающей доверия, на порядок превышает популярность не только любого из действующих политиков, но и любого из известных в Казахстане деятелей культуры, искусства, науки – см.: таблицу 11*.

* По данным социологического исследования, проведенного авторами в 2009 г.

Таблица 11. **Назовите политиков, бизнесменов, общественных деятелей РК, которые обладают качествами лидера и заслужили Ваше доверие** (%)

Н. Назарбаев	56,4	А. Дербисали	2,5	Г. Касымов	4,9
К. Масимов	10,4	Б. Тулегенова	2,7	Д. Назарбаева	1,5
О. Шукеев	3,6	Б. Рыскалиев	1,3	Е. Нигматуллин	1,5
О. Жандосов	4,6	Н. Онербаев	2,8	С. Белялов	3,2
И. Тасмагамбетов	4	Б. Абилов	9,3	С. Марченко	10
Ж. Туякбай	0,9	Б. Тлеухан	3	С. Ахметов	2,5
А. Байменов	5,3	О. Сулейменов	5,3	О. Мухамеджанов	1,3
А. Сайденов	0,6	Р. Багланова	2,1	С. Енсегенов	3
А. Ашимов	1,7	К. Токаев	7,4	А. Мусин	1,5
М. Шаханов	4	Д. Ахметов	2,8	Б. Шукенов	3,3
Р. Рымбаева	21,3	М. Тажин	1,9		

В типологии имиджей политиков, предложенной Р. Шварценбергом, галерея образов политиков повторяет набор классических театральных амплуа:

1. «Спаситель Отечества». Театральный аналог – герой, «бог из машины». Этот персонаж вступает на сцену политического театра в самые сложные и ответственные моменты; он овеян славой и легендами, часто канонизируется.
2. «Отец нации». Театральный аналог – благородный отец. Речь идет об авторитарном лидере, царе-батюшке, который строг, но справедлив с подданными.
3. «Обаятельный лидер». Театральный аналог – первый любовник. Улыбчив и раскован, пытается не столько убедить в правоте своих идей, сколько просто понравиться.
4. «Свойский мужик». Театральный аналог – простак. Ничем не примечательный человек, волею судьбы оказавшийся среди обитателей политического Олимпа.

Чтобы быть политическим лидером, необходимо, прежде всего, отвечать требованиям момента и действовать по ситуации. Героические лидеры приходят и уходят вместе с эпохой, их породившей. На Западе последними политиками такого типа были герои второй мировой войны Д. Эйзенхауэр и Ш. де Голль. С 1960-х гг. в западной политике стали доминировать «обаятельные» лидеры – Кеннеди, Клинтон, Жоспен. Время от времени их теснят «свойские мужики» – Картер, Мейджор. Постепенно сходят со сцены «отцы нации» – Миттеран, Рейган.

За долгое время преобладания тоталитарного режима советский народ привык к управлению «жесткой руки». Как замечает А. Мигранян, «политическая система России традиционно тяготела к харизматичному лидеру и нуждалась в нем. Царь олицетворял единство нации» [145, с. 116–120]. Поэтому имидж Б. Ельцина намеренно формировался на основе мифа

«отца нации», который должен был решить все проблемы и защитить от всех невзгод. К моменту вступления В.В. Путина на президентский пост отмеченные черты менталитета народа, массовые ожидания остались неизменными, потребность в сильном правителе по-прежнему была актуальной. Но наиболее адекватным в тот период для политического лидера становился миф о герое-победителе. Проведенные российскими социологами исследования позволяют утверждать, что миф о герое являлся центральным в формировании имиджа большинства кандидатов в российских избирательных кампаниях тех лет. Во время предвыборной кампании В.В. Путина стратегия строилась по классическим принципам политического маркетинга. Сначала изучили спрос (стране нужен был новый курс, новый лидер). Исходя из структуры спроса, формировался имидж В.В. Путина, который посредством СМИ транслировался в общественное сознание электората.

Следует отметить, что в Казахстане имидж Президента до сих пор формируется по модели харизматического лидера. При этом все более явственно обозначаются непримиримые противоречия между авторитарно-патерналистской и либерально-демократической составляющими имиджа политического лидера нации. Однако это обстоятельство не принимается во внимание либо намеренно игнорируется отечественными имиджмейкерами. Тем самым в руки политической оппозиции даются заведомо козырные карты.

При формировании имиджа политика существует два измерения рекламируемого кандидата: «кандидат-герой» и «кандидат – один из нас». Кандидат-герой должен обладать качествами, которые отличали бы его от других, степень выраженности общечеловеческих, одобряемых обществом качеств у него должна быть выше, чем у обычных людей. «Героическое» измерение в имидже кандидата помещает его как бы вне голосующего социума. Однако чтобы у избирателя не было ощущения униженности и понижения самооценки на фоне такого кандидата, важно, чтобы он воспринимался как бы изнутри голосующего социума, т.е. описывался ими «как один из нас». Стратегия «я один из вас» позволяет лидеру добиваться близости и любви народа. Люди любят тех, кто похож на них, избиратель хочет видеть в кандидате частичку себя. Происходит процесс определенной идентификации избирателя с лидером, что позволяет понимать и прогнозировать его поведение, а также рассматривать лидера как человека, который «знает наши беды». При этом не следует забывать, что лидер должен выглядеть, прежде всего, лидером, а уже потом «своим парнем».

Имидж должен строиться на основе не одного, а нескольких образов-мифов. Ю. Лотман отмечает: «Сложная маска Суворова строилась из комбинации «богатыря», «стоика» и «шута» [146, с. 292]. В имидже должны сочетаться несколько стереотипов, комбинироваться различные маски в соответствии с указанием такого авторитета, как В. Шекспир: «Весь мир – театр, в нем женщины, мужчины – все актеры. И каждый не одну играет роль». Чтобы удержаться у власти, политическому лидеру приходится быстро реагировать на изменения

ожиданий избирателей и демонстрировать разные выражения своего политического амплуа. Поэтому политический лидер должен играть несколько ролей: сегодня он «герой», завтра «брат», послезавтра «отец нации» и т.д. За счет этого его образ в любой ситуации станет актуальным, он не будет казаться однообразным и скучным [147, с. 117–121]. Однако недопустимо конструировать имидж политического лидера по модели Протея, когда возникает ощущение, что политик за считанные дни может измениться до неузнаваемости.

Ни в России, ни в Казахстане богатых не любили и осуждали раньше, не любят и сейчас, так как многие люди до сих пор живут за чертой бедности. Во времена Б. Ельцина при построении политического имиджа этот фактор не учитывался. Напротив, в 1990-е годы имиджмейкеры старались изображать лидеров в красивых дорогих интерьерах, поддерживая тем самым их респектабельность и исключительность. Телепередачи, посвященные личной жизни политиков, снимались в их дорогих квартирах или домах, «кричащих» о высоком достатке своих хозяев.

Сегодня, когда в имидже политических лидеров учитываются настроения избирателей, имидж меньше ориентирован на материальный достаток политиков. Лидеров зачастую позиционируют как политиков, которые в прошлом принадлежали к людям с низким социальным статусом и добились всего своим тяжелым трудом. В последнее время в предвыборной агитации при съемках видеороликов, сюжетов не используются дорогие интерьеры, машины. Наоборот – политтехнологи стараются приблизить своих клиентов к народу, показывая поездки кандидатов по регионам, своеобразно преподнося их биографии и т.д.

Вместе с тем сильна и прямо противоположная тенденция. На седьмом Евразийском Медиа-форуме развернулись дебаты на тему *«Гламур в политике и политика гламура»,* обсуждению которой была посвящено специальное заседание. В пресс-релизе организаторов Форума было сказано следующее: «Первые лица власти вынуждены, как правило, ограничивать сведения о своей приватной жизни рамками определенных поведенческих стереотипов. Сегодня мы становимся свидетелями рождения «нового стиля VIP» в политике, которому не чужд так называемый «гламурный» тип поведения, где особая важность придается внешним признакам, ориентированным на телевизионную картинку и репортажи светской хроники… Становится ли политика сегодня сценой, на которой значимы и популярны, прежде всего, «звезды» и «гламурные» герои?»… «К примеру, личная жизнь главного политического деятеля Франции Николя Саркози, старательно выставленная на показ, привлекает всеобщее внимание и обеспечивает повышенный интерес прессы и бурю слухов, в первую очередь, в силу того, что предстает перед публикой в форме, более привычной для шоу-бизнеса и вообще масс-культуры. Что это – особенность личности и политического имиджа французского лидера или феномен рождения «гламурного» политика – этакий ловкий ход современных политтехнологов, когда «гламурная маска» помогает отвлечь внимание общества от глобальных реальных проблем, которых немало, учитывая пример пылающих предместий Парижа и забастовки французских транспортников?» [148, с. 23].

Начиная с 2005 г. в России стала прослеживаться тенденция роста профессионализма политических имиджмейкеров. Построением имиджа политиков стали заниматься высокопрофессиональные специалисты, обладающие большим опытом и связями, выжившие в условиях жесткой конкуренции. Это обусловлено тем, что политический имиджмейкинг и консалтинг претерпели сегодня некоторое сужение. Главная причина – в уменьшении числа выборных постов в государстве, а также централизация власти, при которой в большей степени нужны не «связи с общественностью», а «связи с верхами».

> Все это способствовало уходу с рынка ряда средних агентств, занимавшихся формированием политического имиджа, зачастую неэффективно и недобросовестно выполнявших свою работу. В условиях конкуренции выжили лишь крупные группы компаний (холдинги, консорциумы, центры политического консультирования), которые имеют постоянный поток заказов и налаженные связи в «верхах». Уменьшение количества мелких фирм, сужение рынка политического PR по идее должно вести к уменьшению применения технологий «черного PR». Работа крупных фирм происходит, как правило, в жестких рамках закона. Мелкие же консалтинговые фирмы зачастую используют «грязные технологии», обходя закон. Тем не менее, по данным социологических исследований, в России доля негативной информации об оппоненте составляет примерно 70%, и даже те кандидаты, которые формируют свой имидж на основе других технологий, в решающий момент могут прибегнуть к использованию «черного PR», дабы гарантировать себе успешный исход выборов [131, с. 29]. Издаются монографии с подробным изложением технологий, методов и приемов «черного PR». Такого рода публикации издаются даже в формате учебных пособий для российских вузов [149].

Ни для кого не секрет, что в Казахстане, особенно за последние годы, «грязные» политические технологии стали чуть ли не основным способом формирования имиджа некоторых политиков. Такого рода технологии без труда обходят закон в силу несовершенства соответствующего законодательства.

О.Н. Гундарь отмечает: «В стабильных системах Запада востребован мягкий демократический тип с личной харизмой. В переходных системах кризисного общества, наоборот, жесткий авторитарный лидер с явно выраженной силой воли. Но в том и другом случае лидер должен соответствовать требованиям времени. На уровне «большой политики» имеют значение не столько его личностные качества, интеллект, умение ясно выражать мысли, сколько способность улавливать настроение людей и умение формировать общие политические требования» [150, с. 9].

В современном обществе политическое лидерство представляет собой способ функционирования власти, основанный на интеграции, посредством специфических технологий, различных социальных слоев (групп) вокруг выдвигаемой лидером программы (концепции) решения социальных проблем

и задач общественного развития. Однако в стабильном государстве работа по решению различных насущных экономических и даже политических задач может осуществляться и без участия официального лидера. Важнейшей его задачей становится взаимодействие с публикой, завоевание ее поддержки и т.п. Эта тенденция характерна практически для всех публичных лидеров высокого уровня. Казалось бы, что в сложные (переходные, кризисные и т.д.) периоды социального развития имидж VIP-политика в глазах населения напрямую и непосредственно определяется тем, насколько успешно он справляется именно с текущими задачами. Однако в действительности зависимости здесь более сложны и даже парадоксальны с точки зрения рационально выстроенных моделей политического процесса.

Один из первичных компонентов имиджа, представляющихся доминантными в восприятии избирателей, – глубина понимания лидером социально-экономических проблем, которые стоят перед обществом в данный момент. Эта глубина зависит от того, насколько точно определены эти проблемы. Какие из них избиратели считают наиболее важными, определить достаточно просто. Труднее выяснить значение каждой проблемы для той или иной группы избирателей. По образному сравнению Б. Брюса, «поскольку относительная важность вопросов все время меняется, планирование коммуникативной стратегии начинает напоминать попытку выстрелить из ружья по движущейся цели, скрытой в тумане» [151, с. 297]. Между тем с *ценностями* политическое лидерство связано онтологически, структурно и функционально. Согласно широко распространенным в современной политической теории представлениям о политическом лидерстве политический лидер сегодняшнего дня – это человек, который постоянно ведет разговор о ценностях. Если ценности, манифестируемые политиком, вызывают эмоции одобрения у получателей его посланий-текстов, то можно вести речь не только о формальном, но и фактическом политическом лидерстве. Если же одобрения не состоялась, то перед нами номинальный лидер, т.е. политический менеджер или администратор, лишь официально занимающий руководящий пост в отличие от харизматического руководителя, который является лидером уже потому только, что вызывает восхищение сторонников.

Включая в анкету, подготовленную для проведенного в 2009 г. рамках научно-исследовательского проекта «Имидж политического лидера и электоральные предпочтения граждан в контексте общенациональной идеи Казахстана» социологического исследования вопрос: «Что должен делать политический лидер, чтобы вызывать симпатии и поддержку населения?», – авторы монографии рассчитывали выявить спектр тех мер в экономической, социальной и культурной сферах жизни казахстанского общества, реализации которых ожидает население от избираемых им политических лидеров. Ответы респондентов оказались в значительной степени неожиданными. Наряду с такими легко прогнозируемыми ответами, как: «защищать интересы простых граждан», «выполнять свои обещания», «помогать пенсио-

нерам, инвалидам» и т.д., – наиболее часто встречающимися стали ответы: «быть человечным», «быть честным», «быть справедливым». Наиболее адекватная интерпретация такого характера ответов респондентов заключается, по-видимому, в следующем: поскольку в общественном мнении казахстанцев сфера политики в нашей стране по преимуществу погружена в устойчивый негативный контекст, то любые проявления порядочности, искренности и благородства со стороны политиков становятся необычайно значимыми для избирателя и вызывают огромные симпатии электората.

В демократическом государстве претенденты на лидирующие должности могут рассчитывать на успех лишь в случае совпадения их имиджа с ожиданиями большинства народа. Существует некий постоянный набор черт и качеств, который обязательно должен демонстрировать политик, чтобы его последователи увидели в нем лидера. Только тот политик, который сможет «подогнать» себя, свой имидж под этот идеальный тип, сможет добиться успеха в качестве публичного лидера.

«Государственные деятели отличаются от политиков тем, что первые думают о будущем страны, а вторые – о предстоящих выборах» (Уинстон Черчилль). Однако такого рода эффектному, но абстрактному противопоставлению административно-бюрократического менеджмента и харизматического политического лидерства следует предпочесть более широкий взгляд, согласно которому подлинный политический лидер в XXI в. – «это тот политический менеджер, который сможет повести за собой восхищенное большинство (в государстве, партии, общности), подавая конкретный пример следования культурным ценностям социума» [152]. Данный императив, по нашему мнению, должен быть положен в основу идеологии, концепций и технологий политического имиджмейкинга и в нашей стране.

Подтверждением этого тезиса могут служить данные социологического опроса о степени значимости различных личностных качеств для формирования позитивного имиджа политического лидера в современном Казахстане (диаграмма 4).

Как следует из данных, представленных на диаграмме 4, наиболее значимыми для большинства респондентов оказались ответственность, справедливость, способность понимать и отстаивать интересы людей, неподкупность, компетентность и образованность лидера. Наиболее негативно воспринимаются респондентами необразованность, некомпетентность, продажность, коррумпированность, корыстолюбие, взяточничество, глупость, которые несовместимы, по мнению большинства респондентов, с ролью и статусом политического лидера.

Диаграмма 4. **Какими личными качествами должен, по Вашему мнению, в первую очередь обладать политический лидер?**

В современных условиях коммуникация стала главным средством ведения политической борьбы, основным механизмом развития политического процесса, ведущим инструментом легитимизации власти и ее решений. Коммуникативная компетентность как способность к эффективному информационно-психологическому воздействию и взаимодействию участников политического процесса превратилась в необходимое условие политического успеха. Арена политической борьбы стала местом соревнования в коммуникативной компетентности претендентов на выборные посты и их команд.

Коммуникативная компетентность в политике в наиболее яркой и полной форме проявляется в период избирательной кампании, которая является развернутым процессом коммуникации между основными участниками политического процесса. Коммуникативная компетентность, необходимая для политического лидерства высокого уровня, по сравнению с лидерством в небольшой группе, имеет ряд существенных отличий. Эти отличия позволили американскому психологу В. Стоуну выделить два самостоятельных и качественно различных типа лидерства:

– лидерство «лицом к лицу», осуществляемое в небольших группах, где все участники процесса имеют возможность непосредственно контактировать между собой;

– «отдаленное» лидерство, или лидерство вождей, за которыми идут многочисленные массы.

Важнейшей чертой отдаленного лидерства является то, что общение лидеров с последователями редко осуществляется непосредственно в личных контактах. Определяющим для него становится общение опосредованное, при котором взаимодействие происходит с помощью различных средств массовой информации. Именно в данном типе политической коммуникации появляется такой промежуточный или посредствующий между лидером и массой элемент, как имидж лидера. Таким образом, в качестве лидера-для-публики, выступает не реальная личность, как в случае лидерства «лицом-к-лицу», а образ или имидж лидера. Этот образ формируется в результате коммуникации между политиком и аудиторией. В большинстве случаев аудитория имеет дело не со своими непосредственными впечатлениями о лидере, его качествах, поступках, деятельности в целом, а с рассказом о лидере, сообщением, подготовленным специально для восприятия другими лицами с целью повлиять на получателя этого сообщения. В такой ситуации отступают на второй план традиционные проблемы психологии лидерства: какие черты личности и характера необходимы лидеру, какой тип личности требуется в той или иной специфической ситуации и т.д.

Поэтому крайне важно различать и вместе с тем не разрывать две стороны формирования образа (имиджа) лидера. С одной стороны, образ лидера есть отражение его политической деятельности, направленной на достижение конкретных результатов, с другой – следствие специальных усилий по его формированию у населения. Конструирование имиджа политического лидера связано не только с выполнением задач по популяризации лидера у населения, пропаганде его личности, агитации в пользу его программы действий. В современном обществе этот процесс все в большей степени становится механизмом создания искусственного образа лидера-для-публики, замещающего в сознании людей реального политического лидера. Именно к этому сконструированному образу люди обращают свои ожидания и надежды, именно этот виртуальный посредник между лидером и людьми начинает в процессе политической коммуникации выполнять некоторые важные функции лидера.

Лидера пытаются «делать» политические консультанты, эксперты, средства массовой информации. Лидер-для-публики, как целенаправленно сконструированный образ, может обладать практически любыми заданны-

ми характеристиками, соответствующими ожиданиям публики. Пусть даже при этом реальная личность политика обладает прямо противоположными характеристиками*. На фоне возрастающей пассивности самого лидера, имидж которого используется в политической коммуникации, возникает угроза манипуляции не только общественным мнением, но и самим лидером. Когда выбирают не реального кандидата, а рекламный телевизионно-компьютерный фантом, становится возможна не просто *подмена лидера его имиджем, но и устранение лидера из реального политического процесса.*

Ролевые функции лидера, с одной стороны, предопределяют его положение «вне» массы и «над» ней, предполагают демонстрацию избранности, исключительности. С другой стороны, – лидер не может быть совершенно оторван от массы, он часть ее, «один из нас». Как уже отмечалось, политик все-таки должен быть, в первую очередь, лидером, а уже потом – «своим парнем». «Отдаление – приближение» лидера носит волнообразный характер. Какая позиция преобладает в данный момент, зависит от политической ситуации, общего «рисунка» образа. Обязательность наличия в имидже лидера того и другого полюса (бинарность имиджа) ведут к тому, что, как пишет Г.Г. Почепцов: «Сутью имиджа становится пульсация между двумя полюсами» [153, с. 66]. Это обстоятельство необходимо учитывать при конструировании имиджа в соответствии с электоральными ожиданиями.

Расширение участников политического процесса постоянно продуцирует ситуацию конкуренции и выбора. Образуется своеобразный политический рынок, который заставляет политиков, политические партии, элиты, контрэлиты, других субъектов политических отношений завоевывать симпатии электората, воздействовать на массовое сознание и поведение с целью быть избранными. Выборы, таким образом, представляют собой ключевой момент функционирования любой демократической политической системы, они определяют основные циклы ее функционирования и развития.

В странах с отлаженной избирательной системой существуют специальные механизмы, сценарии, модели, даже алгоритмы создания имиджа будущего лидера в период избирательных кампаний. В конечном итоге выбор избирателей, как показывает многолетний опыт стран с развитой демократией, обусловливается двумя факторами:

– привлекательностью предвыборной программы кандидата;

– соответствием имиджа депутата набору политических и личностных характеристик, которые заранее для себя определил избиратель.

* Эту ситуацию можно проиллюстрировать следующей притчей: Человек, впавший в глубокую де-прессию, пришел в храм. «Отец мой, – обратился он к настоятелю, – уже долгое время я нахожусь в угнетенном, подавленном настроении. Мой глаз не радует природа, которая прежде врачевала мою душу, меня раздражают дети, которых я раньше любил, а женщины, которыми я восхищался, вызыва-ют досаду. Я боюсь впасть в страшный грех – отчаяние. Что мне делать?». «Отчаяние, дей-ствительно, большой грех. Твои страдания облегчат молитвы, а исцелят впечатления, привносящие в твою жизнь радость и веселье. Пойди на площадь, там уже неделю выступает Рыжий клоун. Его жизнеутверждающее мастерство столь велико, а проделки столь забавны, что облегчили страдания многих людей и заставили поверить, что их жизнь полна веселья и радости». «Отец мой, но Рыжий клоун, о котором ты говоришь, – это я».

В соответствии с этими факторами избирательные кампании условно можно разделить на «программные» и «имиджевые» в зависимости от того, какая сторона коммуникативного процесса в них превалирует. «Программными» обычно являются избирательные кампании в странах, переживающих переломные моменты своей истории, когда усиливается идейно-политическая поляризация, нарастает противоборство классов, социальных групп, партий, лидеров и т.д. В подобной ситуации имидж политика мало кого волнует. При отсутствии острой социально-политической конфронтации имидж политика выходит на передний план избирательных кампаний, а его формирование и «раскрутка» в СМИ становятся осью всей коммуникационной стратегии.

Повышенное внимание к имиджу кандидатов в ущерб собственно политическим дискуссиям стало характерной и наиболее тревожной чертой современного электорального процесса. Между тем инновационность, конструктивность мышления политика рельефнее всего проявляются в его политическом кредо, выраженном в программе, платформе, стратегии.

Каждый политик, который хотел бы найти поддержку у публики, должен связать себя в ее сознании с одной из политических идей, которые поддерживаются в данный момент обществом. От политического лидера требуется не просто сбор, инвентаризация и кодификация интересов масс, не подобострастное поддакивание этим интересам, но их *новаторское осмысление, творческое развитие, постоянная коррекция* с учетом стратегических целей и фундаментальных ценностей общества и государства, составляющих содержание национальной идеи.

Таким образом, можно сделать общий вывод, что имидж политического лидера и электоральные предпочтения граждан Казахстана должны находиться в непрерывном процессе сопоставления, согласования, гармонизации, в том числе с помощью информационно-коммуникативных технологий социальной инженерии.

7.4 Моделирование информационно-коммуникативных структур политического диалога

Современная политическая философия понимает под гражданской культурой культуру демократии, в центре которой гуманистический социальный идеал человека, не приемлющего раскола в обществе, сочетающего индивидуальное и коллективное начала, нацеленного на достижение общественного согласия и сотрудничества.

Важнейшую, определяющую роль в консолидации казахстанского общества играют процессы становления гражданской идентичности. Квалифицированная активная гражданственность формируется в демократических процедурах народного волеизъявления, условием действенности и подлинности которых является политическое пробуждение и персонализация народной массы через свободное развитие институтов гражданского

общества, обеспечиваемое информационно-коммуникативными структурами, прежде всего – национальными СМИ.

Необходимо различать две сферы, в которых выполняются функции национальных СМИ по консолидации общества:

1. Сфера самого гражданского общества.

2. Сфера взаимодействия гражданского общества и государства.

Очевидно, что специфика каждой из этих функций и их взаимодействия определена тем, в каком отношении между собой находятся конкретное гражданское общество и государство.

Сегодня превалирует две основные точки зрения на место и роль СМИ в обществе. Одна рассматривает их как орган власти, другая – как орган гражданского общества. Отсюда возникает как бы двойной стандарт в оценке деятельности СМИ, в основе которого – сложное взаимодействие, реальное противоречие между двумя основными функциями национальных СМИ. С одной стороны, они призваны обеспечить информационное обслуживание процесса функционирования властных структур, с другой – их задачей является информационное обеспечение процесса реализации многообразных потребностей и интересов частных лиц, социальных слоев и групп, гражданского общества в целом. В здоровом общественном организме указанное противоречие разрешается на основе конструктивного диалога власти и общества, консолидированной деятельности политических и гражданских институтов.

Было бы неверно анализировать политические коммуникационные отношения только по вертикальному принципу: «правящие элиты – управляемые массы». Чем демократичнее общество, тем большее значение приобретает горизонтальный уровень обмена потоками политической информации, сопряжение господствующего коммуникационного потока, инициируемого государством, с информационными потребностями и приоритетами гражданского общества, формирующимися на более широкой ценностной основе. И наоборот. Свертывание демократических институтов неизбежно ведет к тому, что информационная система политического управления фактически не пропускает обратные сигналы, не реагирует на результаты собственной деятельности, не обладает механизмами сдержек и противовесов.

Очевидно, что сегодня СМИ являются не столько ареной борьбы групп интересов, сколько ее полноправным политическим участником. В основе идеальной, подлинно демократической модели политической коммуникации лежит равноправный обмен информацией, диалог между основными политическими группами общества – управляющими и управляемыми. Без такого диалога невозможно достижение политического согласия.

В любом государстве и при любом политическом режиме правящая элита узурпирует право на знание и политическое представительство подлинных интересов народа в целом и всех социальных групп населения страны. В этом отношении Казахстан не является исключением. Вопрос заключается в том, открыта ли политическая элита для восприятия критики, ориентирована ли она на диалог как способ легитимирующего дискурса,

или же на роль единственного субъекта «всеобщей воли»; имеем мы дело с имитацией представительных форм правления и замещением их административно-бюрократическими институтами государственного управления, или на практике реализуется та или иная форма реального участия граждан и их политических объединений в осуществлении власти. То или иное решение этого вопроса определяет специфику выполнения национальными СМИ роли информационно-коммуникативного пространства и субъекта политического диалога.

Процессы политической трансформации казахстанского общества и становление новой государственности обусловили повышенный интерес к проблемам взаимовлияния власти и общества, их консолидации, важнейшим принципом которой является установление режима диалогового взаимодействия между всеми значимыми общественными и политическими силами. Наличие или отсутствие такого взаимодействия признается ключевым показателем степени демократичности общества.

Возведение мостов сотрудничества, согласование интересов, упрочение доверия между различными социальными группами, а также между государством и гражданским обществом – это сложный и длительный процесс, предполагающий использование различных средств: законодательно-правовых, политических, социальных, экономических, идеологических и т.д. Для современного этапа социально-политического развития Казахстана наиболее актуальной практической задачей становится налаживание общенационального политического диалога как способа согласования интересов гражданского общества и деятельности государственных политических институтов.

Общенациональный политический диалог является важной составной частью демократической политической системы, сбалансированной разнородными социально-экономическими и политическими интересами, эффективным политическим инструментарием предупреждения и урегулирования конфликтов. Такого рода диалог является формой реализации законных прав индивидуальных и коллективных субъектов гражданского общества и вместе с тем формой легитимации институтов политической власти.

Можно выделить четыре основные функции политического диалога: информационно-коммуникативную, функцию артикуляции общественных интересов, интеграционную и социально-преобразующую.

* Смысл *информационно-коммуникативной функции* – в обеспечении постоянного контакта, двустороннего общения между властью и обществом, призванного снабжать их полной, достоверной и оперативной информацией друг о друге, способствовать пониманию и доверию между ними.

* Различные социальные группы обладают специфическими интересами. Для того чтобы власть могла учесть их при принятии важных решений, эти интересы необходимо выявить и четко обозначить. Отсюда и возникает функция *артикуляции общественных интересов.*

* *Интеграционная функция* политического диалога способствует сближению власти и общества, различных социальных групп вокруг общих, разделяемых всеми политических ценностей и идеалов.

* *Социально-преобразующая функция* призвана выявить и устранить факторы, тормозящие развитие общества, и создать благоприятные условия для его прогресса.

Полноценный политический диалог жизненно необходим как обществу, так и власти. Только в ходе политического диалога возможно формирование гражданской культуры общества, без которой немыслимо серьезно продвинуться по пути демократии даже при наличии самых передовых политических институтов и самого прогрессивного законодательства. Общенациональный политический диалог становится важным шагом по пути ограничения силовых методов регулирования отношений власти и оппозиции и перехода к методам сотрудничества, достижения взаимопонимания и взаимоприемлемых компромиссов, повышения способности политической системы интегрировать требования оппозиционных групп интересов.

В странах с развитыми демократическими традициями власть сама принимает все возможные меры для обеспечения общества исчерпывающей и достоверной информацией, сама делает первые шаги в этом направлении. В Казахстане в настоящее время сложилась ситуация, когда необходимость демократического развития страны и, соответственно, ведения политического диалога как одной из реальных форм институционализации демократических норм и ценностей признается практически всеми, но реальных подвижек в этой сфере не происходит.

Идея общенационального политического диалога в Казахстане была впервые сформулирована сопредседателями Форума демократических сил Казахстана в 1999 г. Президентская администрация выразила готовность пойти навстречу этой идее, отвечающей общепринятым базовым принципам демократического правового государства. В то же время, как отметил один из лидеров демократической оппозиции Н. Масанов, «разная мотивация субъектов политического процесса, разнонаправленные векторы и цели, которые положены ими в основу концепции национального политического диалога, несмотря даже на добрую волю с обеих сторон, не позволяют пока им выйти в режим реального и конструктивного диалога» [154, с. 18]. По его мнению, для демократической оппозиции национальный диалог – способ реформирования политической системы и согласования политических интересов; для правящего режима – способ инкорпорировать в структуры власти отдельных лидеров оппозиции, избегая противостояния по собственно политическим проблемам.

Это различие концептуальных подходов вносит труднопреодолимые противоречия в национальный политический диалог, в согласование его условий, процедур и «правил игры», в достижение согласия относительно формата диалога и перечня обсуждаемых вопросов. Однако, несмотря на все эти расхождения, противоречия и камни преткновения, потенциал, и немалый, согласования политических интересов и взаимных обязательств, достижения компромиссов и взаимоприемлемых уступок, принятия согласованных законодательных и институциональных решений у такого диалога имеется.

Роль инициатора и организатора политического диалога в такой ситуации способны взять на себя казахстанские СМИ. СМИ, генерируя и направляя потоки социально-политической информации, способны эффективно согласовывать интересы общества и государства, выполнять функции основного посредника, без которого эффективный политический диалог невозможен. Казахстанская пресса в значительной мере может способствовать превращению монологических отношений коммуникации в диалогические. Причем если пресса принимает активное и осознанное участие в политическом диалоге, оказывая влияние на его развитие, она сама становится его полноправным субъектом.

О полноценном диалоге невозможно даже вести речь до тех пор, пока власть и общество не будут владеть исчерпывающими и достоверными знаниями, информацией друг о друге. *Достаточная информированность* является необходимым условием эффективного отстаивания своих интересов в сфере политики, возможности влиять на принятие властных решений.

Второе условие – *взаимопонимание. Доверие* – еще одно необходимое условие диалога, достижимое только при наличии полной информации и ее понимании. Можно выделить также ряд дополнительных условий, таких, например, как *психологическая готовность к диалогу, признание всеми сторонами равноправия участников и равенства интересов, избавление от предрассудков и предубеждений, подготовленность к диалогу, его организованность* и т.д.

Развитая политическая культура может консолидировать людей, подвигнуть их на участие в конструктивном диалоге. Но парадокс заключается в том, что гражданская культура формируется не иначе как в ходе социального диалога. Осуществление полноценного политического диалога перспективно и стратегически выгодно для всех его участников, а уклонение от диалога, навязывание коммуникации монологического характера, использование манипулятивных методов в конечном итоге не выгодно ни для кого: ни для общества, ни для власти, ни для СМИ. Для всех них необходим постоянный, заинтересованный и ответственный диалог «власти» и «общества», в котором политический императив конструктивного взаимодействия должен преобладать над интересами конъюнктурного политиканства.

При всем многообразии форм и методов взаимодействия власти и общества эффективным оно может быть только в условиях двухсторонней коммуникации. При этом необходим ценностный консенсус, который обеспечивает консолидацию общества как фундаментальное условие конструктивности политического диалога.

8 СОЦИАЛЬНАЯ ИНЖЕНЕРИЯ ВИРТУАЛЬНЫХ УРОВНЕЙ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

8.1 Политизация киберпространства и виртуализация политики

Технологические достижения последнего времени позволили создать компьютерными средствами особую реальность – виртуальный мир киберпространства. Соответственно с модификацией объекта модифицируются типы восприятия и суждения. В этот мир проникают не путем его отражения и интерпретации, но путем интерактивного моделирования, эксперимента-игры с искусственной реальностью. В виртуальном мире возникают и специфические стереотипы политического сознания и поведения.

В этой связи симптоматично возникновение в сети Интернета виртуальных социально-политических систем. Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что не компьютеризация жизни виртуализирует общество, а виртуализация общества компьютеризирует социальную жизнь, порождая феномен программируемого общества. На деле речь идет не об апокалиптическом исчезновении социальной реальности как таковой, а о тотальной симуляции реальности социально-политических институтов.

Появление глобальной сети Интернета стало вызовом традиционным политическим институтам и структурам, технологиям и механизмам политического управления. Виртуализация социально-политического мира рассматривается ее поборниками как реализация на новой технологической и информационно-коммуникативной основе великих идеалов свободы, равенства, справедливости. Вместе с тем, как отмечает Д.В. Иванов, виртуализация общества вызывает к жизни новый тип империализма – виртуальный. Виртуальная империя – принципиально новая форма политической интеграции и мобилизации экономических ресурсов. Не занимая фиксированного географического пространства, виртуальная империя призвана колонизовать виртуальное пространство. Раздвижение ее границ – это вовлечение все большего числа образов и коммуникаций (массовых и межиндивидуальных) в консолидированный процесс создания и трансляции экономически, политически, культурно притягательных и влиятельных образов.

В созданном альтернативном социально-политическом мире его «граждане» стремятся к реализации идеалов свободы, равенства, справедливости, гуманизма, социального творчества на основе новых информационно-коммуникативных технологий. Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что не компьютеризация жизни виртуализирует общество, а виртуализация общества компьютеризирует социальную жизнь, порождая феномен программируемого общества. На деле речь идет не об апокалипсическом ис-

чезновении социальной реальности как таковой, а о тотальной симуляции реальности социально-политических институтов.

Для значительной части населения современного мира Интернет из системы навигации по информационным массивам превратился в среду обитания. Было бы неосмотрительно расценивать этот параллельный мир всего лишь как «пространство симуляции», по которому бродяжничают «киберпанки». Социальная теория Никласа Лумана определяет общество как систему коммуникаций. С этой точки зрения распространение *виртуальных* форм коммуникации порождает системный эффект, внося *реальный* вклад в производство социальности, в ее структурную дифференциацию. Происходящая в глобальном масштабе виртуализация важнейших институтов массовой демократии – выборов, государства, политических партий и движений – влечет за собой интенсивную политизацию киберпространства, превращение глобальной компьютерной сети в структурно важную область социально-политического процесса. Казахстанские государственно-политические и идеологические структуры должны в полной мере учитывать новые типы консолидации пользователей Интернета – в первую очередь, молодежи – в виртуальном пространстве, которые чем дальше, тем активнее будут конкурировать с традиционными формами консолидации граждан в рамках национального государства.

И. Валлерштайн отмечает: «Стандартный подход к интеллектуально-политическим вопросам» связан с вопросом о том, «как общество и государство относятся друг к другу», как «примирить» общество и государство [155, с. 137]. В эпоху глобализации серьезную, а по ряду параметров решающую трансформацию претерпевают все традиционные институты общества и формы их системного взаимодействия, в том числе и формы взаимодействия общества и государства. Возникли парадоксальные, в том числе откровенно эпатирующие интерпретации новых форм соотношения общества и государственно-политической власти, ведущих к радикальному преобразованию самой социальной онтологии.

Согласно Мишелю Фуко, сущность власти в современном обществе более не может быть понята ни в терминах насилия или запрета, дискриминации или подавления, ни в терминах права и закона. Власть функционирует как стратегия и технология тотального управления жизнью через игру трансформации сети отношений силы. Власть не локализована в каких-либо социальных институтах, как и не стоит перед нами фронтально. Она многолика и вездесуща, окружает нас со всех сторон, пропитывая пористую ткань социального. Власть производит реальность, функционируя как ее конечный принцип – генетический код или матрица. В то же время сама же власть непонятным пока для нас образом полностью растворилась, или «обрела реальность в гиперсимуляции», или каким-то иным образом перестала существовать как реальность, превратившись в симулякр с утраченным референтом.

Мы живем в эпоху политики образов и образов политики. Интенсивная политизация киберпространства наглядно демонстрирует, что новые фор-

мы политики строятся на компенсации дефицита реальных ресурсов и поступков изобилием образов.

> «Приоритетным в последние годы XX в. стало развитие не информационных, а симуляционных технологий – технологий виртуальной реальности… Киберпротезирование институциональных форм является характерной особенностью и иных видов виртуального взаимодействия – виртуальных сообществ (или, если угодно, тусовок), виртуальных корпораций, виртуальных развлечений, виртуальных преступлений и виртуального же отпущения грехов. Столь интенсивное в последние годы использование технологий виртуальной реальности имеет социальный смысл – замещение социальной реальности ее компьютерными симуляциями. Этот социальный аспект развития компьютерных технологий явно превалирует над техническим аспектом… поэтому распространение технологий виртуальной реальности происходит как киберпротезирование. Оно вызывается стремлением компенсировать с помощью компьютерных симуляций отсутствие социальной реальности» [39, с. 13–14, 19].

Посредством управления информационно-коммуникативными кодами современные информационно-коммуникативные технологии отправления власти навязывают когнитивные и символические структуры (в том числе неосознаваемые диспозиции, предрасположенности), в соответствии с которыми нужно воспринимать социальный мир, в том числе и саму власть. Более того, даже критика власти становится элементом структуры ее господства, принципом ее легитимации. Ведь и борьба с навязанной нормативностью, с самоотчуждением индивида в государстве, защита автономии частной жизни от всевидящего ока «Большого брата», вовлечение людей в различные формы субъективных практик («самотехник существования» М. Фуко) и т.д. протекают в условиях превращения частной жизнь в жизнь, полностью объективированную политическими технологиями, современной культурной индустрией и империей масс-медиа. Консолидация общества парадоксальным образом обеспечивается легитимацией форм сопротивления ей.

> «Господствующая сегодня идеологическая позиция состоит в «сопротивлении» – вся эта поэтика рассеянной маргинальной сексуальной, этнической «множественности» стилей жизни (геи, сумасшедшие, заключенные…), «сопротивляющихся» загадочной Власти (с большой буквы). «Сопротивляются» все – от геев и лесбиянок до выживающих правых, – так почему бы не сделать логический вывод о том, что этот дискурс «сопротивления» стал сегодня нормой и, по существу, главным препятствием для появления такого дискурса, который действительно поставил бы под вопрос господствующие отношения?» [156, с. 77].

К специфическим особенностям политических технологий, применяемых в киберпространстве, относятся: экстерриториальность, мультимедийность, оперативность, интерактивность, сетевой тип коммуникации. Наиболее удобную площадку для применения информационно-коммуни-

кативных политтехнологий в киберпространстве представляют собой социальные сети.

Интернет изначально был спроектирован как информационно-коммуникативная сеть, исключающая зависимость от централизованного управления и контроля. Появление в том или ином узле «всемирной паутины» цензуры Интернет интерпретирует как помеху и просто направляет информационно-коммуникативные потоки в обход этого узла. Власть, формально принадлежащая государственным органам, все больше утрачивает способность преодолевать сопротивление неформальных сетевых структур, основанных на самоорганизации.

Структурирование институциональной среды политики, эффективно справляющейся с политическими рисками и угрозами в современных условиях, в том числе в условиях виртуализации главных институтов народовластия, требует и особого типа политической культуры от субъектов политического процесса: «Проигрывающие должны научиться признавать законность текущих поражений, а иногда и деятельно участвовать в проведении политики, против которой выступают. В свою очередь, победители должны быть достаточно благоразумны, чтобы не выжимать максимум возможного из своего нынешнего стратегического преимущества» [157, с. 56]. В этом плане политика должна рассматриваться не как классическая «политика интересов» – содержанием которой выступает борьба за власть, за право распоряжения ресурсами и т.д., а как «политика развития» (М.В. Рац) – *конкуренция организационно-управленческих программ и систем.* Условием перехода к такому типу политики является способность и желание государственных структур задействовать в управлении страной основные интеллектуальные силы общества.

В концепции нового типа государственного менеджмента для обозначения парадигмы управления, отвечающей сетевому принципу организации общества, используется термин «governance». В новой концепции управления подчеркивается, что ни государство само по себе, ни гражданское общество в отрыве от государства не способны создать действенный механизм решения общественных проблем. Традиционная власть отправлялась правительством, бюрократией и парламентами, новая вовлекает в свою орбиту комиссии, форумы, социальные движения и т.д. Государственное управление в соответствии с новой парадигмой базируется преимущественно на горизонтальных, а не на вертикальных связях между правительственными органами, организациями гражданского общества и бизнес-структурами. Линия водораздела между компетенциями субъектов управления каждый раз прочерчивается заново в ходе переговоров. «Подобное управление отличается как от простого администрирования, при котором источником политических решений выступает исключительно политическое руководство, так и от рыночной модели с ее акцентом на торговой сделке, где каждый участник пытается максимизировать свою выгоду» [158, с. 55]. Концепция governance отвечает растущей потребности в новых стратегиях для повы-

шения управляемости социумом в условиях неактуальности прежних типов социально-политических конфликтов. При этом новую систему управления характеризует как высокая степень неопределенности и риска, так и развитая способность адаптации к вызовам и угрозам, возникающим вследствие кризиса традиционной политически-институциональной системы общества в эпоху постмодерна.

8.2 Технологии форматирования виртуального пространства

Внимание к виртуальности – ключевой момент стратегии социального конструирования реальности. В эпиграфе к своему роману «Игра в Бисер» Г. Гессе «цитирует» несуществующую книгу несуществовавших авторов:

> «…хотя то, чего не существует на свете, людям легкомысленным в чем-то даже легче и проще выражать словами, чем существующее, для благочестивого и добросовестного историка дело обстоит прямо противоположным образом: нет ничего, что меньше поддавалось бы слову и одновременно больше бы нуждалось в том, чтобы люди открывали на это глаза, чем какие-то вещи, существование которых нельзя ни доказать, ни счесть вероятным, но которые именно благодаря тому, что благочестивые и добросовестные люди относятся к ним как к чему-то действительно существующему, чуть-чуть приближаются к возможности существовать и рождаться» [159, с. 5].

В этом нарочито ироничном утверждении точно передан социальный смысл стратегии «форматирования» социокультурной реальности в сфере виртуального.

Система власти программируемого общества основана на контроле над виртуальным пространством. Каждому обществу необходимо построить свою картину виртуального пространства, обладающего своими собственными предпочтениями и запретами: «Это и будет вариантом форматирования реального пространства под контролем пространства виртуального» [119, с. 313].

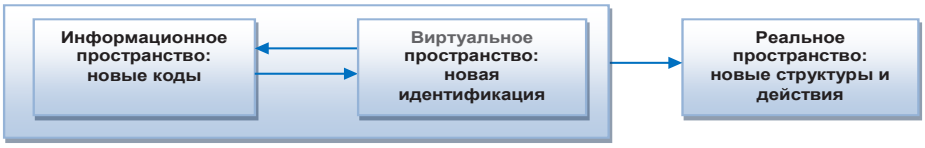
В XXI веке главной ареной политической борьбы становится киберпространство, а стратегической целью этой борьбы становится воздействие на массовое сознание, изменение его ценностей, культурных норм, мировоззренческих принципов и т.п., что позволяет подавить противника без единого выстрела. В концепциях форматирования будущего форматирование виртуального пространства, или введение новых фреймов и символов, рассматривается как создание плацдарма для захвата реального социального пространства. «Любые социальные потрясения… начинаются с форматирования виртуальности» [119, с. 300]. Фреймы-символы смысловой организации социально-политического пространства становятся однозначно негативными через введение нового ценностно-смыслового контура и соответствующих символов. Функция декларируемого контура – на который затрачивается масса усилий идеологов и политтехнологов – блокировка защитных функций социальной системы. Отключение защитных функций на-

чинает функционировать как государственная, полноценная, «сакральная» идеология новой системы.

В процессах форматирования виртуального пространства введение хаоса, инициация «переоценки всех ценностей» становится пусковым процессом, нейтрализующим прошлые правила и нормы и дающим право на введение новых. Модель управляемого хаоса как переформатирование имеющихся элементов реальности при смене имеющейся социально-политической системы является политическим аналогом синергетики. Взаимосвязь, симбиоз виртуальных и реальных объектов, *виртуально-реальный mix,* являющийся главным объектом управления, позволяет, меняя одну составляющую социальной реальности, получать результат в другой. Набор решаемых задач принципиально не может быть разрешен только в реальном пространстве, но лишь в пространстве реально-виртуальных переходов, механизмом которых является трансформация информационного пространства. В свою очередь, эта трансформация реализуется с помощью когнитивных и эмоциональных «подсказок», или системы ментальных ориентиров, предназначенных для внедрения в массовое сознание.

Промежуточным звеном между реальным и виртуальным пространством выступает информационное пространство.

В то же время реальный ход событий может развиваться по разным схемам. Объективно назревшие потребности изменения реальной ситуации могут порождать такие изменения в ценностно-смысловых, символических мирах социума, т.е. в виртуальном пространстве, которые могут не находить адекватного отражения в трансформации информационного пространства. Так называемая «эпоха застоя» демонстрирует именно такой сценарий развития событий. Или, например, ход перестройки в СССР может быть представлен в следующей схеме форматирования реальности:



Блокировка противодействий происходит по преимуществу в области виртуального пространства, позволяющего гибко и оперативно осуществлять меры по противодействию негативным факторам и поддержке желательных тенденций самоорганизации системы.

Таким образом, новые риски возникают при новом форматировании информационного пространства – переходе масс-медиа к новому идеологическому языку и его кодам. Следует в этой связи отметить, что в послед-

ние годы значительное внимание США уделяют идее «ноополитики» как альтернативе традиционной политике. Ее суть заключается в следующем предположении: разработка информационной стратегии может способствовать появлению новой парадигмы, основанной, с одной стороны, на идеях, духовных ценностях, моральных нормах, законах и этике, переданных посредством «мягкой силы». С другой стороны, интервенция идеологических комплексов при необходимости будет поддерживаться посредством «грубой силы», т.е. традиционными силовыми и иными принудительными способами. Таким образом, на смену или в дополнение к современной политике силы может придти «ноополитика» как политика, основанная на экспансии этики и мировоззрения.

8.3 Виртуальная стратификация трансформирующегося социума

Процессы виртуализации социальной реальности во многом определяют динамику трансформации переходных обществ. Понятия «переходного» или «транзитного» общества являются эвфемизмами для обозначения особенностей социальной системы на том этапе ее развития, который привел к состоянию *социального хаоса*. Под социальным хаосом понимается особое качественное состояние общества, когда одна социально-институциональная система разрушена, а другая еще не сложилась. Возникающая в ходе кризисного развития социума деструктурированная социальная система – социальный хаос – превращает функционирование социальных институтов, жизнь отдельных людей и социальных групп в постоянное балансирование между рисками. В состоянии социального хаоса с особой наглядностью проявляется ограниченность линейно-детерминистского подхода к социальному развитию, необходимость перехода к разработке нелинейных, многовариантных сценариев социальной трансформации.

Теоретический анализ нестабильных общественных систем осложняется тем, что неустойчивыми и слабыми становятся корреляции между основными переменными, описывающими социальную организацию стабильно развивающегося общества. Удовлетворительного социально-философского и научно-теоретического аппарата описания *онтологии социального хаоса* пока не разработано. Возможность решения этой задачи в современной социальной теории связывается, прежде всего, с разработками нелинейной динамики. Особенности развития в состояниях социального хаоса описывается в терминах теории И. Пригожина следующим образом: «Вблизи точек бифуркаций (критических точек) основную роль играют флуктуации и случайные элементы, тогда как в интервалах между бифуркациями доминируют детерминистские аспекты… Вблизи точек бифуркации система имеет тенденцию переходить на режим индивидуального поведения» [34, с. 54]. Причем эта тенденция характеризует поведение не только системы, но и каждого (или, по крайней мере, значительной части) из ее элементов. На индивидуальном уровне социальный хаос выражается в разрушении ценностно-нормативной системы прежней групповой идентификации (системы

социальной стратификации) и социальной (статусной) самоидентификации индивида.

В стабильные периоды социальная система эволюционирует в относительно узких границах, и ход будущей эволюции может быть спрогнозирован с большой степенью вероятности с помощью методов линейной экстраполяции прежних закономерностей. В состояниях социального хаоса ничем не гарантированный выбор, поиск, рискованная игра, аналитически не выводимые из прошлых (стабильных) состояний и тенденций линейного развития социума, образуют «первое звено первой закономерности» (Ю.М. Лотман), кладут начало процессам кристаллизации новых структур. Но это «первое звено» становится камнем преткновения для анализа, поскольку институциональная и символическая неструктурированность поля межсубъектных отношений заключает в себе практически необозримое число потенциальных вариантов развития.

В окрестностях точек бифуркации утрачивают социально-нормирующие функции прежние институциональные системы вертикального ранжирования и горизонтальной координации социальных взаимодействий (социальные иерархии и сети). Социальные подсистемы покидают мейнстрим эволюционного развития, прежде направлявший их совместное, взаимно согласованное движение, и превращаются в разрозненные части, автономно дрейфующие по рассогласованным траекториям. Аналогичным образом «…поведенческие стандарты, ценности, нормы, образцы, ориентирующее деятельность людей, сохраняя свою мотивационно-ориентационную функцию, утрачивают былые основания, значения и смыслы, не приобретая новых» [160, с. 7]. Социальные нормы и ценности, идеальные образцы и стандарты, формы социальной общности и групповой идентичности и т. д. докризисного периода не исчезают, но превращаются в *означающее-симулякр* – означающее без означаемого или с онтологически редуцированным, иррелевантным означаемым. В ситуации распада смысловых скреп социального мира поиск новых оснований самоидентификации, новых моделей групповой солидарности в их противоречивом взаимодействии с осколками прежних форм, становится основным механизмом социального конструирования реальности через стратификацию социального пространства.

В социальной философии XX в. представление о коммуникации как основе, механизме, технологии социального конструирования реальности становится общепринятым. В процессах коммуникации в пространстве социального хаоса возникают и распадаются особого рода групповые солидарности – *виртуальные страты*, структурирующие интерсубъективную реальность на доинституциональном уровне.

> «Относительная депривация, порожденная распадом до-кризисной картины социальной реальности, «запускает» механизм поисковой (хаотической) коммуникации. Уровень относительной депривации и характер смыслов, запускаемых индивидом в кризисную коммуникативную сеть, определяет интенсивность и направленность поиска, дает возможность построить топологию групп

кризисного сознания и возникающих в ходе их взаимодействия виртуальных страт. Их исследование и представляет собой анализ хаотического социального пространства» [160, с. 192–193].

Понимание социальной страты в духе объективистской социологии как набора объективных факторов, определяющих расслоение общества, задает искажающую оптику социального анализа. Термин «страта» («покрывало», «одеяло» – лат.) как социально-политическую категорию впервые применяет Цицерон для обозначения той области социального пространства, где человек чувствует себя «дома», где ему уютно. Соответственно первоначальному и глубоко содержательному смыслу термина под стратами в современном социальном дискурсе следует понимать формы *самоорганизации* людей в референтные группы или в общности, возникающие посредством самоидентификации на основе специфического отличия (в рамках общего для нации-государства единства) миропонимания и поведенческих установок. В такой интерпретации очевидным становится отличие страты (профессиональной, образовательной, возрастной и т.д.) от класса, сословия, касты и прочих объективно дифференцирующихся, институционализированных социальных общностей.

К.В. Вержбицкий в обзоре отношений принципата с римским обществом в I веке н.э. отмечает, что в императорском Риме стремление государства к тотальному контролю встретило сопротивление со стороны общественной элиты – аристократии, связанной с республиканскими традициями. При этом «Ведущая роль в формировании общественного мнения в Риме императорской эпохи принадлежала кружкам (circuli), – своего рода клубам, философским, литературным и политическим». Сопротивление Юлиям-Клавдиям со стороны неформальных объединений римских диссидентов было слабым и неорганизованным, несопоставимым с мощью репрессивной машины авторитарного режима, но оказалось в конечном итоге не менее эффективным средством воздействия на власть, чем политические интриги, мечи и кинжалы заговорщиков: «К концу рассматриваемого периода политический климат в империи смягчился» [161, с. 107].

Ж.П. Сартр в «Критике диалектического разума» проводит резкую демаркационную линию между «коллективами» как общностями обезличенных индивидов, ведущих неподлинное, конформистское существование, и «свободно тотализирующимися группами», возникающими как ответ на дисфункции социального организма («собранными ситуацией») и принимающих на себя структуру «для-себя-бытия». Правда, возникновение (актуализацию) таких групп Ж.П. Сартр связывает, прежде всего, с революционным действием, в момент свершения которого стираются границы индивидуальных сознаний, и все они вместе, «штурмуя небо», открыты истине бытия. *До* этого творческого действия группа еще не существует (существует лишь виртуально). *После* этого момента она умирает.

Виртуальные страты не фиксируются с помощью традиционного социально-философского инструментария, поскольку любая a priori заданная

система категорий вносит в хаос порядок и тем самым «форматирует» хаотические социальные процессы и состояния. Виртуальные миры составляют скрытую, латентную структуру социальных взаимодействий. В обычные времена, в периоды стабильного состояния общества, миры повседневности (их типизации, опредмеченные в социальных институтах и представленные в формах экспертного знания и символического универсума) не проблематизируются. В период системных кризисов, когда прежние социальные типизации более не действуют, а вновь создаваемые институты еще не могут эффективно исполнять функцию стратификации социального пространства, именно виртуальные области социума берут на себя роль промежуточного звена и основания конструирования нового типа взаимодействия общества и сообщества, самоорганизации новой интерсубъективной реальности.

Виртуальные страты образуются на основе создания в коммуникативных процессах неких ценностных шкал, определяющих направления поиска личной и групповой идентичности, обретения нового социального статуса. «В период социального хаоса общество, социальное пространство отбрасывает, «отодвигает в сторону» свои институциональные размерности и тем самым обнажает социум – идеальную конструкцию «общества вообще», вне его конкретно-исторических структур и образованных ими социальных размерностей» [160, с. 143]. Этой чистой формой социальности и актуализируются особые социальные образования – виртуальные страты, на основе и посредством которых происходит становление новых социальных смыслов*.

> В анализе особенностей творчества Э. Хемингуэя Э. Ю. Соловьев отмечает, что в романах писателя солдаты, попавшие в стихийно-хаотический водоворот мировой войны, «…вступают в короткие, но поучительные соприкосновения с солдатами, причисляющими себя к совсем другим общностям (с рядовыми иных подразделений и иных держав); оказываются вместе с ними в маленьких группах, сформированных бедой, а не полковыми списками; убеждаются, что эти чужие люди достойны симпатии, сострадания и доверия. А назавтра из этого ощущения может родиться сознание того, что существующее общество объединяет и делит людей неправильно, что они должны объединиться по-новому и по-новому определить фронт борьбы…» [162, с. 245–246].

Отношения в спонтанно возникающих малых группах основаны не на рациональной калькуляции выгод и убытков, не на нормах морали, санкционирующих существующие социальные порядки и институты, но на нравственности, признающей только непосредственные обязанности перед людьми. В превращенном в бесструктурное, мозаичное пространство об-

* Аналогичный принцип структурирования новой институциональной среды социума обосновывается и в социально-теоретических исследованиях, проводимых на основе синергетической парадигмы. Е.Я. Режабек отмечает: «В свете эволюционистской парадигмы, разрабатываемой синергетикой, магистральный путь организации выступает как путь создания когерентного коллективного поведения» [91, с. 272].

ществе, где «все возможно», не действуют никакие рациональные расчеты, житейская осмотрительность и рассудительность. Вместе с тем особый смысл обретают подлинно нравственные, безусловные (надситуативные) императивы – определения того, *чего нельзя делать ни при каких обстоятельствах*. Тем самым процессы коммуникации в состояниях социального хаоса «оборачиваются» социальной онтологией, субстанциальным основанием социальной самоорганизации, принимают на себя функцию онтологического структурирования социального пространства. Нехватка, пустота Реального запускают процесс виртуализации с его паскалевски-кантовским императивом: действуй так, как если бы смысл, интеллигибельный порядок был эмпирически воплощен, и смысл возникнет сам собой. Единственный способ вырваться из сетей овеществления – «изобретение новой коллективности» [156, с. 96].

Трансформация ветхозаветного Левиафана в постмодернистскую Матрицу знаменует не столько конец социальности, сколько необходимость выхода из тупика тотально программируемого общества через виртуальную стратификацию социального пространства.

9 УНИВЕРСАЛЬНЫЙ ЛЕКСИКО-ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОД СОЦИАЛЬНОЙ ИНЖЕНЕРИИ: ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ И ЭТИКО-ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ОГРАНИЧЕНИЯ

Настоящий раздел монографии посвящен обсуждению гипотетической возможности разработки универсального идеологического кода и базирующейся на нем интегральной технологии социальной инженерии на основе использования логико-семантической конструкции особого типа – идеологической матрицы.

При всем стремлении авторов монографии предельно упростить изложение, сделать его максимально доступным для читателя, не имеющего специальной подготовки, усвоение представленного материала все же потребует значительных усилий, в том числе ввиду необходимости использования специальных терминов и понятий, осмысления ряда моделей и схем идеологического использования лексики. Однако эти затраты усилий оправдываются исключительной важностью обсуждаемых вопросов для раскрытия темы монографии, поскольку речь идет о действительно интегральной технологии современной социальной инженерии, включающей в себя и направляющей применение большинства всех прочих методов и технологий социального конструирования реальности посредством информационно-коммуникативного управления социальными процессами.

9.1 Феномен идеологии и понятие идеологического кода

В XX столетии социально-гуманитарные дисциплины претерпели радикальную трансформацию, во многом инициированную обращением к методам структурной лингвистики. Лингвистический поворот в современной социогуманитарной теории основывается на представлении о том, что грамматические структуры языка являются порождающей моделью (парадигмой) всех существующих социальных институтов и социокультурных норм: «Слова и ярлыки, которыми мы пользуемся, определяют и создают наш социальный мир. Это определение реальности направляет наши мысли, наши чувства, наше воображение и таким образом влияет на наше поведение» [72, с. 93–94]. В новой парадигме социального конструирования реальности решающая роль в конституировании жизненного мира отводится грамматическим структурам и правилам дискурса.

Сегодня реальная возможность указывать людям, каким они должны видеть социальный мир и как им следует себя вести, локализована по преимуществу в поле политики. Именно политические понятия, на основе узаконенного (или узурпированного) права на конституирующую номинацию,

программируют социокультурную динамику: политическая легитимация – «дело слов» (П. Бурдьё), искусство актуализации вербальных ресурсов. В то же время в современных сложных, высоко дифференцированных, «комплексных обществах власть не может институционализироваться без универсалистского кода», или генерализированных правил применения политических понятий в условиях, когда «политика более не легитимируется истиной» [73, с. 74, 91].

Поскольку «власть вписана в язык» (Р. Барт), то соответственно определена и роль идеологии в конструировании социального мира. В XVIII веке – «веке идеологии» – под идеологией понималась единственная и универсальная форма, в которой может развиваться как собственно философия, так и философское обоснование любой отдельной научной дисциплины. Выявляя законы генезиса и функционирования, соединения и разделения идей, идеология играла роль Всеобщей грамматики и Логики научного мышления.

> «Идеология простирала свою рефлексию на все поле познания – от первоначальных впечатлений и до политической экономии, включая логику, арифметику, науки о природе и грамматику; она стремилась охватить в форме представления все то, что постоянно создавалось и воссоздавалось вне нее» [163, с. 268].

С точки зрения либерального западного мышления, любая идеология является мышлением на службе политической власти, обеспечивая управление, опирающееся на рациональные информационно-коммуникативные технологии (что отличает идеологию от мифа, догмы, религиозной веры) и не прибегающее к физическому насилию. Идеологическое воздействие тем более эффективно, чем больше оно дает адресатам ощущение личной свободы, кажущейся возможности спонтанного отклика. В то же время главная цель идеологии – не нахождение истины, но побуждение к коллективному действию, победа и доминирование в противостоянии социальных и политических сил, для чего идеология склонна выдавать себя за науку, за самоочевидность здравого смысла, за систему моральных и культурных норм и ценностей массового сознания и т.д. Ницшевский Заратустра учит: каждый народ говорит о добре и зле на своем особом языке. Государство, ставя ловушки и навязывая желания, «лжет на всех языках о добре и зле» [164, с. 39].

Конечно, идеология не обязательно ложна, но любая идеология всегда тенденциозна. В этом смысле Дж. Оруэлл утверждал, что всякая идеология лжет даже тогда, когда говорит правду. Но нельзя расценивать идеологию как априорно репрессивный по отношению к массовому и индивидуальному сознанию механизм, достойный только осуждения.

- *Во-первых,* современный человек до такой степени перегружен информацией, что зачастую не способен оценить важность и осознать смысл информационных сообщений. Идеология же помогает ориентироваться в потоке информации, предоставляя критерии различения важного и второстепенного.

- *Во-вторых,* идеологии в современном мире, берут на себя функции религии, давая ответ на основные мировоззренческие вопросы для многих людей, не идентифицирующих себя с тем или иным конфессиональным вероисповеданием.
- *В-третьих,* идеологии берут на себя функции посредничества между элитой и массами, обеспечивая интеграцию социума. Современная власть неизбежно говорит и действует от имени масс, поэтому идеология обязана уважать массы и говорить на их языке.

Идеология видит свое призвание в том, чтобы управлять социальными отношениями и процессами, организовывая людей в сообщества, подчиненные определенным идеям. Конечно, любая, даже самая либеральная идеология является лицемерием, поскольку всегда обращается к массам и от имени масс для того, чтобы манипулировать ими. Но, как пишет известный специалист по проблемам языка идеологий О. Ребуль: «Либерализм, в сущности, лицемерен, но его лицемерие оборачивается уважением к свободе мысли, уважением к каждому человеку. В конце концов, к чести либерализма и то, что его противникам удается справиться с ним, лишь исходя из его же принципов» [75, с. 165–166].

Идеологию следует отличать от пропаганды. Пропаганда – важнейший инструмент политики, основанный на использовании средств массовой коммуникации в целях контроля над сознанием в интересах власти. Задачей пропаганды является распространение идеологии, ее внедрение в массовое сознание, оправдание конкретных действий власти, в то время как идеология легализует и легитимирует само ее существование. Соответственно, методы пропаганды сводятся к набору способов преподнесения сообщений, интерпретаций, комментариев и т.д., а идеологическая речь представляет собой *код* (матрицу, схему), по которому эти информационные массивы строятся*.

Вслед за Н. Луманом под кодом мы будем понимать такую структуру, которая *«для каждого произвольного элемента в пределах своей области релевантности может найти и упорядочить другой дополнительный элемент»* [73, с. 54]. Коммуникативный код комбинирования символов может быть неявным, скрытым за эксплицитным высказыванием. Реальная сила идеологических кодов информационно-комуникативных технологий управления заключается в способности стушеваться, выглядеть естественно, незаметно, срастаясь со здравым смыслом и ценностями массового сознания: «Природа идеологии состоит в сокрытии ею собственной идеологической природы» [75, с. 132].

Идеологический код разделяет с инстанцией бессознательного в психоанализе ту его особенность, что он вписывает социальные представления в «…

* В специальной литературе также различается политическая и социальная пропаганда. Политическая пропаганда проводится той или иной группой официальных должностных лиц и направлена на достижение ясно выраженных и строго определенных целей. Социальная пропаганда является разновидностью «убеждения изнутри», когда индивид принимает и ассимилирует господствующие экономические, политические и социальные доктрины, неосознанно используя их как основу для своих, как ему кажется, самостоятельных суждений и оценок.

дискурс, о котором субъект, подобно древнему рабу-вестнику, носящему под отросшими волосами послание, приговаривающее его к смерти, не знает ровным счетом ничего – ни смысла, ни текста, ни на каком языке оно написано, ни того факта, что оно было вытатуировано на его бритом черепе, пока он спал» [165, с. 158].

Если идеологический код и механизм его действия становятся известными, то они лишаются своей эффективности, как это происходит и с психоанализом, о чем предупреждал З. Фрейд. Когда аналитик обращается со своими истолкованиями симптомов вытесненных в бессознательное травматических конфликтов к субъекту, который знаком с аналитической техникой не хуже самого психоаналитика, то терапевтический эффект, как правило, не достигается.

Ж. Бодрийяр отмечает: масс-медиа, наладив различные формы обратной связи, вполне отвечают принципам кибернетического регулирования. Но от внедрения таких форм, в том числе и в области политической коммуникации, *обратные* связи не становятся *обратимыми*, то есть сохраняется в неприкосновенности распределение ролей, создающее классическую бюрократическую модель управления. По мнению Ж. Бодрийяра, ключ к решению проблемы – процесс непосредственной коммуникации, не проходящий через бюрократические фильтры и делающий ставку не на другой код, а на разрушение всякого кода. Однако подобного рода противодействие манипуляторной практике, фундаментальным структурам и идеологическим кодам власти есть лишь «персонализированное дилетантство, эквивалент воскресного рукоделия на периферии системы», если только та форма коммуникации, когда *«…нет более ни передающих, ни принимающих информацию, а есть только люди, отвечающие друг другу»* [81, с. 219–220], не реализуется в таком обществе, в котором больше нет *ни управляющих, ни управляемых,* то есть *больше нет политического измерения социальной онтологии* вместе с его идеологическими кодами.

Ж. Бодрийяр утверждает: характерной чертой масс-медиа является то, что они *антикоммуникативны,* если определять коммуникацию как пространство взаимосвязи слова и ответа. Сообщения о событиях в масс-медиа принимают абстрактную форму всеобщности общественного мнения и тем самым приобретают политическое измерение: «Нечто оказывается произнесенным, и все делается таким образом, *чтобы на эти слова не было получено никакого ответа*…. Именно на этой абстракции основывается система социального контроля и власти» [81, с. 201–202].

Поэтому проблема не в «демократизации» содержания масс-медиа, не в установлении «общественного контроля» над ними, не в создании и расширении сети независимых от власти СМИ, но в том, что сама форма (функциональная структура) современных масс-медиа представляет собой инстанцию реализации и воспроизводства монополии слова, лишь маскирующуюся под коммуникацию. Масс-медиа осуществляют принудительную социализацию через навязывание моделей и кодов: событие – это не то, что произошло, но то, что преобразовано согласно моделям значимости, коннотативно-денотативным кодам артикуляции, фильтрации и цензуры смысла в масс-медийных сетях. «Точно также товар – это не то, что производит

промышленность, а то, что опосредованно системой абстракций меновой стоимости» [81, с. 209].

В информационно-коммуникативных процессах воспроизводится сама схема разделения и искусственного обособления передающей и принимающей инстанций, базовая формула или модель того типа биполярной, необоюдной социальной связи, когда один имеет право на выбор кода, другой же обладает лишь «жалкой свободой» (Р. Барт) принять или отвергнуть передаваемые содержания. Выход из ловушки управляемой коммуникации Бодрийяр видит в установлении такого символического пространства информационного взаимодействия, в котором нет ни передатчика, ни приемника, равно как нет и такого «сообщения», или блока информации, которую нужно расшифровать при помощи кода. «Роль символического как раз и состоит в разрушении этой однозначности «сообщения», в восстановлении смысла и одновременном уничтожении инстанции кода» [81, с. 220].

Любое социальное отношение предполагает информационное взаимодействие. Властные отношения, по определению, асимметричны, – в них вовлечено управляющее меньшинство и управляемое большинство. Соответственно асимметричным становится и информационно-коммуникативное взаимодействие. Принимая стратегию на деконструкцию системы коммуникации, построенной на разделении передатчика и приемника информации и уничтожение дискурсивного кода, нельзя не обратить внимания на то, что подобного рода выход обусловлен демонтажем такой организации социальной системы, при которой она построена на разделении управляющей и управляемой подсистем и политической власти как инстанции и «кода» их связи. Фактически эти два типа разделения есть лишь две стороны или две модальности единой онтологической структуры*.

В ином ключе, нежели Ж. Бодрийяр, ставит и решает проблему коммуникативного кода власти Н. Луман. В соответствии с его концепцией «социальные системы образуются вообще исключительно благодаря коммуникации», а «теория средств коммуникации [выступает] в качестве основания теории власти» [73, с. 13, 11]. В современном обществе дифференцируются не социальные группы, а типы коммуникаций, в которых участвуют люди. На основе коммуникативных кодов упорядочиваются и конструируются смысловые структуры социального универсума. В соответствии с этим принципом социальной структурации власть определяется как символически генерализированное средство коммуникации, направленное на решение системно-специфических проблем. Однако, в отличие от Ж. Бодрийяра, Н. Луман определяет коммуникативные коды власти как транзитивные: подчиненные также манипулируют властью, как и она ими. Властитель используется подчиненным как средство проталкивания нужного ему решения. Поэтому нельзя приписывать власть одному из контрагентов властных отношений: «Власть «есть» управляемая кодом коммуникация» [73, с. 29], а

* Поэтому, заметим, эффект «не-коммуникативности» масс-медиа, возникающий вследствие од-нонаправленности системы коммуникации, эквивалентен или структурно гомологичен эффекту бюро-кратизации системы управления.

ее структурным основанием является потребность в символически генерализированных кодах. Таким образом, требование уничтожения инстанции коммуникативного кода власти означает не выход из ловушки управляемой коммуникации, а разрушение онтологического основания самой социальной системы. Отметим также, что уничтожение инстанции кода сделало бы невозможным всякое общение. Согласно У. Эко, под кодом вообще понимается основополагающее правило формирования сообщений, «которые именно благодаря этому и обретают способность быть сообщаемыми» [62, с. 84].

Идеологические коды занимают особое место в технологиях социального конструирования реальности, управляя социальными отношениями и процессами, организовывая людей в сообщества, подчиненные определенным идеям и нормам. Идеология, не будучи, согласно Марксу, разновидностью свободного духовного производства, поскольку выражает частные, классовые интересы, в то же время есть эффективное средство осознания и разрешения общественных конфликтов. Обладающие свойствами кода структуры играют определяющую роль в выстраивании социальных систем коммуникации, производят внутрисистемные распределения возможностей и сопряжения универсальности и спецификации.

«Основополагающие коды любой культуры, управляющие ее языком, ее схемами восприятия, ее обменами, ее формами выражения и воспроизведения, ее ценностями, иерархией ее практик, сразу же определяют для каждого человека эмпирические порядки, с которыми он будет иметь дело и в которых он будет ориентироваться» [163, с. 33]. В предшествующие социально-исторические эпохи подобного рода коды генерировались системами мифа и религии, философии и искусства. Идентичность структуры мифологии и политической идеологии как программы управления функционально дифференцированным обществом посредством идей для К. Леви-Строса была очевидной: действенность и того, и другой основана не на «соответствии действительности», а на способности сводить данные опыта в единую систему, предоставлять язык для их осмысления. Как замечает М.К. Мамардашвили, «миф есть способ организации и конструирования человеческих сил или самого человека, а не представление о мире – правильное или неправильное» [166, с. 45]. Аналогичным образом обстоит дело с любыми социальными установлениями, выступающими как системы институционализированной ортодоксии: церковью и армией, политическими партиями и системой образования.

Однако следует отметить, что миф и идеология глубоко различны по их отношению к коннотативному слою языка. Миф – это язык, работающий на таком уровне, на котором смыслу удается отделяться от языковой основы высказываний. Сущность мифа составляет рассказанная в нем история, безразличная к стилю и форме повествования. Поэтому миф, в отличие от поэзии, переводим на любой язык без какой-либо трансформации своего смысла. При этом лишаются смысла поиски первоначального, «аутентичного» варианта мифа. В этом отношении миф аналогичен серийному производству, где отсутствует платоновское отношение образца-парадигмы и его

несовершенных воплощений. В идеологии выразительные свойства языка имеют решающее значение для воплощения в них смыслового кода и, как мы покажем ниже, для использования идеологических концептов в социально-инженерных технологиях *производства – распределения – обмена – потребления* социальных определений реальности.

Э.Ю. Соловьев предлагает строго различать теоретические определения («А есть В»), и нормативно-теоретические определения («А должно мыслиться как В») [167, с. 216]. Если теоретические определения выступают как нейтрально-классификационные, то в нормативно-теоретических образованиях происходит смешение *должного* с *социально целесообразным*. В этой связи в современной гуманитарной теории развивается концепция «сущностной оспариваемости» (essential contestability) социально-политических понятий. Указывается на нормативно-ценностную природу критериев «правильного» определения таких понятий, как *справедливость, свобода, власть, демократия* и т.д., поскольку выражение некоей ценности есть неотъемлемая часть самого понятия. «Идеологический элемент как бы непосредственно «встроен» в содержание последнего, что обрекает на неудачу любые попытки дать ему «объективное» определение» [168, с. 86]. По мнению цитированного автора, сами понятия не должны определяться в позитивном или негативном ракурсе: оценочные суждения допустимы только к конкретным ситуациям. Исходя из этого, предлагается использовать эпистемологический принцип освобождения социальной онтологии от ценностных характеристик.

Со времен М. Вебера сохраняется установка на разграничение дескриптивного и нормативного элементов понятия*. На деле эпистемологический принцип самоизоляции социальной рефлексии от ценностных характеристик приводит к тотальной деонтологизации социально-исторического бытия и столь же тотальной идеологизации экзистенциально-смысловой сферы человеческого существования, инициирует поиски схем «одухотворения» социально-политической действительности, с одной стороны, и регламентирует манипулятивные политические технологии социальной инженерии, с другой.

> Г. Башляр отмечает: «Жизнь невозможно познать лучше, нежели через процесс производства ее образов. В таком случае воображение можно сделать привилегированной сферой для раздумий о жизни». Мы должны вовлекать самих себя в свои образы. Вместе с тем образы воображения имеют ту особенность, что «в царстве образов напрасны попытки отделить нормативное от описательного. Воображение с необходимостью содержит оценку» [169, с. 331, 337].

* М. Вебер защищал тезис о том, что социальная наука свободна от оценок, и ее недопустимо смешивать с социальной политикой. При этом высказывания М. Вебера в адрес «Общества по вопросам социальной политики», ставившего цель вести разработку «практических» оценочных суждений, относящихся к должному, а не к фактической ситуации, были не просто критическими, но откровенно оскорбительными. «Дискуссия об оценках» протекала как ожесточенное столкновение мнений и людей и разделила немецких социологов на два непримиримых лагеря [240, с. 100–103].

Столь же структурно необходимыми являются ценностные аспекты и в том, что Ю. Хабермас назвал «коммуникативной компетентностью» или коммуникативной рациональностью субъектов социальных отношений. Мир политики – это мир искусственных образов, знаков, символов. В этом мире, как и в повседневной практике социальных взаимодействий познавательные, волевые, эмоциональные, оценочные модальности сознания пронизывают и обусловливают друг друга.

Проекция мировоззренчески нагруженных коннотаций (экспрессивно-оценочных слоев семантики политической лексики) на означаемое (предметно-денотативную сферу) социодискурса создает универсальную транзитивность оценочных характеристик и предметных определений. Поэтому мы имеем право предположить, что «идеологический элемент», т.е. ценностная модальность как неотъемлемая часть самого понятия, является формальным признаком, если не конститутивным свойством, категорий социокультурной рефлексии.

9.2 Имманентная аксиоматика и конструктивные принципы лексико-идеологического кода

В работах последних лет по социолингвистике явственно прослеживается перенос интереса к языковым процессам, идущим «снизу вверх», к процессам сознательного воздействию на язык «сверху», со стороны институтов политического управления. Лингвистика вступает в многосторонние связи с теорией идеологии, политологией, социологией и теорией управления, что приводит не только к междисциплинарному синтезу, но и к образованию новой науки – идеолингвистики. Данное направление исследований в Казахстане практически отсутствует. Поэтому дальнейший анализ будет проведен на материале западных и российских литературных источников и самостоятельных разработок авторов.

Проблемам общего алгоритма, или интегральной технологии управления на основе использования идеологического кода информационно-коммуникативных структур социальных взаимодействий посвящена единственная публикация, вышедшая на русском языке. Да и в мировой литературе по этой тематике существует не так много работ, причем выполненных в основном в русле идеолингвистических, а не социально-политических или социально-философских исследований. Однако, на взгляд авторов, данное направление теоретических и практических разработок проблем социального управления является наиболее перспективным, в том числе и в нашей стране.

Метод анализа идеологии в рамках коннотативной лингвистики разработал и применил Р. Барт. Согласно Ф. де Соссюру, языковый знак есть единство означающего (план выражения) и означаемого (план содержания). Под идеологизацией Р. Барт понимает процесс подстановки аксиологической и деонтической модальности суждений под их предметные референты. *Коннотацией* называется экспрессивно-оценочный слой языка в отличие от *денотации*, указывающей на предметно-понятийный компонент. Знаки денотативной системы, в свою очередь, служат *означающими конно-*

тативных означаемых, или идеологического плана речи. Таким образом, в идеологическом языке под предметно-понятийный слой подводится ценностный, который не только проявляется, но и активно формирует предметно-денотативную среду.

Отношение между коннотацией и денотатом аналогично описанному К. Марксом отношению между производством и потреблением: «Каждое из них есть не только непосредственно другое и не только опосредствует другое, но каждое из них, совершаясь, создает другое, создает себя как другое» [170, с. 30].

Также как потребление завершает акт производства, придавая его продукту законченность через уничтожение его самостоятельно-вещной формы, так и предметное значение, денотация как таковая в итоге оказывается лишь «последней из возможных коннотаций» (Р. Барт). Коннотативное означаемое, в отличие от денотата, не нуждается ни в каком окказиональном контексте или дискурсивной синтагме – это смысл, принявший театральную позу, или смысл, выставленный в витрине [171, с. 315]. Послушаем опять Маркса: «И если ясно, что производство доставляет потреблению предмет в его внешней форме, то столь же ясно, что потребление *полагает* предмет производства *идеально*, как внутренний образ, как потребность, как влечение и как цель» [170, с. 28].

Соотношение коннотации и денотации, как и соотношение экономических и социально-философских категорий, определяется тем отношением, в которых их ставит современный тип социально-исторического бытия, «причем это отношение прямо противоположно тому, который представляется естественным или соответствует последовательности исторического развития» [170, с. 45]. Как отмечал К. Маркс, именно форма распределения является наиболее точным выражением, в котором фиксируются обусловливающие его факторы производства. По отношению же к отдельному индивиду распределение выступает как общественный закон. Поэтому классики (Д. Рикардо) рассматривали распределение как единственный и подлинный предмет политической экономии. Также и структура означающих может рассматриваться как наиболее точное выражение социальной онтологии, т.е. устройства социальных структур и институтов, поэтому социальный семиозис становится подлинным предметом анализа и осмысления социальной онтологии в рамках постклассического социодискурса (М. Фуко, Ж. Бодрийяр).

Чтобы обозначить коннотативные означаемые, нужен особый метаязык. Описание этого метаязыка проводится в обзоре М.Н. Эпштейна, за которым мы и последуем (в том числе используя приводимые автором примеры) для изложения сути и конструктивных особенностей металингвистической модели лексических структур идеологии.

Идеологизация речи происходит уже на уровне лексики при использовании класса слов, называемых *прагмемами* – словами, указывающими на определенное явление и одновременно выражающими его позитивную или негативную оценку. Есть слова, предметные по своему лексическому значению и приобретающие оценочный смысл лишь в контексте своего употребления; есть слова сугубо оценочные, обретающие объект оценки толь-

ко в контексте; и есть слова предметно-оценочные, совмещающие в своем лексическом значении оба компонента. Предметное и оценочное значение в них слиты и уже не зависят от контекста.

Такие слова, как «примиренчество», «самоуправство», «матерый», «миролюбие», «содружество», «сговор» могут употребляться как законченные (но со свернутой субъектно-предикатной формой) суждения, самостоятельные информационно-коммуникативные единицы, в которых смысл для своей экспликации уже не нуждается в форме предложения. Если суждение развернуто в предложение, расчленено на субъект (подлежащее) и предикат (сказуемое), то такая структура суждения позволяет оспорить его, не согласиться с приписыванием данному субъекту данного предиката. Прагмема же представляет собой суждение, свернутое в одно слово, где субъект и предикат не отчленены друг от друга. Такого рода имплицитные суждения придают идеологическим высказываниям видимость убедительности, неоспоримости, очевидности.

> В этой связи уместно напомнить, что Гегель в предисловии к «Феноменологии духа» выражал неудовольствие формой суждения или предложения вообще, заключающей в себе различие субъекта и предиката, и указывал, что эта дискурсивная форма разрушается философским предложением, выражающим единство понятия. Дискурсивный способ мышления заключается в рассуждении, приписать ли субъекту тот или иной предикат. Философское суждение выражает содержание понятия, которое «от начала до конца есть субъект», порождающий и принимающий обратно в себя свои определения. И это возвратно-поступательное движение спекулятивного понятия в самом себе есть то, что в дискурсивном мышлении выступает в форме доказательства или обоснования. Прагмема является аналогом, или наглядной моделью философского предложения, в котором через снятие обычного способа отношения частей предложения (т.е. субъектно-предикатной структуры дискурсивного суждения) выражается диалектическое движения понятия, имеющего предметом самое себя.

Формально-логическое структурирование знания через разбиение его на отдельные суждения с их субъектно-предикатной структурой, как и структура спекулятивного понятия, заключающаяся в соотношении моментов всеобщности, особенности и единичности, не могут служить моделью смыслообразования, принципом вычленения тех базисных оппозиций, которыми конституируются смысловые элементы жизненного мира.

> «Имена, «нарезающие» ломтики смысла, – вроде слов «мы – они», «черное – белое», «богатый – бедный», «свободный – тоталитарный», «мужской – женский», – служат для того, чтобы расфасовывать мир в аккуратную небольшую тару, и предлагают набор вариантов действий, которые следует предпринимать» [72, с. 91].

Поскольку прагмемы обладают двойным, оценочно-предметным значением, то и все отношения между ними удваиваются. На место антонимии и синонимии встают отношения четырех типов:

1. Полная антонимия, противопоставленность как предметных, так и оценочных значений – отношение *контрарности*.

Контрарными являются такие пары прагмем, как, например:

миролюбие – агрессивность
коллективизм – индивидуализм
новаторство – эпигонство
сплочение – раскол

2. Предметная синонимия (сходство) при оценочной антонимии – отношение *конверсивности*.

миролюбие – примиренчество
свобода – вседозволенность
патриотизм – национализм
сподвижник – приспешник

Отношение конверсии может создаваться терминологическими играми с ценностными аспектами понятий-прагмем. Так, например, термин «национализм» имеет негативную окраску, которая может быть конверсивно обращена с помощью уточняющих определений. С. Хантингтон отмечает: «Исследователи, как правило, выделяют два типа национализма и национальной идентичности, причем дают им различные названия: гражданский и этнический, или политический и культурный, или революционный и трайбалистский, или либеральный и органически-мистический, или гражданско-территориальный и этнико-генеалогический, – или просто патриотизм и национализм. В каждой паре первый ее член рассматривается как «хороший», а второй – как «плохой» [172, с. 62].

В отношении конверсии могут находиться целые фразы, противополагающие попарно входящие в них прагмемы.

многоопытный политик	▪ *прожженный политикан*
заключил договор с полевым командиром повстанческого отряда	▪ *вступил в сговор с главарем бандитской шайки*

Эти высказывания, передающие одну и ту же в предметном отношении информацию, нацелены на создание прямо противоположного отношения читающего (слушающего) к сообщаемой информации:

Фразеология газетно-журнальной публицистики, язык деклараций и программ политических партий и общественных движений, обыденный язык «самоочевидностей» массового сознания, да и тексты многочисленных теоретических исследований пронизаны подобного рода лексико-идеологическими перекодировками информации как простейшего, но чрезвычайно действенного средства управления сознанием.

3. Предметная антонимия, оценочная синонимия – отношение *корреляти*вности.

Этот тип отношения противоположен конверсии: слова имеют противоположные предметные значения, но тождественные оценочные:

миролюбие – непримиримость
обелять – очернять
скупой – мот

Если благодаря использованию конверсивного типа отношений *одно и то же явление* может оцениваться *противоположным* образом, то при использовании корреляции *противоположные* явления могут оцениваться *одинаково*.

4. Синонимия, тождественность (близкое сходство) как предметных, так и оценочных значений – отношение взаимозаменяемости или *субституции*.

Примерами этого отношения могут быть такие словарные ряды:

дисциплина – организованность – сознательность
анархия – стихийность – распущенность – вседозволенность

Контрарность, конверсия, корреляция как типы отношения между прагмемами существуют не изолированно, но образуют целостную четырехэлементную структуру (тетраду), которая схематично может быть изображена в виде квадрата, пересеченного диагоналями*. По горизонтали между элементами тетрады осуществляются отношения конверсии, по вертикали – корреляции, по диагонали – контрарности. Преобразуясь через набор определенных правил, некое понятие, событие, явление (обозначим его «А») может быть передано четырьмя лексически различными способами, или трансформироваться в систему 4 прагмем на основе того, что денотативное дуальное членение: [+А, -А] интегрируется с коннотативной дистрибуцией: [+(+А), +(-А), -(+А), -(-А)].

Пусть «А» обозначает «стремление к миру». Тогда возможны следующие идеологически значимые преобразования «А»:

- «А» трактуется говорящим (источником информации) как нечто положительное, желательное, должное, и тогда ему присваивается имя «миролюбие», несущее позитивный идеологический смысл: +А.
- «А» трактуется говорящим как нечто отрицательное, вредное и ему присваивается имя «примиренчество», несущее негативный смысл: -А .
- «-А» (т.е. «отсутствие стремления к миру») трактуется говорящим как нечто желательное, должное, своевременное, и ему присваивается имя «непримиримость», несущее позитивный идеологический смысл: +(-А).

* Субституция, не являясь оппозитивным отношением, не участвует в структуре идеолингвистической модели, но играет большую роль в ее практической реализации.

* «-А» трактуется говорящим как нечто гибельное, вредное, бессмысленное, и ему присваивается имя «агрессивность», несущее идеологически негативный смысл: -(-А).

Аналогичные преобразования можно производить над множеством прагмем, связывая их в тетраду по единому алгоритму. Эта схема, представленная на рисунке 17, наглядно демонстрирует логико-семантическую структуру диспозиций идеологически обработанной информации.

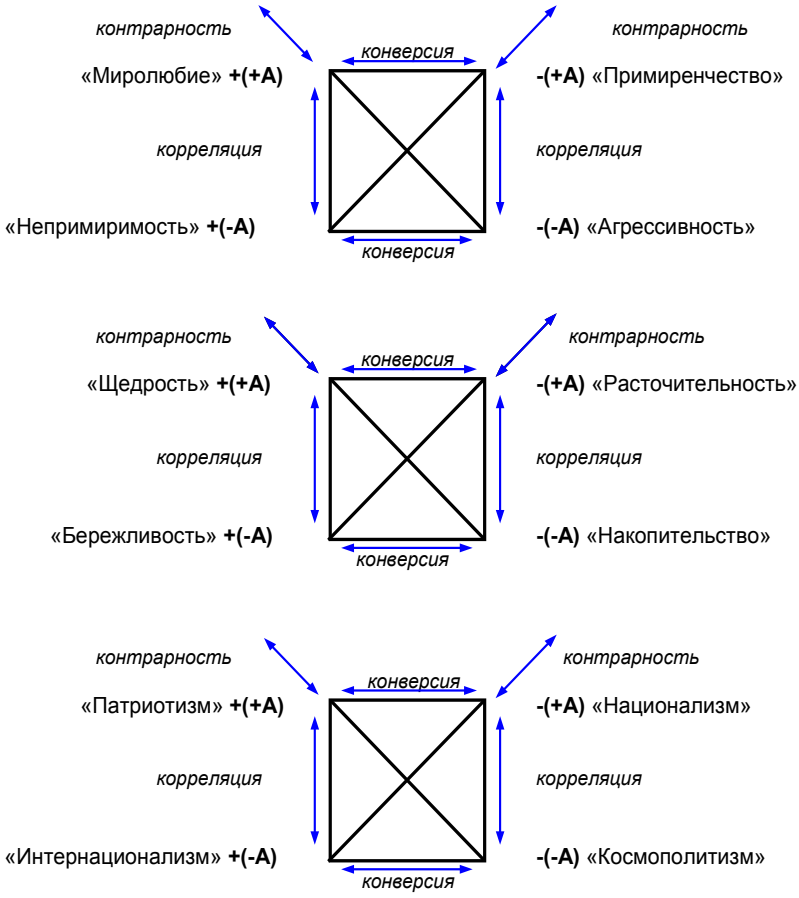


Рисунок 17. **Идеологическая тетрада**

Идеологическая тетрада представляет собой целостное смысловое образование, топологический субстрат идеологического использования лексики. Каждый элемент одновременно входит во все перечисленные типы отношений прагмем, и его значение определяется этими отношениями. В этих преобразованиях, происходящих в соответствии с многомерной логической

конструкцией особого типа, – назовем ее *идео-логикой* – легитимируются и интегрируются логические операции, выполняемые в соответствии с принципами различных логических систем, что обеспечивает тетраде квазилогическую неуязвимость:

- закону противоречия формальной логики соответствует контрарная связь, или противопоставление прагмем;
- закону единства противоположностей диалектической логики – коррелятивная связь, или объединение прагмем между собой;
- принципам релятивистской логики, утверждающей зависимость логических определений от системы отсчета, соответствует конверсивная связь прагмем, при которой они меняются местами.

В рамках идео-логики легитимны все логические операции, выполняемые внутри разных логик, поскольку они образуют три типа отношений элементов в тетраде, обеспечивая их круговую и перекрестную предметно-оценочную перекодировку. «Знаменательно, что по количеству элементов, а следовательно, по разнообразию связей между ними, тетрада превосходит двухэлементные и трехэлементные структуры – диады и триады, которыми оперирует и формальная, и диалектическая логика; а своей четкой организованностью отличается от аморфных структур с потенциально неопределенным числом элементов, которыми оперирует релятивистское мышление» [173, с. 197].

По своим конструктивным принципам идеологическая тетрада во многом сходна с предложенной Михаилом Псёллом (XI в.) схемой отношения истинности и ложности общеутвердительных (A), общеотрицательных (E), частноутвердительных (I) и частноотрицательных (O) суждений, представленной в виде логического квадрата* (рисунок 18):

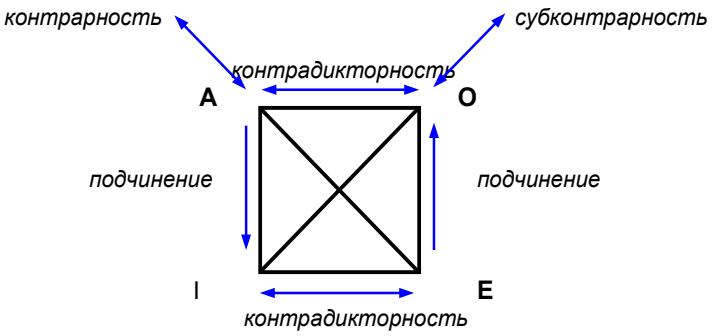


Рисунок 18. **Логический квадрат Михаила Псёлла**

* Для удобства сопоставления с идеологической тетрадой вершины логического квадрата на нашем рисунке расположены в ином порядке, чем на схеме Псёлла.

При сопоставлении диаграммы отношений истинности и ложности между элементами логического квадрата и системы отношений тождества и противоположности предметных и оценочных значений прагмем в идеологической тетраде выявляются следующие соответствия:

- *контрарность* характеризует отношение полной антонимии прагмем, противопоставленности как предметных, так и оценочных значений. Аналогичный характер имеют отношения общеутвердительного с общеотрицательным и частноутвердительного с частноотрицательным суждениями в логическом квадрате.

+(+A) : -(-A) = A : E
+(-A) : -(+A) = I : O

- *конверсия* выражает тип отношений предметной синонимии при оценочной антонимии прагмем. В логическом квадрате этому типу отношений соответствует отношение *контрадикторности*, в котором находятся общеутвердительное с частноотрицательным и общеотрицательное с частноутвердительным суждениями.

+(+A) : -(+A) = A : O
+(-A) : -(-A) = I : E

- *корреляция* – тип отношения слов, имеющих противоположные предметные значения, но тождественные оценочные. На схеме Михаила Псёлла данному типу отношений структурно соответствует отношение *подчинения*, связывающее общеутвердительное суждение с частноутвердительным суждением и общеотрицательное суждение с частноотрицательным суждением.

+(+A) : +(-A) = A : I
-(+A) : -(-A) = E : O

Какой содержательный и структурный смысл могут иметь выявленные соответствия и расхождения двух схем? Прежде всего, следует отметить, что в идеологической тетраде иначе, чем в логическом квадрате, выполняется восходящее к Аристотелю различие отношений контрарности (противоположности) и контрадикторности (противоречия). Согласно Аристотелю, из двух контрадикторных суждений одно необходимо истинно, а другое ложно. В контрадикторном отношении находятся суждения, утверждающие и отрицающее какое-либо свойство предмета. Например, «этот предмет белый» и «этот предмет не белый». Из истинности одного следует ложность другого и v.v., поскольку контрадикторные суждения исчерпывают весь объем того родового понятия, которому они соподчинены. Контрарные суждения также опровергают друг друга, но вместе с тем они оба могут быть ложными.

Например, скупость и щедрость как черты характера несовместимы, но из ложности суждения «этот человек скуп» не следует истинность суждения «этот человек щедр». Субконтрарные суждения могут быть оба истинными, но не могут быть одновременно ложными. Контрарные и субконтрарные понятия или суждения не исчерпывают полностью объема родового понятия, в которое они включены.

В идеологической тетраде отсутствует различие контрарных и субконтрарных отношений (поскольку отношение прагмем не является отношением общих и частных суждений). По этой же причине отношение корреляции является обоюдным, а не одновекторным (как отношение подчинения в логическом квадрате), а контрадикторное отношение как исчерпывающее объем понятия образуется всеми четырьмя подчиненными ему прагмемами. Поэтому, в частности, идеологическую тетраду нельзя редуцировать к триаде, подобно тому, как Н.А. Васильев сводил логический квадрат Михаила Псёлла к логическому треугольнику. Согласно Н.А. Васильеву, условия истинности частноутвердительных и частноотрицательных суждений совпадают, поэтому различие вершин I и O логического квадрата не имеет логического смысла. Отношение A, E и I (O) характеризуется тем, что из трех данных суждений может быть истинным одно и только одно. В этом плане отношение вершин идеологической тетрады имеет качественно иной смысл и реализуется в иных логических операциях, чем отношение истинности и ложности вершин логического квадрата.

Логическое отношение вершин идео-логической тетрады можно, вслед за Ж. Делёзом, квалифицировать как *дизъюнктивный синтез*. Дизъюнктивный синтез распределяет расходящиеся серии (несоизмеримые события или несовозможные миры Лейбница) в децентрированном смысловом пространстве, в котором вещь (понятие) утрачивает свою самотождественность. В том, чтобы придать дизъюнкции эту синтетическую функцию, вывертывающую наизнанку обычную процедуру дизъюнкции как аналитической операции исключения ряда предикатов ради тождества понятия вещи, заключается весь смысл *эзотерических слов,* – подчеркивает Ж. Делёз. В идео-логической тетраде роль эзотерических слов выполняют прагмемы. Дизъюнктивный синтез расходящихся серий не оставляет места ни тождеству Я, ни тождеству мира. Человеческая индивидуальность, ее самотождественность – дело случая, результат случайного отбора сингулярностей, плод дизъюнктивного синтеза. Поэтому сознание без Ego, децентрированное сознание, помещенное в матрицу дизъюнктивного синтеза –оптимальный объект манипуляции.

Необходимо отметить, что лексическая тетрада – отнюдь не произвольная и искусственная идеологическая конструкция, предназначенная для управления (в том числе и недобросовестного манипулирования) массовым сознанием. В лексической тетраде находят себе абстрактно-схематичное, но вместе с тем адекватное выражение универсальные логические механизмы и смысловые структуры мышления, объективные закономерности функционирования социальной реальности. Некоторое представление

об этой стороне проблемы (до сих пор не ставшей предметом исследований не только в отечественной, но и в мировой социально-гуманитарной науке) дает материал следующих подразделов и Приложения.

9.3 Использование идеологической матрицы в управлении электоральным поведением

Структура (код) идеологической тетрады как схемы смысловой интеграции и размежевания императивов, позиций и действий актуализируется ее политико-идеологическим использованием в качестве информационно-коммуникативного механизма управления социальными процессами, технологии конструирования социальной реальности посредством манипуляции массовым сознанием.

Для управления практически любой социальной ситуацией конфликтного взаимодействия может быть построена схема оппозитивных отношений ее субъектов-участников, позиционирование которых будет определяться алгоритмом устройства идеологической тетрады. На основе применения этой схемы можно организовать поле взаимодействия противоборствующих и сотрудничающих сил таким образом, чтобы оно вело к цели, поставленной управленческой инстанцией. Конечно, в каждом конкретном случае последовательность и способы актуализации тех или иных линий взаимодействия будут определяться специфическими особенностями конкретной ситуации.

Проанализируем одну из наиболее известных избирательных кампаний, завершившихся безоговорочной победой социоинженерных технологий управления массовым сознанием, примененных политическими профессионалами, над здравым смыслом избирателей.

В июне 1996 г. в России состоялись выборы Президента. Рейтинг действующего президента Б.Н. Ельцина к началу года составлял всего 4–8%. Это было вполне закономерно, учитывая процент россиян, выигравших и проигравших в результате «шоковой терапии». Приняв решение об участии в выборах, Ельцин создал штаб избирательной кампании. Его руководителем был назначен вице-премьер правительства О. Сосковец. Но этим штабом так и не была выработана единая стратегия и тактика борьбы, его раздирали противоречия. Сосковец и члены его команды уповали только на административный ресурс и на применение наиболее примитивного сценария проведения избирательной кампании: создание средствами подконтрольных СМИ позитивного имиджа президента и дискредитация его оппонентов. А.С. Панарин указывал: «В 1996 году всем опостылевший Ельцин в принципе не мог победить в рамках позитивной политической логики, имеющей в виду собственные достоинства претендента» [63, с. 201].

Несмотря на все предписания и угрозы главам местных администраций, рейтинг Ельцина держался на том же мизерном уровне.

В феврале в Давосе Чубайс, Березовский, Гусинский, Авен, озабоченные судьбой своего бизнеса в случае смены политического режима, приняли решение о том, что Ельцина необходимо привести к новому президентскому сроку. Они договорились о финансировании предвыборной кампании Ельцина и

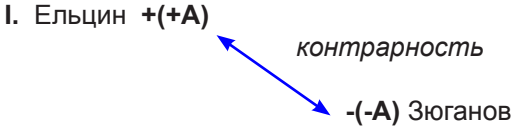
о создании аналитической группы. В состав группы вошли люди, владеющие технологиями управления массовым сознанием: Г. Павловский, А. Ослон, М. Гельман, И. Малашенко и ряд других профессионалов, в том числе четверо имиджмейкеров из США.

Стратегия избирательной кампании, разработанная и проведенная новой командой, была построена в полном соответствии с алгоритмом реализации идеологической тетрады (хотя, разумеется, у нас нет никаких оснований предполагать, что этот алгоритм использовался на основе изучения и применения соответствующих исследований и выводов идеолингвистики. Скорее всего, он был найден в ходе аналитической проработки различных вариантов стратегии и тактики проведения избирательной кампании).

В соответствии с этой технологией, актуализация фрагментов тетрады (заключенных в ней оппозиционных отношений) должна осуществляться «квантами», проходить ряд последовательных этапов.

Первый этап избирательной кампании был направлен на поляризацию электората. На этом этапе избирателям необходимо было внушить, что на победу реально претендуют только два человека: Ельцин и Зюганов (уже это ограничение реальных претендентов стало актом манипуляции массовым сознанием: разумеется, изначально ничто не предрешает круг реальных претендентов. Но итогом социального конструирования реальности с помощью информационно-коммуникативных технологий управления массовым сознанием явилось то, что альтернатива «Ельцин – Зюганов*» на самом деле* стала безальтернативной).

Избирателю была предложена жесткая (и лживая) альтернатива: либо продолжение курса либерально-демократических реформ (т.е. Ельцин), либо реставрация тоталитарного режима (т.е. Зюганов). Если через «+А» обозначить курс на продолжение либерально-демократических реформ, а через «-А» – отрицание этого курса, то на первом этапе в массовом была актуализирована следующая структура идеологической тетрады:



В массовое сознание всеми средствами внедрялось убеждение, что продолжение прежнего курса либерально-демократических реформ, несмотря на все «издержки» приватизации – единственно возможный вариант выживания страны: «Иного не дано». Коммунисты же и Зюганов как креатура прокоммунистического электората – это возвращение к всевластию КПСС и прежним социально-экономическим порядкам. Соответственно ангажированными СМИ использовались все методы и приемы антикоммуни-

стической пропаганды на основе универсально разработанной во времена «холодной войны» манихейской модели метафизического противостояния Добра и Зла*.

На первый взгляд, подобная тактика авантюристична и самоубийственна, учитывая ничтожный рейтинг Ельцина. Она отталкивает от Ельцина огромную массу людей старшего поколения и тех избирателей, в которых сильны убеждения в приоритетности социальной справедливости, необходимости сильной социальной политики и т.д. Действительно, подобная тактика усиления позиций соперника за счет сосредоточения всех его сторонников вокруг одной политической фигуры оправдана лишь в том случае, если используется с дальним прицелом, как элемент и этап общей стратегии, предполагающей дальнейшие действия по управлению ситуацией. Стратегия же эта строилась в полном соответствии с принципами прагматического использования идеологической тетрады, воспроизводящими разработанные даосскими мудрецами рецепты и логику достижения политической эффективности через управление посредством программирования имманентного, «спонтанного» развертывания ситуации.

Стратегия смысла, какой она выступает особенно отчетливо у Мэнцзы, состоит в том, что для успеха необходимо как активное личное участие, так и пассивная открытость объективным процессам. Эта двойная рекомендация иллюстрируется знаменитой притчей о человеке, который начал тянуть ростки из земли, чтобы ускорить процесс их созревания. Нельзя ни устраняться от прикладывания усилий (то есть не утруждать себя прополкой молодых ростков), ни силой «помогать» им расти («вытягивая» их из почвы). Аналогично ставится вопрос и в даосизме: «*Дао* в качестве пути, *которым надо следовать,* не позволяет провести различие между правилом поведения (прежде всего в политическом плане) и процессом, посредством которого сама реальность неустанно обновляется» [174, с. 254].

Тем самым снимается оппозиция естественноисторической и конструктивистской парадигм интерпретации социальной онтологии. Чтобы эффект, предусмотренный с самого начала, «сбылся как неизбежное», был приведен к самостоятельному проявлению, обусловленному переворачиванием, инверсией самой ситуации, нужно действовать в направлении, противоположном программируемому результату: «Прежде чем что-либо ослабить, следует его сначала укрепить; прежде чем что-либо низринуть, следует сначала дать ему подняться» [175, с. 158].

---

* «Нам всем предстоит решить, что ждет нас впереди: свободный труд на благо своих детей и своей родины или новые потрясения, новое «разрушение мира до основания»; жестокая борьба с пре-ступностью или массовые преступления ради «торжества коммунизма»; прекращение войны в Чечне или неизбежная гражданская война; возможность самим выбирать свое будущее или вынужденное одобрение всего того, что решили партком, райком или политбюро», – из листовки в поддержку Б. Ельцина в период выборов 1996 г.

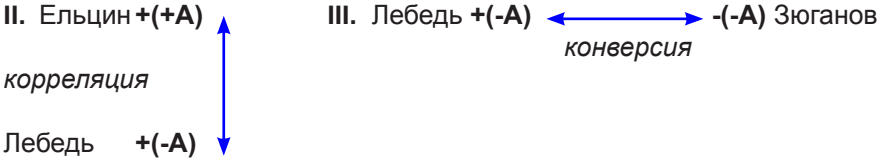
Вслед за успешным (что показали результаты социологических опросов) утверждением в массовом сознании контрарной оппозиции [+(+А) : -(-А)] был совершен переход ко **второму этапу** предвыборной кампании. На этом этапе появляется новый кандидат: А. Лебедь. Эта фигура очень важна с точки зрения возложенных на нее функций «троянского коня» в лагере оппозиции Ельцина. Лебедь должен отвлечь на себя значительную часть электората Зюганова за счет того, что его предвыборная кампания ведется под лозунгами «наведения порядка», «нормализации обстановки в стране».

То есть в соответствии со сценарием избирательной кампании Лебедю присваивается роль защитника важнейших положительных ценностей прежнего социально-политического режима и создается соответствующий имидж средствами СМИ, а Зюганову отводится роль апологета наиболее одиозной, «ленинско-сталинской» модели общественного устройства. И по этому смоделированному имиджу наносится массированный удар всеми средствами СМИ, цинично, агрессивно, но и в высшей степени профессионально формирующими у публики устойчивый антикоммунистический стереотип (эта тактика была известна еще в древности и сформулирована Н. Макиавелли в следующем рецепте: «С помощью одного ты разгромишь другого, хотя тому, будь он умнее, следовало бы спасать, а не губить противника; а после победы ты подчинишь союзника своей власти»).

> В качестве примера агрессивной политической рекламы этого периода можно привести серию плакатов в специализированной предвыборной газете «Не дай бог!», издававшейся в период президентской кампании 1996 года сторонниками Б. Ельцина. В каких только видах не изображался один из главных претендентов на пост руководителя страны – Г. Зюганов! Вот он в образе хирурга, вооруженный «хирургическими инструментами» в виде серпа и молота и вопрошающий: «На что жалуетесь?». А на другом плакате он – уже сотрудник Госавтоинспекции – с пистолетом в руке на фоне светофора, все три «глаза» которого красные, кричит водителю: «Куда прешь на красный!». Вот Зюганов – заводной «щелкунчик» с ключиком в голове, у микрофона, на фоне нотного стана с записью фрагмента из «Интернационала». А вот Зюганов – старьевщик, заглядывающий в щелочку двери, прикрытой цепочкой, протягивающий проржавленный символ советской власти – серп и молот, и спрашивающий: «Старье берем?». Самым агрессивным был плакат, на котором Зюганов был изображен с серпом в руках над коробкой с двумя сиротливыми яичками; занеся серп над яйцами, он зловеще улыбается: «Всем достанется» [176].

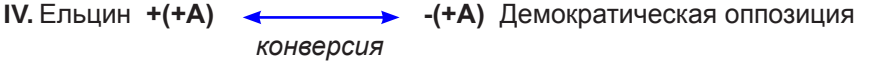
Налицо – дискредитация личности, попытка связать ее с негативными в истории страны явлениями, желание посеять сомнения в положительных качествах лидера КПРФ, его демонизация, нагнетание ужаса перед возвратом старого.

Таким образом, на этом этапе актуализируются следующие элементы тетрады:



В результате контрарная противоположность Ельцин – Зюганов достигает такой интенсивности, что исключает возможность какого-либо диалога. На предложение о проведении прямых теледебатов со своим соперником на выборах Ельцин отвечает: «Мне не о чем дискутировать». Для характеристики Лебедя подконтрольные чубайсовскому штабу СМИ используют лексику, стиль, визуальные образы, методы отбора информации и т.д. из первой колонки прагмем «+Порядок», для характеристики Зюганова – исключительно из второй: «-Порядок». По данным мониторинга телеканалов ОРТ, РТР и НТВ, проведенного «Европейским Институтом СМИ», в течение двух недель перед вторым туром выборов Ельцин 247 раз упоминался в положительном контексте, отрицательных сюжетов и мнений о нем вообще не было. Зюганова упомянули 241 раз отрицательно и ни разу положительно. Прочие кандидаты игнорируются СМИ и тем самым устраняются с поля предвыборной борьбы*. Это необходимо, чтобы создать впечатление, что у курса Ельцина нет реальной альтернативы в виде претендента из либерально-демократического крыла. Насаждается убеждение, что программа Ельцина концентрирует все положительные стороны курса демократических реформ (для ее характеристики используются прагмемы из колонки «+Свобода»), а прочие реформаторы предлагают деструктивные меры и модели развития (соответственно, используются лексемы из колонки «-Свобода»).

Таким образом, отношение к либерально-демократическим соперникам Ельцина моделируется по схеме:



Актуализацией этого отношения с помощью СМИ достигается не только то, что дискредитируется демократическая оппозиция режиму, но и то, что Ельцин обретает положительный имидж (как «меньшее зло» относи-

* В эпоху античности при отсутствии СМИ неугодные претенденты устранялись с помощью, например, такого приема: накануне выборов римского консула магистрат исследовал положение звезд, чтобы определить, благоприятствуют ли они выставлению тех или иных кандидатур. Он мог предложить выбор только из тех кандидатов, которые получили благоприятные предзнаменования. Те же претенденты, которым звезды не благоприятствовали, снимались с голосования. Народное собрание в большинстве случаев молча сносило «благочестивый обман» [241, с. 39–40].

тельно прочих «либеральных» кандидатов) и в глазах той части электората, которая придерживается «левых» убеждений.

Кроме того, поощряются и инспирируются взаимные нападки коммунистов и оппозиционных режиму Ельцина левых партий для их взаимного ослабления в борьбе друг с другом и дискредитации в глазах избирателей по схеме:

V. **-(+A)** Демократическая оппозиция

корреляция

-(-A) Зюганов

Таким образом, в избирательной кампании 1996 г. в России были реализованы управленческие стратегии, пропагандистский инструментарий которых создавался и использовался в полном соответствии с информационно-коммуникативными технологиями управления, диктуемыми алгоритмом идеологического использования лексики. Созданная и реализованная в ходе избирательной кампании модель информационно-коммуникативных воздействий на избирателей может быть представлена следующей схемой (Рисунок 19):

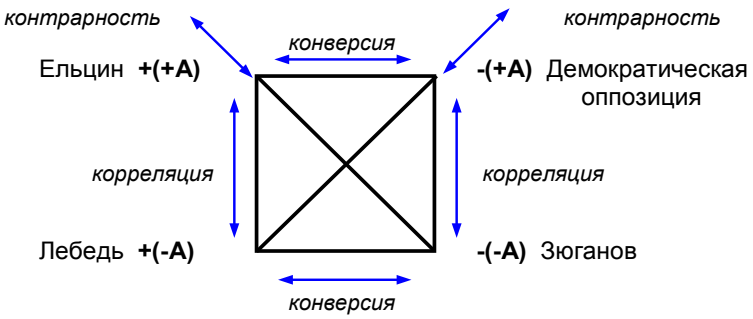


Рисунок 19. **Конструирование векторов политических оппозиций в избирательной кампании 1996 г. в России**

Результаты применения этой технологии впечатляющи: Ельцин, чей рейтинг за полгода до выборов падал до 4%, во втором туре голосования собрал 53,7% голосов избирателей. Такое кардинальное изменение настроений электората не могло обеспечить никакое использование чисто административных методов давления, хотя, разумеется, для успеха информа-

ционно-коммуникативных технологий социальной инженерии необходимо обеспечить мозговой центр всеми доступными административными и финансовыми ресурсами управления массовым сознанием через средства массовой информации.

Проанализированная нами стратегия, примененная в выборах 1996 г. в России, может быть адаптирована и к условиям современного Казахстана. Здесь также можно выделить четыре позиции, или четыре основные силы, рациональное информационно-коммуникативное управление взаимодействием которых в массовом сознании избирателей должно лечь в основу стратегии и тактики предвыборной борьбы. Этими позициями, аналогичными российской тетраде: *Ельцин – демократическая оппозиция – Лебедь – Зюганов,* являются:

+(+А) – установка на продолжение курса реформ, экономической и политической модернизации, проводимых Президентом РК;

-(+А) – установка на радикализацию реформ посредством либерализации политических институтов: ослабление или ликвидация президентской формы правления; усиление парламента и расширение его полномочий; перераспределение власти в пользу институтов местного самоуправления и т.д.;

+(-А) – установка на усиление институтов центральной власти как пути наведения общественного порядка, обеспечения социальной стабильности; расширение сфер и функций воздействия государства на социальные и экономические процессы и т.д.;

-(-А) – установка на сворачивание реформ и смену существующего экономического и социально-политического строя: реставрация социалистических общественных отношений; построение теократического исламского государства и т.п.

Разумеется, тактические приемы и последовательность актуализации тех или иных фрагментов тетрады (оппозитивных отношений противоборствующих сил) в Казахстане будут отличаться от российских. Например, ввиду высокого рейтинга действующего президента, практически на порядок превышающего популярность ближайших претендентов, незначительного влияния сторонников прокоммунистической идеологии и приверженцев радикального (политического) ислама, нет необходимости, в отличие от России 1996 г., принятия мер к поляризации электората путем гиперболического преувеличения значения контрарной оппозиции [+(+А) : -(-А)]. Другим важным отличием должен стать выбор денотата («А») для построения системы коннотативных отношений. Вследствие такой особенности Казахстана, как многонациональный состав населения и распространенность русского языка, важнейшим предметом предвыборной борьбы становится стратегия национально-государственного строительства и решения языковой проблемы. Поэтому, например, при защите стратегического курса на реализацию в Казахстане принципа нации как согражданства серьезное значение должно быть отведено идеологическому воздействию на массовое сознание с помощью тетрады, построенной на прагмемах «национализм», «патриотизм», «интернационализм», «космополитизм». Однако при различиях в тактиче-

ских приемах, методах, последовательности реализации фрагментов и т.д. использования тетрады, общий алгоритм информационно-коммуникативного управления или социоинженерной технологии конструирования поля взаимодействия социально-политических сил остается неизменным.

Механизмы использования идеологических кодов лексики, представленные в идеологической тетраде, не произвольны, но имеют основания как в фундаментальных коннотативно-денотативных структурах языка и речи, так и в онтологических (ценностно-смысловых) структурах социальной реальности. Поэтому и вытекающие из них принципы социального конструирования реальности посредством применения алгоритмов информационно-коммуникативных технологий управления массовым сознанием также имеют универсальное значение. Для управления практически любой социальной ситуацией конфликтного взаимодействия может быть построена схема оппозитивных отношений ее субъектов-участников, позиционирование которых будет определяться алгоритмом устройства идеологической тетрады. На основе социоинженерного применения этой схемы можно организовать поле взаимодействия противоборствующих и сотрудничающих сил таким образом, чтобы оно вело к цели, поставленной управленческой инстанцией. Конечно, в каждом конкретном случае последовательность и способы актуализации тех или иных линий взаимодействия будут определяться специфическими особенностями конкретной ситуации.

Проанализированный нами пример манипуляции электоральным поведением также наглядно демонстрирует, в сколь сильной степени управляемым и направляемым информационно-коммуникативными PR-технологиями является свободное волеизъявление граждан современных демократических государств. Однако необходимо иметь в виду, что действенность манипулятивных технологий в решающей степени зависит не только от того, насколько они технологически рациональны, но и от того, насколько скрытыми от сознания объектов управления они остаются. Латинская пословица гласит: «Предупрежден – значит, вооружен». Знание доктрин и технологий управления массовым сознанием становится для этого сознания эффективным средством противостояния проводимым над ним манипуляций. Идеологические коды должны быть скрытными, будучи же высказанными, перестают быть эффективными и действенными. Впрочем, в условиях массированной идеологической обработки это условие перестает быть принципиальным:

> «Сегодня, в эру цинизма, идеология может позволить себе раскрыть тайну своего функционирования (ее конститутивный идиотизм, который традиционная, еще не ставшая циничной, идеология должна была держать в тайне), что нисколько не влияет на ее эффективность» [177]. Как, например, «конститутивный идиотизм» программы Джеймса Картера: «На нас лежит огромная ответственность – мы должны создать такую форму управления, которая соответствовала бы воле Божьей» [178, с. 251], – нисколько не помешал внушить миллионам американцев (а США, по авторитетному свидетельству П. Бьюкенена – самое идеологизированное общество современности) убежденность в том, что эта задача решена, а потому американцы – благословеннейшие из смертных.

Тетрада как интегральная схема информационно-коммуникативного управления массовым сознанием на основе использования всей эмоциональной многозначности, заложенной в природе языка, «лишается действенной силы именно потому, что раскрывается механизм ее действия» [173, с. 193]. Впрочем, неосознанность механизмов функционирования фундаментальных структур социального пространства является условием их воспроизводства в качестве само собой разумеющихся структур, или «фонового контекста» жизненного мира индивидов. Как указывает П. Бурдьё, постоянно возрождающееся коллективное незнание является условием и результатом функционирования социального поля с его диспозициями, облеченными в метафоры «практического смысла».

Этот вывод является тем более обескураживающим, что в социальной динамике постиндустриальной эпохи решающую роль начинают играть информационно-коммуникативные сети и выстраивающиеся на их основе политические технологии, разработка и применение которых становятся функцией «нового интеллектуального класса», knowledge-class, к которому и переходят все основные характеристики субъекта управления политической, экономической, социальной сферами общества. Вместе с выдвижением знаний и информации в качестве основного ресурса власти впервые в истории условием принадлежности к доминирующему классу становится не обладание или право распоряжения ресурсами, а способность ими воспользоваться. Однако анализ «экономики и политики в эпоху диктатуры когнитариата» свидетельствует о том, что «демократический разум прямотаки обязывает быть онтологически поверхностным» [33, с. 145] обязывает отделять метафизические основания от мотивов политического выбора, абстрагировать политические технологии, направленные на конструирование социальной реальности и программирование ее трансформаций, от социальной онтологии.

Социальные конфликты в нашу эпоху приобретают специфические черты кризиса интеллектуально-символических структур. А.С. Панарин связывает социальную энергетику и базовые мотивы массового недовольства советским режимом не с парадигмой рынка, а с парадигмой Просвещения в кантовском его понимании как выхода человека из состояния несовершеннолетия, т.е. неспособности пользоваться своим рассудком без руководства со стороны кого-либо другого. Система массового среднего и высшего образования создала такой уровень культурного и интеллектуального капитала нации, который более в принципе не мог инвестироваться в официальную ложь господствующей идеологии, с которой идентифицировала себя государственно-политическая система «развитого социализма». Основным противоречием идеократического общества является противоречие между накопленным интеллектуальным капиталом и редуцированными возможностями его применения, а не собственно экономические противоречия, конфликты по поводу собственности.

При всей противоречивости ситуации, когда демократия основывается на манипуляции сознанием, т.е. на антидемократическом по самой своей сути механизме собственного функционирования, в этой превращенной форме реализуется принцип объединения знания и власти на основе приоритетности знаний как истока легитимности власти. Основная проблема состоит в том, чтобы не поддаться соблазну легких решений, технократических иллюзий о том, что переход к информационно-коммуникативным технологиям управления государственной гиперсистемой способен «автоматически» гуманизировать социальные отношения, направлять их трансформацию в соответствии с духовно-нравственными идеалами.

9.4 Идеологическая матрица типологии социальных систем

В качестве основания дедукции логико-семантических схем или матриц онтологических модальностей социодискурса мы можем рассматривать аналитику типологически различных способов соотнесения единого и многого, целого и части.

Логико-семантическая структура онтологической гармонии единства и многообразия в классической философии выражена идеей всеединства. С.Л. Франк определяет всеединство как «единство единства *и* многообразия, – такое единство, которое не только объемлет в себе все свои части и точки, но так их внутренне пронизывает, что вместе с тем содержится как *целое* в каждой своей части и точке» [179, с. 335].

Конструктивно-организационные принципы положительного всеединства определены В.С. Соловьевым тремя критериями отношения частей друг к другу и к целому: 1. структурные элементы взаимно полагают себя один в другом, солидарны между собою; 2. они не исключают целого, а утверждают свое частное бытие на единой основе; 3. единая основа не поглощает части, а, раскрывая себя в них, дает им полный простор в себе. Таковы структурные схемы Добра, Истины, Красоты.

Соответственно, и деонтологизация может быть сведена к троякому нарушению взаимной солидарности и равновесия частей и целого: 1. частный элемент утверждает себя в своей особости, стремясь исключить или подавить чужое бытие; 2. единичные элементы порознь или вместе хотят стать на место целого, отрицают его самостоятельное единство, а через то и общую связь между собою; 3. во имя единства теснится и упраздняется свобода частного бытия. «Все это: и исключительное самоутверждение (эгоизм), и анархический партикуляризм, и деспотическое объединение мы должны признать злом» [180, с. 131] в нравственной сфере, ложью в теоретической сфере и безобразием в эстетической сфере.

В идеологической тетраде объединены отмеченные В.С. Соловьевым схемы структурирования и деструкции всеединства. В социально-политической риторике субститутами категорий *единое и многое, целое и часть, общее и отдельное* служат наборы прагмем, символизирующих принципы социального порядка и индивидуальной свободы – таблица 12.

Таблица 12. **Прагмемы понятий «порядок» и «свобода»**

«Единое», «Общее», «Целое»		«Многое», «Отдельное», «Часть»	
+(+А) «Порядок»	-(+А) «Порядок»	+(-А) «Свобода»	-(-А) «Свобода»
Единство	Тоталитаризм	Свобода выбора	Стихийность
Сплоченность	Конформизм	Инициативность	Субъективизм
Солидарность	Обезличивание	Независимость	Индивидуализм
Согласие	Унификация	Плюрализм	Конфронтация
Порядок	Авторитаризм	Автономия	Дезинтеграция
Дисциплина	Насилие	Открытость	Анархия
Консолидация	Принуждение	Самоуправление	Распущенность
Организованность	Соглашательство	Соревновательность	Вседозволенность

По правилам идео-логики прагматическое использование этих противоположно направленных тенденций структурирования социального целого будет происходить как процесс интеграции этих прагмем, обозначающих примат целого ±(+А), или примат единичного ±(-А), в тетраду в соответствии с общим алгоритмом построения идеологической тетрады (Рисунок 20).

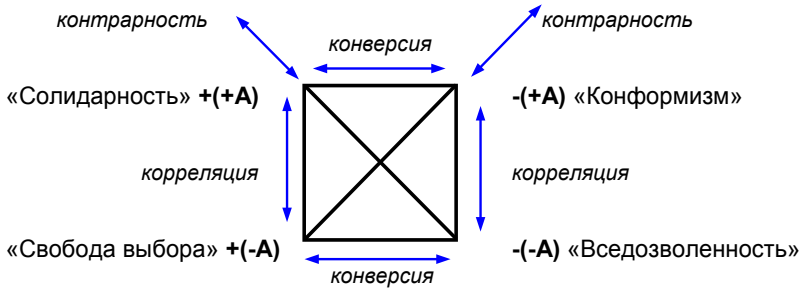


Рисунок 20. **Соотношение прагмем *Единого* и *Многого***

Как видно, идео-логика решает проблему структуры соотнесения единого и многого совсем в иной плоскости и иными путями, чем метафизика и трансцендентализм с присущими им правилами доказательства и логическими нормами дискурса. Идеологическая тетрада относится к классу схем, обозначенных В. Розиным как *направляющие*. Эти схемы, актуализируемые в процессах коммуникации, задают не только и не столько отдельные объекты, но «определенную реальность, войдя в которую слушатель (оппонент) должен начать двигаться в направлении, желательном для «ведущего» [181, с. 137]. В. Розин выявляет различного рода направляющие схемы в диалогах Платона и Галилея, в текстах Хайдеггера и в ряде других источниках и показывает, что их применение в познавательно-коммуникативных практи-

ках переориентирует нашу мысль, направляет ее на поиск нового способа мышления, способного ухватить суть дела, недоступную для привычного, дискурсивно организованного текста.

Идео-логика как универсальный код направляющих схем рассчитана не на вневременной, сверхисторический континуум, а на оперативное действие внутри меняющейся конфигурации исторических сил, решая задачу их прогрессирующей тотализации. М.Н. Эпштейн подробно описывает стратегию и методику использования тетрады в идеологических спорах: «Тетрада формулирует оптимальную стратегию поведения в ситуациях конфликта, показывает, как нужно применять словесные оценки, чтобы ослаблять конфликтующие стороны посредством их же силы и укреплять себя, «играя» на их противоречиях» [173, с. 195]. Но сама структура идео-логики как схемы интеграции и размежевания императивов социальных позиций и действий, не обусловливается, а лишь актуализируется ее политико-идеологическим использованием в качестве механизма управления социальными процессами, конструирования социальной реальности. Первостепенна значимость идео-логики как логики дискурса относительно равно значимых ценностей, разрешение которых возможно не на пути переопределения понятий и их ценностных коннотаций, но по установлению их роли в конкретно-исторической ситуации. Социальная философия, владеющая идео-логикой как методом, оперирует не абсолютными масштабами, но теми специфическими (одновременно социально-типическими) конфигурациями социального бытия, которые привели к акцентированию одних нормативно-ценностных систем, отодвинули на второй план другие, дезавуировали третьи.

Идео-логикой преодолевается фундаментальный предрассудок социальной философии: убеждение в том, что анализ социально-исторической реальности с точки зрения общих законов и упорядочение ее посредством понятий – совершенно иная мыслительная процедура, чем анализ конкретной ситуации в ее уникальных смысловых констелляциях. Особенность социальной онтологии в том, что она имеет предметом характеризуемые определенными правилами ситуации взаимодействия индивидов и групп. Эти правила могут раскрываться, а ситуации могут быть типологически нормализованы через движение их круговой и перекрестной перекодировки, семантических трансформаций и переходов по логике упорядоченной структуры соотношения прагмем.

Для описания схематизма структурирования и функционирования социальных диспозиций французской постструктуралистской социологией применяется понятие габитуса. По определению П. Бурдьё, габитусы – это «системы устойчивых и переносимых *диспозиций*, структурированные структуры, предрасположенные функционировать как структурирующие структуры, т.е. как принципы, порождающие и организующие практики и представления, которые могут быть объективно адаптированными к их цели, однако не предполагают осознанную направленность на нее». На основе коллективно-бессознательных схем габитуса, а не «целерационального выбора», фор-

мируется единое смысловое поле социальности и преодолеваются «обычные предрасположенности, в которые мы обычно замкнуты: детерминизм и свобода, предустановленность и творчество, сознание и бессознательное, индивид и общество» [182, с. 102, 106–107].

> Вместе с тем очевидно, что структурой «структурирующих структур» становится замкнутая комбинаторика означающих, выполняющая функцию, аналогичную инстинкту. Предположим, пишет А. Бергсон, что у муравья внезапно появится рассудок, рефлексия. Он станет задаваться вопросом, что именно и почему он делает, и скажет себе самому, что глупо не предаваться отдыху и развлечениям: «Хватит жертв с моей стороны! Пришло время подумать о себе». Но как только рефлексия потревожит инстинкт, сразу потребуется, чтобы та же самая рефлексия вернула все на свое место и устранила то, что она натворила. Муравей путем рассуждений установит, что он полностью заинтересован в работе для муравейника [183, с. 100].

Габитус определяет структуру своей интеллектуальной реконструкции, это именно тот язык, на котором не мы говорим и мыслим, но который говорит и мыслит нами (Ж. Лакан).

Понятие габитуса, как и все диспозиционные концепты, предполагает отказ от субстанциалистской парадигмы онтологии. Н. Гартман утверждает: в динамических образованиях, в том числе и в онтологических порядках человеческого общества, «действует иной способ сохранения, чем субстанциальность: сохранение через внутреннее равновесие, регулирование, самодеятельное воссоздание или даже самодеятельное превращение. В отличие от субсистенции его можно назвать консистенцией. Ее результатом является хотя и не вечная, но достаточно долгая длительность для того, чтобы придать образованиям свойство быть носителями изменяющихся состояний (акциденций)» [184, с. 231]. Принцип консистенции или контингентности, онтологизируя выраженные в идеях отношения («образования») в качестве несубстанциального абсолюта социально-исторических структур и процессов, тем самым превращает социальную онтологию в метаязык описания особого класса *систем с интегральным внутренним знанием,* или рефлексивно самоотнесенных целостностей. То есть целостностей, в которых актами их *рефлексивного* моделирования создаются и трансформируются *онтологические* структуры.

Личностно-социальное целое предстает не в виде всеобъемлющего телеологического синтеза или линейной ценностной перспективы, но как подвижный синтез и замена своих опорных элементов, переопределения своего собственного определяющего основания. Устойчивость же социальной системы определена специфическими особенностями (сформированными, прежде всего, культурно-историческим процессом) *диспозиционного* схематизма (в том числе когнитивного и мотивационного) структурирования социальных связей. Примером реализации такого подхода является развитие Г.С. Батищевым, в опоре на тексты К. Маркса, концепции непериодизи-

рующей типологии социальных связей [185, с. 298–377]. Эту концепцию мы, в свою очередь, постараемся представить в качестве примера демонстрации возможностей и границ применимости идео-логики в социоинженерном конструировании реальности.

В социальной философии представлены концепции, дифференцирующие социальные системы по критерию противопоставления атомистических и органических модальностей социальной связи: Gemeinshaft (общество) и Gesellshaft (сообщество) Ф. Тённиса, традиционное и открытое общество К. Поппера, макроэтика расширенного порядка взаимодействия и микроэтика солидарности малых групп Ф. Хайека и т.д. Каждому из этих типов обществ соответствует и особый тип культуры. Г.С. Батищев показывает, что в социальной философии К. Маркса социал-органические и атомистические типы социальных связей рассматриваются, в свою очередь, в двух подтипах каждая: закрытых, замкнутых и открытых, разомкнутых, а структурно-онтологические различия четырех модальностей социальных систем строятся вокруг векторов ценностных устремлений. При этом возникает типология, наглядно демонстрирующая и теоретически преодолевающая односторонность как либеральных, так и консервативных концепций общества и культуры.

Социал-органические связи – это связи не-свободной сопринадлежности индивидов Целому (+А).

Замкнутая модальность этого типа связей -(+А) характеризуется гетерономией индивидов как акциденций или составных частей, снимающих с себя ответственность за движение субстанциального целого и утрачивающих субъектные атрибуты. Она описывается Г.С. Батищевым прагмемами из колонки **«-единое»:** *мертвящий традиционализм, онтологическое иждивенчество, стереотипность, трафаретность* и т. д. Различаются две внешне противоположные, но по существу идентичные формы гетерономии индивидов в системах замкнутых органических связей: а) покорность, квиетизм и б) формально-исполнительская суета.

Нельзя считать, будто бы социал-органические связи не оставляют места для субъектности индивида. Самостоятельность, сознательно-критическая оценка здесь сохраняются, но включаются в более широкую сферу несвободы как принципиально над-индивидуальной сферы высших смыслов и ценностей, универсальных принципов и норм. Так возникают социал-органические разомкнутые связи +(+А) – связи со-принадлежности индивидов, раскрытые навстречу абсолютному онтологическому содержанию наиболее фундаментальных уровней бытия, в которые субъект включается на додеятельностном, нераспредмечиваемом уровне личностной организации.

Атомистические связи (-А) дробят целое на такие части, каждая из которых притязает быть внутри себя онтологически самодовлеющим целым.

При открытом типе атомистических связей +(-А) своемерие и своецентризм (прагмемы колонки **«-многое»**) обращены индивидом только внутрь его субъектного мира. Уход из актуального межличностного общения, за-

мыкание в «Святое одиночество» (Рильке) своего субъектного мира, требующиеся в пограничных ситуациях, в творчестве, подвижничестве и т.п. формах самоопределения личности по отношению к высшим ценностям и смыслам, совмещается с уважительностью и терпимостью к жизненным кодексам других, предполагает субъектный полицентризм (**«+многое»**).

Как и замкнутые социал-органические связи, замкнутые атомистические связи -(-А) выступают в двух формах: а) потребностно-гедонистической и б) ценностно-аскетической. Если самозамыкание индивида происходит в сфере конечных явлений, тогда его требования к миру выступают как потребности. Когда же индивид предпочитает самоутверждаться лишь в сфере высших ценностей посредством их присвоения, тогда он ту же самую по сути позицию претворяет внешне противоположным способом: утилитарные потребности подавляются ради над-утилитарных ценностей, но на деле последним придается конечная, потребностно-подобная форма.

Г.С. Батищев подчеркивает: коварная негативная диалектика механизма социальной регуляции атомистической социальности такова, что, ежечасно аннулируя высокомерный своецентризм каждого атома, утверждает за его спиной неоспоримый своецентризм отчужденной системы как целого. Этот механизм пролагает дорогу господству системы над индивидом именно тем, что поддерживает в индивиде притязание быть господином своей судьбы*. Таким образом, социал-органические и атомистические типы структурирования общества коррелятивно объединяются открытыми [+(+А) : +(-А)] и закрытыми [-(+А) : -(-А)] типами социальных взаимодействий.

В этой связи можно рассмотреть вопрос о тенденциях трансформации социальной онтологии в эпоху постмодерна. Согласно Ж. Бодрийяру, общество переходит в состояние массы, состоящей из атомов, настолько разобщенных, что даже манипулирование ими становится невозможным. Согласно М. Маффесоли, эпоха постмодерна характеризуется переходом от общества механической солидарности (Gesellshaft) к сообществу органической солидарности (Gemeinshaft) – микросоциумов общения, основанных

* Диалектика превращения атомистических связей в общество тоталитарной социодинамики блестяще раскрыта Ж. Бодрийяром в анализе современного общества потребления. Если ранее на индивиде лежал моральный долг приспособиться к требованиям общества, то теперь ему через систему серийного производства, рекламы, масс-медиа и т.д. внушается фундаментальная ценность основ-ного политического мифа современного демократического общества – мифа об имманентности смыслов социума личностному началу, о личностной обращенности социальной среды к индивиду и его свободе выбора, о том, что все общество в целом приспосабливается к его желаниям, ориентировано на то, чтобы доставить ему удовлетворение и средства самоосуществления.

От человека в этой неомифологической системе требуется только соответствовать самому себе, а не каким-либо внешним нормам и запретам. Но доступный субъекту выбор изначально фиксирован, дифференциации интегрированы в систему, «живой выбор воплощается в мертвых различиях» [243, с. 166]. Поэтому в актах персонализированного выбора и потребления, которые субъективно переживаются индивидом как свобода, личность тотально социализирована.

на спонтанной консолидации социальности. С точки зрения принципов разработанной Г.С. Батищевым типологии две этих противоположные модели объединяет то, что они конструируются в соответствии с логикой социальных связей закрытого типа и семантикой аксиологического релятивизма.

Анализ Г.С. Батищева вскрывает системное многообразие способов деонтологизации социокультурного бытия личности в различных и вместе с тем комплементарных типах социал-органических и социал-атомистических связей. Каждым из проанализированных типов и всеми ими вместе предполагаются духовно-онтологические основы социальности, но внутри этих связей и на основе соответствующих им структур социального бытия они не возникают и возникнуть не могут. В парадигматических рамках этой типологии социум лишь допускает (разомкнутые типы социальной связи) или противодействует (замкнутые типы) актуализации духовного начала, открывающегося человеку через щели и дыры в глухой стене социальности. Из проведенного Г.С. Батищевым анализа непериодической типологии структур социальных взаимодействий следует вывод о внесистемной природе социокультурных связей, онтологически соответствующих принципу свободной индивидуальности. В методологическом плане это заключение обращает нас к выводу постструктуралистской критики об онтологической фундаментальности идеи Отсутствия, дающей нам «систематическую возможность узнавать то, что есть, по тому, чего нет» [62, с. 433]. Вместе с тем выход из системы бинарных метафизических оппозиций предполагает переход к совершенно иному типу схематизма. Эта стратегия обоснована и проведена, например, Кантом. Согласно Канту, свобода воображения состоит в том, что оно *схематизирует без понятия,* т.е. по ту сторону априорных схем.

Онтологический схематизм, лежащий в основе методологии познания социокультурной реальности и релевантный идее свободной индивидуальности, должен быть свободен от движения рефлексии по маршрутам, предуказанным бинарной логикой и выражающими ее категориальными структурами. Ж. Деррида пишет о том, что «открытие» структуры (установление того, что в самой структуре остается открытым) означает переход к совершенно иному уровню: «*Различие* между малой, то есть необходимо закрытой структурой и структурностью открытия – таково, может быть, неустановленное место, в котором коренится философия. В особенности тогда, когда она описывает структуры» [186, с. 250].

Структура выхода из очерченного идеологической тетрадой круга социал-органических и социал-атомистических связей к принципиально иному типу структурирования социального пространства становится привилегированным «топосом» размещения философской рефлексии в поле социального.

9.5 Идеологическое кодирование идейно-политических диспозиций

В современной демократии для управления полем противоборства политических сил сформировался политический код нового типа в форме дихотомии прогрессивного и консервативного. Сам по себе код лишь принудительно утверждает эту форму дихотомии, не предрешая выбора ни одной из ее сторон, поэтому он выполняет универсальную функцию структурирования политических альтернатив. Можно проследить, удовлетворяет ли идеологическая тетрада требованиям выполнения функций формального устройства для констелляции альтернатив, предъявляемых коммуникативной теорией власти к генерализированным кодам. Рассмотрим в качестве примера две стратегии социально-политического развития:

1. Курс на построение сильного, социально ответственного государства, на усиление государственного контроля в экономической сфере, на укрепление институтов политической власти и т.д.

2. Курс на либерализацию политической системы и экономических порядков, при которой государству отводится роль «ночного сторожа».

Обе эти стратегии – консервативная и либеральная – используются как инструменты демократической политики и каждая из них имеет значительное число сторонников, каждая представлена в массовом сознании. Вместе с тем, они очевидным образом оппозиционны друг другу. Теоретический анализ призван раскрыть объективное содержание и внутренние противоречия консерватизма и либерализма, критически оценить принципы и идеи этих учений. Но такого рода анализ и сформулированные на его основе выводы не в силах существенным образом повлиять на установки массового сознания, привести его к убежденности в преимуществах той или иной концепции. Эту задачу должна брать на себя и решать идеология как метод информационно-коммуникативного управления массовым сознанием.

Обозначим программу (стратегию, тактику, концепцию и т.д.) социального развития, ориентирующуюся на консервативные принципы, как политический курс **«А»**, а на либеральные принципы – как курс **«Б»**. Эффективность и оправданность выбора той или иной тактики и методов достижения ее целей определяется массой конкретных обстоятельств, особенностями ситуации и т.д., а не абстрактно-общими соображениями (напомним: согласно Н. Луману «Политика более не легитимируется истиной»). Абсолютная шкала ценностей тут не применима. Как указывал (вполне в духе Макиавелли) Хань Фэй-цзы: совершенномудрый правитель «просто действует в соответствии с существующими нравами. Поэтому [его] деятельность исходит из [задач] времени, а [его] средства соответствуют [задачам] деятельности» [187, с. 507].

Выбор альтернативных версий происходит в ситуации жесткой конкуренции и политической борьбы, в которой важно завоевать прочные позиции в массовом сознании, убедить в правильности выбранного курса и тем

самым обеспечить не только общественную поддержку, но и саму возможность реализации намеченных программ. Для этого используется широкий арсенал идеологических приемов убеждения. Рассмотрим, какие приемы убеждения и воздействия на массовое сознание вытекают из использования ресурсов тетрады для защиты определенного политического выбора – курса **«В».**

Пусть этот курс, как это обычно и бывает в реальной политической практике, представляет собой определенный компромисс между либеральными и консервативными установками, включает в себя компоненты их обеих. Очевидно, что такой курс будет подвергнут критике как либералами (за недостаточную либеральность и уступки консерватизму), так и консерваторами (по противоположным основаниям). Результирующей этой критики может стать формирование в массовом сознании граждан, каких бы политических взглядов ни придерживался тот или иной гражданин, общего настроения недовольства, убежденности в некомпетентности, беспринципности, беспомощности руководства, в пагубности избранного курса. В этой ситуации заведомо проигрышной станет позиция защиты сделанного выбора, опирающаяся на сугубо теоретические аргументы, и вступление в «борьбу на уничтожение», ведущуюся сразу на два фронта – как с консерваторами, так и с либералами. Должна быть реализована иная технология, чем «лобовое столкновение» с противниками. Такая технология предоставляется методикой использования «идеологической тетрады». Рассмотрим на нашем примере, как осуществляется это управление.

Классический и современный либерализм исходят из концепции рационально мыслящего, автономного индивида как самодостаточного субъекта социальных отношений. Социальная организация должна лишь открывать простор для его самореализации и свободного выбора. Консерваторы и неоконсерваторы исходят из необходимости общественного принуждения к выбору социально значимых моделей поведения, а также их регламентации в нормах права. Установки либерализма и консерватизма можно свести к следующему различию: либо свобода наиболее гарантирована в условиях твердого порядка (консерватизм), либо порядок в обществе воцаряется тогда, когда в нем существует максимальная свобода (либерализм) [188, с. 319].

В общем виде, в абстрактной формулировке эта дилемма неразрешима. Но ее теоретическая неразрешимость означает, что решение передвигается в сферу «теоретической практики», т.е. идеологии, которая придает одной из установок более значительную *относительную* ценность, утверждает ее приоритетность в *данной конкретно-исторической ситуации.* В нашем примере «порядок» и «свобода» как фундаментальные ценности консерватизма и либерализма при идеологическом использовании языка должны быть, во-первых, использованы *как прагмемы*, а не только лишь как теоретические понятия, и, во-вторых, представлены соответствующими *наборами, сериями прагмем*, сведенными в таблицу, аналогичную приведенной выше таблице с сериями **± «Порядок»** и **± «Свобода».**

Обладая набором четырех типов прагмем для двух противоположных программ А и Б, следует применять следующую технологию: в ситуации, требующей усиления А и ослабления Б (т.е. защиты элементов консерватизма в избранном политическом курсе В), используются слова из списков +А и -Б. То есть защита либералами свободы характеризуется как проповедь *вседозволенности, распущенности, безответственности,* ведущих к *стихийности и анархии.* Но если +А, пользуясь эффектом положительной ценности своих прагмем, достигло чрезмерной силы и притязает на доминирование и господство в общественном сознании, следует, дабы, по словам Макиавелли, «обуздать сильных и поощрить слабых», изменить лексический выбор и использовать другую контрарную пару, противопоставляя +Б и -А. В этом случае позиция консерваторов характеризуется как путь, ведущий к реставрации *тоталитарных и авторитарных* режимов, к государственному *насилию и принуждению,* к «введению единомыслия», нарушениям прав личности и т.д.

Повторим еще раз, что речь идет не о теоретической доказательности подобного рода аргументов, и не об объективной, надситуативной истинности центристской позиции (курса «В» в нашем примере). М. Вебер пишет: «Само собой разумеется, что в отдельном случае субъективным долгом практического политика может быть как посредничество между сторонниками противоречивых мнений, так и переход на сторону кого-нибудь из них. Однако с научной «объективностью» это ничего общего не имеет. «Средняя линия» *ни на йоту не ближе к научной истине*, чем идеалы самых крайних правых или левых партий» [189, с. 353]. Идео-логикой создается контекст, внутри которого противоборствующие принципы приобретают осмысленность и определяются их конструктивные и деструктивные функции в конкретной ситуации, а владение идео-логикой как методом управления позволяет изнутри интегрировать все основные социальные силы, действующие в данном историческом поле возможностей, и вместе с тем возвыситься над их односторонностью.

Основанная на применении идеологической тетрады технология управления рассчитана на оперативное действие внутри меняющейся конфигурации социально-политических сил. Информационно-коммуникативным механизмом реализации этой технологии является создание четко структурированной системы распределения оценок, суть которой состоит в том, чтобы воздействовать на соотношение исторических сил, усиливать одних участников конфликтной ситуации и ослаблять других.

Пример, рассмотренный нами в качестве иллюстрации возможностей и механизма применения идеологической тетрады в социальной инженерии политического процесса, относится к числу типичных. На самом деле, в реальной социально-политической практике управления постоянно решаются вопросы о нахождении и выборе оптимального – в данных условиях, применительно к настоящему моменту, соответствующего текущему раскладу социально-политических сил и т.д. – соотношения таких противоположных (оппозитивных) принципов, как:

Государственное регулирование экономики	Рыночное саморегулирование
Специфические ценности и нормы традиционной культуры	Унифицированные ценности массовой культуры глобального мира
Национальное самосознание	Общегражданская идентичность
Поддержание стабильности социально-политических порядков	Требования модернизации социально-политической системы
Укрепление централизованной системы управления	Развитие местного самоуправления

Во всех этих и множестве аналогичных ситуаций возможно применение технологий управления, основанных на использовании информационно-коммуникативных стратегий идеологического воздействия на массовое сознание посредством рационального манипулирования эмоциональными и оценочными значениями, заключенными в словах. Субъект, владеющий этой технологией (алгоритмом составления и применения тетрады для каждой конкретной ситуации), пользуется противоречащими друг другу установками своих противников как справа, так и слева, контролируя и направляя их взаимодействие. Тем самым он приобретает практический перевес над своими односторонними оппонентами, приверженными противоположным оценочным установкам, используя силу каждого для победы над другим и тем самым ослабляя их обоих. В то же время он завоевывает прочные позиции в массовом сознании, привлекая на свою сторону приверженцев противоположных убеждений.

Исследования современной идеолингвистики доказывают, что тетрада является «основополагающей структурой идеологического мышления, чье назначение – выход в практику, подчиняющую все разнообразие действительности воле того или иного исторического субъекта» [173, с. 197]. Конечно, в реальной практике мы крайне редко встречаемся с применением методов идеологического управления посредством сознательного использования ресурсов идеологической тетрады. Как правило, политический дискурс в ситуациях конфликтного взаимодействия строится на основе той лексики, которая получила наименование «язык вражды», hate speech – буквально, «речь ненависти». Тем самым субъекты политического процесса лишаются информационно-коммуникативных средств перевода конфликтной ситуации в ситуацию конструктивного и вместе с тем управляемого диалога. Ведь «язык вражды», в соответствии со структурой тетрады, используется в случаях контрарных отношений, и неприменим в случаях отношений конверсии и корреляции.

9.6 Социальная инженерия постмодернизма: технологии симуляции исчезающей реальности

В идеолингвистике выделяется еще один – рефлексивный уровень идеологической тетрады и соответствующий ему метаязык предикатов, извлеченный из предметного многообразия объектного языка прагмем. Языком-объектом метаоценочного языка выступают сами оценки, входящие в структуру прагмем. Позитивная или негативная оценка какого-либо явления могут быть, в свою очередь, оценены позитивно или негативно. На этом уровне идеология как поиск и тематизация ценностей (Р. Барт) реализуется в форме *прагматической метатетрады,* имеющей следующую структуру:

+ [+]	– [+]
+ [–]	– [–]

Если тетрада соответствует *мандале*, то метатетраде можно найти аналог в *калачакре* – «колесе времен» джайнской мифологии. Здесь нисходящие и восходящие потоки времени делятся на шесть периодов каждый: «хороший – хороший», «хороший», «хороший – плохой», «плохой – хороший», «плохой», «плохой – плохой». Метаязыком прагматической метатетрады разрушается метафизика как язык-объект, а «выпотрошенная форма» (Р. Барт) его концептов в метаидеологической перекодировке симулирует их исходный смысл.

Трансформационная матрица идео-логики актуализирована постмодернизмом, обратившим ее собственно идеологические функции – дистрибуцию внереференциальных означающих – на разработку технологий разрушения онтологической семантики. В попытках экзегезы текстов Книги Бытия Августин приходит к заключению: «…если бы я писал книгу высшей непреложности, я предпочел бы написать ее так, чтобы каждый нашел в моих словах отзвук той истины, которая ему доступна; я не вложил бы в них единой отчетливой мысли, исключающей все остальные…» [190, с. 349]. Но поскольку невозможно без плутовства играть «сразу на две структуры» – на ряды означаемых и ряды означающих, то высшая непреложность текста предполагает его независимость от референций. Это обстоятельство в полной мере учитывается постмодернизмом, поставившим себе задачу выразить опыт современной эпохи в виде *метатекстов*, представляющих собой «плюралистически-холистский» синтез, при котором все позиции и альтернативы эксплицитно даны как моменты единого кругового и перекрестного взаимоопределения, свободной игры означающих (в нашей терминологии – элементов идеологической метатетрады). Соответственно интенция на поиски устойчивой и недвусмысленной нормативности онтологических концептов отнесена постмодернизмом к рецидивам тоталитарного, репрессивного, фундаменталистски-догматического мышления, а реальные референты социально-политических понятий деконструированы и превращены в элементы семиотических систем, подчиняющихся номадической дистрибуции смыслов в «ризоморфных» средах произвольно фрагментированного мира.

В постмодернистской парадигме критика референциальной концепции знака ведет к радикализации традиционного истолкования бытия как текста. «Внетекстовой реальности вообще не существует» [191, с. 313], особенностью онтологических суждений является то, что в них некая часть серии означающих просто *притворяется* трансцендентным слоем означаемого. Означающее становится самодостаточной реальностью, поскольку любое означаемое уже изначально поставлено в позицию значащей субституции. «Сингулярный зигзаг» платонизма привел от метафизики субстанций дименсиональной онтологии к метафизике симулякров – «идентичных копий, для которых никогда не существовало оригинала» (Ф. Джеймисон). «Минимум реальности и максимум симуляции – вот чем отныне мы будем довольствоваться в своей жизни» [192, с. 268], – утверждает Ж. Бодрийяр, как бы отвечая на риторический вопрос, заданный еще Л. Шестовым: «Может быть, наступила для нас пора проснуться от здравого смысла и на место равной для всех действительности водворить как нашу естественную среду перекрещивающиеся и взаимно друг друга исключающие иллюзии?» [193, с. 66].

В современной культуре между человеком и истиной простирается слой посредников, отодвигающий область непосредственно данного и несомненного в бесконечно отстоящий горизонт. В безреферентном пространстве полярность знака замещается дигитальностью сигнала. Здесь больше нет *терминов* и *детерминированных* позиций, есть только *терминалы*. Больше никакой трансцендентности, но погружение в холодную имманентность нормы и моделей. Все, что нам доступно – это даже не *тени* и *следы,* но *тени теней, следы следов* присутствия бытия, цепь отсрочивающих отсылок. В этих утверждениях, характеризующих программный отказ постметафизики постмодернизма от любых попыток построения онтологии, вместе с тем воспроизведена (и абсолютизирована) объективная тенденция трансформации социокультурной онтологии в современную эпоху.

Симптомами упадка социальных институтов является снижение доверия к корпорациям и государству, снижение членства в партиях и профсоюзах, активизация новых социальных движений на фоне инертности масс, и в целом – фрагментация социального порядка. Социальные институты как совокупности норм, регулирующих взаимодействие людей в той или иной сфере жизнедеятельности и превращающих это взаимодействие в систему социальных ролей, на протяжении XIX и большей части XX в. существовали автономно от индивидов. С переходом к эпохе постмодерна то, что традиционно рассматривается в качестве структур социальной реальности, утрачивает устойчивость и определенность. Социологи и политологи начинают рассуждать об эфемерности, нестабильности, неопределенности, парадоксальности, иррациональности и т.д. социального бытия, или вовсе о его исчезновении.

В этом обществе утверждается амбивалентность, фундаментальная онтологическая двусмысленность любых символов и действий, а потому и невозможность их однозначной этической квалификации. С появлением та-

ких псевдоконцептов мистификация становится тотальной. Ведь и борьба с навязанной нормативностью, с самоотчуждением индивида в государстве, защита автономии частной жизни от всевидящего ока «Большого брата», вовлечение людей в различные формы субъективных практик («самотехник существования» М. Фуко) и т.д. протекают в условиях превращения частной жизнь в жизнь, полностью объективированную политическими технологиями и современной культурной индустрией.

Переживание субъективной свободы становится собственным элементом и моделирующей структурой машины «тоталитарной социодинамики» (Ж. Бодрийяр). Развитие интимного пространства частной жизни, обогащающее репертуар субъективных эмоций и приватных чувств, происходит за счет упадка публичной сферы и расширяющейся дереализации социального мира. «Окончательная истина ухода в частную сферу – публичные исповеди в интимных секретах на телешоу» (С. Жижек). Соответственно *публичное гистрионство* политиков должно восполнить смысловую и онтологическую пустоту институционализированного политического пространства. Фиктивные личности необходимы как принципы репрезентации универсальной и безличной сферы закона, не терпящей персонализации, индивидуации (таков, например, абстрактный субъект «прав человека»). Развитие политического сознания идет по странному пути: публичная и частная сферы подвергаются парадоксальным деформациям, выворачиваясь в пространство друг друга*. Создается нечто вроде «бутылки Клейна» – трехмерного топологического аналога ленты Мёбиуса. «Политические события систематически помещаются в пространство внутреннего созерцания, которое оказывается моделью для публичной сферы реальной политики» [194, с. 552].

Одной из таких кольцевых структур перформативного дискурса о государстве является представление о государстве как месте служения общему интересу. В таком представлении *виртуальное* понятие интегрированного политического субъекта (непосредственного единства гражданского общества и государства, по типу античной *политии*) интерпретируется как *реальная* структура или инстанция, то есть переводится в план симуляции. В пространстве симуляции возникают соответствующие институты и «непристойные ритуалы правящей идеологии» (С. Жижек), скрывающие ее неспособность вести общество к действительному преодолению социального кризиса. Например, в соответствии с парадоксальной логикой бюрократического поля создаются такие «странные институции» (П. Бурдьё), как комиссии – группы лиц, на которые возложена задача инспекции соблюдения

* Ситуация интерференции приватной и публичной сфер, неопределенности, зыбкости и пробле-матичности их границ во многом воспроизводит структурирование публичного пространства власти в эпоху Людовика XIV. Построенный им Версаль вмещал до 10 тыс. человек – практически всю правя-щую элиту. Вся жизнь придворных и самого монарха в Версале приняла форму ни на минуту не пре-кращающегося спектакля по правилам придворного этикета, социально-театрального ролевого пове-дения со всеми его условностями, кодами, масками, личинами, уловками и т.д.

общего интереса «и которым предлагается преодолеть свои частные интересы, чтобы производить всеобщие суждения» [43, с. 161–162]. При этом, поскольку комиссии являются государственными институтами, то критерии всеобщности суждений разрабатываются самим же административно-бюрократическим аппаратом, то есть в обязательном порядке согласуются с его корпоративными интересами.

Классическим образом-символом государства выступает гоббсовский Левиафан – морской монстр из ветхозаветной «Книги Иова», «самое холодное их всех холодных чудовищ» (Ницше). Символом государства эпохи постмодерна выступает превращение Левиафана в Матрицу – универсальное программирование опыта Реального, возникновение тотально контролируемого виртуального мира. При этом гоббсовского Левиафана и Матрицу объединяет то, что Левиафан у Гоббса – это некое природно-искусственное тело, *сверхмонстр* и вместе с тем *сверхмашина*, подавляющая волю и подчиняющая ее дисциплинарным механизмам, но одновременно и «смертный Бог, которому мы обязаны своим миром и своей защитой» (Т. Гоббс)*.

Концептуальной матрицей социодискурса постмодерна является децентрированная пролиферация множеств и несводимых к единому основанию различий. Упадок институционального строя общества вместе с процессом его тотального овеществления наиболее ярко отрефлектирован в концепции «условий постмодерна» Ж.-Ф. Лиотара и в концепции Ж. Бодрийяра, провозгласившего «конец социального» в эпоху массового общества. Ж. Бодрийяр назвал превращение гражданского общества в массовое «катастрофической революцией», ведущей к концу социального как такового.

За столь же темным и многозначным, как Левиафан, символом Матрицы лежит попытка деконструировать неразличимость виртуального и реального в символическом пространстве репрезентации современного социального мира. Слова лидера сопротивления Морфеуса из фильма «Матрица»: «Добро пожаловать в пустыню Реального», – можно истолковать как констатацию факта тотальной виртуализации нашей повседневности, непосредственных очевидностей нашего «жизненного мира». При этом, как замечает С. Жижек, дело не в том, что виртуализация нашей повседневной жизни вызывает потребность вернуться к Реальному, заново обрести устойчивую основу в некоей субстанциальной сфере бытия. Вследствие происшедшей трансформации онтологических оснований социальной реальности «Реальное для того, чтобы оно могло существовать, должно восприниматься как кошмарный ирреальный фантом» [156, с. 27].

Обратной стороной этого отношения становится, как отмечает Ж. Бодрийяр, «насильственная материализация»: «Современная ирреальность не принадлежит больше к строю воображаемого – она относится к строю

* В фильме «Матрица» Матрица, как и гоббсовский Левиафан, также возникла для защиты людей и обеспечения их социального благополучия, но, в конце концов, превратила их в коматозные куколки – генераторы питающей Матрицу энергии.

гиперреферентности, гиперправдивости, гиперточности: это выведение всего в абсолютную очевидность реального. Как на картинах гиперреалистов, где различимы мельчайшие поры на лицах персонажей, – жутковатая микроскопичность» [192, с. 70–71], сводящая на нет своей исчерпывающей точностью и *избыточностью* изображения, несоизмеримого с игрой видимостей, возможность художественного восприятия. Примером такого рода бредовой иллюзии разоблачения реального, его объективного «освобождения» от искусственных социальных напластований является порнография. Порнография ничего не маскирует, но именно поэтому становится гротеском, карикатурой на реальность, ее симуляцией.

В рамках этой онтологии, где истина, по словам Ж. Лакана, структурирована как вымысел, к социальной рефлексии обращено уже не элементарное требование, согласно которому не следует принимать *вымысел за реальность*, но обратный императив: нельзя принимать *реальность за вымысел.* Этот императив должен быть обращен и на постмодернистский принцип исчезновения реальности в скольжении смыслов и игре означающих как одну из уловок для того, чтобы избежать соприкосновения с Реальным. Ведь столкновение с реальностью означает крах расчетов на релятивизацию ответственности в постмодернистских играх. В отличие от эссенциалистской парадигмы в деконструктивистской парадигме «социальное должно отождествляться с бесконечной игрой различий, то есть с тем, что в самом строгом смысле слова мы можем назвать *дискурсом*» [195, с. 55], но также и с попыткой ограничить эту игру, заключить ее в структуры, фиксировать значения.

В классической политической мысли политик выполняет репрезентативные функции. Это соответствует репрезентативной эпистемологии и димензиональной онтологии как составляющим классического типа метафизической рациональности. В современном мире политик не представляет объективные интересы, а конструирует модель-симуляцию, производит дискурс, соотносящийся с групповыми аффектациями, «машинами желания», занимает топос встречи «соблазнителя» и «соблазняемого». Реальные референты таких понятий, как гражданское общество, правовое государство, неотчуждаемые права человека и т.д. деконструированы и превращены в элементы семиотических систем, расположенными в виртуальном пространстве интертекстуальности. Массовое сознание превращено в полисемантический текст, беззащитный перед произволом интерпретаций, т.е. эффективного манипулирования.

> Скажем, обездоленную и ограбленную часть населения вы артикулируете как «коммунистический текст», заставляете высказываться о своих проблемах и поруганных правах языком лозунгов марксизма-ленинизма, диктатуре пролетариата и т.п., а действия власти представляете как престижный, социокультурно легитимный демократический текст – «и вы получаете реванш политической технологии над действительностью» [96, с. 191].

Как политик освобождается от связи с представительством дифференцированных социальных интересов; как деньги освобождаются от связи с натуральными экономическими показателями – в настоящее время торговля валютой, по оценкам ряда экспертов, в 80 раз превышает торговлю товарами; в 2008 г. условная стоимость производных финансовых инструментов (деривативов) достигла 684 трлн. долл., что превышает совокупный мировой ВВП более чем в 12 раз [196] – так и гиперпространство сетевых структур информации и время компьютерных сетей, сжатое до мгновения, освобождаются от связи с конфигурациями пространства и ритмом времени реальной жизни. Время как трансцендентальная форма самосознания подчиняется ритмам движения по массиву информации, а человек превращается в номада голых, безландшафтных информационных пространств.

Эпоха глобализации типологически характеризуется универсализацией сетевых структур социальности. Созданные информационными технологиями глобальные сети «составляют новую социальную морфологию наших обществ» [22, с. 494], сетевые структуры пронизывают социальный мейнстрим, а имманентная аксиоматика сетевой логики становится парадигмой онтологических трансформаций социальной реальности. Структурное тождество и однонаправленность векторов социальной эволюции и развития информационных технологий наделяет качеством субстанциальности мир, сотканный из финансовых потоков, управляемых электронными сетями. Эта новая реальность обладает независимостью от социального контроля, стоит над обществом, над государственными границами и т.д.

В обществе, построенном как общество программируемое, происходит переворачивание отношения «код–содержание информации». Именно код, внедряемый в сознание, становится истинным содержанием информации, а ее словесно-знаковое, символическое оформление – всего лишь кодом. Структурализм как философия (онтология) строится на оппозиции осознаваемых значений социокультурных знаков и символов и лежащих в их основе бессознательных структур. Жизнь общества и человека воспринимается в обратной перспективе, аналогично тому, как если бы социальная рефлексия производилась «с точки зрения компьютера»: для компьютера, вздумавшего построить онтологию и семантику дигитального мира, слова и фонемы человеческого языка являются кодом, который он переводит в бинарные оппозиции (binary digit). Для человека слова – это содержание информации, переводимое в компьютерные коды. Для компьютера двоичные коды – подлинное содержание информации.

Постмодернизм определен Ж.-Ф. Лиотаром как «недоверие в отношении метарассказов», посредством которых схематизм единства или синтеза многообразия позволял легитимировать и описывать себя в категориях традиционной философской концептуальности. «Принцип универсального метаязыка оказывается замещенным принципом множественности формальных и аксиоматических систем, способных аргументировать денотативные высказывания, причем эти системы описаны хотя и универсальным, но не

обоснованным метаязыком» [197, с. 106]. Сетевая структура социальности находит свое отражение в постмодернистской идеологеме децентрированных структур, а аргументация денотативных высказываний на метаязыке их «парадигматической игры» оказывается конгруэнтной круговому и перекрестному движению по онтологическим (коннотативно-денотативным) диспозициям идеологической тетрады.

> Согласно Ж. Деррида, основополагающей эпистемой классической культуры является понятие «бесструктурного центра структуры», создающего сбалансированность и гармонию структур внутри целостной формы, в то время как в самом центре свободная игра и трансформации элементов запрещены. Однако себетождественный смысловой центр – не объективное свойство структуры, а интерпретационная фикция классической (логоцентристской) онтологической парадигмы. Модель структуры, организованной вокруг абсолютного центра, должна быть заменена децентрированной моделью сосуществования равноправных и равноценных смысловых инстанций в соответствии с семантической матрицей, задающей конфигурации социального поля как сеть связей между его гетерогенными элементами.

Сетевая структура обладает распределенным, децентрализованным ресурсом, что препятствует образованию жесткой иерархии, построенной по принципу допуска к ресурсам. Индивид, получивший доступ к одной из точек сети, автоматически получает возможность доступа ко всей полноте ресурсов. В то же время матрицы идеологической комбинаторики наделяют качеством псевдосубстанциальности тенденции деонтологизации социально-исторического бытия и экзистенциально-смысловой сферы человеческого существования. Экс-центричность социальных сетей в социодискурсе дублируется и дополняется радикальной экс-центричностью субъекта самому себе в психоаналитической картине личности. Сочленение истины и знания более не может проводиться ни с позиции дискурса абсолютного знания, ни с позиции трансцендентальной субъективности. Ставкой в игре означающих становится само бытие, в том числе бытие я как субъекта. «Бытие не-сущего – вот как происходит Я в качестве субъекта, сопряженного с двойной апорией истинного пребывания, упраздняемого собственным знанием» [165, с. 157].

Социально обусловленные формы общения должны поддаваться семантизации в терминах герменевтики безотносительных духовно-онтологических реальностей. Однако *деонтологизация* социального мира в настоящее время является *онтологическим принципом* глобализации. Аморфность и дезинтегрированность социальной онтологии, организованной по принципу сетевых структур, порождает проекты «одухотворения» социально-политической действительности, с одной стороны, и циничноманипулятивные политические технологии, с другой. Нельзя не согласиться с диагнозом Лиотара, согласно которому господство метанарраций порождало доверие к идеям Просвещения, Прогресса, Свободы, вселяло веру

в разум, науку. Знание выступало главным инструментом преобразования общества на рациональных и гуманистических началах, но вместе с тем, в силу принципиально непреодолимого догматизма классических эпистемологических канонов, легитимировало насилие. Вместе с тем утверждение методологического плюрализма, релятивизация онтологии в «игре означающих» привели не столько к многомерной, сколько к фрагментированной, «лоскутной» картине социального бытия. Конец эпохи великих метарассказов означает понимание того, что ни в одной идеологии нет абсолютного душе- и мироспасительного смысла, способного разворачиваться и реализоваться, а потому и пониматься с позиции идеальной заданности. В то же время провал цивилизации к «планетарной гегемонии силы» (А.С. Панарин) во многом объясняется тем, что без великих вдохновляющих идей и вне питающего и порождающего их процесса культурно-исторической преемственности духовных смыслов социальный мир становится *реальностью отрицания собственной духовно-онтологической основы*.

Суть эвристического ответа на кризис гуманитаристики заключается в обретении позиции, с которой становится возможным радикально, – т.е. онтологически – переосмыслить современную теорию социальной реальности в ее целом. Онтология социального бытия и тенденции ее трансформации остаются наиболее проблематичной областью социального познания. Нельзя не прислушаться к выводу Ж. Бодрийяра о том, что у нас нет даже слова, чтобы обозначить то, что не сегодня-завтра наследует в наших глазах социальному. Но понятно, что без разработки понятийного аппарата социальной онтологии лишается смысла как всякая теоретическая рефлексия над проблемами современного общества, так и разработка технологий его трансформации. В поисках такого рода концептов и социально-инженерных технологий, как мы попытались показать, достаточно продуктивным может стать обращение к онтологическим импликациям и возможностям использования в сфере управления логико-семантических схем идеолингвистики.

9.7 Даосско-конфуцианская альтернатива социальной инженерии Запада

Практически те же приемы кодификации смысла и управления оппозитивными соотношениями, которые эксплицируются идеолингвистикой конца XX века и применяются современной социальной инженерией Запада, были разработаны и использовались на протяжении тысячелетий в совершенно ином типе ментальности и социально-политической культуры.

Западная социально-политическая традиция располагает множеством концепций принятия политических решений. Их классификация представлена в таблице 13:

Таблица 13. **Основные методологические подходы и концептуальные модели принятия политических решений** [198, с. 162]

Подход / Модель	Дисциплинарные истоки	Характеристика агента принятия решений	Ориентиры / Регулятивы оценки рисков	Способы продвижения решений
Бихевиоризм / Поведенческое «замещение»	Социальная психология, психоанализ, политология	Лидер, «замещающий» политический выбор	Мотивы и стимулы, ценности и стереотипы, установки и эмоции	Разнообразные формы индивидуального политического поведения
Когнитивизм / Ограниченная рациональность	Когнитивная психология, теория информации и коммуникации	Рациональная и информированная организация	Знания и ценности, правила и критерии оптимизации, информация и коммуникация, проблемы и их разрешение	Научно-аналитические, административно-управленческие, психологические
Инкрементализм / Взаимоадаптация конкурирующих сторон	Политология, политэкономия	Конкурирующие группировки, борющиеся за контроль над ресурсами	Взаимооборачиваемость средств и целей, экономические интересы и нерационализируемые правила	Социально-политические (союзы и блоки), «маргинальные» средства
Рациональный выбор / Всеобъемлющая рациональность	Макро- и микросоциология	Индивиды, осуществляющие рациональный выбор	Утилитарная выгода и осознанные потребности, рациональные принципы	Рыночно-экономические, информационно-аналитические, игровые
Плюрализм, элитизм / Групповая репрезентация	Политология, социология, политэкономия	Группы интересов, элиты, государственная бюрократия	Интересы и цели, идеалы и ценности, правила и стереотипы	Идеологические, политические, социально-экономические
Сетевой / Политико-управленческое сообщество	Психология и социология организаций	Формальные и неформальные агенты сетевых структур	Структурообразующие принципы и совместные цели, субкультурные ценности и коллективные ресурсы	Организационные, психологические, социально-политические
Институциональный / Организационный дизайн	Социология, организационная теория, политология	Официальные и неофициальные организации и институты	«Писанные» и «неписанные» нормы, организационные процедуры, символы и ценности	Организационные, административно-процедурные, социально-политические
Системно-функциональный / Политико-управленческий цикл	Системные исследования, философия, политология	Многообразие субъектов целостного политико-управленческого процесса	Цели и роли, правила и алгоритмы	Научно-аналитические, административно-управленческие

Все эти концепции, подходы и модели объединяет то, что в рамках западноевропейской традиции эффективность каких-либо действий, в том числе и политических, оценивается в границах основополагающей метафизической парадигмы, восходящей к Платону. Согласно этой форме мышления, существует особый класс идеальных форм-эйдосов, образцов, моделей, проецирующихся на реальность и реализующихся посредством воли человека как цель деятельности. Поэтому стратегическое мышление заключается в определении цели-идеала, составлении плана или программы действий по его достижению и конкретных мероприятий по реализации этого плана. Эффективность политики оценивается по степени совпадения провозглашенных целей с ее результатами. Вместе с тем очевидно, что иде-

ал-образец по определению остается недостижимым, трансцендентным. Практика всегда отклоняется от теории, всегда существует разрыв между моделью для действия и результатами действий.

Особенно ярко этот контраст проявляется в случае харизматического типа политического лидерства. Харизматический лидер всегда претендует на то, чтобы вести народ в иные миры, к которым он заведомо причастен, причем вести через политическое действие. Харизматические личности стремятся к радикальным преобразованиям. Они стремятся сломать структуры рутинных действий и заменить их структурами, которые порождаются непосредственным и интенсивным контактом с конечными смыслами бытия (излишне говорить, что под сенью харизматического лидера неизбежно устраивается насквозь коррумпированное, плетущее бесконечные интриги друг против друга и против своего патрона окружение). Общая схема применима и к системе бюрократического управления. Административно-управленческий бюрократический аппарат – это господство формализованной обезличенности – нуждается в программе, которую может задавать только политический лидер для достижения поставленных им целей и утверждения тех или иных политических ценностей.

«Концепция эффективности в Китае иная. Она исходит из того, какие условия нужны для получения эффекта: суть дела не в том, чтобы прямо и непосредственно добиваться результата как заранее поставленной цели, а постепенно создавать условия, как следствие каковых он не смог бы не появиться» [199, с. 2]. Для этого не надо ничего изобретать, но нужно научиться извлекать пользу из ситуации, из заложенных в ней возможностей, и действовать в соответствии с логикой хода вещей.

В философии Аристотеля ликвидация разрыва между практикой и теорией была препоручена практической мудрости – рассудительности (phronesis). Рассудительность означает умение человека самостоятельно разобраться в ситуации и решить, что для него выгодно, а что нет. Рассудительность не может быть наукой, поскольку занимается отдельными случаями, а не общими законами, и не может быть искусством, поскольку нацелена на деятельность как praxis, а не как на poiesis. Поэтому рассудительность, для которой эффективность возводится в принцип – добродетель не учёных, художников и философов, но «администраторов», «людей дела» – хозяев в своем доме и в своем городе – подобно Периклу, который занимался «делами людей», а не поиском «божественных знаний». Однако Аристотель в определении фронезиса попадает в порочный круг: если рассудительность есть способность ориентироваться в ситуации на основе знания того, «что такое хорошо, и что такое плохо» для человека, то откуда же может исходить истинное правило, определяющее выбор и становящееся нормой рассудительности? Ответ Аристотеля: «Рассудительность – качество рассудительного человека», – обрекает на эмпиризм и вводит в порочный круг.

Другой категорией для осмысления феномена эффективности является класс понятий, объединяющих такие качества личности, как хитрость или хитроумие (metis), ловкость, находчивость, умение открывать обходные

пути и т.д. Согласно Аристотелю, ловкость или хитрость в отличие от рассудительности (направленной на добро) есть способность эффективно комбинировать средства, не заботясь о качестве (нравственном достоинстве) цели. Благодаря своей гибкости, хитрость способна добиться успеха там, где для этого нет готовых рецептов и правил, там, где идет игра интеллектуальных сил. Хитроумие греков вошло в поговорки, стало их опознавательным знаком, отличительным признаком. Разве не *хитроумный* Одиссей является греческим героем? Ф. Жюльен спрашивает: «Разве можно поверить в то, чтобы греки, с присущей им склонностью к хитростям, не были захвачены идеей ловкости, искусства выходить победителем?». Тем не менее «нигде в Греции мы не найдем теории хитрости» [199, с. 6, 7], ни в одном тексте нет ее анализа, исследования ее основ и побудительных причин.

Ф. Жюльен связывает эту парадоксальную ситуацию с тем, что хитрость определяет подвижное и неуловимое, гибкое и податливое, многообразное и неоднозначное, что не может быть возведено к идеальной форме-образцу и закреплено в нём (эта операция проводилась в мифах и драмах: сам Зевс в «политических целях» проглатывает Хитрость – Метиду, чтобы быть способным отражать все удары богов и людей и сохранять за собой власть на Олимпе). Греческая философия, а вместе с ней и всё последующее мышление в европейской традиции, отвернулись от постоянно изменчивой хитрости ради того, чтобы проникнуть в себетождественную сущность вещей. *Тем самым философия как метафизика закрыла себе путь к предметной области политики как решения проблемы практической эффективности действий.*

> Концепции эффективности, базирующиеся на теоретических моделях или ограничивающиеся технической стороной дела, заходят в тупик. Например, Клаузевиц приходит к выводу, что, поскольку реальный ход войны невозможно подчинить теории по причине его постоянной изменчивости и разнообразия, то к теории ведения войны неприменима форма закона и нет другого пути объяснения военных побед, чем гений полководца. Даже при наличии детально разработанного плана приходится более полагаться на роль таланта, чем на теоретические указания. Единственное, что остается на долю теории – это оценка среднестатистической вероятности аналогичных случаев, из которой можно вывести способ действий применительно к сложившейся ситуации. Эти способы со временем превращаются в профессиональные навыки, действующие почти бессознательно и позволяющие выбирать «наименьшее зло» в условиях дефицита времени и недостатка информации о многих деталях ситуации. Аналогичные подходы определяют и действия политиков. Однако, подчеркивает Клаузевиц, этот метод эффективен только на уровне тактических решений. На стратегическом уровне следование любому историческому образцу, абстрактной модели или стереотипу представляет собой величайшую опасность, становится недопустимым риском.

Словом, все европейские концепции стратегического мышления в политике, экономике, военной и дипломатической области не в силах преодолеть принципиальное отличие замысла и реализации, теории и практики, рацио-

нального расчета и случайности. Поэтому понятие «риск» внутренне присуще самой структуре социальной реальности и социально-политических действий и решений в европейской традиции. Концепции эффективности, как базирующиеся на теоретических моделях, так и ограничивающиеся технической стороной дела, заходят в тупик. Современность лишь выдвинула это обстоятельство на авансцену социальной теории и политической практики.

Даосско-конфуцианская традиция не знает столь привычного для нас противопоставления теории и практики в оценке, анализе и прогнозировании рисков в силу того, что эта мысль не приемлет разделение бытия на мир идеальных форм или чистых идеальных сущностей, и реальный мир как мир их воплощений. В китайском мировоззрении порядок вещей не зависит от трансцендентного образца, но целиком имманентен реальному ходу событий. Поэтому нет «чистого знания» и «действия» как противоположных типов мироотношения, как нет и оппозиций теории и практики или мира и Бога. Тот факт, что китайцы «прошли мимо идеи Бытия или идеи Бога» делает этот тип мировоззрения крайне экзотическим для привычного нам образа мышления. Знаменитое мотто Дэн Сяо-Пина о кошке, оцениваемой не по её цвету, а по способности ловить мышей, не имеет ничего общего с той его интерпретацией, которая дается в американских и европейских, российских и казахстанских публикациях. Во всех этих интерпретациях содержится представление о переходе власти в Китае к партии прагматиков. В этом – глубокая, принципиальная ошибка политических аналитиков. В высказывании китайского премьера, открывшего дорогу экономической модернизации Китая, не столько выражена прагматическая идеология, сколько провозглашён возврат к исконному, традиционному принципу китайского мировоззрения.

В этом мировоззрении реальность не определяется отношением идеальной модели и её эмпирического воплощения. Мировой порядок целиком и полностью содержится в реальном ходе событий. Ход вещей, их саморазвитие обусловлены *Дао*, а не нашим произволом и не божественным предустановлением.

> «Вместо того, чтобы выстраивать модель как образец для действия, китайский мудрец, скорее, сосредоточивает своё внимание на привычном ходе вещей, стараясь постичь их соразмерность и извлечь пользу из их саморазвития. И именно в этом различии между китайской и европейской традициями нам следовало бы заметить некоторую поведенческую альтернативу для нас самих: вместо того, чтобы строить идеальные формы, а потом проецировать их на реальные вещи, не лучше ли попытаться приблизиться к обнаружению реальных факторов, благоприятных для нужного нам действия, рассмотрев ситуацию во всем ее объеме?… не лучше ли, вместо того, чтобы навязывать реальному миру наш план, опираться на тот потенциал, что заложен в самой ситуации?» [199, с. 9].

Даосско-конфуцианское понимание стратегии заключается в том, чтобы заставить работать на нас реальные силы ситуации, дать эффекту развиваться своим ходом в соответствии с логикой начавшегося процесса. По

словам Ли Цюаня, стратегия выбирает форму в зависимости от потенциала ситуации. В этом случае, в полном соответствии с выводами синергетики, «малыми усилиями» можно добиться «большого успеха». «Идея «неотвратимости» хода вещей и естественной гарантии успеха (для того, кто умеет им воспользоваться) пронизывает всё учение китайцев» [199, с. 22]. Опора на заложенный в ситуации потенциал определяет такие черты стратегии, как ориентация на постоянно меняющиеся обстоятельства и отсутствие заранее составленного плана.

Таким образом, древнекитайский стратег: 1) основывает свои расчеты на переменных величинах, которые не могут быть определены заранее; 2) учитывает не только материальные, но духовные и моральные факторы; 3) рассматривает любой процесс в терминах взаимодействия участников. Эта стратегия не приемлет никакого заранее составленного плана, не строится в соответствии с каким-либо проектом, но основывается на расчете соотношения сил по неким правилам, призванным очертить конкретную ситуацию во всех её стратегически значимых аспектах. У стратега вообще нет какой-либо цели, намеченной заранее. Результат имплицирован ситуационной логикой, или способностью направлять ситуацию по желательному руслу. «Мудрый стратег скользит по течению, он умеет пользоваться факторами, которые работают на него, чтобы придать событиям, ситуации выгодное ему направление еще до того, как они начнут претворяться в жизнь. Когда потенциал ситуации оказывается полностью на его стороне, он начинает решающее сражение и успех ему гарантирован» [199, с. 21]. Искусный стратег побеждает потому, что враг «уже побежден»: победа имплицирована задолго до реального сражения. Вступление в бой – только результат той трансформации ситуации, которая произведена заранее.

Франсуа Жюльеном проведено интереснейшее сопоставление базисных установок и стратегий формирования смысла в западноевропейской и китайской культурах через присущие им различия в военных стратегиях.

Основополагающим принципом стратегии древних китайских трактатов по военному искусству было требование всячески избегать лобового столкновения с противником. Нужно не уничтожать противника, лишая тем самым себя возможности использования ресурсов другой стороны, а *деструктурировать* его. Эта стратегия и имеется в виду в знаменитой максиме Сунь-цзы: «Одержать сто побед в ста сражениях – это еще далеко не все. Победить армию врага, ни разу не вступив в бой – вот верх совершенства» [199, с. 30]. Стратегия деструктурирования противника заключается в следующем: определенным образом расставить войска, сообразуясь с диспозицией противника, означает действовать «в лоб»: обрести же преимущество над диспозицией противника, не прибегая к какой-либо конкретной расстановке своих войск, значит действовать «окольным путем». Вместо того чтобы заниматься размещением своих сил в ответ на построение противника, я держу его под контролем именно за счет того, что у меня самого какое-либо отчетливое построение отсутствует. В рамках отношений первого типа, т.е. лобового столкновения, обе противоборствующие стороны сковывают

себя конкретными, частными формами. При втором типе отношений одна из сторон еще не приобрела определенной формы, и тем самым не дает противнику разглядеть себя и выработать линию противодействия. Побеждает тот, у кого в запасе «на один обход больше», кто стоит «выше по течению событий», а потому может манипулировать противником, оставаясь для него «непроницаемым».

В отличие от Китая, в Греции примерно с VII в. до н.э. утвердился такой порядок ведения военных действий, при котором в лобовом столкновение фаланг одним махом добывается окончательное и предельно ясное решение: всё или ничего. Конечно, и в Греции тоже не пренебрегали всяческого рода военными хитростями, коварными уловками, шпионажем, дезинформаций и т.д., но «обходной путь» никогда не рассматривался как *принцип* ведения войны. Разительный контраст греческой доблести классической эпохи и китайской стратегии находит себе обоснование в структурной гомологии между фалангой и организацией полисной жизни, с одной стороны, и искусством обхода и организацией социально-политической жизни Поднебесной, с другой. «Фаланга, а с ней и вся логика фронтального противостояния, могли бы служить концентрированным выражением пути, избранного греческой культурой» [199, с. 38]. Полисная жизнь структурно организована вокруг прямого столкновения мнений, выстраивания в суде, в театре, на собрании (агоре) друг против друга рядов аргументов спорящих сторон, эквивалентно тому, как выстраиваются друг против друга фаланги на поле боя.

Эффективность состоит не в уничтожении противника, но в адаптации или в преобразовании ситуации на основе ее собственных потенций. «Представляя мир человека как мир нестабильный, обреченный на прерывистость, как мир эфемерный и находящийся в постоянном движении, не имеющий принципиального порядка, который был бы заложен в него изначально или присущ ему в его развитии, европейская мысль не может воспринимать эффективность иначе, как путь рискованного вмешательства в ход событий; только такое вмешательство и может быть ответом на непредзаданность событий, единственным шансом добиться успеха» [199, с. 25–26].

В традиционном китайском понимании стратегии нас привлекает, прежде всего, исключение самого понятия риска. Китайская традиция скептически настроена по отношению к активным действиям. Ведь *все противодействующие силы рано или поздно объединяются*. Тот «толчок», который даёт ситуации наше воздействие на неё, амортизируется, его волны затухают и эффект растворяется. В отличие от политических актов в европейском понимании, преобразование ситуации ориентировано на эффект непрерывности. Китайская мысль подводит нас к констатации: «Всё непрерывное постоянно «разворачивается», «утолщается» и «уплотняется», а значит, при постоянном накоплении ресурсов, становится всё более могущественным». Поэтому не следует стремиться приближать успех силой, но нужно дать ему возможность наступить как бы самому по себе: «Всё получается так, как будто это не я всеми силами рвусь к успеху, а сама ситуация имплицирует

его, развиваясь по нарастающей: предписание ловко внедрилось в привычный ход вещей и больше не ощущается в нём» [199, с. 26, 27].

В отличие от *действия*, всегда локализованного и «точечного», всегда заметного, почти театрального, *преобразование* происходит во всех точках целого, поэтому его эффект диффузен, не привязан к определенному месту и времени, проявляется всюду и одновременно. Хороший стратег и политик отличаются тем, что их предписания «пробираются» в реальность, в привычный ход вещей, как бы растворяясь в нём, и делаются незаметными, неуловимыми. Стратегическая эффективность тем выше, чем она незаметнее.

Перед реальностью открыт путь к изменению, поэтому не требуется никакого внешнего воздействия, никакого насилия для разворачивания ситуации себе во благо. Мудрец, политик, стратег находят момент зарождения пока еще трудно различимой, подспудной тенденции, которая, в стадии её проявленности, неминуемо начнёт изменять ситуацию, направлять ход событий. Здесь закладывается основа успешного осуществления будущих действий. Опасности и риски должны обнаруживаться на стадии появления самой малой трещинки. Если обнаруженную трещинку не заделать, то она будет последовательно превращаться в трещину, щель, расщелину – пока не превратится в пролом. Поэтому всё решается на самой ранней стадии, в критический момент зарождения тенденции к изменению ситуации. Рискованное действие привносит нечто, не заданное в самой системе. Если же процесс подчинён в самом своем истоке, в имплицитных конфигурациях развития, то впоследствии уже незачем прибегать к инициативе рискованного действия. Как говорил Лао-цзы: «Ничего не предпринимать – и не останется ничего, что не было бы сделано».

Не-деяние нельзя понимать как полную пассивность. Здесь поможет такая аналогия: как поясняет Мэн-цзы, чтобы помочь росту растений, не нужно тянуть вверх их стебли, но нужно обрабатывать землю, на которой они растут. Освобождая растения от всего того, что препятствует их естественному развитию, мы содействуем их росту. Аналогично должна строиться и область политики. Бесполезно применять силу для изменения ситуации. Хорошим правителем является тот, кто, снимая принуждения и привилегии, способствует тому, чтобы каждый мог жить по своему собственному усмотрению (sponte sua – спонтанно, по своему почину). Таким образом, не-деяние – это синергетическое взаимодействие человека со спонтанным, естественным ходом вещей, с потоком жизни, с онтологическими началами организации реальности. «Стратегическая линия, не направленная ни к каким определённым целям, не застывает в каком-то одном виде, а следует за всеми поворотами событий, имея полную возможность ими воспользоваться» [199, с. 42]. Тем самым, следование стратегической линии или логике имманентности означает избавление от риска*.

* Как отмечает Ф. Жюльен, эта логика рассуждения легла в основу как «либеральной» даосской концепции освобождения от социального принуждения, так и «тоталитарной» легистской концепции абсолютного деспотизма.

Даосскими мудрецами разработаны рецепты и логика достижения политической эффективности через управление посредством программирования имманентного, «спонтанного» развертывания ситуации. Стратегия смысла, какой она выступает особенно отчетливо у Мэн-цзы, состоит в том, что для успеха необходимо как активное личное участие, так и пассивная открытость объективным процессам. Аналогично ставится вопрос и в даосизме: «*Дао* в качестве пути, *которым надо следовать,* не позволяет провести различие между правилом поведения (прежде всего в политическом плане) и процессом, посредством которого сама реальность неустанно обновляется» [199, с. 254]. Тем самым снимается оппозиция естественно-исторической и конструктивистской парадигм социальной онтологии. Чтобы эффект, предусмотренный с самого начала, «сбылся как неизбежное», был приведен к самостоятельному проявлению, обусловленному инверсией самой ситуации, нужно действовать в направлении, противоположном программируемому результату: «Прежде чем что-либо ослабить, следует его сначала укрепить; прежде чем что-либо низринуть, следует сначала дать ему подняться» [175, с. 158].

Как отмечает В.Г. Буров в своем исследовании особенностей модернизации тайваньского общества и других стран дальневосточного региона, принципиальное отличие между западным и китайским капитализмом состоит в том, что в первом случае социально-экономические проблемы решаются *после* того, как они возникли, в то время как во втором случае стремятся проводить такую политику, которая позволяет *избежать возникновения* социальных проблем [200]. Это – не что иное, как основополагающий принцип китайской стратегии: «Эволюция должна протекать таким образом, чтобы конфликты были разрешены ещё до того, как они должны были бы возникнуть» [174, с. 59]. Никлас Луман отмечает, что в дальневосточных культурах «конфликты и чреватые конфликтами бинарные схематизмы дискредитировались морально» [73, с. 50]. Китайская политическая элита играет роль артикулятора *всеобщей воли* всего политического сообщества, а не собирателя различных интересов его членов. Благодаря конфуцианской идеологии обеспечивалось единство сознания народа и правительства. Соединение власти и идеологии, политическая интеграция нации позволяли осуществлять любые государственные мероприятия. Творцы экономической реформы были осмотрительны, тщательны и добросовестно подходили к выработке общей стратегии реформы, её этапов, а также конкретных мероприятий. Эффективность политики правительства в области экономики объяснялась тем, что она была чрезвычайно гибкой, эластичной, меняющейся в зависимости от обстоятельств, внутренних и внешних факторов: на каждом этапе развития принималась новая тактика, предлагались новые мероприятия и решения.

В специальной литературе различается директивное, информационное и концептуальное управление. Информация должна пониматься не только в коммуникативном, но и организационном аспекте. Концептуальный метод управления при этом выступает как манипуляция свободным выбором. «Концептуальный метод управления – это такой метод управления организа-

ционными и общественными системами, а также отдельно взятыми индивидами, при котором объект управления, ощущая себя свободным, действуя по собственному разумению и в свое благо, тем не менее, находится в створе разрешённого в данной системе множества стратегий» [201]. В то же время следует отметить, что искусство манипулирования информацией и коммуникацией (смысловыми структурами социальных взаимодействий) как технология скрытого управления уходит корнями в глубокую древность. «Искусство составлять поэтапный многошаговый план взаимодействия между людьми со скрытой от посторонних целью, применяя многочисленные хитрости и ловушки для достижения успеха, является с древнейших времен отличительной чертой мышления и поведения китайских государственных деятелей, дипломатов и военных» [64, с. 61]. Приемы этого искусства были описаны, обобщены и представлены в виде рецептов или алгоритмов управления в различных ситуациях в ряде древнекитайских трактатов.

Франсуа Жюльеном проведено интереснейшее сопоставление базисных установок и стратегий формирования смысла в западноевропейской и китайской культурах. В культуре Китая предмет высказывания всегда держится «на расстоянии намека», уклончивые речи не разворачиваются в цепочку аргументов и тем самым не дают возможности привести контраргументы, открывая вместе с тем путь к бесконечной игре и манипуляции. Сентенции Конфуция направлены на чисто контекстуальное «приведение в соответствие», поддержание баланса, восстановление упорядоченности без посредничества теоретических конструкций. Совершенномудрый противостоит приверженцам той или иной школы, той или иной философской позиции как раз потому, что у него нет собственной позиции, нет заранее установленных правил. «Вместо того, чтобы в пику другим теориям выдвинуть свою, он перестраивает спор, как бы становясь на точку зрения всей совокупности позиций», удерживая дискурс в его «верхнем течении». Результатом подобной кодификации ситуации спора, реконфигурации позиций спорящих сторон (на деле – фиктивных, искусственных оппозиций, придающих ценность чему-то одному в отличие от чего-то другого, то есть противопоставляющих реальность самой себе) оказывается, что, «в то время как другие спорят, доказывая разные «за» и «против», Мэн-цзы устанавливает мировой порядок» [174, с. 229, 232].

Поскольку определяющим фактором соответствия становятся конкретные обстоятельства, «конфуцианская мысль в принципе пресекает всякий поиск определения (каковой неизбежно стал бы поиском тождества в многообразии моментов и ситуаций). Следовательно, ни к какой «истине» эта мысль не ведет; она не умеет абстрагировать нечто в качестве «сущности», становящейся «общей». Но поскольку эта мудрость не замыкается в конкретных определениях, она всегда остается открыта любой возможности и благодаря своей непредвзятости охватывает все позиции; ее чертой становится то, что она ничего не исключает» [174, с. 216]. На этом *антидискурсивном механизме* и основано *совершенство регуляции,* которая, не поднимаясь до обобщений, становится глобальной, налаживая единство

не посредством теоретических абстракций, а гармонизируя внутреннее сообщение между собой всевозможных аспектов вещей, причем эта слаженность каждый раз проявляется уникальным образом.

> В основу западных концепций положена совсем иная логическая схема. П. Козловски изящно определяет политическое как таковое следующим образом: политическое есть предвосхищение разумной всеобщности там, где всеобщее не является результатом суммирования единичных приоритетов. Но разумная всеобщность по определению основана на исключении всего неразумного. Уже в политической философии классического либерализма был обоснован постулат, согласно которому в основу конституционного порядка должен был положен не режим *представительства*, но режим *исключения*: общая воля сохраняет себя, исключая всех отщепенцев, всех несогласных, все противоборствующие центральной власти фракции, уже самим своим существованием дискредитирующие общественный договор. Политическое оформляется в категориях своего / чужого. Таким образом, политическое пространство приобретает манихейскую, параноидальную структуру: в центре царит однородное пространство нерушимого единства, обеспечивающее господство разума, добродетели и свободы. На периферии – пространство исключения, пространство террора против исказителей общей воли, против духа разложения, порока, иррациональности.
>
> Подобного рода символическое структурирование социально-политического пространства и националистически-ксенофобная логика политического мышления, как правило, связываются с наиболее одиозными тоталитарными режимами. Но именно такого рода социальная топология организует как мышление, так и политические технологии формирования *политической картины мира* современного неолиберализма. Разделение мира на зону добра, свободы и демократии, и зону («империю», «ось») зла – общее место практически всех программных заявлений политических лидеров США. Причем эти заявления подкрепляются и практическими действиями – режимом открытого государственного террора с применением военной силы против противников мировой гегемонии США. Применение трансцендентно-эсхатологических категорий вселенского добра и зла к обоснованию внешнеполитических, в том числе и военных, акций является точным отражением квазирелигиозной структуры политической философии неолиберализма.

Конфуцианство предвосхитило алгоритм использования идеологического кода тетрады как свободного маневрирования диспозициями в зависимости от конкретно-исторических обстоятельств, ситуации, расклада сил оппозитивных элементов и т.д. «Конфуций, по сути дела, никогда не высказывает ничего конкретного и ничего иного, кроме единственного требования регуляции» [174, с. 217] через скольжение и постоянное преображение смыслов, указывающее на целостность, в которой разыгрывается отношение требующих регулирования противоположностей, не определяя её, не связывая с каким-либо пристрастно обособленным содержанием (дискурсивной позицией).

Поскольку социальный мир, как и все другое, пребывает в состоянии непрерывной трансформации, то его цельность и связность нельзя мыслить

с помощью законченных формул. Принцип регуляции как нахождение меры, поддержание равновесия и порядка не может быть преобразован в истинность через обобщение, общее определение меры (например, как «золотой середины»). Исходным и определяющим становится план, в котором разыгрывается отношение требующих регулирования противоположностей. В этой связи можно утверждать, что прагматическое использование идеологической тетрады адекватно даосско-конфуцианскому пониманию реальности как процесса, не имеющего никакого сверхчувственного плана или умопостигаемой сущности, процесса, всецело разворачивающегося в плане имманентности (Ж. Делёз, Ф. Гваттари). Логику имманентности даосизма «нельзя понять, если не вписать ее в собственную перспективу: в логику поисков эффективности (особенно в политике)» [174, с. 268–269]. Отличие же в том, что недифференцированные, «смутные и расплывчатые» глубины Дао в идеологических кодах предстают как структурированная основа, или схема трансформаций смысла посредством алгоритма его частичных актуализаций.

В традиционном китайском учении о стратегии политического управления глубоко продумана и своеобразно решена проблема совмещения двух онтологически альтернативных парадигм или двух логически несоизмеримых эпистем социального познания: концепции *социального конструирования* реальности и концепции *социальной самоорганизации.* Опыт построения виртуального политического пространства в традиционном китайском учении о стратегии политического управления особенно важен с учетом того обстоятельства, что социально-политические конфликты, угрозы и риски институциональным порядкам социума в нашу эпоху приобретают специфические черты кризиса интеллектуально-символических структур.

Разумеется, этот опыт не может быть, в свою очередь, абсолютизирован и превращен в универсальную идеологему социальной инженерии.

В соответствии со схемой Лао-цзы, восстановление онтологических оснований социальной повседневности является вместе с тем обратным движением от манипулятивных технологий и конструктивистских парадигм к эссенциалистскому пониманию онтологии. Лао-цзы следующим образом выстраивает ступени лестницы, ведущей по пути деградации онтологических оснований социального бытия и политического управления: «С утратой Дао обретают добродетель; с утратой добродетели овладевают человечностью; с утратой человечности усваивают справедливость; с утратой справедливости вверяют себя ритуалу». И именно в ритуальности (иными словами, в знаково-символическом строе нормативных порядков социума) как крайней степени утраты Дао заключается «начало смуты» и «начало глупости» [175, с. 158–159].

Логическим пределом коррозии этико-онтологических структур «производства самой формы общения» (К. Маркс) становится социальная политика, редуцированная к технократическим моделям социальной инженерии и манипулятивным технологиям, обслуживающим демократические ритуалы отправления власти. Конечно, классический либерализм не ставил себе це-

лью доведение принципа суверенной свободы личности до столь радикальной формы. Но, как замечает Н. Гартман: «Вся осторожность мудрейших мало что дает, пока в самой теории заложена тенденция к содержательному заострению односторонности, а тенденция, возникнув однажды, сама собой беспрепятственно растекается в полупонимании широкого круга адептов» [202, с. 158].

Искусственно созданные системы не стабильны, и чем они сложнее, тем нестабильнее. Поливариантность и стохастический характер социального развития в этих условиях делают политику, если использовать популярную формулу Клаузевица, *искусством возможного.* В даосской онтологии с ее принципом внеаналитической спонтанности, сингулярности и доконцептуальности событийных связей и смыслопорождающих начал социально-политическое управление является *искусством необходимого:* Дао, будучи незыблемым, находится в бездействии, но оно при этом непременно действует. Если владетель и царь смогут ему следовать, то десять тысяч вещей сами же преобразуются» [175, с. 158].

Современная политика – это *наука оптимального*. Оптимальным же сегодня является не лавирование между различными системами детерминации социально-политического процесса и не реализация спонтанно возникающих возможностей и случайных шансов, а целенаправленное формирование возможностей принципиально новых, в том числе на основании применения инновационных социально-инженерных технологий политического управления.

Основной вывод из проведенного анализа заключается в том, что применение технологий социальной инженерии становится социально эффективным, также как и «социальная способность суждения» обретает предметную истинность, в том случае, если они строятся на теоретическом прояснении и практической актуализации онтологических условий своей собственной возможности.

Используя формулировку П. Бергера и Т. Лукмана, стратегию разработки концептуальных оснований социальной политики и технологий социальной инженерии в сфере политического управления в современном Казахстане следует развивать через поиск ответа на вопрос: *Как человек создает социальную реальность и как эта реальность создает человека.*

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По результатам проведенного исследования можно сформулировать ряд основных выводов относительно перспектив и путей применения социоинженерных технологий к решению задач социально-политического развития Казахстана.

1. Качество политического управления является ключевым фактором развития общества. Институты современного казахстанского общества являются достаточно гибкими, сложно организованными системами, применение к управлению которыми «жестких» методов административного диктата неизбежно влечет за собой деструктивные социальные последствия. Применение социоинженерной технологии в сфере политического управления открывает реальную возможность повысить его рациональность, научную обоснованность, эффективность, и вместе с тем обеспечить социальную направленность. Поэтому столь актуальна и необходима *новая философия политического управления,* органически синтезирующая эффективность рационально-технологических методов и гуманистические принципы.

2. По результатам проделанного анализа можно сделать обобщающий вывод о том, что в основу концепции управления процессами внутриполитического развития Казахстана должны быть заложены следующие принципы и параметры:

- утверждение приоритета консолидированных общенациональных интересов над узко корпоративными и специфически групповыми интересами управленческого аппарата;
- институционализация диалога между индивидами, социальными группами, органами самоуправления, институтами государственно-политической и местной власти как основной политико-правовой процедуры принятия общественно значимых решений;
- минимизация противоречий, поиск компромиссов и возможностей синергетического взаимодействия между императивами рыночного прагматизма и ценностно-нормативным содержанием культурных традиций народов Казахстана;
- последовательное проведение стратегического курса на вовлечение масс в активную политическую деятельность, в том числе на их непосредственное участие в принятии политических решений;
- государственная внутренняя политика должна носить публичный характер, быть открытой и прозрачной для граждан и выражать согласованные интересы различных социальных групп и слоев населения страны;
- следует по возможности применять политические технологии, адекватные процессу социальной самоорганизации и вместе с тем рационально организованному распределению власти, ответственности и контроля по управленческой вертикали.

Магистральную линию трансформации технологий политического управления в Казахстане можно определить как переход от *административно-командной модели* тоталитарного периода через различные формы *авторитарно-бюрократического управления* на стадии модернизации социально-политической системы к *либерально-демократическим моделям* «политики интересов» и затем, в идеале, к «постбюрократической», *делиберативной* форме демократического самоуправления.

Таким образом, долговременной, стратегической задачей применения методов социальной инженерии является практическое обеспечение повышения удельного веса переговорных, коммуникативно-дискурсивных социальных технологий и снижения роли административно-приказных методов управления внутриполитическими процессами.

3. Применение социоинженерных методов имеют целью не только рационализацию отдельных компонентов и функций политического управления, но и максимально возможное приближение всей системы к идеально-нормативным требованиям.

В этой связи следует уделить первостепенное внимание разработке комплексного социоинженерного алгоритма (модели, практической схемы) управления внутриполитическими процессами, включающего в себя взаимосогласованные этапы и блоки: анализ проблем; разработка программ и планов; выбор стратегического курса, приоритетов, задач, целей; оценка альтернатив, выработка механизма консультаций и согласований; определение оптимальных процедур принятия, легитимации, реализации, контроля и мониторинга исполнения решений и т.д.

Для решения этой задачи необходимо принятие соответствующей Государственной программы, реализация которой должна осуществляться на основе создания специализированных центров, формирования исследовательских групп, размещения государственных проектов и заказов на проведение исследований и экспериментов и т.д.

4. Среди первоочередных мер, направленных на внедрение социоинженерных методов в функционирование системы управления внутриполитическими процессами в Казахстане, целесообразно создание рабочей группы из числа аппаратных работников, политических аналитиков и ведущих ученых для решения следующих задач:

а) определение критериев и разработка системы качественной и количественной оценки эффективности управления внутриполитическими процессами в современном Казахстане;

б) разработка концепции и рабочих программ повышения эффективности государственно-политического управления на основе анализа отечественного и зарубежного опыта.

5. Отечественный социально-политический менеджмент не может возникнуть на пустом месте и в одночасье быть образован волевым решением. Необходима кропотливая и целенаправленная работа по созданию системы подготовки специалистов в сфере политического управления.

В этой связи следует принять меры к введению политически-управленческих дисциплин как обязательных и факультативных курсов в ряде ведущих вузов.

6. Прогнозирование и ранняя диагностика социальных конфликтов, посредническая деятельность по их предупреждению, регулированию и рациональному разрешению, конфликтологическая экспертиза принимаемых властными структурами решений в Казахстане ведутся бессистемно, или вообще не проводятся. При разрешении конфликтов предпочтение отдается силовым воздействиям, а не посредничеству и арбитражу. Диалогические, дискурсивно-консенсусные формы институционализации конфликтов, по типу диалога властных институтов с оппозицией, развития сети «публичной политики» только начинают входить в практику и пока не стали достаточно эффективными как объективно, так и в мнении участников. В этой связи необходимо разработать комплекс мер по применению методов социоинженерного управления конфликтами.

7. В решении задач повышения эффективности применения информационно-коммуникативных технологий социальной инженерии может быть полезным учреждение ряда независимых постоянно действующих информационно-аналитических служб, в круг задач которых будет входить:

- многофакторный корреляционный анализ и оценка состояния социально-экономической сферы на основе единой системы критериев экспертных оценок и стандартизированной системы показателей;
- определение причин возникновения социальных противоречий, разработка оптимальных средств их своевременного опережающего выявления и предотвращения перерастания в конфликты;
- выявление и сравнительный анализ основных черт менталитета, ценностно-смысловых ориентаций, социальных установок и политических позиций различных социальных групп населения РК;
- мониторинг общественного мнения по проблемам социальной политики;
- определение ключевых индикаторов, дающих наиболее полную информацию о состоянии основных сфер общественной жизни;

получение, оценка и системный анализ достоверной и объективной информации о протекании социально-экономических процессов;

- подготовка рекомендаций для заинтересованных организаций и инстанций, принимающих решения по проблемам управления и регулирования социальной сферы, по совершенствованию системы управления качеством жизни;
- проведение ранней диагностики негативных процессов, связанных с неблагополучием в основных сферах жизнедеятельности и жизнеобеспечения общества (социальная напряженность, миграция, снижение доверия к власти, протестная активность);
- подготовка рекомендаций органам административно-политического управления республики по преодолению негативных и поддержке позитивных тенденций социального развития;
- выработка сценариев развития и совершенствования социальной среды с ориентацией на насущные потребности населения.

8. Решение проблем политического управления процессами социального развития достижимо только в том случае, если управление имеет целью свое перерастание в самоуправление. Но эта стратегическая линия в современных условиях должна проводиться через механизмы перераспределения властных функций и полномочий, в частности, в пользу расширения политического участия «интеллектуального класса».

В сфере государственного управления важно изменить технологию принятия политических решений, существенно усилив значение их научной составляющей. При этом имеется в виду не только повышение роли формируемого самими административными структурами и зависимого от них корпуса экспертов. Необходимо законодательно и организационно закрепить за научно-исследовательскими организациями, авторитет которых признан научным сообществом, функции публичного контроля над действиями политической власти в форме независимой научной экспертизы управленческих решений.

Реализация этой модели политического менеджмента потребует выработки организационно-правовых форм участия научной интеллигенции в экспертизе проектов государственных решений, определения нормативного статуса учреждений и отдельных специалистов, получающих право на такую экспертизу, а также статуса подготовленных ими заключений.

ЛЕКСИКО-ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ МАТРИЦА СОЦИАЛЬНОЙ ИНЖЕНЕРИИ В СЕМАНТИКЕ УНИВЕРСАЛИЙ КУЛЬТУРЫ

В идео-логике следует усматривать не универсальную грамматику как способ исчерпывающей кодификации бытия вообще и социального бытия в частности, но метаязык, релевантный альтернативно-проблемному характеру социального бытия. Ю.М. Лотман указывал, что унификация социального семиозиса неизбежно влечет за собой упрощение системы, «но одновременно актуализирует ее единство, создавая основу для нового периода усложнений» [203, с. 555]. Можно предположить, что особенности трансформационной матрицы идеологии могут стать основанием для достаточно нетрадиционного подхода к анализу традиционных онтологических систем, типологически характеризующих выстраивающиеся на их основе культуры.

В XX столетии социально-гуманитарные дисциплины, в том числе и философия, претерпели радикальную трансформацию, во многом инициированную обращением к методам структурной лингвистики. М. Хайдеггер, предлагая двигаться к разработке фундаментальной онтологии по путеводной нити языка, разъясняет: конечно, было бы странным предприятием пытаться изучать атомные процессы, предлагая грамматические рассуждения вместо физических экспериментов. Однако значение слова «бытие» сопряжено с тем, что оно подразумевает, иначе, чем все прочие слова, имеющиеся в языке, с тем сущим, которое сказывается в них. Само бытие в сущностном смысле зависит от слова больше, нежели любое сущее. Ж. Лакан утверждал, что ведущую роль в перегруппировке наук о человеке, предвещающей революцию в познании, взяла на себя именно лингвистика.

> Концепция лингвистической относительности Э. Сепира и Б. Ли Уорфа фиксирует типологическую гомогенность языковых структур, семантических полей и социокультурных норм. Язык есть «дом бытия» (М. Хайдеггер), «всеобъемлющая предвосхищающая истолкованность мира» (Х.-Г. Гадамер) и вместе с тем модель всех существующих социальных институтов (Р. Барт). Ж. Лакан утверждал, что субъективность с самого начала имеет дело не с реальностью, но с синтаксисом, рождающим ее маркировки. Психоанализ демонстрирует истинность выявленного лингвистикой отношения, согласно которому означающему приписывается детерминирующая по отношению к означаемому роль.

В онтологических суждениях решающую роль играет схематизм как правило упорядочивания, способ связывания многообразия в единство. Согласно Канту, рассудок не производит схемы (схемы – трансцендентальный продукт и как бы анаграмма чистой способности воображения), но дей-

ствует ими, применяя их в соответствии с формой целого, представленной в идеях. Онтологические схемы позволяют человеку видеть нечто и ставить его в осмысленную связь. «Онтологическое познание является схемообразующим» [204, с.138], – интерпретирует М. Хайдеггер Канта. Разумеется, мы не обязаны признавать достоинства онтологической универсальности за теми или иными постулатами относительно природы и специфики категориального схематизма. В данном случае нами методологически принимается сам принцип представления правила синтеза многообразного как схемы онтологических суждений.

Как было установлено выше, в понятиях онтологии, в том числе и социальной онтологии как теоретического фундамента социальной политики, должны каким-то образом совмещаться ценностные и предметные определения. Следует отметить, что это требование отвечает принципам постнеклассической рациональности. Если *классический* тип рациональности сосредоточивает внимание на характеристиках объекта, *неклассический* – учитывает отнесенность характеристик объекта к средствам и операциям исследования, то *постнеклассический* тип рациональности соотносит знание об объекте не только со средствами исследования, но и с ценностно-целевыми структурами когнитивной деятельности.

> Идеология является превращенной или редуцированной формой конкретности философски-герменевтического контекста социальной концептуальности, раскрывающегося не в последнюю очередь через анализ экзистенциально-онтологических взаимосвязей между «представляющими» и «заинтересованными» актами. Следует согласиться с суждением М. Хайдеггера о том, что такой, казалось, мимолетный и изменчивый, онтологически иррелевантный психологический феномен, как *настроение* (настроенность, расположенность) является фундаментальным экзистенциалом. Нет никаких оснований принижать его онтологический статус, прилагая к нему критерий аподиктической достоверности теоретического познания или убежденности веры. «Публичность» как способ бытия-в-мире нуждается в настроении как структуре задетости («озабоченности») людей сущим и создает его для себя. «Мы должны действительно *онтологически* принципиально предоставить первичное раскрытие мира «простому настроению». Поэтому, замечает М. Хайдеггер, «Риторика» Аристотеля, в которой исследуются и онтологически интерпретируются *аффекты* и *эмоции*, должна быть осмыслена как «первая систематическая герменевтика повседневности бытия-друг-с-другом» [205, с. 138].

Как отмечал С.Л. Франк, бытие противостоит нам как чуждая, инородная реальности непосредственного самобытия личности сила только потому, что мы исключаем самих себя из бытия. При такой предпосылке ценности и истина неизбежно понимаются догматически и приписываются или натуралистически истолкованному бытию-в-себе, или своемерию человеческой субъективности, вводящей саму себя как смысл и единственный и безусловный масштаб верховных ценностей бытия. Понять бытие в его ду-

ховной определенности, – значит осознать его как *осмысляющую инстанцию* по отношению к нашему непосредственному самобытию, трансценденция к непостижимой глубине которой вносит объективные, самодовлеющие ценности в наше непосредственное самобытие и тем самым придает ему смысл и подлинную реальность.

В таком понимании любой онтологический принцип, а отнюдь не только лишь соотнесенный с метафизикой «воли к власти» и ее *субъектным перспективизмом* (ценности, по Ницше, это результаты определенных перспектив, точек зрения, траекторий обзора и пересмотра центров господства внутри мира становления воли к власти при том, что само действительное в целом «не имеет вовсе никакой ценности») с необходимостью является ценностью. «Воля к власти есть объект и субъект метафизики, в которой царит идея ценности» [206, с. 93], – формулирует М. Хайдеггер вывод из «продумывания» метафизики Фр. Ницше и ее «основного слова» – принципа сущностной взаимопринадлежности полагания ценностей.

Требование элиминировать аксиологические, субъективно-оценочные параметры из анализа социальной реальности вытекает из определенного понимания самой онтологии. Согласно Ж.П. Сартру, человеческая реальность не может достичь *в-себе,* не теряя *для-себя.* Поэтому ценность, приходящая в мир посредством рефлексивного сознания человека, не имеет бытия в качестве реальности: «Ее бытие – быть ценностью, то есть не быть бытием» [207, с. 125].

В формуле Ж.П. Сартра резюмируется разрыв постклассической философии с традицией, согласно которой онтология, в изначальном значении этого философского понятия, есть не учение о бытии, а учение о *совершенном* бытии и поэтому деонтологически-аксиологическая модальность атрибутивна для онтологических суждений. Платоновское Благо – тождество абсолютной реальности и абсолютной ценности, причем абсолютной реальностью Благо становится в силу своей абсолютной ценности, и v.v. Согласно Августину, все, что есть, и в той мере, в какой оно есть, причастно Благу. Для Григория Нисского бытие – полнота благ, summum bonum. По Фоме Аквинскому, сущее и благое суть понятия не взаимодополнительные, но взаимозаменимые. В.С. Соловьев в полном согласии с классической традицией метафизики указывает: «Идеей вообще мы называем то, что само по себе достойно быть» [208, с. 100]. Словом, в классической метафизике выполняется принцип: ens realissimum есть в то же время ens perfectissimum – сущее наиреальнейшее есть сущее наисовершеннейшее.

М. Фуко замечает, что результатом разложения классической эпистемы стало формирование пространства современной философии, в котором наиболее фундаментальным является вопрос о соотношении двух форм философской рефлексии: первая из них исследует отношение между логикой и онтологией и развертывается на путях формализации; другая исследует темы значения или смысла и развертывается на путях интерпретации: «То, что со-

временное мышление, по существу, обсуждает, – это соотношение смысла с формой истины и формой бытия: на небе нашей рефлексии царит дискурсия – дискурсия, может быть, недостижимая, которая была бы сразу и онтологией, и семантикой» [163, с. 235]. Действительно, можно утверждать, что в наиболее значительных философских учениях XX века различными способами раскрывается и структурируется единое пространство фундаментальной онтологии и философской герменевтики, логики и семантики.

Таким образом, к условиям возможности онтологических суждений относится выполнение требования: трансцендентальный схематизм чистых рассудочных понятий должен быть синтезирован с «духовными схемами» личности и человеческих общностей, или ordo amoris М. Шелера, – т.е. со столь же формальными связями (иерархиями, порядками) между самими ценностями, которые существуют независимо от того, имеют ли они эмпирически наличное бытие или не имеют. В этом случае матрицами построения онтологических систем являются схемы взаимоопределения ценностных рангов и степеней реальности по правилам некоей логико-смысловой структуры, управляющей как категориальной разметкой поля сходств и различий, так и распределением их в соответствии с ценностными иерархиями.

> В.П. Гайденко и Г.А. Смирнов отмечают: «Очевидно, что мир теоретической онтологии меняется в зависимости от выбора языка, от того, какие логико-грамматические категории берутся в качестве исходного пункта теоретического построения» [209, с. 177]. Каждому типу категорий соответствует особая форма предметности и тип сущностей, их которых «строится» универсум. Гипотетически постулированная нами структура в своей методологической функции, т.е. на метауровне рассуждения, реализуется как совокупность рефлексивных процедур формирования смысла онтологических высказываний, автономных по отношению к их содержательным определениям. Описание этих процедур может производиться на ином языке, нежели описание содержания, т.е. на уровне метаязыка – в данном случае, языка вторичных моделирующих систем. Можно отметить, что именно такого типа дискурс был реализован средневековой схоластикой, сама трансцендентность предмета которой предполагала отход от категорий наглядного представления к искусственным, метаязыковым конструкциям, в то время как античные мыслители работали, как правило, с категориями естественного языка.

Согласно Ю.М. Лотману, под вторичными моделирующими системами имеются в виду семиотические системы, с помощью которых строятся модели мира или его фрагментов. При этом необходимо избегать ловушки – ситуации, когда особенности синтезированных в соответствии с законами этой топологии метатеоретических символов и идей, конструкций и процедур воспринимаются как имманентные структуры предмета, становятся тем «общим освещением» (К. Маркс), которое модифицирует все цвета онтологического спектра согласно своей собственной мере.

«Фундаментальным положением логики является то, что язык объекта и язык описания (метаязык) составляют две иерархически различные ступени научного описания, смешение которых недопустимо: язык объекта не может выступать в качестве собственного метаязыка» [210, с. 449].

По этой причине в язык метатеоретического дискурса не допускаются трансцендентные сущности, даже если он и создается для их описания. В противном случае использование метатеоретических схем было бы аналогично действиям повара, добавляющему в кастрюлю бумажку с рецептом готовящегося блюда. Кроме того, при разделении языка-объекта и метаязыка вступает в силу скептический троп взаимодоказуемости, или принцип онтологической относительности У. Куайна: оперирование схематизмом требует метаязыка с его собственным схематизмом и т.д. Отношение метаязыка и языка-объекта в социально-гуманитарных науках становится чрезвычайно сложным и напряженным*.

Метатеоретические модели должны строиться с учетом того, что онтологические абстракции заключают в себе предпосылки своего понимания, т.е. неявно полагают формы рефлексивности или схемы смыслообразования. Пытаться строить онтологию вне этих схем – противоположная крайность, аналогичная попытке писать картину на сюжет битвы негров в туннеле, как ехидно советовал импрессионистам один из их критиков. Экспозицией этих форм, сведением их связей и переходов, структур и элементов, взятых уже не в качестве трансцендентных сущностей, но конститутивно-конструктивных планов, в доступные обзору типологические схемы и упорядоченные классификационные ряды, создается метрика метатеоретического пространства.

Метаописания, выявляя порождающие модели установления тождеств и различий, присущие *конфигурациям эпистем* и *системам позитивностей* (М. Фуко) культурных кодов, теоретически переупорядочивая социальное бытие, вместе с тем внедряются в реальный социально-исторический процесс. Дискурсы – это практика, систематически формирующая объекты, о которых они говорят (М. Фуко). Поэтому способом дедукции и анализа предположенных нами особенностей социальных понятий сможет служить одновременное обращение к классическим формам осмысления логико-се-

* Р. Барт отмечает: для писателя слово не транзитивно, не служит какой-либо цели или делу как средство их достижения. Слово – это структура, в которой писатель (в силу своего экзистенциального выбора отказываясь от слова как учительства и свидетельства) теряет структуру мира, предстающего неоднозначным. Для писателя вопрос: почему мир таков? поглощается вопросом: как о нем писать? «Литература стала ощущать свою двойственность, видеть в себе одновременно предмет и взгляд на предмет, речь и речь об этой речи, литературу-объект и металитературу» [242, с. 131]. Это приводит к тому, что литература в поисках своей сущности, разрушаясь как язык-объект и сохраняясь в качестве метаязыка, «ведет опасную игру со смертью». Но именно замыкаясь в своих заботах о том, как писать, в работе над формой слова как открытым пространством смысла писатель ставит смысл мира под косвенный вопрос и неизбежно приходит к самому открытому из вопросов: в чем смысл мира? почему мир таков?

Такого же рода работу проделывает и философская онтология.

мантической структуры онтологических гармоний и к особенностям имманентной аксиоматики (кода, схематизма, матрицы) социально-политических понятий, позволяющим им выполнять социально-конструктивную функцию. Общей рубрикой, под которую подпадают столь различные типа интеллектуальной деятельности, является идеология.

Принимаются ли те или иные онтологические, ценностно-смысловые начала спонтанно или задаются определениями, они превращаются в недоказуемые постулаты-матрицы (согласно Аристотелю, требовать доказательства для определений – «невежество»), а опирающееся на них как на трансцендентные сущности или трансцендентальные схемы логически последовательное мышление становится рационально-дискурсивным, диалектическим, спекулятивным – и вместе с тем программированным.

Матрицами построения онтологических систем являются схемы взаимоопределения ценностных рангов и степеней реальности. Но если в эту матрицу попадает вирус, превращающий взаимоопределение ценностных и предметных модальностей онтологических концептов в quid pro quo, то происходит *идеологическое кодирование онтологии.* Обнаружить этот вирус, продолжая компьютерные аналогии, можно с помощью программ, разработанных в русле идеолингвистики. Концептуальные модели семиотических структур отбора и актуализации ценностей, предложенные идеолингвистикой для изучения взаимоотношения идеологии и языка, могут использоваться как метаязык тестирования социодискурса на предмет присутствия в нем идеологически-манипулятивных кодов и одновременно как метаязык экспликации логико-семантической структуры онтологических сверхпарадигм.

А.В. Смирнов отмечает: сравнительные исследования в области истории философии заключаются в установлении сходств и различий между философскими учениями: «Как бы ни были различны понимания возможности установления сходств и различий, их объединяет одно: все они оказываются ответом на вопрос, *как* уловить нетождественность философских систем и *как* передать ее на языке исследователя» [211, с. 167]. Для того чтобы преодолеть тупики истолкования содержания одной (неевропейской) философской традиции на языке другой (европейской), выступающим одновременно и как язык исследования, А.В. Смирнов предлагает обратиться к анализу процедур формирования смысла и особенностям устройства смысловых конструкций: «Описание процедуры выполняется иными языковыми средствами, нежели описание содержания, причем язык, описывающий процедуры формирования смысла в разных философских традициях, может стоять в одинаковом отношении к языкам самих философских традиций, не будучи при этом ни одним из них. Построение метаязыка сравнительного исследования поэтому возможно как описание процедур формирования смысла» [211, с. 169].

Способом реализации предложенной А.В. Смирновым стратегии компаративистского подхода может стать применение логико-семантической матрицы к анализу соотношения основных философских традиций, представленных в мировом историко-философской процессе.

А.А. Хамидов отмечает, что с начала «осевого времени» в Древнем Китае, Древней Индии и в Древней Греции сложилось три философских «сверхпарадигмы» учения о мире, в основании которых лежат три типа решения вопроса о понимании Бытия и его соотношения с Небытием. Западная философия Логоса изначально исходит из презумпции онтологической самодостаточности Бытия, Небытие же не обладает никакими положительными атрибутами. Для философии Брахмана-Атмана мир Небытия не только первичен, но и обладает абсолютной положительной ценностью, а мир Бытия наделен абсолютной отрицательной ценностью:

> «…можно сказать, что в философии Брахмана и в философии Логоса в целом ценностные знаки («плюс» и «минус») распределены между Небытием и Бытием *противоположно*» [212, с. 134].

Для философии Дао Бытие также обладает положительной ценностью, хотя и заведомо меньшей, чем Небытие, Великая Пустота как стихия «прежденебесных превращений». К. Ясперс пишет: «Дао остается – такой должна быть наша интерпретация – в пустоте полнее по своим возможностям всего действительного мира, в небытии превосходящем бытие, в неразличимой сущности большим, чем все предметное, различимое, определенное сущее» [213, с. 367].

> Онтологический принцип, согласно которому на основе всеприсутствия *не-сущего Дао* «десять тысяч вещей» получают свое бытие, иллюстрируется Лао-цзы в известном афоризме: «Ступицу окружают 30 спиц, но пользоваться повозкой позволяет пустота отверстия в ступице. Мнут глину, чтобы вылепить сосуд, но пользоваться сосудом позволяет его пустота. Строя дом, проделывают окна и двери, но пользоваться домом позволяет его пустота. Приносит пользу то, что в них имеется, но пользоваться ими позволяет то, чего в них нет» [175, с. 150].

Таким образом, в плане ценностного отношения к Бытию и Небытию философия Логоса и философия Атмана занимают противоположные позиции, а философия Дао – срединную позицию.

В целом же, делает вывод автор, выделенные философские парадигмы ориентируют человека в его бытии в мире, в том числе и в мире социальном, несовместимым образом. Поскольку же мир един по своей глубинной сущности, то каждая из этих трех сверхпарадигм «*неполна, одностороння, частична* и в силу этого в конечном счете – *превратна».* В этой связи ставится задача выработки целостной Онтологии как единого («нежесткого») основания, на котором могло бы произрасти многообразие онтологий.

Попробуем отразить распределение онтологических сверхпарадигм и оппозитивных отношений между ними с помощью идеологической тетрады (Рисунок 21):

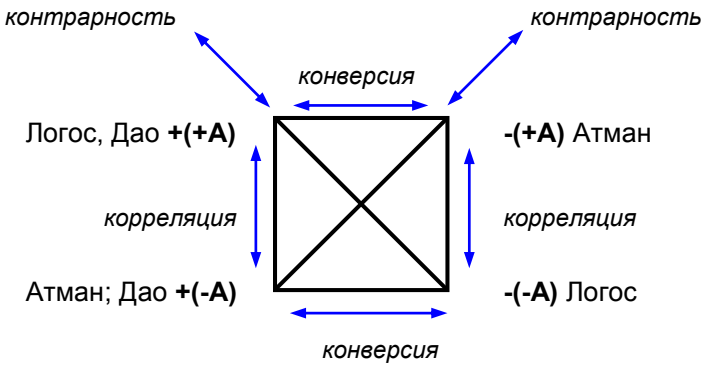


Рисунок 21. **Диспозиции онтологических метапарадигм**

В предложенной А.А. Хамидовым схеме логико-семантическое соотношение философско-онтологических принципов выступает в двух модальностях:

1. *Дихотомия* Западной философии, исходящей из онтологической самодостаточности Бытия, пусть даже и включающего в свой состав Ничто, и Восточной философии, утверждающей сущностную и исконную первичность сферы Небытия. В этом отношении Абсолют гипотетической интегральной философии есть, как минимум, *двуединство* Бытия и Небытия.

2. *Трихотомия* философии Логоса, философии Атмана и философии Дао. «В своем проявленном существовании Абсолют, *как минимум*, есть *триединство* Дао, Логоса и Атмана» [212, с. 136].

На нашей схеме воспроизведены три онтологических «сверхпарадигмы», отмеченные А.А. Хамидовым, но, как сказал бы Джон Ди: «По иероглифическим причинам Троицу можно по праву истолковать и как четверицу» [214, с. 185], все возможные комбинации и метатезы элементов которой «целиком и полностью» определяют онтологию земного, небесного и наднебесного миров. Идео-логическая тетрада восстанавливает герметическую традицию, связывающую структуру онтологической целостности не с бинарными оппозициями или трихотомиями, а с четверицей.

Согласно К.Г. Юнгу, тройственность – искусственная схема порядка, тогда как «Четверица (Quaternität) есть архетип, встречающийся практически повсюду. Она есть логическая предпосылка всякого целостного суждения» [215, с. 153]. *Четверица* обладает вселенским значением как самая древняя из известных космологических схем целостности, базовая схема членения мировоззренческих позиций. Но тетраметрия обычно замаскирована под *триаду*, «точно так же, как и христианская Троица, которая может сохраняться как таковая только посредством исключения четвертого

действующего лица божественной пьесы» [41, с. 186]. С психологической точки зрения, полагает К.Г. Юнг, совокупность становится осознанной и дифференцированной тогда, когда она принимает архетипическую форму quaternio.

Классическим *естественным* символом самости выступает фигура, топологически идентичная тетраде – четырехчастная мандала, спонтанно продуцируемая бессознательным. Объектом моделирования в символе мандалы являются космологические начала-первоэлементы вселенной, соотнесенные с высшими сакральными ценностями. В их единстве они символизируются четырьмя махараджами или четырьмя дхьяни-буддами. Принцип мандалы равно универсален применительно к макро- и к микрокосму. Мандала – это модель-схема как вселенной, так и достижения интегральной целостности сознания в ритуале и медитации. Кроме того, одним из значений слова «мандала» является «общество», и социальная структура также осмыслялась по принципу мандалы. Согласно Порфирию, крест внутри круга – египетский знак мировой души, и эта же фигура – иероглиф, обозначающий «город». В Платоновском «Критии» столица Атлантиды имеет структуру мандалы*.

Мифологически-числовая символика онтологических построений издревле связывает единство Тождественного и Иного с загадочной структурой взаимопричастности троичности и четверичности целого. Юнг отмечает: «Всегда, даже во времена безусловной веры в Троицу, велся поиск утраченного *четвертого*» как мостика, связывающего реального человека, несущего бремя реальности мира сего, с небесной Троицей [215, с. 163]. Единое должно раскрыться в ценностно-смысловых противоположностях как в равной мере реальных онтологических началах, чтобы разрешиться в единство полностью развернувшегося принципа. В структуре онтологической гармонии Платона задействована четверка субстанций и троякая процедура соединения элементов. В Средние века мы также встречаем quator elementa и tria regimena. Логическим следствием подобных представлений становилась замена канонической формулы Троицы еретической схемой Четверицы. В постклассической философии формальная структура четверицы активно используется М. Хайдеггером: «Мы именуем событие зеркальной игры едино-сложенности земли и неба, божеств и смертных миром» [216, с. 324].

* Интерпретируя развернутую в платоновском «Тимее» космогонию, К.Г. Юнг отмечает: умопостигаемая схема Мировой души образуется триадой универсальных онтологических противоположностей Неделимого, Делимого и сущности среднего вида, логически причастной природе Иного. Архетипическая основа тринитарного принципа христианства и Платоновской метафизики едина: и там, и здесь тройственность передает нечто умопостигаемое. Но для реального осуществления онтологической гармонии «средний вид» сущности насильственно противопоставляется самому себе. «Для возникновения реальности необходимо второе смешение, вторая смесь, в которую силой привносится «иное». Последнее, таким образом, и есть то четвертое, которое по характеру своему «противник», сопротивляющийся гармонии. Однако именно с ним, по свидетельству текста, неразрывно связано желанное бытие» [215, с. 116]. К.Г. Юнг замечает в этой связи, что Платону, по-видимому, была не чужда мысль о том, что при определенных обстоятельствах разумность должна навязываться силой.

Каждый из четверых по-своему зеркально отражает существо остальных и зеркально отражается в свою собственную суть внутри этой одно-сложности их сущностной взаимопринадлежности.

В.А. Подорога обосновывает тезис о том, что М. Хайдеггер «пытается построить специфическую логику философствования, которая определялась бы по своим топологическим основаниям из структуры сил четверицы» [217, с. 312]. Диаграмма взаимодействия динамических оппозиций мировой четверицы изображена В.А. Подорогой в виде следующего рисунка (рисунок 22) [217, с. 283]:

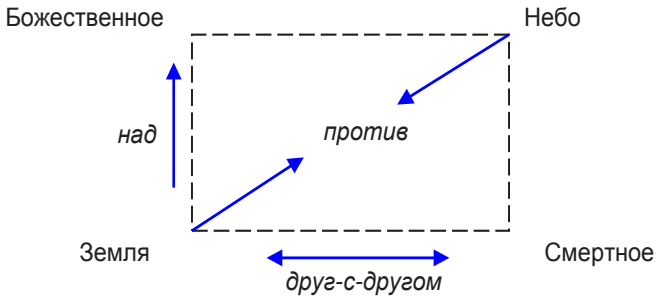


Рисунок 22. **Динамические оппозиции «мировой четверицы» М. Хайдеггера**

Как видно, в схеме «мировой четверицы» воспроизводится не что иное, как средневековая формула взаимодействия четырех элементов и трех типов сил. Без труда на этой схеме обнаруживается и структура тройственных логических отношений (корреляции, конверсии и контрарности) между элементами идео-логической тетрады.

В религиозно-мифологических и умозрительно-логических конструкциях дилемма триады и тетрады выступает в пестром многообразии форм. Например, эта дилемма занимала умы алхимиков на протяжении более чем тысячелетия. Известны такие символы «Четвертого из Третьего» (К.Г. Юнг), как Sol Niger – черное солнце – у алхимиков, Ungrund у Бёме, София у гностиков, так называемая «аксиома Марии-пророчицы»: «Единица становится двойкой, двойка становится тройкой, а из Тройки получается Единица, как Четверка». Гностическое имя «Барбело» переводится как «В-четверице-Бог». В каббале вселенная разделена на четыре мира. Согласно *Исарим*, секретной доктрине Израиля, существовали четыре Адама, каждый их которых обитал в одном из каббалистических миров. В каббале «главное имя» Бога, «Тетраграмматон», образуется четырьмя буквами, где четвертая является повторением второй: YHVH. Тем самым это имя одновременно является и триадой, и тетрадой. Эти и многие другие примеры приводит К.Г. Юнг для обоснования гомологии структур «самости» и архетипов коллек-

тивного бессознательного, сублимированных в универсальных культурных символах.

В рамках русской религиозно-философской концепции всеединства возникла софиология как учение о духовно-чувственной телесности идей. С.Н. Булгаков признавал, что «в известном смысле» софийная ипостась избыточна с точки зрения Божественной абсолютности, однако в реальном мире онтологически утверждена актуальность его меональной основы, накладывающей ограничения на осуществление предвечной гармонии. П.А. Флоренский отмечал, что sensu stricto нельзя говорить о существовании более чем трех ипостасей. «С четвертой ипостаси начинается сущность совершенно новая» [218, с. 50], соответствующая становлению триипостасности человеческого духа как его вневременной основы и абсолютной формы в четвертую ипостась – софийную универсальность духовно-телесного единства. Подлинная реальность софийного бытия личности реализуется в соборности софийно просветленного социального тела. Но перед проблемой одухотворенной, божественно преображенной плоти социального организма религиозно-метафизическое мышление вынуждено признать свое бессилие.

К.Г. Юнг предупреждает: «При попытке сделать шаг от трех к четырем наталкиваются на нечто чуждое и неожиданное для мысли, нечто тяжелое, косное и ограниченное, и это нечто невозможно ни преуменьшить, ни изгнать никакими заклятиями, вроде «mē on» или «privatio boni» [215, с. 114].

В нашем случае шаг от трех к четырем означает, что в силу конструктивных особенностей идеологической тетрады должна быть заполнена оставшаяся вакантной коррелятивная оппозиция [-(+A) : -(-A)], не представленная в классификации онтологических учений А.А. Хамидовым. Эта оппозиция выражается прагмемой «нигилизм» как признания ничтожности или отрицания бытия и смысла сверхчувственного вообще – идеалов и норм, ценностей и целей. Но вместе с тем «в ницшевском смысле» нигилизм «сообусловливает закономерность принципиальных метафизических позиций и их взаимоотношения. Принципиальные метафизические позиции, в свою очередь, суть почва и область того, что нам известно в качестве мировой истории, особенно истории Запада» [206, с. 93].

Как поясняет М. Хайдеггер, переоценка ценностей означает не просто заступание новых ценностей на место прежних, но такое положение дел, при котором лишается корней сама потребность в сверхчувственных ценностях. Таким образом, переоценкой ценностей как признанием безвластия всего сверхчувственного требуется новое определение сущего в его целом. Мир становления становится единственным действительным миром, он более не является проходным двором в некую потусторонность, но вместе с тем бытие в целом лишается всякой цели и ценности. Отсюда нигилизм – это чувство безысходности обессмысленной действительности, невозможности интерпретировать совокупность существования в категориях цели, единства, истины, которыми мы вкладывали, ложным образом проецировали в самосущий мир его ценность и смысл. Одним из следствий девальвации

инстанции сверхчувственных ценностей стало замещение идеально-трансцендентных моделей общества концепциями утилитарно-прагматического характера, наподобие концепций «хорошего общества».

Переоценка всех ценностей как проект постклассической онтологии может возникнуть исключительно из нигилизма как до конца продуманной логики высших ценностей и идеалов. Радикальный нигилизм есть убеждение в абсолютной несостоятельности мира по отношению к высшим ценностям. При этом отрицается любая потусторонняя реальность как источник ценности и смысла сущего. «Высшие» онтологические ценности эпохи декаданса – это *социальные ценности* и *общественные идеалы* «упадочного общества», стадные инстинкты, превращенные в «реальность», в «истинный» мир и «смысл» миропорядка.

Истоками нигилизма, согласно Фр. Ницше, являются:

- Осознание несостоятельности всех гипотез о существовании какой-либо цели процесса становления.
- Осознание того, что процесс становления лишен всеобъемлющего единства, цельности, системности, в рамках и в отношении к которым (к благу «целого» как высшей ценности) индивид имеет возможность веровать в собственную ценность.
- Неверие в реальность потустороннего бытия, метафизического измерения сущего и приспособленных к нему категорий разума; признание мира становления единственной реальностью.

Таким образом, «сознание *отсутствия всякой ценности* было достигнуто, когда стало ясным, что ни понятием *«цели»,* ни понятием *«единства»,* ни понятием *«истины»* не может быть истолкован общий характер бытия» [219, с. 596]. Каким же образом в условиях такого рода онтологии человеку могут быть даны новые ценности взамен прежних? Ответ Ницше: положим, мы осознали, что посредством истолкования бытия на основе трех основных категорий классической метафизики и традиционной религии – категорий *цели, единства, истины* – мир обесценивается. «Если нам удастся *обесценить* эти три категории, то доказанная неприложимость их к целому перестанет быть основанием к тому, чтобы *обесценивать это целое*» [219, с. 597]. Переоценка ценностей состоит тем самым в обосновании непригодности основных категорий классической онтологии для выполнения ими главной онтологической функции – сообщения своему предмету (бытию) ценности. Поскольку эту свою функцию наделения целого *ценностью* и *смыслом* традиционные «теологические» и «космологические» (собственно онтологические) категории не выполняют, то они тем самым демонстрируют свою *предметную* иррелевантность, свое несоответствие существу бытия.

Как видно, для Ницше ценностные и предметные модальности онтологических категорий выступают как обосновывающие, полагающие и поддерживающие одна другую. Условием такого отношения является то, что само бытие истолковывается как жизнь, подчиненная основоположному онтологическому принципу воли к власти (могуществу). Этому принципу подчине-

ны и способы интеллектуально-понятийного выражения онтологии. Вопрос о ценности, согласно Ницше, *фундаментальнее* вопроса о достоверности. Замена онтологического единства вещей или субстанций «всемирной дробностью» динамических центров сил, или множественностью форм роста воли к власти, находит свое соответствие в множественности ценностных перспектив. «Каждый центр силы имеет по отношению ко всему остальному свою *перспективу*, т.е. свою вполне определенную *оценку,* свой способ действия, свой способ сопротивления» [219, с. 836]. Этими аксиологическими перспективами задается единственно реальный мир, образующийся вокруг центров противодействующих витальных сил и целиком размещающийся в плане их имманентности.

Вместе с онтологически верховными ценностями падает и место, особая позиция в структуре тетрады, куда можно было бы поместить новые ценности. Поэтому полагание ценностей и само их существо должны стать другими. «Ведь то, для чего новые ценности должны быть ценностями, после падения потусторонности уже не посюсторонность» [206, с. 91]. Вместе с падением потусторонности (трансцендентности) падает и посюсторонность (имманентность). Их место заступает односторонность – как топологическая модель свертывания тетрады в корреляцию [-(+A) : **-**(**-**A)] может рассматриваться, например, та же лента Мёбиуса.

В то же время Хайдеггер обращает внимание на то, что Ницше «внезапно» именует верховные ценности категориями. Это доказывает, что мысль Ницше движется в колее метафизики, в круге того, что уже было сказано в истории метафизики, пусть и на ее пределе, хотя он себя и именует «антиметафизиком». Действительно, объединение ценностей с категориями как родами бытия по схеме коррелятивной оппозиции [-(+A) : -(-A)] соответствует внеонтологическому (доонтологическому или постонтологическому) уровню философской рефлексии. *Доонтологический* тип синтеза можно обозначить понятием *Архэ** как натурфилософского принципа учений о бытии, ценностно-нейтрального и не связанного с различием имманентного и трансцендентного, но зато связанного с переводом философского начала в этико-политическую модальность.

Пост- или метаонтологическому типу синтеза можно атрибутировать введенное стоиками понятие *Лектон* как такой логической конструкции, которая выше бытия и небытия, признает их ничтожность перед лицом трансценденции к метаонтологии Сверхсущего. Лектон – онтологически нейтральный тип реальности, «несуществующая сущность» (Ж. Делёз), или квазибытие, суть которого состоит в замкнутом на самого себя смысле, вплетающегося во все иные реальности и сообщающего им их формальную структуру [220, с. 133–134]. Таким образом, роль «строптивого четвертого»

* Греч. archē в смысле, который был ему придан Анаксимандром, означает: начало как происхождение во времени; принцип; то, от чего произошли все вещи; а также власть, управление, главенство в социальной иерархии. Archē следует отличать как от stoicheia – элемент как член ряда (первоначально – буквы алфавита), так и от kratos, dynasteia, basileia – собственно политическая власть, господство.

заключается как в восполнении модальностей онтологии до целостности, так и в переводе их на метауровень анализа. Кратко проанализируем действие этого схематизма.

Доонтологические типы учений о первоэлементах («archē») или стихиях («stoicheia») бытия можно рассматривать по критерию либо ценностной нейтральности, либо ценностной амбивалентности онтологических начал. Например, пустота не вносит самостоятельного ценностного принципа в натурфилософский атомизм, оперирующий атомами и пустотой как денотатами, в отличие от натурфилософии Инь-Ян, рассматривающей первоэлементы в коннотативно-денотативной модальности. Демокрит так же, как и Протагор, мог сказать, что бытие есть, а небытия вовсе нет. Атомы и пустота в равной мере принадлежат бытию как конструктивные принципы структурирования протагоровского «Великого кома». Великая Пустота-Шуньята +(–А) и мир проявленного бытия +(+А) даосизма – семантически совершенно иной тип концептуализации, чем пустота и атомы, и чем постструктуралистская онтологическая пустота, лежащая за символической игрой воображаемых означающих: «Вселенная есть изъян в чистоте Не-Бытия» [165, с. 174] (Ж. Лакан).

Великая Пустота – символ всеединства мироздания, в котором с онтологической непреложностью исполняются философские истины и экзистенциальные смыслы. Китайские художники «усвоили настолько обостренное сознание значимости отсутствующего, что пустоты в их картинах стали красноречивее устойчивых форм» [221, с. 116]. Ясно, что именно таким, а не демокритовским пониманием пустоты, могут быть вдохновлены строки поэта:

И по комнате точно шаман кружа,
Я наматываю, как клубок,
На себя пустоту ее, чтоб душа
Знала что-то, что знает Бог.

Вместе с тем, очевидно, что денотативная онтология Демокрита включает в себя и уровень скрытой коннотативной кодировки, проникающей в умопостигаемую реальность атомов и пустоты с помощью некоего «незаконнорожденного умозаключения» (Платон). Совместно обладающие безотносительной онтологической реальностью (+А) атомы и пустота есть умопостигаемые начала чувственно воспринимаемой, но онтологически призрачной (-А), а потому и онтологически обесцененной -(-А) реальности.

Если в любых натурфилософских учениях Начала являются умопостигаемыми первоэлементами, *ноуменами*, то в пантеистически-мифической форме праонтологического мышления *Архе* выступают элементами онтологической структуры нуминозного опыта, *нуменами*. *Архе* соответствует, с одной стороны, номотетическому познанию объективных законов природы, с другой – идеографическому познанию исторических событий, т.е. связывает сингулярность событий и регулярность структур в идентичности повторения архетипического действия-ритуала и его правил как парадигм всех значи-

мых человеческих действий. В этом смысле религия как литургия восходит к нуминозному *архе* и в то же время как рефлексия, дистанцирование от нуминозного ведет к уходу бога как связанного с разделением сакрального и профанного из восприятия социально-природного и культурно-исторического мира. Нуминозное как тотальный контекст и универсальная структура онтологии жизненного мира мифически-архаического типа социальности ценностно амбивалентно: нуминозные сущности-персонификации есть вездесущее нечто (+А), одновременно священно-опасное, вызывающее страх, и вместе с тем дружелюбное, внушающее надежду, сулящее удачу, т.е. ±(+А).

Основные трансформационные модели онтологии Логоса представлены в метафизике Платона. Задача Платона – найти Логос для сущности бытия, т.е. философски обосновать онтологическую сверхпарадигму элеатов, вмешаться в «борьбу гигантов из-за спора друг с другом о бытии» («Софист») и выступить в ней арбитром. Но в процессе своего обоснования онтология Логоса преображается в нечто иное, растягивается между своим дологическим и металогическим полюсами. С одной стороны, материя как нижняя граница или «иное», «негатив» бытия – «темный и трудный для понимания» вид сущего, до которого мы доходим с помощью некоего «незаконнорожденного умозаключения». Она «грезится», ее существование «почти невероятно», но необходимо («Тимей»). Chōra как место рождения, обитель бытия, дающая в себе место космосу, вечна, нерушима, но вместе с тем невоспринимаема и немыслима. С другой стороны, Благо как бытие, определенное в отношении своей сущности, не только пронизывает и связывает воедино все уровни бытия, не только является верхней границей бытия, но и трансцендирует за его границы как сверхбытийное единство.

Ж. Делёз, отмечая: «Скорее всего, под «низвержением платонизма» подразумевается упразднение как мира сущностей, *так и* мира явлений», – задается вопросом: «Не сам ли Платон указал путь низвержения платонизма?» [222, с. 329, 323]. На этом пути ставится под вопрос само различие сущности (парадигматической модели-эйдоса), явления (копии-подобия) и симулякра (иллюзии). Традиционное понимание платонизма состоит в том, что Платон определяет область философии не как исследование отношения представления к объекту, но как исследование отношения представления к его внутреннему основанию, или идеальной модели. Сверхсущее благо – основа сущего, лежащая за пределами сущности и существования, превышая бытие достоинством и силой («Государство»). Благо как основа бытия есть исключенность из порядков бытия, раскрытых в логосе. Но чем является эта основа бытия? «Уже сам вопрос демонстрирует бессилие любого ответа. «Является» оно бытием: бытие, будучи сущностью чувственных явлений, само – явление по отношению к сверхсущему. Но нам ведь нужно знать то, *что* за явлением. На вопрос, что *есть* сверхсущее, мы можем уверенно ответить: бытие, потому что «есть» для сверхсущего – это уровень, которому он дает силу существования. Само же оно уходит не только от познания, но даже и от вопроса» [220, с. 74–75].

В гипотезах «Парменида», ставших основанием всей классической онтологии Запада, воспроизведена идео-логическая структура взаимоотношений онтологических сверхпарадигм, причем эта структура описывается на метаонтологическом уровне и языком, свободным от онтологических утверждений. Благо как сверхсущее свободно не только от природной необходимости стихий-первоэлементов натурфилософии, но и от духовно-идеальных сущностей метафизики. Положенное абсолютно, или на метауровне рассуждения, «единое никак не причастно бытию» [223, с. 368]. Остается лишь логическая форма взаимоотношения единого и иного, «иррелевантная» содержательной диалектике бытия и небытия и руководствующаяся исключительно внутрисистемными критериями. Эта стратегия впоследствии будет блистательно реализована в апофатической онтотеологии и учении о Божественных Именах Псевдо-Дионисия Ареопагита.

Перевод онтологии Логоса на метаязык Лектона и Хоры с использованием позиции [-(+А) : -(-А)] в качестве плацдарма открыл возможность использования всех типологически различенных в тетраде модальностей онтологии. Опробованные уже в древности, в современной философии они перешли из разряда маргинальных ересей во вполне респектабельную дискурсию. Вместе с тем Благо есть та «смыслонаправленность» (Э. Левинас) человеческого бытия, которая предшествует свободе онтологического и ценностного выбора и возводит его к изначальной ответственности, «неалиби в бытии».

Отказ от логоцентризма, от прочного и устойчивого логоса бытия характеризует постметафизическое мышление. В «Теэтете» Платон излагает взгляды «каких-то людей», полагающих, что первоэлементы не имеют логоса, и им даже нельзя приписать бытие или небытие, так как они просты, а потому не поддаются определению. Стоики развивают теорию «лектона» как аксиологически нейтральной, квазибытийной реальности (не относящейся ни к бытию, ни к небытию, ни к истине, ни ко лжи, ни к «да», ни к «нет»), или замкнутого на себя самого смысла, вместе с тем сообщающего реальности ее формальную структуру. Скептическое «эпохе» открывает внедискурсивную реальность, находящуюся вне противоположности бытия и ничто, или экзистенцию, в которой совпадает жизнь и смысл на основе освобождения от универсальности Логоса.

Если обратиться к некоторым особенностям взаимоотношения основных онтологических учений, то можно обратить внимание на следующее. Для философии Дао онтологическая гармония – это «динамическое *равновесие* противоположностей, для философии Логоса это – *динамизм «борьбы»* противоположностей» [212, с. 134], т.е. отношение противоположностей понимается этими учениями, соответственно, как *корреляция* и *контрарность*. Стратегия, отвечающая неисчерпаемой бесконечности Дао, состоит в том, чтобы всячески избегать предвзятости, заранее установленных правил, проецирования на реальность категорических, а потому односторонних определений, в том числе трансцендентных, идеально-надситуативных парадигм поведения и мышления. Заняв же определенную позицию, абстрагируя нечто

в качестве «сущности» и «истины», мы тем самым определяем наше особенное «я» и закрываем для него все иные возможности. Даосский мудрец не дает себя связать никакой конечной определенностью, ограничивающей и исключающей все иные. Его действия разворачиваются без того, чтобы что-то одно исключало другое, поэтому он действует без усилий и ограничений, открыт всем возможностям. В китайской традиции эта полнота и ясность созерцания зияющего пространства, реальности всего сущего за пределами всякого видения носила имя «Великого созерцания» – *да гуань*. В этой всеохватности более нет взаимоисключающих точек зрения, не возникает оппозиции «да» и «нет», из которой вырастают односторонние пристрастия и на основе которой ведутся философские диспуты представителями «ста школ». Но на уровне всеохватного видения, соответствующего спонтанной, имманентной логике вещей, любой тезис вводится в бесконечность возможностей своего доказательства и опровержения.

Для философии Брахмана-Атмана, также мыслящей противоречия контрарно, но вместе с тем и контрарно по отношении к философии Логоса, а потому фиксирующей контрарность в модусе антагонизма, онтологическая гармония заключается в статическом *избавлении* от противоположностей. Система кармических зависимостей ставит человека в отношение антагонизма к миру бытия – по характеристике Ницше, индуизм рассматривает бытие как наказание, комбинированное с бытием как заблуждением [219, с. 596]. Но Брахман есть в то же время Rita – прочный порядок, истина, правильное устроение, закономерное течение, путь, которому следуют боги. Таким образом, в формуле Rita-Брахман-Атман проявляется близость индийской онтологической сверхпарадигмы как к Логосу, так и к Дао.

Жизненность буддизма в Китае, согласно В.В. Малявину, объясняется тем, что «буддийский идеал мудрости представал не только аналогом, но и альтернативой китайской мудрости… движущим импульсом «китаизации» буддизма были силы не только и даже не столько взаимного притяжения, сколько взаимного отталкивания» [224, с. 255]. На нашей схеме видно, что онтологическая парадигма Дао занимает по отношению к онтологии Логоса и Атмана тождественные и контрарные позиции. Вместе с тем Логос и Атман между собой вступают в отношения типа корреляции и конверсии. Поэтому «европеизация» буддизма не может быть органической, внутренне обоснованной стратегией онтологического мышления. Именно даосская онтология недуальности создает плацдарм для интеграции трех типов онтологии.

В онтологической сверхпарадигме западной философии инобытие как относительное небытие (ибо элеаты наложили запрет на полагание Ничто как сущего) является способом существования бытия, началом его структурирования. Вместе с тем небытие (иное) есть онтологическое место лжи и экзистенциального страха. Ужас Паскаля перед бесконечностью пустых космических пространств является архетипической фигурой для онтологической сверхпарадигмы Логоса: «Чрезвычайно мало людей способно смириться с бессмысленностью существования, то есть с тем фактом, что вселенная в целом слепа к нашим самым сокровенным надеждам и самым

мрачным опасениям» [225, с. 15]. Но в это число людей попадают, например, все последователи даосизма, для которого именно неантропоморфность Неба является залогом возможности внести смысл в человеческое существование. Вместе с тем атрибутивная для онтологии Логоса и невозможная для онтологии Дао и Брахмана негативная оценка небытия, ужас перед Ничто могли выражаться в процедуре придания Ничто онтологического статуса Первоначала и Истины через инверсию канонической схемы. В рамках такой инверсии разрабатывается идея об укорененной в Ничто свободе самоопределения такого бытия, которое, по гениальной формуле Достоевского, *только тогда и есть, когда ему грозит небытие*.

В языке «Логоса» различаются диалекты и индивидуальные стили – онтотеология, трансцендентализм, феноменология, марксизм, экзистенциализм, структурализм, психоанализ, – а также и жаргоны. Причем в этих отклонениях воспроизводятся структуры иных онтологических миров. В русской философии всеединства Ничто является важнейшей онтологической категорией. В.С. Соловьев для определения Абсолюта использует термин Эн-Соф – «положительное Ничто»» каббалистов. С.Л. Франк указывает, что трансценденция к Ничто есть осуществление реальности небытия Бога. Эта не-сущая реальность выпадает из общей связи бытия, и в то же время становится формой осуществления сверхсущего всеединства. Согласно С.Н. Булгакову, «положительное ничто» составляет подлинную, хотя и трансцендентную для нас действительность, по отношению к которой и установляется типически религиозное отношение. Поэтому Ничто есть не только отрицательное понятие, но включается в определение Божества.

Скот Эриугена, Ангелус Силезиус, Псевдо-Дионисий Ареопагит, раннепротестантские мистики дают Божеству, которое не может быть постигнуто ни в чем существующем, имя «Ничто». Для Мейстера Экхарта онтологическим первоначалом выступает бездна безмолвного, пустынного божества как «ничья обитель», где нет ни образа, ни различия и куда нет доступа никакому творению. Ангелус Силезиус учит:

> Бог – чистое Ничто, вне здесь и вне сейчас;
> Чем ближе мы к нему, тем дальше он от нас.

Вообще следует отметить, что на доонтологическом и метаонтологическом уровне «все традиции становятся удивительно похожими друг на друга» (Ф. Жюльен). Так, например, мистика не скована культурой, эпохой, онтологическими сверхпарадигмами. «Экстатическое прозрение всеединства выводит за рамки всякой культуры» [226, с. 251] с присущими им особенностями мировоззренческих схем и символов, точно так же, как нивелируются различия и свободно конвертируются онтологические позиции в движении по тетраде.

Уже в греческой софистике закладываются основы философского нигилизма, отводящего «Ничто» статус онтологического начала. Горгий пишет сочинение под заглавием «О природе, или о небытии», которое по праву

может быть квалифицировано как «своего рода манифест западного нигилизма» [227, с. 58]. Горгием провозглашаются тезисы о том, что: 1. Бытия не существует, т.е. существует Ничто. 2. Если бытие и существует, то его нельзя познать. 3. Даже предположив, что бытие можно мыслить, его нельзя выразить в словах. В гностицизме Василида Первоначало как «Преждесущее Ничто» или «истинное Не-Сущее» возвышается над противоположностью бытия – небытия. Миф о творении обращен радикально: Не сущий Бог из абсолютного ничто (ouk on) сотворил не сущий мир. Задолго до объявленной Ницше смерти Бога, он уже выведен за скобки текста Библии. *Мир создан Словом, причем говорящего не было*.

В мистическом персонализме раннепротестантских мистиков происходит *трансцендентальная инверсия* мифа о творении: Слово, дающее возможность Богу быть Богом, рождается в душе мистического субъекта. Отсутствие у Логоса Бога-отца ставит его в параллель с «незаконнорожденным рассуждением», logismo nolho, которое приводит к Хоре Платона. Это рассуждение не основано ни на каузальности, ни на телеологии, но самодвижение Хоры является самодостаточной процедурой смыслопорождения, структурно аналогичного неантропоморфности космогонического процесса самоорганизации в даосизме. Вместе с тем эта «безличная продуктивность» (Ю. Кристева) креативного слова-текста подготовила почву для сугубо семиотической интерпретации текста бытия – у такого текста «нет записи об Отцовстве» (Р. Барт), – без необходимости выхода к трансцендентальному означаемому. Самоотнесенность Слова, очищенного от грамматической фигуры «примысленного субъекта» в безличных процессах, означает, что для онтологических концептов становится излишней эманативная или креативная трансцендентность основополагающего (абсолютного, трансцендентального) Субъекта, а на смену ей приходит нелинейная, принципиально вероятностная логика по модели «сада расходящихся тропок» Борхеса, или «каскада бифуркаций» в синергетике.

Анализируя соотношение индийской, китайской и европейской философии В.Г. Лысенко предлагает описывать его не в терминах логического отношения рода и его видовых форм (когда европейская философия служит эталоном, нормативным образцом и моделью интерпретации всех прочих типов философии), а в терминах семейного сходства, «позволяющего отнести индивидов A, B, C и D к явлениям одного порядка на том лишь основании, что A обладает общим признаком только с B, B – только с C, а C соответственно с D, но при этом A, C и D, а также B и D не имеют между собой ничего общего» [228, с. 157]. Однако рассматриваемая идео-логическая схема предполагает отношение философских универсумов, отличное как от родовидового типа определения, так и от концепции «семейного сходства», разработанной Л. Витгенштейном и рекомендуемой В.Г. Лысенко в качестве методологической основы компаративистских исследований. В значительно большей степени ей соответствует логико-герменевтическая схема ценностно-смыслового a priori, проанализированная выше в связи с концепцией М.М. Бахтина, а также ряд логических моделей, имеющих круговую структуру.

В логическом учении Аристотеля утверждается наличие необходимо недоказуемого в силлогистике знания – знания неопосредствованных начал. Единственным выходом из данной ситуации является заключение через перестановку терминов. При перестановке крайних терминов необходимо, чтобы и средний термин переставлялся с ними обоими, т.е. каждый из крайних терминов должен становиться средним. Только таким образом возможно доказательство по кругу – как внутри себя завершенное опосредствование неопосредствованных начал, каждое из которых, приобретая смысл лишь в совокупности отношений с другими, не может самоутвердиться в самостоятельное завершенное целое. Средневековыми схоластами эта схема была использована для разъяснения смысла догмата троичности, объединяющего неделимость субстанциального единосущия с множественностью ипостасей. Ипостаси Троицы образуют такое единство, «когда одно с необходимостью есть в другом благодаря всецелому их круговому переходу друг в друга (summa circumincessio), и одно действует вместе с другим в силу совершенной неделимости субстанции» [229, с. 165].

Как аристотелевское «доказательство по кругу», так и препарированный К. Леви-Стросом мифологический механизм сведения двойственности к единству имеют дело с особой символической реальностью ценностей и смыслов, для которой предметные аналоги не могут служить средством реального, но также лишь символического разрешения противоречий. Ворон и койот не реализуют преодоление противоположности смерти и жизни, и дают не аподиктическое доказательство объективной структуры, но лишь герменевтическую модель ценностно-смыслового плана бытия.

Аналогичную схему организации данных нашего опыта через артикуляцию их в системе означающих строит Жак Лакан. В его схеме любое утверждение не может обрести собственную достоверность в акте, разрывающем круг означающих, отсылая лишь к собственному предвосхищению в строении (композиции, ритмическом членении) означающих. Поведение субъекта в зарегистрированном исчерпаемом наборе возможных комбинаций, которые сами по себе ничего не значат, но задают структуру смысла, вполне предсказуемо и поддается точному расчету на основе методов современной теории игр [165, с. 160].

Подобного же рода «круговая система» обнаружена К. Леви-Стросом в брачных правилах большинства народов индоевропейского ареала, подчиняющихся следующей логической модели «…группа А получает жен от группы В, В от С и С от А. Участники расположены как бы по кругу, и система функционирует вне зависимости от их числа, поскольку в сеть всегда можно ввести дополнительного участника» [230, с. 73]. Анализ особенностей социальной организации первобытных обществ К. Леви-Стросом позволил ему сделать вывод о наличии в них сложных структур, по отношению к которым формы дуальности или тройственности являются внешними искажениями. Например, в описании структуры своего поселения информантами ряда архаических племен (индейцев Северной и Южной Америки, некоторых

племен Индонезии) К. Леви-Строс обнаруживает явное противоречие: эта структура описывается и как дуальная, радиально разделенная на две половины, и как концентрическая, где жилища одной половины вписаны в круг другой. Симметричная дихотомия создает равновесие между социальными группами, концентрическая структура утверждает социальную асимметрию, символизирует отношения подчинения, иерархии. При этом описание туземного селения в виде диаметрально разделенной или концентрической модели зависело от социального положения информантов.

Диаметральные системы, имеющие вид отношения двух гомологичных половин, статичны, создают иллюзию замкнутой системы. Концентрические структуры дуальности динамичны, они неявно предполагают тройственность и сами по себе являются посредником (медиатором) перехода от диаметральной формы дуальности к тройственности. Таким образом, геометрическая структура социального пространства одновременно может описываться и как двоичная, и как троичная. Единство дуальных оппозиций и тройственности, в свою очередь, влечет за собой новый принцип осмысления социальной структуры.

Например, в индонезийской модели социальной организации дуальная дихотомия совмещается с правилом асимметричных браков (мужчина клана А женится на женщине клана В, мужчина клана В на женщине клана С, мужчина клана С на женщине клана А). При этом принцип дуальной дихотомии основан на «онтологической», универсальной для всего сущего оппозиции мужского и женского начал.

В соответствии с этой оппозицией все вещи и существа, явления и процессы распределяются на два класса, названные соответственно kikua (вода) и tunuka (земля). Применительно к человеку возникает проблема, связанная с тем, что в дуальной социальной структуре каждая из половинок («мужская» и «женская») включает мужчин и женщин. Объяснение этой ситуации дает «замысловатый» миф: «Девушка – Койот и ее муж – Койот сказали друг другу, что у них будет четверо детей, две девочки и два мальчика… Койот назвал одного мальчика Тунука и одну девочку Кикуа. Другого мальчика он назвал Кикуа, а другую девочку Тунука». К. Леви-Строс отмечает: для решения проблемы дихотомии мужского и женского как универсальных таксономических рубрик при том, что в каждой из половин присутствует как мужское, так и женское начало, первоначальной пары недостаточно: «Необходимо с помощью подлинного мифологического трюка постулировать четыре первоначальных класса» [230, с. 141].

Философские универсумы Логоса, Дао, Атмана, Архэ-Лектона – это системы, характеризующиеся различием онтологических постулатов и экзистенциальных стратегий, во взаимоотражении которых конденсируются параллельные духовно-интеллектуальные миры Philosophia Universalis, и в то же время нечто из каждой системы принципиально не попадает в поле зрения других. Когерентность и вместе с тем несводимость друг к другу принципиальных онтологических метапарадигм и процедур смыслополагания, кодированных в идеологической тетраде, служит указанием для компа-

ративистских исследований в социокультурной области. Каждый из четырех типов онтологии становится основанием смыслообразующих метанарраций для соответствующих цивилизационно-культурных типов*.

Обратимся, например, к онтологическим основаниям педагогических стратегий, развиваемых в рамках различных метапарадигм. В культуре западного типа как сакрально-педагогическая традиция семантизации знания, так и философская модальность подвижного синтеза духовного самообретения и приобретения профессиональных (дисциплинарных) знаний (достаточно подробно проанализированная в разделе настоящей монографии, посвященном *пайдейе*) есть искусство мыслить в ритме духовного возрастания личности, в ритме процессирующего всеединства универсума, при котором воспроизводится топологическая гомология ступеней медитации и онтологических слоев бытия, измененных состояний сознания и открытия новых регионов сущего. Множественность относительно самостоятельных средоточий бытия обнимается общей смысловой гармонией. Возникающая при этом проблема соотношения рационально-логического мышления и сотериологической истины разрешается путем различного истолкования бытия.

Согласно Будде, не молитва, не жертва, не культовые акты, но само познание есть спасение. Боги не дают этого знания, каждый должен обрести его сам. В этом плане учение буддизма не расходится с гностико-эзотерическими традициями и многими метафизическими системами, рассматривающими знание как духовно-онтологическое начало бытия, созданными в рамках онтологии Логоса и Дао. В то же время Будда считает вредным обсуждение метафизических вопросов, поскольку они приковывают сознание к тому, от чего следует освободиться – то есть к бытию. В данной системе мышления дело метафизики как первой философии (мышлении о сущем) в отношении к истинно важному и единственно насущному образованию – образованию человеческой души – оказывается безнадежно проигранным.

Так же, как абсолютизация той или иной онтологической метапарадигмы закрывает путь к интегральному осмыслению онтологии, так и самоопределение в ценностно-нормативных контекстах и логико-семантических структурах рациональности, присущих локальным культурам, не является гарантией онтологической доброкачественности и экзистенциальной подлинности выбора. О. Шпенглер считал, что внутренняя жизнь каждой культуры-монады построена по типу музыкальной темы с вариациями, в основе которых – специфический для каждой культуры прасимвол. Именно эта

* Игнорирование специфики онтологических парадигм создает препятствия и границы, подчас непреодолимые, для осмысления традиционных культур, для рациональной дешифровки их кодов. Скажем, в древних китайских текстах можно встретить классификации, сходные с греческими учениями о первоэлементах бытия: огне, воздухе, воде, земле. Но китайские пять элементов: огонь, вода, дерево, металл, почва, – не являются первоэлементами в смысле греческой античной онтологии, т.е. символами субстанции или субстрата (первоматерии) бытия. Они представляют собой ячейки или рубрикации классификационной схемы, которая используется для упорядочивания социально-статусной структуры государства. В некоторых древнекитайских литературных источниках создание пяти первоэлементов поставлено в связь с созданием пяти чиновничьих рангов.

метаструктура социальности (морфология культуры) обеспечивает высшее духовно-онтологическое единство всех элементов социокультурного целого и дает возможность его интерпретации. В сакральных символах мы соотносим вещи с их духовно-онтологическими истоками и поэтому читаем высшее выражение смысла. В символе предметность получает сверхценность, более высокую степень реальности. «Символическая образность есть нечто вроде музыки на текст логически сформулированных догм» [226, с. 227]. Но символ имеет тенденцию превращаться в нечто механическое, захватывать мышление, как сорняк, если символизация покидает сферу сакрального и переходит в области эстетического или нравственного. Тогда неизбежно происходит инверсия и высшее становится знаком-симулякром низшего.

Так же как непосредственное наложение друг на друга различных музыкальных тем в попытках интегрировать их может породить только какофонию, так же как непосредственное сравнение онтологических сверхпарадигм делает их непроницаемыми друг для друга, так и сопоставление локальных культур-монад лишает смысла и идею диалога культур, и представление о культурно-историческом процессе как взаимосвязанном целом, развивающемся на едином интегративном основании. Применение конструктивно-аналитических процедур, вытекающих из логико-семантических принципов идео-логики, дает общее направление для вычленения, сопоставления и интерпретации социокультурных пра-символов или архетипов в их своеобразии и вместе с тем как элементов единого полифонического целого.

Опираясь на древнейшие представления о четырех основных стихиях или первоэлементах бытия, Гастон Башляр разработал своеобразный тип *онтологии материальных стихий.* Это онтология, описываемая не в терминах формы, закона, идеи, родовидовой логики; онтология, лишенная категорий, построенная через образы материального и динамического воображения.

Мир есть не только топология перцептивного пространства, описываемая в терминах проекции души, но и взаимопринадлежность стихий-первоэлементов: воды, воздуха, земли, огня. Классификация воображения по материальным стихиям распространяется Башляром не только на поэтику, но и на философию. Древние философии делали свой решающий выбор, идя по пути возведения в свой формальный принцип одной из четырех стихий, т.е. следуя формообразующей активности самой материи, в отличие от аристотелевского понимания формообразования. Этими образами философия – «имагинативная метафизика» – грезит субстанциально, обнаруживая твердое постоянство и прекрасную монотонность материи, чуждаясь суетных образов становления поверхностей. Глубоких грез, в которых фигурируют предметы, не бывает. Метапоэтика и философия должны грезить материями, т.е. стихиями-первоэлементами.

Досократики, вводя философию как дискурс об архэ, на роль первоэлементов выдвинули воду (Фалес), огонь (Гераклит), воздух (Анаксимен), взаимосмешение и дистрибуцию элементов (Эмпедокл, Платон, китайская и индийская философии). Но земля – эта стихия стихий – не стала перво-

началом философии. Ведь «чудовищное тело» земли – это Макроантропос. «В космических грезах земли мир был телом человека, смотрел глазами человека, дышал грудью человека, говорил голосом человека» [231, с. 9]. Вне этой «непосредственной онтологии» мир рассыпается на разрозненные вещи, неподвижные и инертные тела.

Отличие формального воображения от материального или динамического Г. Башляр объясняет следующим образом: вообразите себе идею любого объекта – лошади, дома и т.п. Объект тут же возникнет перед мысленным взором как плоский профиль, контурная схема. Эта схема лишена цвета, фактуры и любого другого чувственного качества, равно как и рассудочных определений. В ней нет ни *натурализма* (восприятия вещей такими, какими они «кажутся»), ни идеализма (восприятия вещей такими, какими они должны быть «поистине», по своей «идее»). Но попытайтесь вообразить идею воздуха или воды, пользуясь аналогичным типом схематизма воображения. Здесь очевидным образом не выполняются феноменологические операции.

«С материальной стихией, например, с огнем, можно сочетать соответствующий тип грезы, который управляет верованиями, страстями, идеалами, философией на протяжении всей жизни конкретного человека» [231, с. 21]. Поэтому у всякого поэта (и, добавим, у всякого мыслителя) есть имманентная его сути материальная стихия, в свете которой преобразуются и истолковываются все образы воображения. Можно построить классификацию поэтов, полагает Г. Башляр, задавая им вопрос: «Скажи мне, какова твоя бесконечность, и я познаю смысл твоего мироздания – бесконечность ли это моря или неба, безграничность ли это глубин земли или беспредельность костра» [169, с. 20]*. Например, по отношению к голубизне небес как первообразу поэтического вдохновения (превращающемуся в штамп при его истолковании как расхожей, фальшивой и пошлой метафоры) Гастон Башляр выделяет четыре класса великих поэтов:

- тех, кто видит в неподвижном небе текучую жидкость, оживающую от малейшего облачка (поэтика *воды*);
- тех, кто переживает голубое небо как гигантский очаг пламени, как «жгучую голубизну» (поэтика *огня*);
- тех, кто созерцает небо как затвердевшую голубизну и звонкость хрусталя, как «сгущенную и жесткую лазурь» небосвода (поэтика *земли*);
- тех, кто действительно причастен воздушной природе небесной голубизны, т.е. субъектов воздушного воображения, основанного на динамике

* Эта «классификация» гомологична классификации темпераментов, связывающей их с элементами или стихиями (огонь, земля, вода, воздух), управляющими сновидениями. Г. Башляр приводит цитату из книги «Искусство долгожительства» фламандского теолога-иезуита XVI–XVII вв. Лессия: «Сны желчных (т.е. холериков) состоят из огня, пожаров, войн, убийств; сны меланхоликов – из погребений, склепов, призраков, бегств, могил, разного рода печальных явлений; сны слизистых (т.е. флег-матиков) – из озер, рек, наводнений, кораблекрушений; сны сангвиников – из птичьих полетов, скачек, пиров, концертов и даже из таких вещей, которые не дерзают назвать» [169, с. 20].

дематериализации и десубстанциализации воображения (поэтика *воздуха*) [169, с. 215].

Архетипическая семантика образа зависит от того, принципам какой из четырех воображаемых стихий следует поэтическое воображение, в регистре какого из онтологических первоэлементов творит оно образы и смыслы. Например, глубинная тональность метапоэтики Эдгара По образуется привилегированным положением воды как основного архетипического образа чистоты и прозрачности, и вместе с тем, в силу амбивалентности архетипических символов, стихии смерти. Вода Эдгара По – это вода рек подземного царства мертвых – Леты, Стикса, Ахерона, Флегетона, Коцита. Недвижная вода хранит в себе отражения, образы памяти. Эта «гениальная монотонность» составляет отличительную черту и гераклитовской онтологии. Согласно Гераклиту: «Смерть для души – становиться водою», отделяясь от источников животворящего вселенского огня-логоса.

Шелли – типичный поэт воздуха, неба. «Земля обетованная для поэтики Шелли – воистину «остров, подвешенный между Небом, Воздухом, Землей и Морем» и покачиваемый в прозрачной тишине» [169, с. 67]. В динамизированное вертикально пространство первоинтуиций поэзии Шелли невозможно войти без сопричастности пути восхождения, возвышения, полета. «Все воздушные существа прекрасно знают, что летит именно присущая им субстанция, естественно, без усилий, без движений крыльев» [169, с. 71]. Такими воздушными существами мы становимся в универсальном для человеческой психике онирическом (от греческого ὄνειρος – сновидение) опыте – в полетах во сне. Кант писал о метафизике как о полете в безвоздушном пространстве, где не требуется преодолевать сопротивление воздуха. Но вместе с воздухом крыло лишается и опоры для полета. Так и метафизика лишается опоры на реальный опыт.

Между тем в онирических грезах мы парим в воздушном пространстве без помощи каких-либо механических приспособлений или органов тела. Полет совершается просто потому, что сами тела становятся сотканными из летучей субстанции, возвращаются к своей эфирной природе, неподвластной законам гравитации. «Поэтику Шелли нельзя охарактеризовать лучше, нежели назвав ее онирическим полетом, достигающим полноты света» [169, с. 74], т.е. образного выражения. Трудно найти что-либо иное, кроме онирического полета, что позволило бы нам оформиться в качестве причины своего собственного движения, почувствовать себя самостоятельными творцами своего становления, глубинного преображения, в которое вовлечено все наше существо.

«*Оценка определяет бытие:* вот один из основных принципов Воображаемого» [169, с. 108], – пишет Г. Башляр. Примером механизма онтологизации поэтики может быть жаворонок. Жаворонок – чисто литературный образ, или символ, основа многочисленных метафор. Глаз художника его не видит: жаворонок несоразмерен масштабу ландшафта. В рамках визуальных образов и метафор, в дескриптивных и аналитических категориях жаворонок неуловим. В поэзии же жаворонок столь же важен, как лес или ручей. Ведь описание жаворонка по законам структуры динамического

воображения есть описание пробуждающегося – *бесконтурного,* растворенного в тумане и первых лучах солнца – мира, чистый синтез бытия и становления. Жаворонок в небе как поэтический объект-символ вселенской гармонии («чистый жаворонок») неподвластен законам репрезентации. Этот символ приводит в волнение все чистейшее, что есть в нас (Л. Вольф). В стихотворении Шелли жаворонку адресуются строки: «Птицей ты никогда не был!.. О ты, радостный дух». Жаворонок – модальность одного из способов поэтической актуализации духовности: мгновенного отрыва от земли, *молниеносной свободы*, становления бытия, исчезающего, рассыпающегося в солнечных лучах.

> «*В поэтическом пространстве жаворонок становится невидимой частицей, которую сопровождает волна радости*… И философ, исполняя свою роль человека неблагоразумного, мог бы выдвинуть здесь волновую теорию жаворонка» [169, с. 121].

В связи с принципами онтологической метапоэтики Г. Башляра можно отметить, что М. Гершензон раскрывает метафизическую смысловую основу поэтического миросозерцания А.С. Пушкина через метафору *огня:* «Пушкин, подобно Гераклиту, мыслил Абсолютное как огонь» [232, с. 20]. На основании подбора многочисленных цитат из пушкинских стихотворений М. Гершензон показывает, что сущность бытия поэтом осмыслена через образ разгорающегося и угасающего пламени духовно-чувственной жизни, «по-гераклитовски»: «Он мыслит чистое бытие как невещественно-пламенеющую и светящую мысль, и, наоборот, душевную жизнь – как известные состояния одухотворенного вещества, как полный движения и, конечно, светящий жар, или холод с неподвижностью и тьмою» [232, с. 64]. Чистый пламень, пожирающий несовершенство бытия – это и есть огонь поэзии. Состояния души передаются поэтом образами четырех стихий – огня, воздуха, воды, земли, выстроенной по онтологической и ценностно-смысловой шкале градаций перехода духа от высшего, огненного, до низшего, окаменело-недвижимого состояния: «огонь», «пламя», «жар», «свет», «кипенье», «угасанье», «холод», «мрак». Таким образом, первостихии бытия воспринимаются Пушкиным в нераздельности их духовно-символического значения и конкретно-чувственного образа, т.е., если использовать терминологию Г. Башляра, в образах материального и динамического поэтического воображения.

Для О. Шпенглера «огненная природа» бытия была не поэтической метафорой, а непосредственным переживанием, предельно личной мифологемой. Огонь как гераклитовский Логос сущего имеет онтологический и художественно-религиозный смысл: огонь – это *Heimarmene,* метафизическая логика судьбы космоса, «трагедия космоса, равная по силе трагедиям Эсхила» [233, с. 47].

Г. Башляр полагает, что онтология Ницше вдохновлена поэтикой воображения воздуха, а образы воды, земли и огня имеют в ней вторичный характер, занимают подчиненное место. В диалектике *воображаемых стихий*

Ницше «*Земная* радость – это изобилие и тяжесть; *водная* радость – это вялость и покой; *огненная* радость – любовь и желание; *воздушная* радость – свобода» [169, с. 183]. Огонь – это взлетающая ввысь стрела, воля к соединению с холодным и чистым, разреженным и тонким, светлым и «наэлектризованным», прозрачным и крепким воздухом горных высот. Ницше говорит *о холодном огне*. Свежесть холодного и чистого воздуха высот становится обетованием («Обещаньями полнится воздух», – строка из «Дионисийских дифирамбов»), избавлением от накопленного груза воспоминаний, всегда «упакованных» в запахи. Сама субстанциальная суть нашего существа, материя нашего тела должна перестать быть земной, перестать подчиняться «Духу тяжести» (название одной из глав «Заратустры») и стать легкой и воздушной. Ницше отвергает прогресс и все его утилитарные составляющие именно потому, что они простираются в горизонтальной плоскости, не затрагивая и не преображая нашей «тяжелой» сути.

Философия Ницше определена субстанциальным синтезом воздуха, холода, высоты и безмолвия. Ницше как поэт воздушной стихии и метафизик «воли к власти» предъявляет к человеку требование, чтобы тот муштровал волю к власти долгими походами в горы, жизнью на холодных вершинах, открытых семи ветрам. Если основные составляющие поэтики воздушного воображения Шелли – это нежность, музыка и свет, то для воздушного воображения Ницше воздух – это холод, безмолвие и высота. Образ восхождения к ним и движения в их сфере как *хищного полета* становится матрицей ницшевской морали. Вне этой динамики образа, подчиняющегося ритмам упоения подъемом и страха спуска – ритмам, прерывающимся мгновением броска, взлета – как алхимическим процессам *возгонки* подлинных и *осаждения* мнимых ценностей, невозможно понять метафизику бытия как воли. Мнимая, недоброкачественная, *непригодная для полета* ценность низвергается в бездну небытия подобно тому, как в реторте алхимика осаждаются примеси и возгоняются чистые элементы.

С позиций теории «материального воображения» в новом свете выступает конфликт между концептуально-логическими и иконическими формами миропостижения, сопутствующий онтологическим системам на всем протяжении исторического развития философии. Для Ницше, отмечает В.А. Подорога, бытие в качестве объективной реальности есть «всегда метафорически интерпретированное бытие», или бытие, заключенное в «первоначальный метафорический контур, расплывающийся по своим границам» [217, с. 174]. Истина есть движущееся скопление метафор, научные истины – метафоры, которые истрепались, стали бессильными. Утрата подвижности и неопределенности граней онтологических метафор становится условием и следствием их перевода в дискурсивные понятия как термины трансцендентального аппарата философского анализа.

Инверсия рассудочного понимания соотношения смыслов реальности и символа есть как путь создания образов воображения, так и принцип творчества онтологических концептов (философия, согласно Ж. Делёзу и Ф. Гваттари, есть творчество концептов), объединяющих в себе природу обра-

за воображения и рационального понятия. Например, образ-символ птицы в царстве воображения имеет своим источником понятие *воздушной чистоты* и *онирическую реальность полета*. В «воображаемой орнитологии» птицы в Природе существуют потому, что в воображаемом воздухе обитают сильфы и сильфиды [169, с. 103–104]. «Полет мысли», – а Ж. Делез и Ф. Гваттари определяли отношение философского концепта к своим составляющим как состояние *парящего полета с бесконечной скоростью* [234, с. 32], – перестает быть стертым образом и невыразительной аллегорией, а становится реальным движением.

Идентифицируя особенности поэтики с архетипической ролью одной из стихий в творчестве поэта, Г. Башляр вместе с тем утверждает, что полифония смыслов возникает в перекличке и игре соответствий образов, индуцированных различенными схематизмами воображения, имманентного четырем стихиям. «Гениальный поэт обращается к метафорам всех стихий» [169, с. 179]. С помощью логико-семантической матрицы сформулированный Г. Башляром *Закон четырехвалентности материального и динамического воображения* [169, с. 175] можно проиллюстрировать следующей схемой (Рисунок 23):

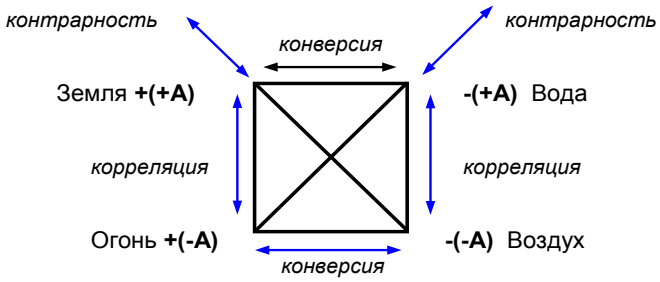


Рисунок 23. **Логико-семантическая схема «Закона четырехвалентности воображения» Г. Башляра**

Отметим, что «Закону четырехвалентности материального и динамического воображения» можно найти аналоги и в иных, отличных от европейской, культурах и в разработанных в них концепциях онтологии и поэтики. В китайской традиции именно «сообщительность стихий», их до-образное, хаотическое и невыразимое смешение и гармония выступали принципом художественного творчества. Картина великого художника – пространство «совместного рождения» человека и природы, мимолетного и вечного, всего сущего в его бесконечных градациях и игре смысловых соответствий. При этом гармония Воды и Огня как принцип совершенного состояния человеческого духа может возникнуть лишь в контексте гармонии Неба и Земли.

Китайцы подлинными прототипами слов и понятий (началами протоязыка) считали не идеи и не образы предметов окружающего мира, но «пре-

вращения Неба и Земли», «порыв ветра и вспышку молнии», т.е. силы и динамические начала мироздания, прозреваемые во внутреннем созерцании. Юй Шинань (VII в.) писал: «Корень письмен – в недеянии, их строй – в движении инь и ян… Природа письмен – в неисчерпаемых переменах, а закон их – в отсутствии правил» [224, с. 382]. В таком понимании сути языка онтология складывается в контексте доверительного общения духовного начала человека и духовной сущности природы как разных и вместе с тем предполагающих друг друга онтологических начал, единство которых воссоздается в ландшафтных мирах традиционной живописи как феноменологического выражения системы идентичности человеческого духа и духа природных стихий. Непосредственная одухотворенность пейзажа в Китае есть художественное воплощение опыта взаимообратимости противоположностей, соответствующего древнейшим космологическим представлениям, оформленным в символизме инь-ян, и онтологическим принципам даосизма.

Общий принцип китайской традиции воспроизводил основную онтологическую интуицию всех древнейших типов мироотношения – принцип взаимного воздействия, резонанса природного и человеческого мира, макрокосма и микрокосма. Живописец, по китайским представлениям, великий мудрец, вмещающий в себя то, что «не охватят Небо и Земля». В то же время китайская живопись запрещала использование изобразительных приемов, направляющих воображение на нечто потустороннее. В этом запрете также выражен главный принцип онтологии Дао. Даосы говорили о двух измерениях Дао, одно из которых именовалось «прежденебесной реальностью» (мир Хаоса, Пустоты), а другое соответствовало опытному и умопостигаемому миру форм. Дао, оставаясь тайной, в равной степени разлито в небе и на земле. В китайской живописи Я возникает в слитности, в органическом резонансе с духом ландшафта, существует во встрече духа художника с духом Гор и Рек, Птиц и Зверей, Трав и Деревьев.

> «Большинство западных художников утверждали, что изучение обнаженного тела наилучшим образом помогает научиться рисовать все прочее, будь то пейзажи, животные или натюрморты. Китайцы часто давали прямо противоположный совет, говоря: «Тот, кто хочет рисовать людей, пусть сначала рисует деревья и камни» [221, с. 66–67] *.

В этом контрасте отражены глубокие различия культур и их онтологических основ.

«Единая черта» кисти есть Правило живописи и вместе с тем Путь (Дао) [217, с. 9]. Художественный стиль – это, согласно первому правилу живописи Се Хэ (V в.), *ци юнь,* духовное созвучие, духовный резонанс. Вместе с тем единая черта кисти соседствует с тем, что, скажем, только для изображения гор различалось восемнадцать видов линий и шестнадцать видов

* В книге В.В. Малявина приводится гравюра XIII века, изображающая динамику восхождения и нисхождения ци в организме. При этом человеческое тело представлено на гравюре в виде горы [224, с. 277].

мазков, ритмика которых связывалась с определенным настроением. Мир форм или структур должен находиться в соответствии с миром, который «выше форм», с принципами Дао, пронизывающими все сущее. Мудрость пребывает «вне образов и слов», но ее можно постичь из книг. «Большое время культуры» и «несвоевременность философии», открытые для европейцев М.М. Бахтиным и экзистенциалистами, были задолго до того известны китайским мыслителям и художникам: «Чем больше сокращается мудрец для своего времени, тем больше расширяется он для всех времен» [235, с. 137], – говорил китайский художник Чжао Мэнфу (XIV в.). «Истина входит в тень и в след» – утверждает Цзун Бин, предваряя М. Фуко и Ж. Деррида. Сформулированный П. Рикёром принцип герменевтики: «Бытие есть всегда уже интерпретированное бытие» вписывается в основоположения культуры, ориентированной на традицию, т.е. культуры гуманитарной: «Главное условие работы художника в Китае как раз и заключалось в том, что он изображал не просто то, что он видел, а свое отношение к тому, как мир видел кто-то другой до него» [235, с. 137].

Согласно Г. Башляру, материальные стихии выступают «четвероякким корнем» (очевидная аллюзия на Шопенгауэровский «четвероякий корень достаточного основания») основных типов человеческой деятельности по освоению мира. Феноменологи, считает Г. Башляр, затушевывают степень напряжения интенциональности, излишне интеллектуализируя ее, не придавая должного значения материальным и динамическим модальностям интенции. В феноменологической теории объективации объективируются формы, а не силы. С «активистской» точки зрения, «четыре материальные стихии суть четыре различных типа вызова» [169, с. 220], адресованных воле, пробуждающих и возобновляющих грезы о могуществе. Эта поэтика глубоко чужда даосско-конфуцианскому мироотношению. В книге, посвященной принципам китайской живописи, Джордж Роули рассказывает о китайце, побывавшем на выставке современного европейского искусства. Рассмотрев выставленные на экспозиции картины, китаец воскликнул: «Всё это живопись войны!» [221, с. 28].

Европейский романтизм и даосизм являются противоположными типами мировоззрения, хотя, казалось бы, и в том и в другом встречаются идентичные установки: отождествление высшей ценности с творческим воображением, культ свободы, созерцательной уединенности, поиск тайны бытия за пределами повседневности. Вместе с тем сам социальный статус художника в Китае требовал, чтобы творческая продуктивность базировалась на совершенно ином социально-психологическом состоянии. Теоретик живописи IX в. Чжан Яньюань писал, что с древних времен все без исключения создатели превосходных картин были высокопоставленными чиновниками, обладателями знатных титулов, прославленными учеными или людьми с возвышенной душой. То есть соединяли в себе качества государственно-бюрократической элиты и даосского отшельника, следовали императивам полной свободы и спонтанности творчества и вместе с тем подчинению традиции. «Когда китайские критики перечисляли качества, потребные для художника, они неизменно соединяли даосские и конфуцианские идеалы» [221, с. 22].

На первый взгляд даосизм и конфуцианство являют собой полярные типы мировоззрения. Конфуцианская забота о следовании ритуалу с точки зрения даосского мудреца должна выступать не только бессмысленной суетой, но и опасной, разрушительной для личности и общества в целом затеей. Чжуан-цзы именовал официальное санкционирование унифицированных ритуально-этикетных норм средством для того, чтобы «вытягивать ноги уткам, обрубать ноги журавлям». Вместе с тем существует глубокое единство оснований даосского и конфуцианского миросозерцания. Как то, так и другое учение разделяют тезис о единстве пути неба и пути человека. Различие заключается в том, что конфуцианство понимает это единство в моральном и социальном плане, а даосизм – в онтологически-космологической модальности, противопоставляемой условным императивам культуры и социальных норм.

Вместе с тем, поскольку Дао не имеет собственного предметного содержания, отличного от многообразия бытия, то нигилистическое отрицание нормативно-ценностного комплекса культуры, в том числе и ритуальной практики, не имеет под собой онтологических оснований в даосском учении. «Исходная интуиция китайской мысли – переживание абсолютной полноты и самодостаточности жизни, неотличимой от необъятной, вечно ускользающей, недоступной обладанию, неизменно «пустотной» среды всякого существования» [224, с. 167]. Философское оформление этой интуиции выразилось в создании единого «всеобъемлющего» учения – синтеза конфуцианства, буддизма и даосизма, представленного в разнообразных сектах так называемых «синкретических религий». В синергетизме конфуцианства и даосизма заключается загадка того, что гуманистическое учение (со всеми неизбежными оговорками относительно гуманистичности учения, абсолютизирующего ритуал и этикет как способы социальной организации) заняло главенствующее положение в общественной жизни китайцев и просуществовало более двух тысяч лет без религиозной санкции.

В эпоху четырехсотлетнего царствования ханьской династии усилия официальной имперской идеологии были направлены на синтез этики и метафизики – морали конфуцианства с метафизическими космологическими учениями как основы соответствия социально-политической жизни и космических ритмов. Эта основа, находившая свое воплощение не столько даже в культовой практике, сколько в административной деятельности имперской бюрократии, оставалась незыблемой вплоть до XX века. Ритуальная практика является нормативным и классификационным действием, утверждая не формы и реальные свойства предметов и сущностей, но событийную связь бытия как его абсолютный смысл, рождающийся «прежде форм». Поэтому игра смысловых оппозиций, к которой по преимуществу обращена современная семиотика, органически вписывается в духовно-символическую практику ритуально-этикетной культуры. Эта игра находила свои правила не в мировой субстанции и ее родовых понятиях или онтологических категориях, но в сети соответствий («небесной сети»). Эта сеть наделяла качествами условности, подвижности, текучести различного рода оппозиции, вписывала их в «Книгу перемен». Принцип внеаналитической спонтанности

и доконцептуальности смыслопорождающих начал утверждает их виртуальность. Переход виртуальной реальности в реальные события подчиняется Дао, но раскрывается как случай, а не как логика. Отсюда роль гадания в определении онтологических сингулярностей, определяющих траектории движения мироздания в целом, как и судьбы человека и социума.

В социальном плане нравственные требования ритуала утверждают свою «интерсубъективную», межчеловеческую природу как меру человеческого в человеке. Самое понятие «человек», как отмечает В.В. Малявин, обозначалось иероглифом *жэнь цзянь* – «междучеловеческое». В то же время нормой и смыслом ритуального поведения становилась самоуглубленность. В облике традиционных китайских богов множество черт эксцентричности, гротеска, что должно подчеркивать условность образа, не предназначенного для созерцания, свободного от культового контекста и не несущего иконических функций по отношению к глубинам мира и просветленного сознания. Ведь эти глубины определены степенью интенсивности энергетических процессов. В социальном плане утверждение «внутренней» социальности как смысловой матрицы ритуала имело далеко идущие последствия: «Конфуциева проповедь самоуглубленности как нормы ритуального поведения обеспечила преемственность культурной традиции Китая, но сделала практически невозможным формирование гражданских сообществ» [224, с. 197].

В Китае возник своеобразный социальный тип – «странствующий ученый», *ю ши*. *Ю ши*, становившиеся дипломатами, советниками, стратегами, администраторами при дворах правителей, не были связаны с каким-либо социальным слоем (были «разночинцами», если употребить термин российского социально-политического лексикона, или «классом интеллектуалов», knowledge class, как обозначается этот социальный слой в литературе, посвященной социальной структуре современного информационного или постиндустриального общества), но принадлежность к этому типу социальной элиты определялась личными интеллектуальными и нравственными достоинствами. В.В. Малявин отмечает, что усилиями странствующих ученых были созданы все классические школы китайской мысли, выработано сознание культурной общности Поднебесной, сделавшее возможным и политическое объединение Китая в III в до н.э. Эту роль *ю ши* смогли исполнить потому, что первые философы Китая, поставившие себя вне условности прежних культур, были свободны для создания нового, универсального образа культуры, для конструирования нового миропонимания. «Наряду с новыми идеями первые философы создавали и новые формы социальной общности, основанные на сочетании тех же принципов индивидуального выбора и универсализма» [224, с. 173]. Вместе с тем в идеях и формах социальной общности сохранялся общий даосско-конфуцианский принцип соединения этики и политики на основе тождества онтологического понятия и ритуала как опосредствующего звена социальных порядков.

В этой связи можно напомнить проводимое Спинозой различие между общими понятиями (Notiones Communes) и абстрактными понятиями (Concepts Abstraits). В общих образах или понятиях второго рода (человек, лошадь, собака) удерживаются не внутренние структуры, но лишь внеш-

ние признаки, незначительные особенности, вариабельные характеристики, отбираемые в соответствии со специфическим опытом каждого индивида. Например, человек есть прямоходящее животное, животное, способное смеяться, двуногое, лишенное перьев, разумное и т.д. На основе такого рода понятий формируется первый род познания – *познание через беспорядочный опыт.* Естественные условия восприятия обрекают нас на формирование именно такого рода неадекватных идей.

В отличие от них существуют понятия, более или менее общие в силу того, что они выражают нечто общее между согласующимся друг с другом телами. От второго рода познания уже возможен переход к интуитивному познанию системы вечных истин, или корреляции Абсолютного с сущностью конечных существ. Ж. Делёз поясняет: «Общее понятие является репрезентацией композиции двух или нескольких тел, а также репрезентацией единства такой композиции» [236, с. 384]. Очевидно, что способность к пониманию и коммуникации, а также начала разногласия и непонимания основаны на такого рода понятиях, как, в свою очередь, и формирование таких понятий (второй род познания) основано на аффектах коммуникации. Тем самым, опыт социального общения ведет к онтологии, строящейся в непредикативных определениях, то есть в определениях, формирующихся через указание на совокупность, к которой принадлежит предмет определения.

Такого рода определения являются одной из центральных проблем в современной математической логике, и вместе с тем составляют характерную особенность языка китайской философии – полисемию и контекстуальность понятийных значений. В результате опоры на этико-ритуальные схемы и литературно-дидактическую традицию «значение философского термина становилось функцией того или иного сочетания его с другими терминами (определенного классификационного набора). Поэтому в различных сочетаниях он мог обозначать различные, порой даже противоположные, явления…» [237, с. 21]. Но благодаря этим особенностям стилистики философские понятия, оставаясь глубоко традиционными, становятся способными выразить уникальный личностный смысл, совмещать в себе различные предметные и смысловые уровни онтологии природно-космического и личностно-социального бытия.

СПИСОК ЦИТИРОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Дегтярев А.А.* Теория принятия политических решений в структуре социальных и управленческих дисциплин // Социс. – 2002. – № 6.

2. *Бек У.* Общество риска: На пути к другому модерну. – М.: Прогресс-Традиция, 2000.

3. Интернет-версия издания: Новая философская энциклопедия: в 4 т. 2-е изд., испр. и допол. – М.: Мысль, 2010 // http://iph.ras.ru/enc.htm

4. *Здравомыслов А.Г.* Социология конфликта. – М., 1994.

5. *Сериков А.* Информационные технологии социального хакерства // http://nefact.com/blog/metody-socialnoj-inzhenerii

6. *Резник Ю.М.* Социальная инженерия: предметная область и границы применения // http://www.socprob.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=579

7. *Резник Ю.М.* Социальная инженерия как профессия // Известия Томского политехнического университета. – 2011. – Т. 318. – № 6.

8. *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. Изд. 2-ое, испр. и доп. – М.: Academia, 2004.

9. *Овчинников Г.К.* Философия социальной инженерии // Известия МГИУ. – 2008. – 4 (13).

10. *Резник Ю.М.* Введение в социальную теорию. Социальная онтология. Пособие. – М.: Институт Востоковедения РАН, 1999.

11. *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М.: Медиум, 1995.

12. *Золотухина-Аболина Е.В.* Повседневность и другие миры опыта. – М.: ИКЦ «МарТ»; Ростов н/Д.: Издательский центр «МарТ», 2003.

13. *Резник Ю.М.* Социальная инженерия: технократизм или гуманистический подход? // Личность. Культура. Общество. – 1999, Т. I. Вып. 1. № 1–2.

14. *Щербина В.В.* Социолого-диагностические технологии: теоретико-методологические проблемы (окончание) // Личность. Культура. Общество. – 2004. – Вып. 2 (22).

15. *Резник Ю.М.* Институциональный подход в социальной инженерии // Социальная инженерия: Сборник трудов семинара / Под ред. Ю.М. Резника и В.В. Щербины. – М., 1996.

16. Социальная инженерия: Курс лекций. В 2-х ч. Часть 1. Теоретико-методологические проблемы / Под ред. Ю.М. Резника и В.В. Щербины. – М., 1994.

17. *Шушански Я.* Методология рационализации. – М., 1987.

18. *Дудченко В.С.* Программа инновационной игры. – Таллинн, 1989.

19. *Перлаки И.* Нововведения в организациях. – М., 1981.

20. Философский блог «Коммуника». – 2012. – 6 ноября // http://kommunika.ru/?p=5940

21. *Штомпка П.* Социология социальных изменений. – М.: Аспект Пресс, 1996.

22. *Кастельс М.* Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. – М.: Academia, 1999.

23. *Тард Г.* Социальная логика. – СПб.: Социально-психологический центр, 1996.

24. *Поппер К.Р.* Открытое общество и его враги. Т. 1: Чары Платона. – М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992.

25. *Поппер К.Р.* Письмо моим русским читателям // *Поппер К.Р.* Открытое общество и его враги. Т. 1: Чары Платона. – М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992.

26. *Поппер К.Р.* Открытое общество и его враги. Т. 2: Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы. – М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992.

27. *Кастельс М.* Могущество самобытности // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. – М.: Academia, 1999.

28. *Поппер К.Р.* Нищета историцизма // Вопросы философии. – 1992. – № 8.

29. *Иноземцев В.Л., Кузнецова Е.С.* Глобальный конфликт XXI в. (Размышления об истоках и перспективах межцивилизационных противоречий) // Полис. – 2001. – № 6.

30. *Панарин А.С.* Политология. О мире политики на Востоке и на Западе. – М.: Книжный дом «Университет», 1999.

31. *Лукач Д.* К онтологии общественного бытия. Пролегомены. – М.: Прогресс, 1991.

32. *Пятигорский А.М.* Реакция философии на тоталитаризм (Неметодологические заметки о возможности анархической философии) // *Пятигорский А.М.* Избранные труды. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.

33. *Панарин А.С.* Стратегическая нестабильность в XXI веке. – М.: Алгоритм, 2003.

34. *Пригожин И., Стенгерс И.* Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. – М.: Прогресс, 1986.

35. *Батыгин Г.С.* Метаморфозы утопического сознания // Квинтэссенция: Философский альманах, 1991. – М.: Политиздат, 1992.

36. *Аршабеков Н.Р.* Философия социальных изменений. – Караганды: Болашак-Баспа, 2006.

37. *Граждан В.Д.* Теория управления: Учебное пособие. – М.: Гардарики, 2004.

38. *Бусова Н.А.* Делиберативная модель демократии и политика интересов // Вопросы философии. – 2002. – № 5.

39. *Иванов Д.В.* Виртуализация общества – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2000.

40. *Лобанов В.В.* Государственное управление и общественная политика: Учебное пособие. – СПб.: Питер, 2004.

41. *Юнг К.Г.* Mysterium Coniunctionis. – М.: Рефл-бук; К.: Ваклер, 1997.

42. *Луман Н.* Тавтология и парадокс в самоописаниях современного общества // Социо-Логос. – М.: Прогресс, 1991.

43. *Бурдьё П.* Дух государства: генезис и структура бюрократического поля // Поэтика и политика (сборник статей). Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской Академии наук. – СПб.: Алетейя, 1999.

44. *Балуев Д.Г.* Введение в политический анализ. Учебное пособие. – Нижний Новгород: ННГУ, 2000.–http: // www.kis.ru/dbalu/order.html.

45. *Назарбаев Н.А.* Без подлинного конституционализма нет открытого цивилизованного общества // Современный Казахстан: экономика, политика, общество. Том 1. – Алматы: Институт развития Казахстана, 1997.

46. *Алексеева Т.А.* Демократия как идея и процесс // Вопросы философии. – 1996. – № 6.

47. *Кэмпбелл Дж.* Свобода и сообщество // Вопросы философии. – 1992. – № 12.

48. *Сартори Дж.* Искажение концептов в сравнительной политологии (III) // Полис. – 2003. – № 5.

49. *Тасмагамбетов И.Н.* Обновление социально-политической жизни общества – основа укрепления государственного строя // Современный Казахстан: экономика, политика, общество. Том 2. – Алматы: Институт развития Казахстана, 1997.

50. *Меркель В., Круассан А.* Формальные и неформальные институты в дефектных демократиях // Полис, 2002, № 2 (67).

51. *Арын Е.М., Абен Е.М., Галямова Д.Р. и др.* Реформирование структуры высших органов государственной власти в контексте модернизации политической системы Казахстана (1985–1998 гг.) // Евразийское сообщество, 1998, № 4 (24).

52. *Гельман В.Я.* Институциональное строительство и неформальные институты в современной российской политике // Полис. – 2003. – № 4.

53. *Даугавет А.Б.* Неформальные практики Российской элиты (апробация когнитивного подхода) // Полис, 2003, № 4.

54. *Черняховский С.Ф.* Иллюзия легитимности // Полис. – 1997. – № 1.

55. *Урбан М.* Социальные отношения и политические практики в посткоммунистической России // Полис. – 2002. – № 4.

56. *Кравченко И.И.* Рациональное и иррациональное в политике // Вопросы философии. – 1996. – № 3.

57. *Эндрейн Ч.Ф.* Сравнительный анализ политических систем. Эффективность осуществления политического курса и социальные преобразования. – М.: Издательский дом «ИНФПА-М», Издательство «Весь Мир», 2000.

58. *Бойков В.Э.* Государственная служба: взгляд изнутри и извне // Социс. – 2003. – № 9.

59. *Вебер М.* Политика как призвание и профессия // *Вебер М.* Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990.

60. *Переломов Л.С.* Конфуцианство и легизм в политической истории Китая. – М.: Наука, 1981.

61. *Грушин Б.А.* Массовое сознание: Опыт определения и проблемы исследования. – М.: Политиздат, 1987.

62. *Эко У.* Отсутствующая структура. Введение в семиологию. – СПб.: Симпозиум, 2004.

63. *Панарин А.С.* Народ без элиты. – М.: Алгоритм, Эксмо, 2006.

64. *Грачев Г.В., Мельник И.К.* Манипулирование личностью. – М.: Эксмо, 2003.

65. *Ильин М.В., Мельвиль А.Ю. Власть* // *Райгородский Д.Я.* Психология и психоанализ власти. Т. 1. Хрестоматия. – Самара: Издательский Дом «БАХРАХ», 1999.

66. *Беккариа Ч.* О преступлениях и наказаниях // Антология мировой политической мысли. В 5 т. Т. I. Зарубежная политическая мысль: истоки и эволюция. – М.: Мысль, 1997.

67. *Кара-Мурза С.Г.* Манипуляция сознанием. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2002.

68. *Мизес Л. фон.* Либерализм в классической традиции. – М.: ООО «Социум», ЗАО «Издательство «Экономика», 2001.

69. *Кант И.* Ответ на вопрос: что такое просвещение? // *Кант И.* Сочинения в шести томах. Том 6. – М.: Мысль, 1966.

70. *Макаревич Э., Карпухин О.* Игры интеллигентов, или Социальный контроль масс. – М.: Эксмо, 2003.

71. *Московичи С.* Век толп. Исторический трактат по психологии масс. – М.: Центр психологии и психотерапии, 1998.

72. *Аронсон Э.*, *Пратканис Э.Р.* Механизмы убеждения, повседневное использование и злоупотребление. Перераб. изд. – СПб.: прайм-ЕВРОЗНАК, 2003.

73. *Луман Н.* Власть. – М.: Праксис, 2001.

74. *Гидденс Э.* Элементы к теории структурации // Современная социальная теория: Бурдьё, Гидденс, Хабермас: Учебное пособие. – Новосибирск: Издательство Новосибирского университета, 1995.

75. *Ерофеев В.В.* «Воспитание» посредством идеологической речи (Обзор) // Образ человека XX века. Реферативный сборник. – М.: ИНИОН, 1988.

76. *Ле Бон Г.* Психология народов и масс. – СПб., 1995.

77. *Сморгунов Л.В.* Гуманитарные технологии и формирование политического события / http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2006/728

78. *Вершинская О.Н.* Информационно-коммуникационные технологии и общество. – М., 2007.

79. Окинавская хартия глобального информационного общества // Государственная политика информационной безопасности. – Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 2001.

80. *Чемякин Ю.В.* Политические коммуникации и информационная безопасность общества. Учебное пособие. – Екатеринбург, 2008.

81. *Бодрийяр Ж.* Реквием по масс-медиа // Поэтика и политика (сборник статей). Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии РАН. – СПб.: Алетейя, 1999.

82. *Луман Н.* Понятие риска // THESIS. – 1994. – Вып. 5.

83. *Дугин А.* Искусство смотреть телевизор (эссе о медиакратии) // Литературная газета, 25.12.2002.

84. *Швидунова А.* СМИ как объект политического процесса и инструмент политических технологий // www.pressclub.host.ru/techn_13.htm.

85. Понятие «свобода массовой информации» / http: // www.jourclub.ru/10/651

86. *Смолякова, В.В.* Имидж политического лидера в структуре коммуникативного пространства // Вестник МГУ. Серия 18. Социология и политология. 2000.

87. *Панарин А.С.* Философия политики. – М.: Новая школа, 1996.

88. *Светлов В.А.* Конфликт: модели, решения, менеджмент. – СПб.: Питер, 2005.

89. *Аристотель.* Политика // *Аристотель.* Сочинения: В 4-х т. Т. 4. – М.: Мысль, 1984.

90. *Касымжанов А.Х.* Пояснения и комментарии. Опыт авторецензии // *Касымжанов А.Х.* Пространство и время великих традиций. – Алматы: Казак университеті, 2001.

91. *Режабек Е. Я.* Приоритет общественного интеллекта в цивилизационном развитии общества // Постижение культуры. Концепции, дискуссии, диалоги. Ежегодник. Выпуск 7. Москва, 1998.

92. *Назарбаев Н.А.* Критическое десятилетие. – Алматы: Атамура, 2003.

93. *Назарбаев Н.А.* Стратегия радикального обновления глобального сообщества и партнерство цивилизаций. – Астана: ТОО АРКО, 2009.

94. World Development Indicators. 2009. – Washington: The World Bank, 2009.

95. *Бек У.* Что такое глобализация? – М.: Прогресс-Традиция, 2001.

96. *Панарин А.С.* Искушение глобализмом. – М.: Русский Национальный Фонд, 2000.

97. *Ленин В.И.* Империализм как высшая стадия капитализма // *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. Т. 27.

98. *Мартин Г.-П., Шуманн Х.* Западня глобализации: атака на процветание и демократию. – М.: Альпина, 2001.

99. *Бжезинский З.* Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. – М.: Междунар. отношения, 2005.

100. *Иноземцев В.Л.* Перспективы постиндустриальной теории в меняющемся мире // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. – М.: Academia, 1999.

101. *Ермолаев С.* Разруха в академических головах. Почему капиталистическое общество не может быть постиндустриальным / http://scepsis.ru/library/id_2012.html

102. *Бузгалин А.В.* «Постиндустриальное общество» – тупиковая ветвь социального развития? (критика практики тотальной гегемонии капитала и теорий постиндустриализма) // http://diploms96.ru/referaty-po-filosofii/1993-postindustrialnoeobschestvo-tupikovaja-vetv-sotsialnogo-razvitija.html

103. *Уткин А.И.* Мировой порядок XXI века. – М.: Эксмо, 2002.

104. Казахстан в условиях глобализации: философско-политологический анализ. – Алматы: Институт философии и политологии МОН РК, 2006.

105. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003.

106. *Хабермас Ю.* Вовлечение другого. Очерки политической теории. – СПб.: Наука, 2001.

107. *Яковец Ю.В.* Взаимодействие цивилизаций Востока и Запада: осевая проблема XXI века. Доклад к IV Международной Кондратьевской конференции и XV Междисциплинарной дискуссии. – М.: МФК, 2001.

108. *Иноземцев В.Л.* Расколотая цивилизация. – М.: Academia-Наука, 1999.

109. *Иноземцев В.Л.* Неизбежность монополюсной цивилизации // Мегатренды мирового развития. – М.: Экономика, 2001.

110. *Борцов А.* Миф постиндустриализма // http://zvezda.ru/antrop/2006/11/01/postindustrial.htm

111. *Зиновьев А.* Глобальное сверхобщество и Россия. – Мн.: Харвест, М.: АСТ, 2000.

112. Управление риском: Риск. Устойчивое развитие. Синергетика // http: // www.keldysh/ru/papers/2003/source/book/gmalin/titul/htm.

113. *Назарбаев Н.А.* Социальная модернизация Казахстана: Двадцать шагов к Обществу Всеобщего Труда / http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1341904080

114. *Гидденс Э.* Судьба, риск и безопасность // THESIS. – 1994. – Вып. 5.

115. Послание Президента Республики Казахстан–Лидера нации Н.А. Назарбаева народу Казахстана. Стратегия «Казахстан-2050». Новый политический курс состоявшегося государства // Казахстанская правда. – 2012. – 15 декабря.

116. *Петрова Т.А.* Информационные технологии в управлении политическими рисками. Дисс… канд. полит. наук. – М., 2006 // http://www.dslib.net/polit-instituty/petrova3.html

117. *Подколзина И.А.* Проблемы дефиниции и оценки политического риска // http://www.km.ru/referats/45BD5532EEF4462C8AAF9312645CFCAB

118. *Ельчанинов М.С.* Российская трансформация с точки зрения социальной синергетики // Социс, 2003, № 8.

119. *Почепцов Г.Г.* Стратегический анализ. – Киев: Дзвін, 2004.

120. *Белковский С.* Общая теория революции, или апология Луки // Независимая газета. 23.05.2005.

121. *Федорченко С.Н.* Современные технологии политического менеджмента: учебное пособие для вузов. – М.: Изд-во МГОУ, 2012.

122. *Марков С.* Цветная революция – это новый тип политических технологий по смене политической власти // Комсомольская правда. 15.11.2005.

123. Кадры для нового времени // Казахстанская правда, 19.06.2008

124. *Пушкарева Г.В.* Политический менеджмент: Учебное пособие. – М.: Дело, 2002 // http://yandex.kz/yandsearch?p=8&lr=162&text=

125. *Соловьев А.И.* Политология: Политическая теория, политические технологии: Учебник для студентов вузов. – М.: Аспект Пресс, 2000 // http://vret.info/rgh.php

126. *Векслер А.* История Public Relations: Попытка хронологии // Советник. 1998. № 9.

127. www.sovetnik.ru

128. *Почепцов Г.Г.* Паблик Рилейшнз, или Как успешно управлять общественным мнением. – М., 1998.

129. *Ковлер А.Н.* Основы политического маркетинга. – М., 1993.

130. *Самсонадзе Н.* Создание мифов, или Искусство управлять миром // Советник. 1998. № 7 (31).

131. *Гершевич О.С.* Особенности формирования имиджа политического лидера в современной России // Власть. – 2007. – № 3.

132. *Блэк С.* Паблик рилейшнс – что это такое? – М., 1990.

133. *Конотопов П.Ю.* Политические технологии – смена поколений // http // tiara.narod.ru/2002_3/a2002_3_2.html

134. *Мелконян Н.* СМИ как основной механизм актуализации политического имиджа // http: // pressclub.host.ru/techn_13.htm

135. *Шербинина Н.Г.* Героический миф в конструировании политической реальности в России. Автореферат дисс… докт. полит. наук. – М., 2008.

136. Политология. Учебник под редакцией Василика М.А. – М., 2001.

137. Политическое лидерство в современном Казахстане: методологические, методические и теоретические аспекты. – Алматы: Акыл кітабы, 1998.

138. Взгляд: 27.06.2008.

139. *Крэстэва А.* Власть и элита в обществе без гражданского общества // Социс. – 1996. – № 4.

140. *Ашин Г.К., Кравченко В.А., Лозанский Э.Д.* Социология политики. Сравнительный анализ российских и американских политических реалий. – М.: Экзамен, 2001.

141. *Ломов Н.М.* Политология. Практический аспект политической жизни общества. Вып. II. – М.: Моск. авиац. технол. ун-т им. К.Э. Циолковского, 1992.

142. *Семененко И.* Образы и имиджи в дискурсе национальной идентичности // Политическое образование, 2009-07-06 / www.lawinrussia.ru

143. Политическая имиджелогия (под ред. А.А. Деркача и др.). – М, 2006.

144. Психология восприятия власти / Под ред. Е.Б. Шестопал. – М.: Социально-политическая мысль, 2002.

145. *Мигранян А.* Россия в поисках идентичности. – М., 1999.

146. *Лотман Ю.М.* Бытовое поведение и типология культуры в России – М. 1976.

147. *Кошелюк М.Е.* Технологии политических выборов. – СПб.: «Питер», 2004.

148. Седьмой Евразийский Медиа Форум. Гид по конференции.

149. *Соловьев В.Ю., Пронин А.М.* Введение в основы политического консалтинга: Учебное пособие. – Пенза: Издательство Пензенского государственного университета, 2003.

150. *Гундарь О.Н.* Феномен политического лидерства в социальном контексте современности. Автореферат дисс… докт. филос. наук. – Ставрополь, 2001.

151. *Брюс Б.* Маркетинг власти // *Почепцов Г.Г.* Имидж: от фараонов до президентов. – Киев, 1997.

152. *Щербинина Н.Г.* Новые признаки лидерства в меняющемся мире // www.elitarium.ru

153. *Почепцов Г.Г.* Имидж: от фараонов до президентов. – Киев, 1997.

154. *Масанов Н.* Национальный политический диалог в Казахстане как механизм согласования интересов гражданского общества и повышения эффективности государственной политики. – Алматы, 2001.

155. *Валлерштайн И.* Анализ мировых систем: современное системное видение мирового сообщества // Социология на пороге XXI века: новые направления исследований. – М.: ИНТЕЛЛЕКТ, 1998.

156. *Жижек С.* Добро пожаловать в пустыню Реального. – М.: Фонд «Прагматика культуры», 2002.

157. *Шапиро И.* Переосмысливая теорию демократии в свете современной политики // Полис. – 2001. – № 5.

158. *Сморгунов Л.В.* Сравнительный анализ политико-административных реформ: от нового государственного менеджмента к концепции «governance» // Полис. – 2003. – № 4.

159. *Гессе Г.* Игра в бисер: Роман. – Харьков: Фолио; М.: ООО «Фирма "Издательство АСТ"», 2000.

160. *Бляхер Л.Е.* Нестабильные социальные состояния. – М.: РОССПЭН, 2005.

161. *Вержбицкий К.В.* Традиционные формы общения у римлян и оппозиция Юлиям-Клавдиям // Вестник Санкт-Петербургского университета, 1999. Серия 2, выпуск 2.

162. *Соловьев Э.Ю.* Прошлое толкует нас: (Очерки по истории философии и культуры). – М.: Политиздат, 1991.

163. *Фуко М.* Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. – СПб.: A-cad, 1994.

164. *Ницше Ф.* Так говорил Заратустра // *Ницше Ф.* Так говорил Заратустра. К генеалогии морали. Рождение трагедии. Воля к власти. Посмертные афоризмы. – Мн.: Харвест; М.: АСТ, 2000.

165. *Лакан Ж.* Ниспровержение субъекта и диалектика желания в бессознательном у Фрейда // *Лакан Ж.* Инстанция буквы, или судьба разума после Фрейда. – М.: Русское феноменологическое общество, издательство «Логос», 1997.

166. *Мамардашвили М.К.* Введение в философию // *Мамардашвили М.К.* Мой опыт нетипичен. – СПб.: Азбука, 2000.

167. *Соловьев Э.Ю.* Правовой нигилизм и гуманистический смысл права // Квинтэссенция: Философский альманах. – М.: Политиздат, 1990.

168. *Ледяев В.Г.* О сущностной оспариваемости политических понятий // Полис. – 2003. – № 2.

169. *Башляр Г.* Грезы о воздухе. Опыт о воображении движения. – М.: Издательство гуманитарной литературы, 1999.

170. *Маркс К.* Экономические рукописи 1857–1861 гг. (Первоначальный вариант «Капитала»). В 2-х ч. Ч. 1. – М.: Политиздат, 1980.

171. *Барт Р.* Риторика образа // *Барт Р.* Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1994.

172. *Хантингтон С.* Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. – М.: ООО «Изд-во АСТ»; ООО «Транзиткнига», 2004.

173. *Эпштейн М.Н.* Способы воздействия идеологического высказывания (Обзор) // Образ человека XX века. Реферативный сборник. – М.: ИНИОН, 1988.

174. *Жюльен Ф.* Путь к цели: в обход или напрямик. Стратегия смысла в Китае и Греции. – М.: Московский философский фонд, 2001.

175. *Лаоцзы.* Даодэцзин // Лаоцзы. Обрести себя в Дао. – М.: Республика, 2000.

176. http: // evartist.narod/ru/text/05.htm

177. *Жижек С.* От симптома Джойса к симптому власти / http: // www.lacan.com/frameXI2.htm

178. *Бьюкенен П. Дж.* Смерть Запада. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2004.

179. *Франк С.Л.* Непостижимое. Онтологическое введение в философию религии // *Франк С.Л.* Сочинения. – М.: Правда, 1990.

180. *Соловьев В.С.* Общий смысл искусства // *Соловьев В.С.* Стихотворения. Эстетика. Литературная критика. – М.: Книга, 1990.

181. *Розин В.* Семиотические исследования. – М.: ПЕР СЭ; СПб.: Университетская книга, 2001.

182. *Бурдьё П.* Практический смысл. – СПб.: Алетейя, 2001.

183. *Бергсон А.* Два источника морали и религии. – М.: Канон, 1994.

184. *Гартман Н.* Старая и новая онтология // Историко-философский ежегодник'88. – М.: Наука, 1988.

185. *Батищев Г.С.* Введение в диалектику творчества. – СПб.: РХГИ, 1997.

186. *Деррида Ж.* «Генезис и структура» и феноменология // *Деррида Ж.* Письмо и различие. – М.: Академический Проект, 2000.

187. *Хань фэй.* Хань Фэй-цзы // Антология мировой правовой мысли. В 5 т. Т. I. Античный мир и восточные цивилизации. – М.: Мысль, 1997.

188. *Этциони А.* Новое золотое правило. Сообщество и нравственность в демократическом обществе // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. – М.: Academia, 1999.

189. *Вебер М.* «Объективность» социально-научного и социально-политического познания // *Вебер М.* Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990.

190. *Августин Аврелий.* Исповедь. – СПб.: Азбука, 1999.

191. *Деррида Ж.* О грамматологии. – М.: Ad Marginem, 2000.

192. *Бодрийяр Ж.* Соблазн. – М.: Ad Marginem, 2000.

193. *Шестов Л.* Potestas clavium (Власть ключей) // *Шестов Л.* Сочинения в 2-х томах. Том 1. – М.: Наука, 1993.

194. *Ямпольский М.* Физиология символического. Книга 1. Возвращение Левиафана: Политическая теология, репрезентация власти и конец Старого режима. – М.: Новое литературное обозрение, 2004.

195. *Лаклау Э.* Невозможность общества // Логос, 2003. № 45 (39).

196. *Алшанов Р.* Вызовы мировой экономики. Современный кризис – волна за волной, или пять в одном. Часть 1-я // Казахстанская правда. – 2009. – 9 января.

197. *Лиотар Ж.-Ф.* Состояние постмодерна. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998.

198. *Дегтярев А.А.* Методологические подходы и концептуальные модели в интерпретации политических решений (III) // Полис. – 2003. – № 3.

199. *Жюльен Ф.* Трактат об эффективности. – М.-СПб.: Московский философский фонд, Университетская книга, 1999.

200. *Буров В.Г.* Модернизация тайваньского общества // www.abbyy.ru_/index_r.htm

201. *Конотопов Ю.А.* Проблема концептуального управления организационными и общественными системами // www.tiara.narod.ru.

202. *Гартман Н.* Проблема духовного бытия. Исследования к обоснованию философии истории и наук о духе // Культурология. XX век: Антология. – М.: Юрист, 1995.

203. *Лотман Ю.М.* Динамическая модель семиотической системы // *Лотман Ю.М.* Семиосфера. – СПб.: Искусство-СПБ, 2000.

204. *Хайдеггер М.* Кант и проблема метафизики. – М.: Логос, 1997.

205. *Хайдеггер М.* Бытие и время. – М.: Ad Marginem,1997.

206. *Хайдеггер М.* Европейский нигилизм // *Хайдеггер М.* Время и бытие: Статьи и выступления. – М.: Республика, 1993.

207. *Сартр Ж.П.* Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии. – М.: Республика, 2000.

208. *Соловьев В.С.* Красота в природе // *Соловьев В.С.* Стихотворения. Эстетика. Литературная критика. – М.: Книга, 1990.

209. *Гайденко В.П., Смирнов Г.А.* Западноевропейская наука в средние века: Общие принципы и учение о движении. – М. Наука, 1989.

210. *Лотман Ю.М.* О типологическом изучении культуры // *Лотман Ю.М.* Семиосфера. – СПб.: Искусство-СПБ, 2000.

211. *Смирнов А.В.* Соизмеримы ли основания рациональности в разных философских традициях? Сравнительное исследование зеноновских апорий и учений раннего калама // Сравнительная философия. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2000.

212. *Хамидов А.А.* Философия Востока и философия Запада: к определению мировоззренческой валидности // Вопросы философии. – 2002. – № 3.

213. *Ясперс К.* Лаоцзы // Лаоцзы. Обрести себя в Дао. – М.: Республика, 2000.

214. *Джон Ди.* Иероглифическая монада // Герметизм, магия, натурфилософия в европейской культуре XIII–XIX вв. – М.: Канон+, 1999.

215. *Юнг К.Г.* Попытка психологического истолкования догмата о Троице // *Юнг К.Г.* Ответ Иову. – М.: ООО Фирма «Издательство АСТ», Канон+, 1988.

216. *Хайдеггер М.* Вещь // *Хайдеггер М.* Время и бытие: Статьи и выступления. – М.: Республика, 1993.

217. *Подорога В.А.* Выражение и смысл. Ландшафтные миры философии: С. Киркегор, Ф. Ницше, М. Хайдеггер, М. Пруст, Ф. Кафка. – М.: Ad Marginem, 1995.

218. *Флоренский П.А.* Столп и утверждение истины. Том 1 (1). – М.: Правда, 1990.

219. *Ницше Ф.* Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей // *Ницше Ф.* Так говорил Заратустра. К генеалогии морали. Рождение трагедии. Воля к власти. Посмертные афоризмы. – Мн.: Харвест; М.: АСТ, 2000.

220. *Доброхотов А.Л.* Категория бытия в классической западноевропейской философии. – М.: МГУ, 1986.

221. *Роули Дж.* Принципы китайской живописи. – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1989.

222. *Делёз Ж.* Логика смысла // *Делёз Ж.* Логика смысла. *Фуко М.* Theatrum philosophicum. – М.: Раритет, Екатеринбург: Деловая книга, 1998.

223. *Платон.* Парменид // *Платон.* Федон, Пир, Федр, Парменид. – М.: Мысль, 1999.

224. *Малявин В.В.* Китайская цивилизация. – М.: ИПЦ «Дизайн. Информация. Картография»; ООО «Издательство Астрель»; ООО «Издательство АСТ», 2001.

225. *Куртц П.* Мужество стать: Добродетели гуманизма // Здравый смысл. Журнал скептиков, оптимистов и гуманистов. Специальный выпуск. – М.: Российское гуманистическое общество, 2000.

226. *Хёйзинга Й.* Осень Средневековья. – М.: Наука, 1988.

227. *Реале Дж., Антисери Д.* Западная философия от истоков до наших дней. I. Античность. – СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1994.

228. *Лысенко В.Г.* Компаративная философия в России // Сравнительная философия. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2000.

229. *Бонавентура Д.* Путеводитель души к Богу // Вопросы философии. – 1993. – № 8.

230. *Леви-Строс К.* Структурная антропология. – М.: Главная редакция восточной литературы, 1985.

231. *Башляр Г.* Вода и грезы. Опыт о воображении материи. – М.: Издательство гуманитарной литературы, 1998.

232. *Гершензон М.* Гольфстрем // Лики культуры: Альманах. Том первый. – М.: Юрист, 1995.

233. *Свасьян К.А.* Освальд Шпенглер и его реквием по Западу // *Шпенглер О.* Закат Европы. Очерки по морфологии мировой истории. 1. Гештальт и действительность – М.: Мысль, 1993.

234. *Делёз Ж., Гваттари Ф.* Что такое философия? – М.: Институт экспериментальной социологии, СПб.: Алетейя, 1998.

235. *Малявин В.В.* Послесловие переводчика // *Роули Дж.* Принципы китайской живописи.

236. *Делёз Ж.* Спиноза // *Делёз Ж.* Эмпиризм и субъективность: опыт о человеческой природе по Юму. Критическая философия Канта: учение о способностях. Бергсонизм. Спиноза. – М.: ПЕР СЭ, 2001.

237. *Кобзев А.И.* Особенности философской и научной методологии в традиционном Китае // Этика и ритуал в традиционном Китае. Сборник статей. – М.: Наука, 1988.

238. *Панарин А.С.* Глобальное политическое прогнозирование. – М.: Алгоритм, 2002.

239. Итоги. – 1999. – № 39.

240. *Дарендорф Р.* Тропы из утопии. – М.: Праксис, 2002.

241. *Дюрант В.* Цезарь и Христос. – М.: КРОН-ПРЕСС, 1995.

242. *Барт Р.* Литература и метаязык // *Барт Р.* Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1994.

243. *Бодрийяр Ж.* Система вещей. – М.: Рудомино, 1999.

Қазақстан Республикасы
Білім және ғылым министрлігі Ғылым комитетінің
Философия, саясаттану және дінтану институты
туралы мәлімет

Институт 1999 жылдың ақпан айында 1958 жылы ашылған Философия және құқық институтының және 1991 жылғы Философия институтының негізінде құрылды. Ол 2012 жылдың мамыр айында ҚР Үкіметінің қаулысымен Философия, саясаттану және дінтану институты болып қайта аталды.

Институттың мемлекеттік ғылыми-зерттеу мекеме ретіндегі негізгі міндеттері қазіргі қазақстандық қоғамның зияткерлік және рухани-адамгершілік әлеуетін дамытуға бағытталған философиялық-дүниетанымдық, философиялық-әдіснамалық, саясаттанулық, дінтанулық және әлеуметтанулық зерттеулер жүргізу болып табылады.

Бүгінде Философия, саясаттану және дінтану институты жоғары кәсіби ғылыми-зерттеу орталығы болып табылады. Институт оның құрылымын айқындайтын үш басты бағыт бойынша жұмыс істейді: философия, саясаттану және дінтану. Онда ҚР ҰҒА 1 академигі, 2 корреспондент мүшесі, 20 ғылым докторы, 11 ғылым кандидаты, 10 докторант (PhD) ғылыми-зерттеу жұмыстарын жүргізеді. Институт 2012–2014 жылдарға арналған гранттық қаржыландыру шеңберінде «Елдің зияткерлік әлеуеті» басым бағыты бойынша 24 ғылыми-зерттеу жобасын орындап, «Ғылыми қазына» салааралық ғылыми бағдарламасы аясында зерттеулер жүргізіп келеді.

Институт қызметкерлері саясат, ғылым, білім беру, мәдениет, дін, қазақ және әлемдік философия мәселелері бойынша монографиялар мен ғылыми мақалалар жариялайды. Институт қызметкерлерінің ғылыми жарияланымдары таяу және алыс шетелдердің ғылыми рейтингтік басылымдарында сұранысқа ие.

Институт «Мәдени мұра» бағдарламасының шеңберінде «Шығыс Аристотелі» – әл-Фарабидің шығармалар жинағын (10 том), «Әлемдік философиялық мұраны» (20 том), «Қазақ халқының философиялық мұрасын» (20 том) шығарды.

Институт екі журнал шығарады: «Адам әлемі» (1999 жылдан бері) және «Әл-Фараби» (2003 жылдан бері). Қазақ, орыс және ағылшын тілдеріндегі Институттың өз сайты бар.

Институт үнемі халықаралық ғылыми конференциялар, дөңгелек үстелдер, семинарлар, пікірталас алаңдарын өткізіп тұрады. Бұл іс-шараларға қазақстандық және шетелдік ғалымдар қатысады.

Институт Ресейдің, Беларустің, Әзірбайжанның, Қырғызстанның, Қытайдың, Германияның, АҚШ-ң, Түркияның, Иранның, Өзбекстанның,

Тәжікстанның және басқа да елдердің ғылыми-зерттеу орталықтарымен тығыз ынтымақтастық орнатқан.

Философия, саясаттану және дінтану институтының базасында әл-Фараби атындағы ҚазҰУ, Абай атындағы ҚазҰПУ, Абылай хан атындағы ҚазХҚжӘТУ, ҚазКжҚҚА және т. б. тәрізді басты қазақстандық жоғары оқу орындарының студенттері, магистранттары және докторанттар (PhD) тағылымдама мен диплом алдындағы практикасын өткізеді.

Институтта қызметкерлердің кәсіби және ғылыми тұрғыда өсуі үшін барлық қажетті жағдайлар жасалған.

Философия, саясаттану және дінтану институты туралы анағұрлым кең ақпаратты мына мекен-жайдан алуға болады:

Қазақстан Республикасы, 050010, Алматы,
Құрманғазы көшесі, 29 (3 қабат)
Тел.: +7(727) 272-59-10
Факс.: +7(727) 272-59-10
E-mail: iph@iph.kz
http://www.iph.kz

Информация об Институте философии, политологии и религиоведения Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан

Институт был образован в феврале 1999 г. на базе созданного в 1958 г. Института философии и права, преобразованного в 1991 г. в Институт философии. В мае 2012 г. постановлением Правительства он был переименован в Институт философии, политологии и религиоведения.

Основной задачей Института как государственного научно-исследовательского учреждения является проведение философско-мировоззренческих, философско-методологических, политологических, религиоведческих и социологических исследований, направленных на развитие интеллектуального и духовно-нравственного потенциала современного казахстанского общества.

Сегодня Институт философии, политологии и религиоведения является высокопрофессиональным научно-исследовательским центром. Институт работает по трем ключевым направлениям, определяющим его структуру: философия, политология и религиоведение. Здесь проводят научные исследования 1 академик, 2 члена-корреспондента НАН РК, 20 докторов и 11 кандидатов наук, 10 докторантов PhD. В Институте выполняется 24 научно-исследовательских проекта в рамках грантового финансирования на 2012–2014 годы по приоритету «Интеллектуальный потенциал страны», ведется работа в рамках междисциплинарной научной программы «Ғылыми қазына».

Сотрудниками издаются монографии и научные статьи по проблемам политики, науки, образования, культуры, религии, казахской и мировой философии. Научные публикации сотрудников Института востребованы в научных рейтинговых изданиях ближнего и дальнего зарубежья.

В рамках программы «Культурное наследие» Институтом изданы собрание сочинений «Аристотеля Востока» – аль-Фараби (10 томов), «Мировое философское наследие» (20 томов), а также «Философское наследие казахского народа» (20 томов).

Издаются два журнала: «Адам әлемі» (с 1999 г.) и «Аль-Фараби» (с 2003 г.). Институт располагает собственным сайтом на трех языках: казахском, русском и английском.

Институт регулярно проводит международные научные конференции, «круглые столы», семинары, дискуссионные «площадки», в которых принимают участие казахстанские и зарубежные ученые. Институт тесно со-

трудничает с крупнейшими научно-исследовательскими центрами России, Белоруссии, Азербайджана, Кыргызстана, Китая, Германии, США, Турции, Ирана, Узбекистана, Таджикистана и других стран.

На базе Института философии, политологии и религиоведения проходят стажировку и преддипломную практику студенты, магистранты и докторанты (PhD) ведущих казахстанских высших учебных заведений, таких, как КазНУ им. аль-Фараби, КазНПУ им. Абая, КазУМОиМЯ им. Абылай хана, КазАТиСО и др.

В Институте созданы все необходимые условия для профессиональной работы и научного роста сотрудников.

Более подробную информацию об Институте философии, политологии и религиоведения можно получить по адресу:

Республика Казахстан, 050010
Алматы, ул. Курмангазы, 29 (3 этаж)
Тел.: +7(727) 272-59-10
Факс.: +7(727) 272-59-10
E-mail: iph@iph.kz
http://www.iph.kz

Information about the Institute of Philosophy, Political Science and Religion Studies of Committee Science of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan

The Institute was established in February 1999 on the base of established in 1958 the Institute for Philosophy and Law, and the Institute for Philosophy in 1991. By the Decree of Kazakhstan Government in 31 May, 2012, Institute was renamed to Institute for Philosophy, Political Science and Religion Studies.

The main objectives of the Institute as a public research institution are conducting of philosophicalworld outlook, philosophical-methodological, political studies, religion studies and sociological studies aimed at social-cultural and soc ialpolitical development and strengthening the independence of Republic of Kazakhstan, development its intellectual and spiritual-moral potential.

Institute of Philosophy, Political Science and Religion Studies is a highly skilled scientific research center. Institute has a three key directions that define its structure: philosophy, political science and religion studies. Currently, 1 academician, 2 correspondent member of National Academy of Science of RK, 20 doctors of Science, 11 candidates in science, 10 PhD doctorate candidates are conducting research works.

24 scientific-research projects within the framework of grant financing for 2012–2014 years on priority of «Intellectual potential of the country» are being conducted, also the works within the framework of interdisciplinary scientific program «Gilimy kazyna» are being carried out.

Institute employees publish the monographies and articles on important issues of politics, science, education, religion, culture, Kazakh and world philosophy, etc. The quality of scientific publications of the Institute is determined by the emand for scientific articles in rating' journals of near and far abroad.

Under the «Cultural Heritage» State Program ten-volume collection of works called «Aristotle of the East» – al-Farabi, twenty volumes «World philosophical heritage», twenty volumes «The Philosophical Heritage of the Kazakh nation», and other books were published by the Institute.

Institute publishes two magazines: «Adam alemi» and «Al-Farabi» (in Russian and Kazakh). The Institute has its own website in three languages: Kazakh, Russian and English.

Institute of Philosophy, Political Science and Religion Studies science regularly organizes international scientific conferences, seminars, «round tables», where not only leading Kazakhstani political scientists and philosophers, but also many scientists from foreign countries are participants.

Institute has cooperation with scientific-research centers of Russia, China, Germany, the USA, Turkey, France, the Great Britain, Iran, Azerbaijan, Uzbekistan, Tajikistan, Kyrgyzstan, Belarus and others.

Undergraduate students, Master's degree and Doctorate students from leading Kazakh universities, such Al-Farabi KazNU, Abai KazNPU, Abylaikhan KazUIR& WL, KazATiSO are conducting their research work and are trained at the Institute for Philosophy, Political Science and Religion Studies.

The Institute has created all necessary conditions for professional and scientific development of employees.

More detailed information about the Institute for Philosophy, Political Science and Religion Studies can be found at:

Kurmangazy Street, 29 (3rd floor)
Almaty, 050010, Republic of Kazakhstan
Phone: +7 (727) 272-59-10
Fax: +7 (727) 272-59-10
E-mail: iph@iph.kz

Научное издание

Владимир Дунаев
Валентина Курганская

СОЦИОИНЖЕНЕРНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В УПРАВЛЕНИИ ТРАНСФОРМАЦИЯМИ КАЗАХСТАНСКОГО СОЦИУМА

Монография издана в авторской редакции

Компьютерный дизайн и верстка ***Г. Нусипова***

Подписано в печать 9.12.2013.
Формат 170x240 $^{1}/_{16}$
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 22,12. Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии «ИП Волкова Н.А.»
г. Алматы, пр. Раймбека, 212/1.